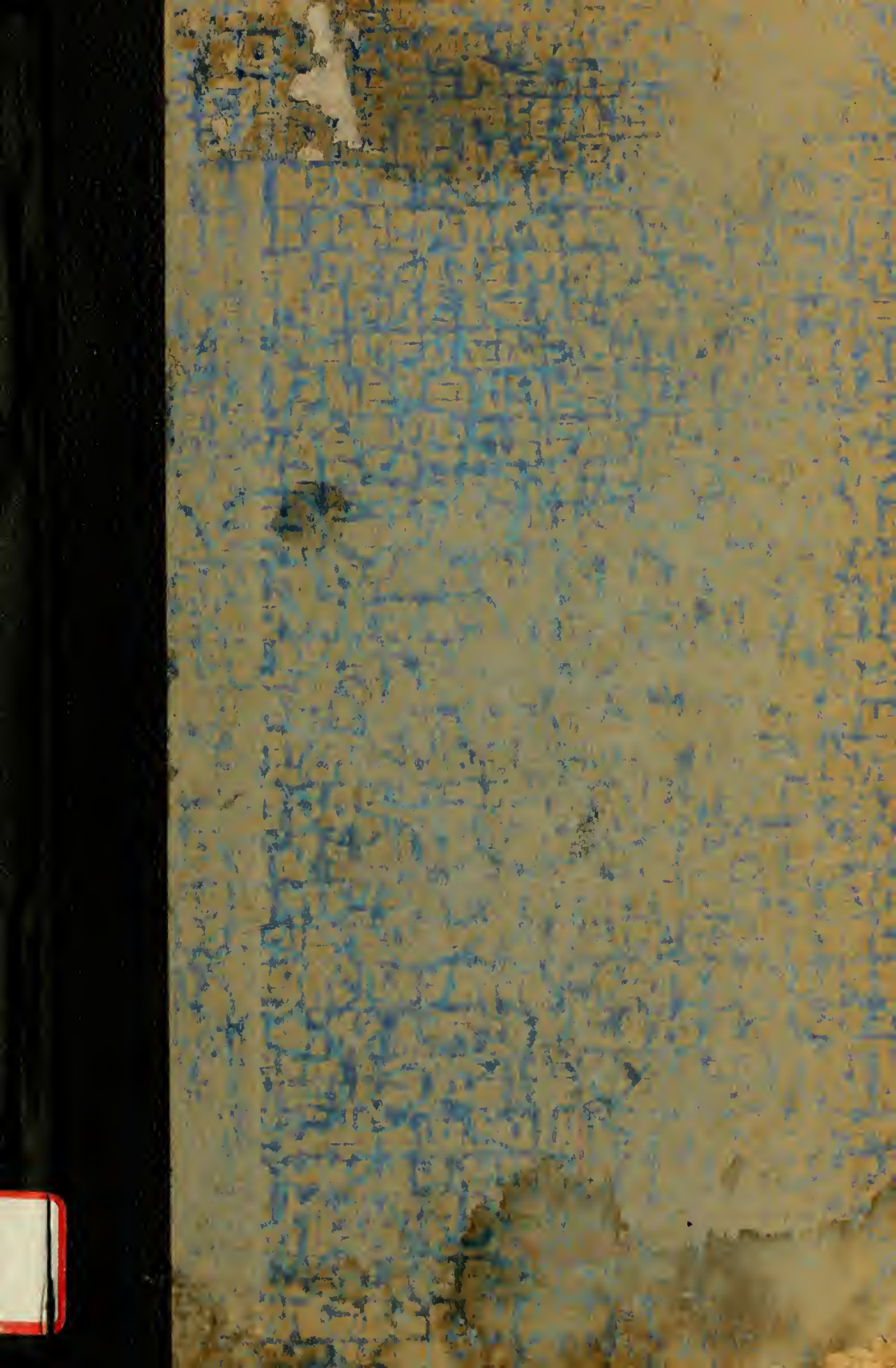

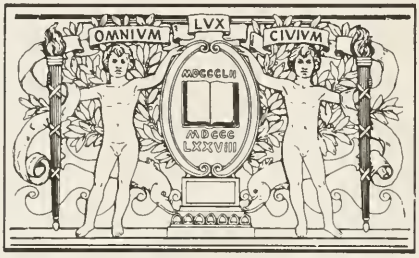

BOSTON
PUBLIC
LIBRARY

БОРИСЪ АЛМАЗОВЪ

РАСПУТИНЪ И РОССІЯ

B. P. PROTOPOPOFF
Papeterie-Librairie
Bibliothèque Russe
6, Place Franklin, 6
NICE

Борисъ Алмазовъ.

РАСПУТИНЪ
И
РОССІЯ.

(ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.)

ПРАГА.
1922 г.

Almazov, Boris Nikolaevich
Rasputin i Rossiia,
DK 254
.R3 A6
R1.

Типографія „Грюнхутъ“, Praha V., Maiselova ul. č 17.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Григорій Распутинъ — это врядъ-ли не самая громоздкая часть россійской исторіи дореволюціоннаго періода. О немъ, какъ о личности — писали уже по всячески, использовавъ его, какъ тему для злободневныхъ романовъ, памфлетовъ, повѣстей — подъ разными кричащими заголовками.

Но почти всѣ произведенія о Распутинѣ, вся литература, съ его именемъ связанная, носитъ характеръ отдѣльныхъ эпизодовъ изъ личной, зачастую — даже интимной, жизни этого „россійскаго сверхчеловѣка", какъ въ свое время называли Распутина въ Европѣ.

Періодически появлявшіяся въ повременной печати отрывочныя о Распутинѣ свѣдѣнія не посвящались, однако, исторіи о немъ, а всегда приводились какъ-то попутно, когда основной темой служили: или послѣдній періодъ царствованія Николая II, или даже паденіе династіи.

Въ первый періодъ революціи новообразовавшееся Временное Правительство занялось исторіей о Распутинѣ, вѣрнѣе — изслѣдованіями въ этой области. Была образована даже спеціальная комиссія, которая тщательно начала собирать всѣ относящіеся къ распутинской эпохѣ и связанные съ нею матеріалы.

Изъ всѣхъ правительственныхъ учрежденій, отъ синода и до сыскной полиціи, изъ дворцовыхъ архивовъ и у частныхъ лицъ, всюду, гдѣ только оказывались имѣющіе отношеніе къ Распутину матеріалы — всѣ они собирались и группировались комиссіей, чтобы по нимъ составить изслѣдованіе всей эпопеи „распутиніады".

Тутъ были и дневники царскосельскаго дворца, и протоколы петербургской сыскной полиціи, донесенія агентовъ, у которыхъ Распутинъ былъ „въ наблюденіи", всевозможныя „досье" департамента полиціи, и отдѣльныя

порою весьма характерныя донесенія петербургскаго охраннаго отдѣленія, уцѣлѣвшія благодаря тому только, что задолго до революціи и сожженія охраннаго отдѣленія они въ копіяхъ переданы были, въ зависимости отъ ихъ содержанія, въ синодъ или департаментъ полиціи, а частью и въ министерство юстиціи.

Но и всѣ эти матеріалы, всегда специфическіе по содержанію, были вмѣстѣ съ тѣмъ всегда односторонни. Въ нихъ, если и были слѣды огромнаго вліянія Распутина на ходъ государственной жизни страны, заключавшіеся въ письмахъ премьера Б. С. Штюрмера, министра А. Д. Протопопова и даже лицъ царствующаго дома къ Распутину или его писемъ къ нимъ, то все это являлось уже не симптомами, а слѣдствіемъ его вліянія и могло служить только подтвержденіемъ факта, ставшаго аксіомой.

Несомнѣнно, что болѣе интересной областью явилось бы изслѣдованіе коренныхъ причинъ вліянія простого, необразованнаго, даже малограмотнаго сибирскаго мужика, ставшаго неожиданно всемогущимъ и имѣвшаго безспорное вліяніе на всѣ важныя событія, исходившія изъ нѣдръ Царскаго Села.

И только нынѣ, когда значительно улеглись страсти, „распутиніаду“ стали разсматривать, какъ слѣдствіе, ища причинъ этой ужасной эпохи уже не въ самомъ Распутинѣ, а въ исторіи Россійскаго Двора за время царствованія Николая II, съ самаго начала вступленія своего на престолъ окружавшаго себя и весь Дворъ таинственными вѣщателями, гипнотизерами, предсказателями, монахами и юродивыми, кликушами и оккультистами, которые, подобно министру А. Д. Протопопову, посредствомъ вращающихся столовъ, вызывали духовъ, покойниковъ съ того свѣта и медіумовъ, зачастую рѣшавшихъ участь сложнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ.

Профессоръ Шенкъ изъ Вѣны, долгое время гипнотизировавшій Царя и Царицу и оказавшійся просто „ловкимъ дѣльцомъ“, чтобы не сказать болѣе, французъ-гадальщикъ Папюсъ, изображавшій собой „живой оракулъ“, и, наконецъ, ліонскій — масонъ Филиппъ — все это были люди, производившіе каждый свой опытъ надъ царемъ и царицей и такъ или иначе подчинявшіе ихъ временно своему вліянію. Каждый въ отдѣльности періодически имѣлъ свое и зачастую огромное вліяніе на царя и пред-

принимавшіеся имъ въ тѣ времена шаги чисто государственнаго и порою весьма важнаго значенія.

Въ теченіе всего времени царствованія Николая II его окружала цѣлая сѣть „внушителей", державшихъ его въ своемъ подчиненіи, цѣлый „колдовской кружокъ", составъ котораго, правда, часто мѣнялся, но самый кружокъ росъ, вмѣстѣ съ ростомъ кружка росло его вліяніе, а съ нимъ — и власть.

Основателемъ, или прародителемъ этого колдовского кружка въ свое время былъ министръ В. К. фонъ-Плеве. Онъ же и былъ главнымъ руководителемъ его. И не этимъ ли слѣдуетъ объяснить то огромное вліяніе на царя и то безотчетное довѣріе, которымъ пользовался В. К. фонъ-Плеве.

На смѣну пришли другіе внушители, пока, — наконецъ, въ придворный кружокъ пробрались и лица духовнаго званія. Изъ числа послѣднихъ — наиболѣе яркими представителями были: Гермогенъ, Иліодоръ, Ѳеофанъ, Питиримъ, иниціаторы и создатели отнынѣ знаменитаго „кружка графини Игнатьевой".

Вотъ этотъ то кружокъ, задавшись вполнѣ опредѣленными и исключительно политическими цѣлями, пускалъ въ ходъ „своихъ" людей, чтобы такимъ путемъ закрѣпить надолго свое вліяніе. И кругъ своихъ дѣяній кружокъ гр. Игнатьевой завершилъ Григоріемъ Распутинымъ, который очень скоро занялъ самостоятельное положеніе, сталъ, что называется „на собственныя ноги", обрѣлъ себѣ новыхъ помощниковъ, какъ изъ среды членовъ „кружка", такъ и внѣ его, образовалъ новый, собственный кружокъ, который окончательно завладѣлъ волею Царя и Царицы и въ концѣ концовъ ихъ и погубилъ.

Незадолго до революціи далекіе отъ всей дворцовой „распутинской" „мистической политики", нѣкоторые представители павшей династіи полагали, что достаточно дворцоваго переворота, чтобы избавить катившуюся по наклонной плоскости Россію отъ угрожавшей ей печальной участи, которую, кстати сказать, многіе изъ нихъ предвидѣли и открыто предсказывали.

Но, усматривая корень зла въ Царѣ, Царицѣ и Распутинѣ, они, по свойственной имъ тогда психологіи, совершенно не задумались надъ тѣмъ, что дѣло вовсе не въ личностяхъ, а въ тѣхъ особенностяхъ, создавшихъ на протяженіи вѣковъ условія, при которыхъ верховная власть зачастую бывала игрушкой въ рукахъ мистически на-

строенныхъ, или умышленно настраивавшихъ себя, приближенныхъ, создавшихъ каждый свою эпоху и сносившихъ, какъ они это старались доказать, на укрѣпленіе самодержавія, тяжелые камни своего вѣрноподданичества престолу.

При этихъ условіяхъ строившійся ими укрѣпленный „домъ самодержавія“ оказался „карточнымъ домикомъ“, рухнувшимъ при первомъ слабомъ къ нему прикосновеніи, рухнувшимъ благодаря тому только, что строители его были люди вполнѣ безотвѣтственные и все дѣлали „на авось“, временно, руководствуясь болѣе своими личными, эгоистическими цѣлями, далекими отъ цѣлей государственныхъ.

За этихъ-то безотвѣтственныхъ вершителей судебъ государства всю тяжелую отвѣтственность понесла верховная власть, подчинявшаяся долгое время безотвѣтственному ихъ вліянію.

Должно-ли при такомъ положеніи вещей всецѣло обвинять во всемъ одного Распутина, забравшагося на свою высоту не по собственной волѣ, а подталкиваемаго одними, кто въ немъ видѣлъ источникъ своихъ достиженій, и подтягиваемаго другими, кои, будучи уже у власти, видѣли въ немъ залогъ своего дальнѣйшаго процвѣтанія; забравшагося для того только, чтобы такъ безславно завершить кругъ своего вліянія, расплатившись собственной жизнью за временную и, допустимъ, сомнительную славу и чуть ли не всемірную извѣстность.

Умышленно игнорируя личную жизнь Григорія Распутина и совершенно обходя ставшія притчей во языцѣхъ интимныя ея стороны, я въ своей книгѣ „Распутинъ и Россія“ привожу только тѣ факты, которые имѣютъ прямое или косвенное отношеніе, какъ доказательства его вліянія на дѣла чисто государственнаго значенія, чѣмъ, думается, рельефнѣе выявляется эта громоздкая фигура россійской дореволюціонной современности, фигура, принесшая послѣдній камень на укрѣпленіе самодержавія, камень, тяжестью своей раздавившій и разрушившій всю, тщательно сооружавшуюся вѣками постройку, бреши и трещины коей, совершенно незамѣченныя строителями, и привели въ концѣ концовъ къ катастофѣ.

Вся книга „Распутинъ и Россія“, отъ біографіи Распутина, его появленія на общественно-политическомъ горизонтѣ и до момента его убійства — всѣ эти данныя —

не болѣе какъ хроника семилѣтней распутинской эпохи, хроника, ставшая нынѣ исторической.

И въ этомъ основное стремленіе всего моего труда.

БОРИСЪ АЛМАЗОВЪ.

Иртенбергъ (близъ Вѣны).
Октябрь, 1921 г.

Не Распутинъ создалъ эпоху.
а эпоха создала его...
А. КОНИ.

Если бы Распутина не было,
его пришлось бы выдумать...
А. ТАГАНЦЕВЪ.

I.

Когда въ періодъ борьбы Правительства съ Госуд. Думой, премьеръ-министръ П. А. Столыпинъ издалъ, на основаніи ст. 87, извѣстный избирательный законъ, отъ 3 іюня, о новомъ порядкѣ выборовъ въ Госуд. Думу, законъ, имѣвшій основной своей цѣлью лишить извѣстную часть населенія избирательныхъ правъ и тѣмъ самымъ профильтровать составъ будущей, третьей, Госуд. Думы, монархическія организаціи, получившія въ первыхъ двухъ Госуд. Думахъ незначительное число мѣстъ, подбодренныя новымъ закономъ, энергично стали готовиться къ предстоящимъ выборамъ.

Созванный въ связи съ надвигавшимися выборами всероссійскій съѣздъ монархическихъ организацій въ Москвѣ, обсудивъ выборный „законъ 3 іюня", пришелъ къ заключенію, что даже и при новомъ законѣ, побѣда монархистовъ на выборахъ въ столицахъ не можетъ считаться обезпеченной, почему и постановлено было резолютивно все вниманіе и энергію обратить на провинцію, предоставивъ исходъ выборовъ въ столичныхъ районахъ естественному теченію. Монархистами учитывалась также и правительственная точка зрѣнія, что Госуд. Дума нужна — крестьянская, правая и даже умѣренная, но отнюдь не революціонно настроенная, подобно крестьянскимъ депутатамъ первыхъ двухъ Госуд. Думъ, образовавшимъ полуреволюціонную крестьянскую Трудовую Группу.

Объединенныя монархическія организаціи, вступившія на время выборовъ въ блокъ съ общедворянской организаціей, принявшей на Дворянскомъ Съѣздѣ въ Петербургѣ резолюцію Московскаго съѣзда монархистовъ, выработали рядъ плановъ предвыборной агитаціи по провинціи. Однимъ изъ основныхъ и принятымъ единогласно, былъ планъ московскаго профессора Морозова — о посылкѣ агитаторовъ по провинціи, съ цѣлью распропаган-

дировать крестьянъ на мѣстахъ путемъ убѣжденія ихъ, что землю крестьянину можетъ дать только крестьянинъ, а не правительство, которое само безсильно надѣлить крестьянъ землей безъ санкціи Госуд. Думы. А вѣчныя препирательства между Госуд. Думой и Правительствомъ мѣшаютъ совмѣстной работѣ и тѣмъ самымъ лишаютъ крестьянъ земли, отодвигая аграрный законопроектъ съ сессіи на сессію, затягивая его до безконечности.

Въ соотвѣтствующемъ духѣ проф. Морозовымъ была составлена и агитаціонная литература въ видѣ брошюрокъ и листовокъ, и первымъ агитаціоннымъ вояжеромъ избранъ былъ союзомъ монархистовъ извѣстный миссіонеръ, протоіерей Восторговъ.

Пользуясь покровительствомъ правительства, Центральный Комитетъ монархическихъ организацій обставилъ турнэ протоіерея Восторгова съ нѣкоторой, чисто оффиціозной, торжественностью. Избравъ въ первую очередь маршрутъ по Волгѣ, сѣверу Россіи и Сибири, по всему пути слѣдованія дано было заблаговременно знать о прибытіи прот. Восторгова, и мѣстныя власти во главѣ съ монархическими организаціями встрѣчали его торжественно, съ депутаціями, на вокзалахъ. Всюду, куда прибывалъ прот. Восторговъ, духовенство въ соборахъ и церквахъ устраивало спеціальныя службы, а свѣтская власть — митинговыя собранія, на которыхъ съ докладами выступалъ прот. Восторговъ.

Объѣздивъ крупные центры, прот. Восторговъ сталъ забираться и въ медвѣжьи углы необъятной Россіи. Тутъ уже торжественныя обстановки губернскихъ и большихъ уѣздныхъ пунктовъ смѣнились простыми, по долгу службы, встрѣчами исправниковъ и становыхъ приставовъ, а большія общія собранія — обыкновенными сходами крестьянъ, которые сгонялись сельскими старостами, сотскими, десятскими и прочими должностными лицами, по приказанію непосредственнаго высшаго начальства, въ помѣщеніе волостного правленія.

Протоіерей Восторговъ, какъ бывшій миссіонеръ, не лишенный ораторскаго дарованія, миссіонерствовавшій послѣдніе годы исключительно въ крестьянскомъ населеніи, среди коего сектантство, отъ духоборщины и до хлыстовщины, стало одно время принимать угрожающіе размѣры, не безъ успѣха выполнялъ возложенную на него задачу. Въ иныхъ мѣстахъ крестьяне, подъ впечатлѣніемъ рѣчей

протоіерея Восторгова, тенденціозно порою построенныхъ и такъ же обоснованныхъ, почесывая затылки, дѣйствительно стали задумываться надъ разными выводами оратора.

— А вѣрно, говорили одни, депутаты наши сидятъ въ Госуд. Думѣ, четвертные билеты каждый день жалованія получаютъ, домой гостинцы шлютъ... А о землицѣ-то и ни-ни!

— Не тѣхъ послали, ребята! У господъ на поводу ходятъ, все буджеты какіе то тамъ барскіе обсуждаютъ, а о насъ не заботятся!

— Имъ что! — говорили крестьяне въ одной деревнѣ, сами то въ Питерѣ сидятъ, по театрамъ да засѣданіямъ гуляютъ и въ усъ не дуютъ. Имъ это и ни къ чему... А про насъ и поминать забыли!

Результаты агитаціоннаго турнэ протоіерея Восторгова не преминули сказаться. Изъ разныхъ концовъ въ Государственную Думу посыпались модные въ ту пору „крестьянскіе наказы съ мѣстъ“ съ предписаніемъ выборнымъ „похлопотать насчетъ земли“. Всѣ такіе наказы носили на себѣ слѣды агитаціонной литературы, раздававшейся всюду послѣ собраній прот. Восторговымъ. Первоначально они имѣли еще болѣе или менѣе корректный характеръ, впослѣдствіи рѣзко измѣнившійся въ связи съ предпринятой широкой агитаціей монархическихъ организацій на мѣстахъ. Были впослѣдствіи и такіе случаи, когда крестьяне не только грозили своимъ депутатамъ отозвать ихъ изъ Госуд. Думы, но и предписывавшіе имъ угрожающе: — „безъ земли не смѣть домой являться“...

Трудовой группѣ Государственной Думы это турнэ прот. Восторгова причинило не мало серьезныхъ непріятностей и осложненій. Въ разгарѣ сессіи пришлось командировать лучшихъ своихъ представителей и ораторовъ на мѣста съ контръ-агитаціонной пропагандой.

Протоіерей Восторговъ тѣмъ временемъ продолжалъ свое турнэ, перебросившись съ низовъ Волги и части сѣверныхъ губерній на Сибирь, главнымъ образомъ въ Томскую и Тобольскую губерніи, давшихъ на послѣднихъ выборахъ большой сравнительно контингентъ, не столь правыхъ по убѣжденіямъ, сколь просто совершенно безпартійныхъ, безразличныхъ и молчаливыхъ депутатовъ, своевременно распропагандированныхъ депутатомъ В. Н. Крупенскимъ, образовавшимъ въ Государственной Думѣ партію „умѣренно-правыхъ“, которая въ большинствѣ состояла

изъ депутатовъ-крестьянъ. В. Н. Крупенскій остроумно собралъ ихъ въ одно общежитіе на Таврической улицѣ, проводилъ все свободное время съ ними въ клубѣ партіи на Моховой, гдѣ окружилъ ихъ непривычными для нихъ удобствами и заботой.

Турнэ это было наружно сплошнымъ „тріумфальнымъ шествіемъ идеи монархизма“, какъ сообщалъ въ своихъ письменныхъ докладахъ Центральному Комитету съ мѣстъ протоіерей Восторговъ. Крестьяне всюду внимательно выслушивали оратора, особенно убѣдительныя мѣста въ его рѣчахъ нерѣдко сопровождались репликами: „вѣрно, правильно“, „истину, батюшка, говоришь“ и т. п.

И только въ одномъ мѣстѣ протоіерею Восторгову пришлось столкнуться съ непривычнымъ для него во все время турнэ фактомъ, передъ которымъ онъ, хотя и опытный ораторъ, растерялся и спасовалъ.

Это было въ селѣ Покровскомъ, Тобольской губерніи.

День пріѣзда протоіерея Восторгова въ это село совпалъ съ мѣстнымъ храмовымъ праздникомъ. Крестьяне, свободные въ этотъ день отъ работъ, почти всѣ собраны были въ помѣщеніе народнаго училища, куда протоіерей Восторговъ прибылъ изъ уѣзда на почтовыхъ, въ сопровожденіи уѣзднаго духовенства и оффиціальной свиты, состоявшей изъ исправника и двухъ становыхъ.

Крестьяне и крестьянки стоя слушали оратора и ни единымъ словомъ не выказывали своего отношенія къ его проповѣди, ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. А когда объявленъ былъ перерывъ, кто то изъ толпы, вдругъ робко, почти вполголоса обратился къ протоіерею Восторгову, въ тотъ моментъ, когда послѣдній уже сходилъ съ кафедры въ залъ:

— А насчетъ земли когда будетъ, батюшка?

— Будетъ, будетъ, все будетъ!.. Послѣ перерыва будетъ, отвѣтилъ, обращаясь къ толпѣ, довольный этимъ вопросомъ, протоіерей Восторговъ.

Во время перерыва, пока въ одной изъ классныхъ комнатъ шла трапеза, устроенная мѣстными властями въ честь заѣзжаго столичнаго гостя, крестьяне шопотомъ обсуждали тезисы проповѣди прот. Восторгова, дѣлая каждый свои выводы по поводу отдѣльныхъ частей выслушаннаго доклада. А когда перерывъ окончился и протоіерей Восторговъ началъ вторую часть доклада, непосредственно

касавшуюся выборовъ въ Государственную Думу, кто то изъ толпы вдругъ опять произнесъ:

— Ладно, батюшка, ладно! А земля то когда будетъ?..

Протоіерею Восторгову пришлось уклониться отъ трафарета докладовъ во все время своего турнэ и отвѣтить вопрошавшему. Это было тѣмъ болѣе необходимо, такъ какъ въ толпѣ слышались явныя одобренія по адресу задавшаго столь жгучій для всѣхъ собравшихся вопросъ.

— Вы хотите земли? — началъ протоіерей Восторговъ, я это очень хорошо понимаю. Затѣмъ-то я и пріѣхалъ сюда изъ далекой столицы, чтобъ научить васъ, какъ получить эту землю. Нашъ Государь и его министры хотятъ надѣлить васъ всѣхъ землей въ достаточномъ количествѣ, но Государственная Дума мѣшаетъ имъ это сдѣлать... Вѣрнѣе, не Дума, поправился быстро прот. Восторговъ, а ваши депутаты... Они относятся безъ подобающаго уваженія къ Царю, ругаютъ его министровъ и, пользуясь своей депутатской неприкосновенностью, разводятъ соціализмъ и революцію какъ въ стѣнахъ Государственной Думы, такъ и внѣ ея, разсылая депутатовъ-агитаторовъ по провинціи.

— Какъ же вы просите о милости, когда не заслужили ея! — закончилъ протоіерей Восторговъ свою реплику въ возбужденномъ тонѣ и уже готовился продолжать прерванный докладъ, какъ снова изъ толпы послышалось:

— Не о милости просимъ. Царь-Государь и безъ того къ намъ милостивъ... О землѣ спрашиваемъ.

Прот. Восторговъ вынужденъ былъ вновь отпарировать ударъ и на сей разъ рѣшилъ, видимо, дѣйствовать болѣе откровенно, отвѣтивъ уже непосредственно оратору изъ толпы, очутившемуся въ центрѣ собравшихся крестьянъ:

— О землѣ спрашиваете? Земли въ Россіи много, да получить ее надо знать какъ. Вотъ пошлите въ Государственную Думу русскихъ людей, и земли сколько угодно будетъ...

— Нѣшто мы татаръ посылаемъ! — усмѣхнувшись замѣтилъ тотъ же ораторъ изъ толпы.

И вслѣдъ за нимъ, сначала исподтишка, а затѣмъ уже и болѣе открыто улыбались и смѣялись крестьяне, разсмѣшенные еще и неожиданнымъ вдругъ комическимъ женскимъ смѣхомъ, раздавшимся почему-то изъ заднихъ, заполненныхъ крестьянками, рядовъ.

— Не татаръ посылаете, это вѣрно, отвѣтилъ прот. Восторговъ, а того еще хуже: — соціалистовъ. А государство соціалистамъ земли не дастъ, и крестьяне земли не получатъ до тѣхъ поръ, пока ихъ выборные не пройдутъ по партійнымъ спискамъ „Союза русскаго народа“...

Наступило гробовое молчаніе, а затѣмъ прот. Восторговъ, уклонившись отъ прямой темы своего, доклада, весь ушелъ въ проповѣдь на божественную тему, перешелъ на священную особу Царя и, назвавъ послѣдняго „отцомъ народа“, закончилъ свою краткую проповѣдь изреченіемъ изъ Св. Писанія, что „неуважающіе родителей да не пріимутъ Царствія Небеснаго“...

Трудно опредѣлить психологически, какъ поняли прот. Восторгова крестьяне, но тотъ же ораторъ изъ толпы все не унимался и задалъ новый вопросъ:

— По вашему, батюшка, выходитъ, что Царствіе Небесное-то черезъ „Союзъ русскаго народа“ получается!.. А мы, грѣшные, иначе Евангеліе — толковали; все больше отъ Всевышняго понимали это.

И тутъ же, обратившись къ толпѣ, ехидно замѣтилъ:

— Накося, необразованность то наша!.. А мы то думали!..

Крестьяне захихикали, а ораторъ, подбодренный замѣтнымъ сочувствіемъ толпы, вновь обратился къ прот. Восторгову:

— Значитъ, батюшка, перво на перво Царствіе Небесное испросить надо, а затѣмъ уже и землицы?

И, не дождавшись отвѣта, продолжалъ въ томъ же полуюмористическомъ, полуехидномъ тонѣ:

— Намъ бы напередъ землицы, а о Царствіи Небесномъ въ храмѣ Божьемъ помолимся...

Ораторъ угодилъ наэлектризованной толпѣ. Постепенно сгущавшаяся атмосфера вдругъ разрядилась и, какъ это бываетъ въ такихъ случаяхъ, кѣмъ либо брошенное слово или фраза повторяются, уже по стадности, всѣми безъ исключенія.

— Вѣрно! Землицы бы намъ!.. Кормиться не на чемъ... Народу все больше и больше, а земли не хватаетъ... Скоро подыхать будемъ... Давеча, вотъ, съ неурожая съ голоду пухли... Поумирало то сколько, кладбища не хватило...

И, точно въ одинъ голосъ, всѣ подхватили:

— Вѣрно Григорій!.. Правду сказываетъ Гриша!...

А изъ заднихъ рядовъ послышались одобренія женщинъ по адресу своего односельчанина:

— Вотъ кого бы въ Думу послать надо! Этотъ бы имъ тамъ всѣмъ правду сказалъ! Ай-да Григорій! Такой своихъ въ обиду не дастъ!

Но утихли всѣ восклицанія и окончательно растерявшійся и раздосадованный неудачей прот. Восторговъ, скомкавъ финальную часть своего доклада, сошелъ съ кафедры.

Предсѣдательствовавшій въ собраніи, обратившись къ толпѣ, объявилъ пренія по докладу и предложилъ желающимъ высказаться, или задать какіе нибудь интересующіе ихъ вопросы, заявить о себѣ поднятіемъ руки. Толпа, не выслушавъ даже конца этого чисто формальнаго заявленія предсѣдателя, покидая уже собраніе, находу бросала въ отвѣтъ отрывистыя фразы:

— Гдѣ ужъ намъ!.. Безъ Царствія Небеснаго-то!

А герой-ораторъ Григорій, къ которому обращены были благодарные взоры одобренія односельчанъ и молчаливыя женскія съ искрившимися огоньками глаза односельчанокъ, побѣдоносно шествовалъ, окруженный толпой, не только до выхода изъ помѣщенія училища, но и по всей длинной и широкой улицѣ, торжественно, какъ бы въ знакъ благодарности за все происшедшее, сопровождаемый своими односельчанами до самаго дома. Почетъ, котораго въ деревнѣ удостаиваются исключительныя лица изъ крестьянъ, къ числу коихъ крестьянинъ Григорій до того времени не только не принадлежалъ, но и мечтать о чемъ либо подобномъ не могъ.

Все это случилось какъ то неожиданно, почти молніеносно, и разъ ставшій кумиромъ сельской толпы Григорій по странному капризу судьбы оставался имъ до тѣхъ поръ, пока вскорѣ случай вознесъ его такъ высоко, что онъ изъ „перваго въ деревнѣ“ перешелъ на положеніе „перваго въ столицѣ“, и если не „перваго въ государствѣ“, то во всякомъ случаѣ единственнаго въ немъ, конечно, въ своемъ родѣ, а затѣмъ уже стяжавшаго себѣ и всемірную „извѣстность“.

Это и былъ Григорій Распутинъ, или Григорій Новыхъ, для котораго новое прозвище „Распутинъ“ стало настоящимъ именемъ, какъ нѣкогда прозвище „Новыхъ“ — оффиціальнымъ именемъ для его отца, Евфимія Вилкина.

II.

Григорій Распутинъ — сынъ безземельнаго крестьянина Саратовской губерніи, Вольскаго уѣзда. Отецъ его, Евфимій Вилкинъ, по профессіи — ямщикъ трактовой почты, унаслѣдовалъ свое ремесло чуть-ли не отъ прадѣда. Во всей округѣ эта семья Вилкиныхъ, въ отличіе отъ другихъ крестьянъ-однофамильцевъ, такъ и называлась: „ямщики Вилкины". Вся семья старика Вилкина состояла изъ двухъ сыновей и дочери: старшаго — Лаврентія, умершаго на двадцатомъ году, дочери — Маріи, страдавшей эпилепсіей и младшаго сына — Григорія.

Семья Евфимія Вилкина, пока подростали дѣти — погодки, влачила жалкое существованіе. Всего ямщицкаго заработка отца еле хватало-бы на пропитаніе. А Евфимій Вилкинъ къ тому же львиную долю своихъ нищенскихъ, даже по тѣмъ временамъ, доходовъ — пропивалъ въ придорожныхъ кабакахъ, возвращаясь порожнемъ на почтовыхъ домой изъ Вольска или изъ подъ Вольска, со станціи Снѣжино, куда часто возилъ сѣдоковъ.

Случилось Вилкину возить однажды богатаго саратовскаго купца Карепанова. И этотъ случай сталъ роковымъ въ его жизни.

Получивъ отъ щедраго купца „на водку" изрядную сумму, ямщикъ Евфимій запилъ еще въ Вольскѣ, пилъ всю дорогу во всѣхъ шляховыхъ корчмахъ, и допился до того, что не углядѣлъ, какъ отпрягли у него пристяжную, и онъ вернулся домой безъ одного коня. Почта была земская, и мѣстныя власти обвинили Евфимія Вилкина сначала въ кражѣ лошади, а затѣмъ уже судебныя власти точнѣе квалифицировали преступленіе, предъявивъ ему обвиненіе „въ растратѣ ввѣреннаго казеннаго имущества". Вскорѣ пропавшую лошадь обнаружили въ одномъ селѣ, но новый владѣлецъ ея свидѣтельскими показаніями съумѣлъ установить, что лошадь эта была имъ куплена. Болѣе полугода длилось слѣдствіе по дѣлу о пропавшей лошади и такъ

какъ въ результатѣ обнаружилось, что лошадь переходила изъ рукъ въ руки, продаваясь за сумму менѣе 300 рублей, то дѣло по обвиненію Евфимія Вилкина изъ Окружнаго Суда передано было въ мировую инстанцію. Судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, приговорилъ Вилкина, къ тюремному заключенію срокомъ на одинъ годъ, съ зачетомъ предварительнаго восьмимѣсячнаго заключенія. Спустя четыре мѣсяца послѣ суда, Евфимій Вилкинъ вышелъ на волю.

Семья его, бѣдствовавшая и при наличіи кормильца-отца, съ заключеніемъ его въ тюрьму совершенно нищенствовала. Туберкулезная и безъ того чахлая мать семейства Вилкиныхъ стирала у купцовъ и зажиточныхъ крестьянъ бѣлье, мыла полы, бѣлила потолки, а маленькая дочь ея Марія во всемъ ей помогала, всюду сопровождая ее на поденныя работы. Старшій сынъ Лаврентій помогалъ почтовымъ ямщикамъ мыть коляски и шарабаны, лошадей на водопой водить, и т. п., обезпечивъ такимъ образомъ себѣ среди ямщиковъ харчи изъ общаго котла. И только младшій — Григорій — ничего не дѣлалъ, оставаясь присматривать за домомъ.

Выйдя изъ тюрьмы, Евфимій очутился въ критическомъ положеніи. Мѣсто его на почтѣ давно было занято другимъ ямщикомъ, а на частную службу или даже — работу, его, какъ опороченнаго, не брали.

Этотъ періодъ совпалъ съ временемъ переселенческаго движенія въ Россіи при Александрѣ III, и, за отсутствіемъ другого выхода, Евфимій Вилкинъ записался въ переселенческій комитетъ, продалъ наслѣдственную фамильную избу съ плетнемъ и эмигрировалъ въ Сибирь. Здѣсь, по указанію переселенческой комиссіи, онъ одинъ изъ первыхъ обосновался въ районѣ такъ называемыхъ „новыхъ мѣстъ“ заселенія Тобольской губерніи, впослѣдствіи разросшемся въ большое село и названное селомъ Покровскимъ.

Крестьяне-переселенцы, не зная фамиліи Евфимія, просто называли его „Евфимій съ Новыхъ мѣстъ“ или сокращенно: „Новыхъ“, а Вилкинъ, привыкшій къ этому прозвищу и чтобъ разъ навсегда порвать съ прошлымъ и предать забвенію фамилію Вилкина, съ которой связаны были печальныя слѣдственныя, судебныя и тюремныя воспоминанія, при первой же регистраціи переселенцевъ — записался, какъ Евфимій Новыхъ, и получилъ соотвѣтствующій документъ. Съ тѣхъ поръ пересталъ существовать Евфимій Вилкинъ, его смѣнилъ Евфимій съ Новыхъ мѣстъ

или, какъ значилось въ его документѣ: „Евфимій Новыхъ“.

Первоначально Евфимій Новыхъ работалъ, какъ и всѣ переселенцы, не покладая рукъ, обзавелся вскорѣ новой тесовой избой, обвелъ громадный дворъ плетнемъ, а когда переселенцамъ выданы были лошади для полевыхъ работъ — то и досчатыми стойлами для скота. Вообще, среди небольшого въ новомъ поселкѣ переселенческаго населенія Евфимій Новыхъ былъ примѣрнымъ хозяиномъ и трудолюбивымъ работникомъ, какъ и вся его семья, во всемъ ему помогавшая.

Весьма не глупый отъ природы, наслышавшись барскихъ разговоровъ отъ своихъ сѣдоковъ за долгіе годы ѣзды въ ямщикахъ, Евфимій нерѣдко поражалъ своихъ односельчанъ „учеными разговорами“ и за это прослылъ мужикомъ умнымъ, все знающимъ и во всемъ разбирающимся.

Что бы ни случилось на селѣ — шли къ Евфимію; повздорятъ ли сосѣди, бумага какая ли придетъ, бабы-ли передерутся — со всѣмъ шли къ Евфимію. Даже за совѣтами семейнаго характера — все къ нему обращались. Праздникъ-ли какой подходитъ, и можно ли въ этотъ праздникъ работать, даже и такіе вопросы, за отсутствіемъ тогда еще священника въ селѣ, часто рѣшалъ Евфимій Новыхъ, ставшій такимъ образомъ за короткое время самой популярной личностью среди умножавшагося населенія переселенцевъ не только села Покровскаго, но и ближайшихъ къ нему окрестныхъ поселковъ.

Ни одни крестины, свадьба или другія имъ подобныя торжества, не проходили безъ Евфимія. Особенно почетнымъ считалось имѣть его „посаженнымъ“ или „крестнымъ отцомъ“. А когда въ селѣ Покровскомъ построили церковь, Евфимій Новыхъ былъ единогласно, за отсутствіемъ другихъ претендентовъ, избранъ церковнымъ старостой. Спустя нѣкоторое время, когда село Покровское съ окрестными поселками, преобразовано было въ самостоятельную волость, Евфимій Новыхъ былъ избранъ волостнымъ старшиной и утвержденъ въ этой должности мѣстнымъ губернаторомъ.

То были самые счастливые дни въ жизни бывшаго ямщика трактовой почты, отбывавшаго въ свое время тюремное заключеніе Евфимія Вилкина, нынѣ Евфимія Новыхъ, достигшаго апогея мужицкаго счастья.

Но счастье всегда приходитъ не одно; а постоянная

спутница его — рокъ, въ такіе именно моменты и подстерегаетъ счастливцевъ, нанося имъ, одинъ за другимъ,— ударъ за ударомъ, отравляя, медленно но вѣрно, всѣ былые счастливые дни. Заболѣла старуха Пелагея Новыхъ и, несмотря на всѣ усилія знахарей и знахарокъ не только села Покровскаго, но и всей округи, вскорѣ умерла. Старшій сынъ Евфимія, Лаврентій, правая рука и любимецъ отца, посланный въ ночь наканунѣ дня кончины матери верхомъ въ ближайшее село за какой-то травой для отвара и пріема больной, по рецепту лѣчившаго ее тамошняго знахаря, въ дорогѣ простудился и, не дождавшись поминокъ, въ Сороковой день со дня смерти матери, занялъ рядомъ съ еще свѣжимъ могильнымъ ея холмомъ, мѣсто на томъ же кладбищѣ.

Все это такъ сильно отразилось на старикѣ Евфиміѣ Новыхъ, что онъ впалъ въ меланхолію, пересталъ заниматься общественными дѣлами, отказался отъ должности старшины, забросилъ всякую работу и всю зиму просидѣлъ въ избѣ, не выходя даже въ церковь, отдаваясь изрѣдка домашнему хозяйству, которое велось со смерти матери, больной дочерью Маріей.

Но большую часть дня Евфимій проводилъ въ чтеніи Евангелія, псалмовъ и другихъ книгъ духовнаго содержанія, которыя хранились у него, какъ у церковнаго старосты. Онъ былъ не особенно грамотнымъ, и ему часто приходилось прибѣгать къ помощи сына Григорія, читавшаго уже не по складамъ, какъ отецъ, а болѣе плавно. Сынъ Григорій въ то время посѣщалъ уже сельскую школу и въ семьѣ считался грамотеемъ.

Такъ прошла вся зима, и наступила очередная весна, а затѣмъ медленно надвинулся Великій Постъ и вотъ-вотъ скоро и Пасха.

Евфимій Новыхъ постомъ опять сталъ посѣщать церковь, отговѣлъ первую недѣлю, снова взялся за общественную дѣятельность, и первымъ актомъ ея было — приведеніе въ порядокъ кладбищенскаго двора за церковной оградой и двухъ, ему дорогихъ, могилъ.

Казалось, старикъ сталъ оживать. Но новое горе, обрушившееся за нѣсколько дней до праздниковъ, окончательно его сокрушило. Готовившаяся къ праздникамъ дочь Марія, стирала на рѣчкѣ бѣлье и въ неожиданномъ припадкѣ эпилепсіи свалилась съ мостика въ воду, утонувъ на глазахъ у многочисленныхъ односельчанокъ. Трупъ ея, только на третій день всплывшій изъ

воды, предали землѣ. Съ этого момента Евфимій Новыхъ загрустилъ окончательно, а разговѣвшись подъ Свѣтлое Воскресенье, впервые послѣ долгихъ лѣтъ абсолютно трезвой жизни, запилъ такъ, какъ въ старину бывало, когда онъ былъ еще ямщикомъ.

Лиха бѣда начало... Съ тѣхъ поръ Евфимій пилъ безпробудно, превратившись въ прежняго пьяницу — ямщика. Прахомъ пошло все его зажиточное хозяйство; все, вплоть до иконы, постепенно сносилось въ кабакъ, запущена была полевая работа, и прошло недолгое время, какъ Евфимій Новыхъ очутился въ прежнемъ почти положеніи Евфимія Вилкина, крестьянина, хотя и не безземельнаго, но съ необработанной землей и небрежно собраннымъ урожаемъ, пропитымъ еще на корню, въ долгу у цѣловальника, и всѣми прелестями его прежней нищенской жизни. Все создавшееся годами — рухнуло въ короткое время.

За невзносъ податей, вскорѣ отнята была у него земля, и въ недалекомъ будущемъ предстояла продажа избы за долги не только казнѣ, но и частнымъ кредиторамъ. Клубокъ горя съ каждымъ днемъ наворачивался и становился больше. А паралельно тому Евфимій все больше и больше пьянствовалъ. А когда не стало средствъ на пьянство, снялъ однажды, возвращаясь ночью домой, у сосѣда съ плетня небольшой коверъ и снесъ въ кабакъ...

Крестьяне за эту продѣлку порѣшили бывшаго своего кумира собственнымъ судомъ: ворвавшись въ избу къ нему, они поочередно избивали его, покрывъ всего кровоподтеками, до тѣхъ поръ, пока онъ потерялъ сознаніе.

Земскій фельдшеръ, прибывшій въ село Покровское спустя два дня послѣ избіенія, констатировалъ переломъ реберъ и вслѣдствіе давленія ихъ на дыхательные органы — тяжелую астму.

Скончался Евфимій Новыхъ въ земской больницѣ, куда перевезенъ былъ единственнымъ оставшимся въ живыхъ изъ всей семьи, младшимъ сыномъ Григоріемъ, скончался, оставивъ по себѣ надолго воспоминанія въ средѣ селянъ не только Покровскаго, но и всей округи. Долго-долго еще старухи—бабы разсказывали дѣтямъ „байки“ о ямщикѣ Евфимѣ, разукрашивая ихъ прибаутками о томъ, что „былъ то Евфимій каторжникъ бѣглый“ и, чтобы укрыться, молъ, убилъ на проѣзжей дорогѣ ямщика, самъ сѣлъ въ кибитку и жилъ замѣсто убитаго на почтѣ и семью то убитаго содержалъ, жену и дѣтей его присвоилъ, и т. д. въ духѣ деревенскихъ сказокъ, уснащенныхъ невѣроятной

таинственностью, жилъ до тѣхъ поръ, пока Господь-Богъ замѣтилъ грѣшника и ниспослалъ на него бѣдствія... Тутъ сказка и фантазія уступали мѣсто дѣйствительности, начинаясь кончиной жены Евфимія и заканчиваясь его собственной смертью

И всѣ какъ-то позабыли не только въ сказкахъ, но и въ дѣйствительности, о сынѣ Евфимія, Григоріѣ, оставшемся въ живыхъ и исчезнувшемъ изъ села Покровскаго съ момента сопровожденія больного отца въ земскую больницу.

Подростающее поколѣніе совершенно не знало его, а старики, когда Григорій, спустя много лѣтъ, вернулся въ село Покровское, видимо, и предположить не могли, что новый односельчанинъ ихъ, Григорій Распутинъ, и есть сынъ такъ трагически окончившаго свое существованіе Евфимія Новыхъ.

Когда же все это обнаружилось — Григорій Распутинъ, онъ же Новыхъ, былъ уже далеко внѣ предѣловъ досягаемости вліянія крестьянъ-односельчанъ, занималъ уже положеніе „старца“, былъ при дворѣ, и не только съ царскими министрами знавался, но имѣлъ уже вліяніе на ходъ, если не всей Государственной жизни, то жизни министерской — безъ сомнѣнія.

III.

Съ момента своего выступленія въ памятномъ отнынѣ агитаціонномъ собраніи оппонентомъ протоіерея Восторгова, Григорій Распутинъ сталъ кумиромъ крестьянъ села Покровскаго.

Присутствовавшіе на собраніи власти, опасаясь возможныхъ для себя послѣдствій непріятнаго свойства за допущенный у нихъ въ уѣздѣ „непорядокъ", тутъ же предложили столичному гостю наказать дерзнувшаго выступить противъ него мужика. Но прот. Восторговъ не только воспротивился этому, но заручился даже категорическимъ обѣщаніемъ и завѣреніемъ исправника Казимирова, что никакихъ репрессивныхъ послѣдствій это выступленіе для Распутина имѣть не будетъ.

— Онъ намъ еще нуженъ будетъ, — закончилъ прот. Восторговъ свой разговоръ на эту тему съ исправникомъ.

Видимо, прот. Восторговъ тогда уже обдумалъ свой планъ, впослѣдствіи приведенный имъ въ исполненіе...

Когда крестьяне, отъ учительницы, священника и другихъ лицъ, присутствовавшихъ при бесѣдѣ прот. Восторгова съ исправникомъ, прослышали такія подробности и стали передавать все это изъ устъ въ уста, обильно уснащая фантастическими отсебятинами, то, какъ это бываетъ въ такихъ случаяхъ, изъ одной заключительной фразы получилось цѣлое повѣствованіе, а слова: „онъ намъ еще нуженъ будетъ" — быстро превратились въ другую, конечно, приписанную уже прот. Восторгову фразу, что, молъ, „такіе именно люди нужны Царю" и „побольше бы такихъ людей" и крестьянамъ чуть ли не вся земля будетъ роздана и еще многое подобное, въ томъ же духѣ.

Не только крестьяне села Покровскаго стали относиться съ нескрываемымъ и даже явно выражаемымъ уваженіемъ къ Григорію, котораго ранѣе почти сторонились изъ за слуховъ о непристойномъ поведеніи жены его Ев-

докіи, о веселомъ дѣвичьемъ образѣ жизни которой по деревнѣ слагались цѣлыя легенды; мало также хорошаго знала деревня и о жизни самого Григорія, проведшаго, какъ говорили въ Покровскомъ, юные годы въ качествѣ номерного одной изъ второразрядныхъ, съ вертепнымъ оттѣнкомъ, тобольскихъ гостиницъ.

Но и мѣстный священникъ, до того времени никогда не интересовавшійся Григоріемъ, какъ бы невзначай прошелъ однажды мимо его дома, о чемъ-то заговоривъ съ женой Григорія, присѣлъ отдохнуть на заваленкѣ, какъ бы покалякать съ прихожанами, а затѣмъ все чаще и чаще сталъ навѣщать Григорія, и вскорѣ уже его и у себя принимать.

Собесѣдникомъ доселѣ никого не интересовавшій Григорій оказался далеко незаурядным. Начитавшись въ дѣтствѣ съ отцомъ книгъ духовнаго содержанія, онъ немало пріобрѣлъ и поверхностной городской культуры за время своего пребыванія въ Тобольскѣ. Еще будучи юношей, когда онъ впервые попалъ въ земскую, находящуюся въ уѣздномъ городѣ, больницу съ умиравшимъ отцомъ, его, со смертью отца, одинокаго сироту, пріютила больничная администрація. Около года прослужилъ онъ въ Земской больницѣ, въ персоналѣ коей были и политическіе ссыльные, бывшіе студенты и вообще „неблагонадежные“ по тому времени элементы, ссылавшіеся изъ центровъ на Сѣверъ.

Григорій умѣлъ приспособляться къ обстоятельствамъ и, изъ откровенныхъ разсказовъ, священникъ села Покровскаго, отецъ Николай Ильинъ, узналъ отъ него, что все это „господа были хорошіе“, книжки давали читать и если что непонятно было — охотно растолковывали...

Читалъ, видимо, Григорій въ тотъ періодъ литературу, исключительно соціалистическую, преимущественно популярно-агитаціонную. Вступая часто съ о. Николаемъ въ бесѣду на тему о крестьянскомъ житьѣ, повторялъ заученныя, и порою своеобразно имъ понятыя, цитаты изъ прочитанныхъ брошюрокъ.

Священникъ Ильинъ переведенъ былъ незадолго до того въ Тобольскую Епархію, какъ опальный іерей, послѣ непонравившейся начальству проповѣди на тему о Гапоновскомъ, въ 1905 году, движеніи. Его пребываніе въ селѣ Покровскомъ носило характеръ административной ссылки съ оставленіемъ въ должности. Человѣкъ начитанный, съ семинарскимъ образованіемъ, свящ. Ильинъ, конечно, не

чета былъ Распутину. Но, за отсутствіемъ другихъ собесѣдниковъ, послѣдній скоро сталъ постояннымъ и единственнымъ его пріятелемъ.

Пристрастившись къ бесѣдамъ съ нимъ, от. Николай, незамѣтно для себя, постепенно сталъ и учителемъ Распутина. Стоило, бывало, послѣднему какъ нибудь своеобразно истолковать какое нибудь незначительное событіе или даже слово одно изъ прочитанной ему вслухъ газетной статьи или замѣтки, какъ свящ. Ильинъ начиналъ ему растолковывать истинный смыслъ и значеніе спорнаго объекта, превращая простыя, чисто-дружескія собесѣдованія въ цѣлыя лекціи по всевозможнымъ, каждый разъ другимъ вопросамъ.

Близкая дружба съ мѣстнымъ священникомъ привела еще и къ тому, что ранѣе манкировавшій церковью Распутинъ, сталъ завсегдатаемъ всѣхъ службъ церковныхъ, не только въ большіе дни, т. е. праздники, когда въ церковь ходитъ вся деревня, но и въ дни обыкновенные, являясь чуть ли не ежедневно ко всенощной.

Такъ же молніеносно, какъ въ свое время Евфимій Вилкинъ—Новыхъ, почти такое же, какъ и тотъ, положеніе, занялъ вскорѣ и сынъ его Григорій Распутинъ-Новыхъ.

Но тутъ неожиданно случилось событіе, взбудоражившее все село Покровское и взволновавшее всѣхъ открытіе, что Григорій Распутинъ — сынъ Евфимія Новыхъ... Вспомнили, конечно, про бѣглаго каторжника, убитаго ямщика и всѣ тѣ подробности, которыя съ годами изъ сказки превратились въ умахъ крестьянъ въ реальную быль. Да и само случившееся событіе убѣждало въ основательности предположеній, что Григорій не только сынъ бѣглаго каторжника, но и самъ изъ каторги бѣжалъ.

Увѣровалъ въ это и свящ. Ильинъ, который не преминулъ отписать исправнику спеціальную бумагу, что-де, молъ, давно подозрѣвалъ неладное и что какъ пастырь потому и считалъ своей прямой обязанностью часто наединѣ бесѣдовать съ Распутинымъ, чтобы тому на исповѣди легче было всю душу свою ему, пастырю, раскрыть...

Переусердствовавшій, какъ это вскорѣ выяснилось, провинціальный іерей, счелъ нужнымъ вскользь намекнуть и на „вольный образъ мыслей“ Григорія, полагая, видимо, что этимъ онъ окончательно сниметъ всякія съ себя подозрѣнія, нависавшія въ связи съ упреками селянъ, что,

молъ, батюшка „наипервѣйшій другъ ему былъ и чаями у себя потчивалъ“... преступника.

Злые деревенскіе языки и того дальше пошли, сопоставляя ссылку о. Николая изъ подмосковскаго района въ глухое сибирское село, его прошлое съ прошлымъ Григорія Распутина, оказавшагося Григоріемъ Новыхъ.

А узнали это въ селѣ Покровскомъ вотъ какъ: изъ уѣзда пришла срочная бумага на имя старосты Бѣлова съ требованіемъ немедленно препроводить Григорія Новыхъ, онъ же Распутинъ, въ становую квартиру, въ уѣздъ. Староста понялъ эту бумагу по своему и, арестовавъ Распутина, дѣйствительно, препроводилъ его подъ конвоемъ въ уѣздъ.

Вернувшіеся понятые и сотскіе съ ужасомъ разсказывали потомъ по деревнѣ, что, видимо, Григорій „карась большой“, такъ какъ самъ исправникъ, встрѣтивъ эскортъ съ арестованнымъ, накричалъ на нихъ, что-де долго проходили и почему на лошадяхъ не доставили, разъ предписаніе было срочное...

А затѣмъ уже пошли разсказы о томъ, что исправникъ Распутина въ канцелярію зазвалъ къ себѣ, долго „допрашивалъ“ о чемъ то и т. д.

Этимъ исчерпывались свѣдѣнія вернувшихся изъ уѣзда. Но фактовъ было достаточно для догадокъ, а догадки тутъ же комментировались, и моментально ихъ смѣняли уже готово сфабрикованные и для деревни не подлежащіе сомнѣнію факты, а на основаніи ихъ, и соотвѣтствующіе выводы:

— Повѣсятъ безпремѣнно! — говорили взволнованные крестьяне.

Болѣе флегматичные считали нужнымъ вставить и свое слово, спокойное, но вѣское:

— Еще судить ранѣе будутъ... Можетъ, на каторгу сошлютъ... обратно, значитъ...

А когда спустя нѣсколько дней въ Покровское долетѣлъ слухъ о томъ, что Григорія на второй же день изъ уѣзда съ жандармами куда-то отправили, авторы предположенія что „повѣсятъ безпремѣнно“ искренно радовались, что ихъ предположеніе было правильнымъ и что, молъ, и судить такого не станутъ...

Подъ вліяніемъ всего этого свящ. Ильинъ и рѣшился на такой шагъ: „отписать исправнику“, шагъ, ставшій для него источникомъ событій, чреватыхъ по послѣдствіямъ.

По существу-же вся эта исторія съ арестомъ, такъ своеобразно и отрицательно истолкованная народомъ, была началомъ исключительно положительныхъ для Распутина событій, началомъ его будущей карьеры, если такъ можно выразиться, а въ дальнѣйшемъ и славы.

Съ этого момента и слѣдуетъ исчислять начало „Распутиніады ‘, т. е. опредѣленной эпохи въ жизни такого государственнаго колосса, какъ Россія, и начало конца его, явившагося, быть можетъ, и безотносительно къ Распутину, но все же отчасти связаннаго съ этимъ періодомъ, косвенно хотя, но имѣвшимъ огромное значеніе для государства. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Вернувшись изъ своего турнэ, прот. Восторговъ сдѣлалъ Центральному Комитету Монархическихъ организацій въ Москвѣ обстоятельный докладъ объ успѣхахъ поѣздки, останавливаясь не только на отдѣльныхъ выборныхъ пунктахъ и резюмируя свои личныя впечатлѣнія, но и на отдѣльныхъ эпизодахъ въ разныхъ мѣстахъ своего пребыванія за время трехмѣсячной поѣздки.

Не обошелъ онъ, конечно, молчаніемъ и случай въ селѣ Покровскомъ, высказавъ и свое мнѣніе по этому поводу. Признавая выработанную Центральнымъ Комитетомъ систему предвыборной агитаціи болѣе или менѣе удачной, онъ все же указалъ на то, что для агитаціи среди крестьянъ нужны и агитаторы крестьяне. Имъ по мнѣнію прот. Восторгова, избиратели не только довѣрили-бы больше, но самое наличіе крестьянина на кафедрѣ уже импонируетъ деревнѣ. Примѣрно приводя случай въ Покровскомъ, прот. Восторговъ заявилъ, что, будь этотъ самый мужикъ на кафедрѣ, крестьяне повторяли бы также за нимъ каждое его слово. И тутъ же, резюмируя свое заявленіе, предложилъ принять постановленіе о привлеченіи въ монархическія организаціи ораторовъ-крестьянъ, предварительно до выступленія пройдя съ ними курсъ лекцій по необходимымъ вопросамъ, при Цен. Комитетѣ.

Вслѣдъ за единогласнымъ принятіемъ этого предложенія, для Комитета сталъ на очереди вопросъ о вербовкѣ ораторовъ-крестьянъ. Прот. Восторговъ предложилъ въ первую очередь выписать обязательно обнаруженнаго имъ несомнѣннаго крестьянскаго „Заратустру“ Григорія изъ села Покровскаго, котораго онъ лично, въ короткій

срокъ обязался превратить въ пропагандиста монархическаго союза.

Немедленно заручились соотвѣтствующими оффиціальными формальностями, изъ центра предписано было въ губернію, оттуда — въ уѣздъ а изъ уѣзда — уже и въ село Покровское.

Такъ какъ прот. Восторговъ не зналъ даже приблизительно, кто именно былъ его оппонентъ-крестьянинъ, а запомнилъ только произносившееся въ собраніи имя его, то въ оффиціальномъ отношеніи предварительно предписано было узнать точно всѣ подробности и фамилію крестьянина Григорія, выступавшаго на предвыборномъ при участіи прот. Восторгова собраніи.

Мѣстныя власти произвели дознаніе и въ мельчайшихъ деталяхъ отвѣтили на этотъ запросъ по телеграфу, сообщивъ не только данныя о томъ, что крестьянинъ этотъ Григорій Распутинъ и Новыхъ, но даже и біографическія и чуть ли не генеалогическія подробности. А когда вслѣдъ за этимъ тамошнимъ властямъ предписано было „предложить означенному Распутину“ прибыть въ Москву, на каковой предметъ снабдить его безплатнымъ билетомъ для проѣзда по желѣзной дорогѣ, то мѣстный исправникъ, вспомнивъ о своей бесѣдѣ съ прот. Восторговымъ и о его словахъ, что „онъ намъ еще нуженъ будетъ“, опытнымъ полицейскимъ нюхомъ угадалъ, что тутъ далеко ужъ не такъ просто . . .

Этимъ и объясняется его недовольство по поводу препровожденія Распутина пѣшкомъ въ уѣздъ, да еще и подъ конвоемъ.

Желая загладить свою первую погрѣшность, явившуюся прямымъ слѣдствіемъ его собственной нераспорядительности, исправникъ Казимировъ отправилъ Распутина изъ уѣзда до желѣзнодорожной станціи на казенныхъ лошадяхъ и въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Станціонное же начальство, получивъ многозначительную бумагу исправника о предоставленіи Распутину, по распоряженію высшаго начальства, безплатнаго проѣзда, отвело ему отдѣльное купэ, а станціонный ротмистръ Катковъ прикомандировалъ въ качествѣ проводника къ Распутину одного изъ своихъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ съ приказомъ сопровождать его вплоть до станціи назначенія, т. е. до Москвы.

Впослѣдствіи всѣ лица, выказавшія Распутину свое такое случайное вниманіе, награждены были имъ мило-

стиво, болѣе чѣмъ по заслугамъ, а сельское начальство Покровскаго, равно какъ свящ. Ильинъ и нѣкоторыя другія лица, попавъ въ немилость у занявшаго вскорѣ положеніе „старца“ — Григорія Распутина, испытали на себѣ всѣ прелести личной мести его... Но каяться было поздно...

Прибылъ Распутинъ въ Москву, какъ разъ въ тотъ періодъ, когда прот. Восторговъ, доселѣ никѣмъ особенно невѣдомый, вернулся изъ Петербурга, куда ѣздилъ въ сопровожденіи проф. Морозова и члена московскаго Центр. Комитета прис. повѣр. Никитина.

Доклады прот. Восторгова о его поѣздкѣ имѣли въ петербургскихъ монархическихъ кругахъ большой успѣхъ. Членъ Госуд. Думы Замысловскій лично принялъ участіе и добился устройства одного доклада и въ Аничковскомъ Дворцѣ, гдѣ до того онъ самъ былъ постояннымъ и единственнымъ докладчикомъ по разнымъ злободневнымъ политическимъ вопросамъ. А вслѣдъ за Аничковскимъ Дворцомъ прот. Восторговъ приглашенъ былъ прочитать докладъ и въ кружкѣ престарѣлой графини Игнатьевой, старѣйшей и почтеннѣйшей изъ придворныхъ дамъ послѣдняго времени.

Кружокъ графини Игнатьевой состоялъ преимущественно изъ придворныхъ и носилъ полумистическій-полуполитическій характеръ. Въ немъ уродливо сочетались такія явленія, какъ бесѣды на божественныя темы епископа Гермогена и іеромонаха Иліодора, салонные заговоры придворной камарильи другъ противъ друга, — и „веселые вечера“ участниковъ кружка, о которыхъ въ свое время гуляло по Россіи приписанное Б. М. Пуришкевичу стихотвореніе, начинавшееся словами:

„Была война, была Россія,
„И былъ салонъ графиня И.
„Гдѣ новоявленный Мессія
„Тянулъ холодное „Аи“.

Въ другой части этой злободневной поэмы, сопоставляя Распутина съ остальными членами кружка, авторъ характерно подмѣтивъ, выдѣляетъ яркій этотъ контрастъ въ слѣдующей строфѣ:

„И маникюръ графини блещетъ
„На фонѣ траурныхъ ногтей...

. . . . . .

Докладъ прот. Восторгова въ салонѣ гр. Игнатьевой былъ сплошнымъ тріумфомъ для докладчика. Далекіе отъ дѣйствительной государственной жизни придворные приспѣшники, дѣлавшіе политику въ своихъ салонахъ и знавшіе жизнь страны развѣ только изъ оконъ своихъ хоромовъ и отчетовъ управляющихъ ихъ крупными помѣстьями, сразу поняли, что есть еще и другая жизнь, жизнь настоящая, жизнь необъятной страны съ многомилліоннымъ крестьянскимъ и, какъ оказалось, интереснымъ даже съ ихъ точки зрѣнія, населеніемъ . . .

Насколько хорошо всѣ эти люди знали жизнь страны, можно заключить по слѣдующему характерному факту: когда прот. Восторговъ, развивая передъ собравшимися въ салонѣ вопросъ о необходимости надѣленія голодающихъ періодически, вслѣдствіе малоземелья, крестьянъ землей, присутствовавшій среди гостей Пензенскій предводитель дворянства И. Брянчаниновъ, считавшійся въ придворныхъ кругахъ либеральствующимъ, привелъ рядъ фактовъ изъ области крестьянской нужды въ недавній до того времени неурожайный годъ. Аудиторія рты разинула отъ удивленія и вмѣстѣ съ тѣмъ — ужаса, что крестьянамъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ приходилось толочь и молоть кору деревьевъ и ѣсть изготовляемыя изъ этого суррогата лепешки. А князь Н. Трубецкой, членъ Государственнаго Совѣта, крупный помѣщикъ-землевладѣлецъ Рязанской губерніи, искренно усумнившись въ дѣйствительности впервые, видимо, услышанныхъ имъ фактовъ, въ деликатной формѣ слѣдующимъ образомъ высказалъ свои по этому поводу сомнѣнія:

— Неужто у нихъ и хлѣба то не было! . .

Сіятельный помѣщикъ, вѣроятно, полагалъ, что голодающимъ крестьянамъ не хватало устрицъ и куропатокъ . . .

Этотъ случай сталъ притчей во языцѣхъ всей столичной прессы, и кн. Трубецкой, оправдываясь въ газетѣ „Новое Время“, искренно заявлялъ, что онъ ранѣе не могъ и допустить чего либо подобнаго и что въ районѣ его помѣстій такихъ фактовъ не существовало.

Правда, его и въ этомъ разубѣдили приведеніемъ статистики голода девятидесятыхъ годовъ, но . . . великосвѣтская психологія его врядъ ли и отъ этого много измѣнилась.

Докладъ прот. Восторгова и пренія по нѣкоторымъ отдѣльнымъ частямъ его затянулись далеко за полночь.

За ужиномъ, послѣ доклада, разговоръ все время вертѣлся вокругъ той же темы, и гости, особенно дамы, въ восторгъ приходили отъ удачной имитаціи и пародированія прот. Восторговымъ деревенской сцены въ селѣ Покровскомъ. Особенно много смѣха вызвалъ своеобразно по мнѣнію „салонныхъ политикановъ“ понятое крестьянами замѣчаніе прот. Восторгова о необходимости избранія въ Госуд. Думу „русскихъ людей“, которое, какъ рѣшили въ салонѣ, обидѣло крестьянъ, почему они-де и заявили:

— Нѣшто мы татаръ посылаемъ...

Уже въ частной бесѣдѣ, прот. Восторговъ посвятилъ собравшихся въ салонѣ въ подробности постановленія Центр. Комитета Монархическихъ организацій о привлеченіи агитаторовъ-крестьянъ, нарисовавъ имъ картину своего плана будущей всеобщей, благодаря этому, побѣды на выборахъ. И тутъ же для вящей убѣдительности заявилъ, что для почина въ этомъ дѣлѣ выписанъ именно тотъ самый крестьянинъ Григорій, выступленіе коего противъ прот. Восторгова и привело къ означенному выше рѣшенію Комитета.

Присутствовавшіе въ салонѣ, одобривъ находчивость прот. Восторгова, всѣ въ одинъ голосъ заявили о своемъ желаніи повидать „этого мужичка“.

Прот. Восторговъ обѣщалъ исполнить ихъ желаніе тотчасъ же по прибытіи послѣдняго въ Москву, оговорившись, однако, что въ томъ только случаѣ, конечно, „если его удастся розыскать“.

Присутствовавшій на докладѣ въ салонѣ графини Игнатьевой товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ П. Д. Крыжановскій обѣщалъ свое въ этомъ смыслѣ содѣйствіе, и высокопоставленные члены кружка уже заранѣе предвкушали всю прелесть посѣщенія ихъ салона „самымъ настоящимъ мужичкомъ“.

Это было ново, оригинально и „страшно занятно“, какъ увѣрялъ ихъ предводитель дворянства Брянчаниновъ, воспользовавшійся случаемъ щегольнуть знаніемъ деревни, которую-де онъ изучалъ теоретически и... практически, проводя, по его собственнымъ словамъ, ежегодно по цѣлому мѣсяцу у себя въ деревнѣ въ промежуткѣ между весеннимъ и лѣтнимъ сезонами въ Крыму и заграничныхъ курортахъ.

Прот. Восторговъ, впервые попавъ въ великосвѣтское общество, не безъ основанія гордился своимъ успѣ-

хомъ въ салонѣ и особеннымъ вниманіемъ къ нему не только въ теченіи вечера, но сказавшемся въ приглашеніи его гр. Игнатьевой лично на слѣдующій день, „на чашку чаю".

Это второе посѣщеніе салона носило уже болѣе интимный, нежели оффиціальный характеръ. Среди какъ-бы запросто явившихся къ чаю къ графинѣ Игнатьевой гостей, подавляющее большинство состояло изъ женской половины. Разговорамъ о вчерашнемъ докладѣ батюшки не было конца. Пропустившія этотъ докладъ графини: Шувалова, Клейнмихель, баронесса Пистолькорсъ и другія статсъ-дамы, искренно сожалѣя о томъ, упросили прот. Восторгова повторить для нихъ касавшуюся „мужичковъ" часть доклада, о которой такъ много уже говорили въ ихъ кругу.

И снова, какъ и наканунѣ, веселому настроенію, казалось, конца не будетъ; снова тѣ же просьбы „показать" этого мужичка и вторичное на сей разъ обѣщаніе прот. Восторгова исполнить эту просьбу, тѣмъ болѣе, что сіятельныя дамы наперебой предлагали свои услуги въ отношеніи облегченія розысковъ новаго объекта исключительнаго любопытства для членовъ кружка великосвѣтскаго салона.

Присутствовавшая тутъ же гр. Головина предложила, черезъ сестру свою А. А. Вырубову, повліять на успѣшные розыски и осуществленіе предпринятаго плана демонстрированія пейзана въ великосвѣтскомъ салонѣ.

Тутъ то прот. Восторговъ сразу понялъ, что все случившееся столь неожиданно для него, далеко не такъ шаблонно, какъ ему по началу это казалось. Вниманіе великосвѣтскаго общества, вліятельныя знакомства, придворныя сферы, а тамъ — гляди — еще того больше, и въ придворные іереи недалеко.

Отъ однихъ размышленій у него вскружилась голова. И онъ, видимо, твердо рѣшилъ „на мужичкѣ карьеру сдѣлать".

Одновременно съ предпринятымъ такимъ рѣшеніемъ, прот. Восторговымъ былъ выработанъ и соотвѣтствующій строгій планъ дѣйствій; намѣчены были весьма характерныя детали его будущихъ отношеній съ Григоріемъ и, какъ подобаетъ профессіоналу-миссіонеру, прот. Восторговъ рѣшилъ позаняться съ неотесаннымъ мужичкомъ, чтобы тотъ въ салонѣ лицомъ въ грязь не ударилъ, да и его въ неловкое положеніе не поставилъ . . . И дѣйстви-

тельно: отъ деревенскаго крестьянина Григорія, благодаря разсказамъ прот. Восторгова, ждали какихъ то новыхъ, мужицкихъ, откровеній, новыхъ истинъ о впервые проникшемъ въ салонъ вмѣстѣ съ прот. Восторговымъ какомъ то, для нихъ доселѣ несуществовавшемъ, крестьянскомъ вопросѣ.

Все это имъ очень хорошо учитывалось, и на этомъ именно прот. Восторговъ строилъ всѣ свои дипломатически-церковные, если можно такъ выразиться, планы будущаго своего придворно-духовнаго величія.

V.

Легко, конечно, понять то нетерпѣніе, съ которымъ вернувшійся изъ Петербурга прот. Восторговъ ожидалъ пріѣзда, ставшаго для него объектомъ умопомрачительныхъ вожделѣній, крестьянина Григорія Распутина-Новыхъ, о которомъ онъ уже зналъ всѣ подробности изъ первой оффиціальной телеграммы отъ тамошнихъ властей въ Петербургъ.

Скрывая тщательно свои тайные замыслы о Распутинѣ даже передъ Центральнымъ Комитетомъ, прот. Восторговъ, усердно готовился къ встрѣчѣ своего гостя и его пребываніе въ Москвѣ рѣшилъ обставить такъ, чтобы Распутина держать все время въ сферѣ исключительнаго своего вліянія.

Приписавъ личнымъ своимъ, будто-бы, хлопотамъ случайное участіе вліятельныхъ лицъ изъ салона графини Игнатьевой въ дѣлѣ розысковъ и препровожденія Распутина въ Москву, прот. Восторговъ, узнавъ о скоромъ его прибытіи, лично запросилъ тобольскія власти по телеграфу о предположительномъ днѣ пріѣзда Распутина и, получивъ точныя свѣдѣнія, встрѣтилъ его на вокзалѣ.

Неожиданная и радостная встрѣча Распутина прот. Восторговымъ, т. е. именно тѣмъ самымъ, котораго онъ на собраніи „сбилъ съ панталыку“, какъ остроумно шутили крестьяне, окончательно заставила Распутина пріунынть.

И безъ того, весь этотъ „почетъ“ со стороны исправника, желѣзнодорожной и жандармской администраціи, его арестъ и безпрерывный отъ Покровскаго до Москвы постоянный и неотлучный конвой, все это не внушало Распутину ничего добраго. Часто вспоминалъ онъ въ длинномъ пути свое прощаніе съ семьей, горькія слезы своей Евдокіи и навзрыдный плачъ дѣтокъ. Не разъ, быть можетъ, каялся и сожалѣлъ онъ о своей словоохотливости; вспоминая хотя и радостный для него день ставшій такъ внезапно нынѣ уже безрадостнымъ.

— А что то еще впереди ожидаетъ? — размышлялъ онъ.

И точно въ калейдоскопѣ, проносились пришедшіе на память вдругъ ужасные разсказы покровскаго батюшки о послѣдствіяхъ выступленій нѣкоторыхъ лицъ, въ гапоновскіе дни, которыя онъ почему-то вдругъ приравнялъ къ своему выступленію противъ прот. Восторгова, и въ его воображеніи рисовались уже тюремныя рѣшетки, судъ, обвиненіе въ стремленіи къ ниспроверженію существующаго строя и всѣ финальныя съ этимъ связанныя прелести...

А тутъ еще и словоохотливый жандармскій унтеръ, его сопровождавшій, со своими разсказами о томъ, что „сицилистовъ, тѣхъ, значитъ, которые противъ Царя“ завсегда сопровождать приходится, но все больше въ губернію, а чтобы въ столицу, такъ оно очень рѣдко...

Естественно, все это наводило Распутина на самыя грустныя размышленія. Подавленный, осунувшійся и уставшій отъ длиннаго и непріятнаго пути, Распутинъ выглядѣлъ ужасно. А когда на перронѣ вокзала передъ нимъ выросла фигура прот. Восторгова, онъ окончательно растерялся, рѣшивъ, что, молъ, „все кончено“. Сразу все понятно стало, исчезли затаенныя, хотя и слабыя, искорки надежды, ясно было, что настала бѣда и именно отъ этого батюшки исходящая. Когда же прот. Восторговъ предложилъ ему отправиться вмѣстѣ съ нимъ, то конвойный жандармъ этому вопротивился, заявивъ, что „приказано сдать при бумагѣ“...

Быстро выполнены были всѣ мелкія формальности. Станціонная жандармская власть, предупрежденная, видимо, обо всемъ, немедленно приняла „сданнаго при бумагѣ“ Распутина, и черезъ нѣсколько минутъ онъ вдвоемъ съ прот. Восторговымъ сидѣлъ уже въ пролеткѣ московскаго лихого извозчика, мчавшагося по направленію къ Большой Дмитровкѣ, къ дому, гдѣ жилъ прот. Восторговъ.

Нѣсколько минутъ, проведенныхъ Распутинымъ въ станціонномъ жандармскомъ отдѣленіи — казались ему годами. Въ плоховатой одеждѣ, съ маленькой котомкой въ рукахъ, весь точно помятый, грязный съ дороги, Распутинъ производилъ удручающее впечатлѣніе. И только очутившись на воздухѣ, въ лакированной коляскѣ на мягкихъ рессорахъ и резиновыхъ шинахъ, впервые за послѣдніе дни безъ конвоировъ, рядомъ съ прот. Восторговымъ, такъ ласково и сверхъ ожиданія, — мягко съ нимъ бесѣ-

довавшимъ, Распутинъ понемногу сталъ приходить въ себя.

Прот. Восторговъ всю дорогу только и распрашивалъ: „какъ исправникъ поживаетъ“, „та-ли еще учительница на селѣ“, въ связи съ этимъ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи содѣйствовать переименованію начальной сельской школы въ двухклассное училище, посвятивъ попутно Распутина въ тайны подобной метафоры, отъ которой училище, собственно, ничего не выгадываетъ, все остается по прежнему, но зачисленіе его въ слѣдующій разрядъ влечетъ за собой увеличеніе содержанія учительницѣ. Распутинъ слушалъ какъ ошеломленный, и ни однимъ словомъ не обмолвился. А прот. Восторговъ, когда уже подъѣзжали къ дому, просилъ напомнить какъ нибудь объ учительницѣ и ея просьбѣ, чтобы при случаѣ похлопотать за нее...

Въ домѣ прот. Восторгова Распутину отвели отдѣльную комнату. Давъ гостю своему отдохнуть и привести себя въ приблизительный порядокъ, прот. Восторговъ осторожно, чисто по миссіонерски, съ подходами издалека, сталъ вводить его въ курсъ происшедшихъ событій, и, дойдя до описанія салона графини Игнатьевой и лицъ, въ немъ бывающихъ, совершенно огорошилъ Распутина этими громкими именами „Царю близкихъ лицъ“, какъ старался прот. Восторговъ популярно истолковать ему высокое положеніе, занимаемое послѣдними. И незамѣтно для самого ссбя. увлекшись собственными перспективами, прот. Восторговъ нечаянно, видимо, а то, быть можетъ и для вящей убѣдительности, проронилъ:

— Съ такими лицами мы и ко Двору попасть можемъ.

Конечно, сказавъ умышленнн „мы“, прот. Восторговъ въ душѣ не сомнѣвался, что это „мы“ касается его одного. Да это и понятно. Могло ли даже въ голову прійти ему, кто изъ нихъ двухъ, кромѣ него, можетъ разсчитывать на это! Тѣмъ болѣе допустить, что случится обратное: при дворѣ окажется Распутинъ, а не онъ, вскорѣ потерявшій даже доступъ не только въ салонъ гр. Игнатьевой, но и къ отдѣльнымъ вліятельнымъ лицамъ, ранѣе принимавшимъ его съ распростертыми объятіями.

А случилось это такъ же, какъ и съ покровскимъ священникомъ Ильинымъ: прот. Восторговъ не учелъ, да и не могъ учесть, того стихійнаго вліянія, которое сразу оказалось за Распутинымъ, на первыхъ порахъ не столько

личнаго, сколько благодаря всѣхъ, сгруппировавшихся вокругъ него высокопоставленныхъ и власть имѣвшихъ сановниковъ, какъ въ министерскихъ, такъ и придворныхъ кругахъ.

Прот. Восторговъ готовилъ Распутина не для Распутина, а исключительно для себя и своей карьеры. Но вскорѣ горько убѣдился въ ошибочномъ, ложномъ разсчетѣ, когда, вмѣсто собственной карьеры, сталъ свидѣтелемъ карьеры Распутина, а наряду съ этимъ — померкшей своей временной славы и чуть ли не опалы.

. . . . . .

. . . . . .

Свою работу съ Распутинымъ прот. Восторговъ началъ не съ введенія его въ курсъ агитаціонныхъ наукъ и основной роли, для него предназначенной монархическимъ комитетомъ, а съ ознакомленія съ ролью великосвѣтскаго кружка салона гр. Игнатьевой. Бесѣдуя съ Распутинымъ по цѣлымъ днямъ, прот. Восторговъ, путемъ разныхъ примѣровъ, осторожно внушалъ ему, чего дѣлать въ великосвѣтскомъ обществѣ нельзя, что можно и должно, доходя въ своихъ стараніяхъ чуть ли не до лекцій „хорошаго тона“.

Хитрый мужикъ, какъ его впослѣдствіи окрестили, а по моему — даже не глупый и обладавшій особымъ даромъ „приспособляемости“, Распутинъ, внимательно слушалъ, даже какъ бы съ благодарностью, и все на усъ моталъ.

Прошло нѣсколько дней и Распутинъ, наружно преображенный, въ новой поддевкѣ, сапогахъ и рубахѣ, подстриженный и вычищенный, предсталъ передъ Центральн. Комитетомъ Монархическихъ организацій. Правда, прот, Восторговъ не особенно охотно представилъ его Комитету. Но къ этому его обязывалъ партійный долгъ, долгъ не только моральный, но и матеріальный. Съ появленіемъ Распутина въ Комитетѣ, ликвидировались старые авансы на организацію его пріѣзда и на расходы по приведенію въ исполненіе основного съ его пріѣздомъ связаннаго плана, предстояли новыя авансовыя подотчетныя и безотчетныя суммы.

На Комитетъ Распутинъ произвелъ различное впечатлѣніе: одни сомнѣвались въ ораторскихъ способностяхъ новоявленнаго Заратустры, другіе увѣряли „что онъ еще разойдется“, были и такіе, которые въ односложныхъ фразахъ его, коими онъ отвѣчалъ на тирады и рѣчи въ его

честь произнесенныя, усматривали скрытыя достоинства и таинственно туманно предсказывали „нѣчто“...

Никто конечно, не зналъ истинной подоплеки столь страннаго поведенія Распутина, задумчиво сидѣвшаго въ засѣданіи и разсматривавшаго развѣшанные по стѣнамъ портреты, въ то время, когда „комитетчики“ всю свою ораторскую энергію и краснорѣчіе употребляли по его адресу. Никому въ голову и не могла прійти мысль о томъ, что все его поведеніе въ тотъ вечеръ — являлось результатомъ наущенія прот. Восторгова.

Одинъ только экспансивный товарищъ предсѣдателя петербургскаго монархическаго союза, П. Ф. Булацель, случайно пріѣхавшій въ Москву и присутствовавшій на этомъ экстренномъ засѣданіи Комитета, категорически — отрицательно отнесся къ Распутину и въ личной бесѣдѣ съ проф. Морозовымъ и другими членами комитета высказалъ свое по этому поводу рѣзкое мнѣніе:

— Вы ждете отъ него пользы, а получите большой вредъ...

П. Ф. Булацель тутъ же совѣтовалъ ликвидировать эту затѣю, но на него обрушились соратники по партіи, видѣвшіе въ Распутинѣ новую эру торжества вожделѣнныхъ идей монархическаго союза.

Результаты нынѣ извѣстны, и говорить о нихъ не приходится.

Распутинъ продолжалъ жить въ домѣ прот. Восторгова, быстро освоившись съ новой обстановкой; успокоилъ подробнымъ письмомъ семью о своей участи, перевелъ небольшую сумму денегъ въ село Покровское и зажилъ припѣваючи.

Попутно съ пичканьемъ Распутина лекціями на разныя теиы, въ коихъ можетъ встрѣтиться надобность въ великосвѣтскомъ обществѣ, прот. Восторговъ велъ переписку съ граф. Игнатьевой, подробно посвящая ее въ свои собесѣдованія съ „мужичкомъ“ и сообщая письменно нѣкоторые „взгляды“ послѣдняго на разные вопросы.

Нечего, конечно, говорить, что все это были не взгляды Распутина, которыхъ у послѣдняго вообще въ ту пору, да и позже, не было. Но внушая ихъ Распутину, прот. Восторговъ дипломатично сообщалъ все это гр. Игнатьевой, чтобы заранѣе обезпечить и подготовить своему протежэ успѣхъ. Распутинъ былъ въ курсѣ всей этой переписки. Купивъ карманную тетрадку, карандашъ и перочинный ножикъ, прот. Восторговъ заставлялъ его записывать мно-

гое для памяти, правильно разсчитавъ, что всякая фраза, однажды записанная, легко запомнится полуграмотнымъ Распутинымъ, и, за отсутствіемъ у него вообще какихъ либо по этимъ вопросамъ взглядовъ, все это будетъ усвоено имъ, какъ собственное, и силою привычки постепенно привьется ему.

На первыхъ порахъ оно такъ и было. Но очень недолго. Въ дальнѣйшемъ же Распутинъ не только отказался отъ всего этого, но дошелъ до того, что его взгляды почитались закономъ даже для тѣхъ, кто еще такъ недавно поучалъ неотесаннаго мужичка.

„Химически“ изготовивъ его въ своей лабораторіи, прот. Восторговъ рѣшилъ, наконецъ, и за дѣло взяться. А это означало — въ Петербургъ, въ салонъ гр. Игнатьевой, въ общество высокопоставленныхъ и вліятельныхъ лицъ, а тамъ, тамъ... близка и реальная дѣйствительность, въ которую должны были претвориться всѣ его, почти несбыточныя, какъ ему самому такъ недавно казалось, мечты о головокружительной карьерѣ заурядnаго миссіонера, вознесеннаго исключительнымъ случаемъ до апогея полнаго счастья, предѣлъ коего завершался зачисленіемъ въ придворные іереи. А тамъ шагъ за шагомъ по іерархической лѣстницѣ недалеко и до конечнаго предѣла ея.

Такъ разсуждалъ ушедшій весь во все это, какъ ему казалось, недалекое свое будущее прот. Восторговъ. И сударожно-трепетно сжималось сердце, когда, пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ отправился съ визитомъ къ граф. Игнатьевой.

Почетная предсѣдательница кружка предварительно пожелала одна побесѣдовать съ Распутинымъ, а затѣмъ уже и въ собраніи его показать. Въ этомъ было меньше любознательности и даже любопытства, чѣмъ желанія имѣть возможность первой увидать „интереснаго мужичка“ и первой разсказывать о немъ до собранія въ великосвѣтскихъ гостинныхъ.

Прот. Восторговъ и Распутинъ приглашены были гр. Игнатьевой къ слѣдующему дню и въ непріемные часы, чтобы никого не встрѣтить, и помѣхи не было-бы гостямъ, къ пріему коихъ графиня тайно отъ самыхъ близкихъ готовилась все утро.

Появленіе Распутина въ уютномъ будуарѣ великосвѣтской престарѣлой, но еще бодрящейся львицы обставлено было съ какой то чуть ли не торжественной таинственностью, а каждое слово, имъ произнесенное, въ тотъ

день, комментировалось хозяйкой салона и всѣми приверженками кружка, какъ и впослѣдствіи роняемыя Распутинымъ фразы, на всякіе лады. Мистически настроенный кружокъ, подготовленный прот. Восторговымъ въ этомъ духѣ, въ каждомъ словѣ Распутина усматривалъ какой то тайный и обязательно божественный смыслъ. А тутъ еще случилось событіе, сразу выдвинувшее Распутина въ обладателя какой то сверхъестественной, и никакъ иначе, какъ божеской, силы.

Неглупый и сообразительный отъ природы сибирскій мужикъ, съ перваго момента своего появленія въ обществѣ великосвѣтскихъ и мистически настроенныхъ, бѣсившихся съ жиру, придворныхъ дамъ, интуитивно сообразилъ, что дурачить ихъ вовсе ужъ не такъ трудно, и что ему отъ этого только „лафа будетъ". Онъ разсказывалъ имъ народныя сказки о разныхъ царевнахъ, жившихъ „въ тридевятомъ царствѣ, въ заморскомъ государствѣ" и, подобно тому, какъ деревенскія бабы, разсказывая дѣтямъ такія сказки, мѣняютъ сюжетъ каждый разъ по собственной выдумкѣ, Распутинъ поступалъ точно такъ же, приспособляя свои сказки, примѣнительно къ аудиторіи. Его слушали съ затаеннымъ вниманіемъ и дѣлали изъ этихъ сказокъ выводы умопомрачительные.

Смѣлѣя съ каждымъ днемъ и все болѣе и болѣе входя въ новую роль, Распутинъ однажды выкинулъ штуку, за которую и произведенъ былъ въ разрядъ „святыхъ" и наименованъ „старцемъ".

Явившагося въ сопровожденіи прот. Восторгова на одно изъ очередныхъ собраній кружка, немного ранѣе назначеннаго часа, его провели въ пріемную графини Игнатьевой, бѣлую, сплошь увѣшанную картинами, комнату. Распутинъ съ любопытствомъ разсматривалъ развѣшанныя по стѣнамъ произведенія лучшихъ художниковъ, а когда вниманіе его остановилось на классическомъ произведеніи „Нана", онъ глазъ не могъ оторвать отъ голой, исключительной красоты женщины... Прот. Восторгову пришлось даже замѣтить ему, что это „непристойно" молъ, а по долгу занимаемаго сана — и возмутиться классическимъ произведеніемъ талантливаго русскаго художника. И какъ бы въ знакъ полнаго своего презрѣнія къ этому антирелигіозному произведенію прот. Восторговъ перешелъ въ смежную комнату и сталъ разсматривать портретную галлерею предковъ графини. Въ это самое время и произошло то, что впослѣдствіи и послужило поводомъ къ при-

знанію святости Распутина и производству его въ „старцы."

Вышедшая изъ своего будуара хозяйка дома застала пришедшихъ первыми гостей — прот. Восторгова и Распутина, — въ разныхъ смежныхъ, комнатахъ. Поздоровавшись съ Распутинымъ, графиня Игнатьева освѣдомилась, нравится ли ему ея коллекція картинъ, которой не безъ основанія она очень гордилась.

Тутъ Распутинъ, заранѣе, какъ это видно будетъ ниже, замысливъ коварное, подобострастно заявилъ.

— Простите, графинюшка! Не смотрѣлъ... Нехорошо голыхъ женщинъ напоказъ выставлять... Женщина — оно созданіе божеское, Мать человѣческая... Ева, значитъ... Изъ мужнинаго ребра сотворенная... Изъ самаго что ни на есть нутра Адамова... Плоть отъ плоти... Кровь отъ крови...

И тутъ же, повернувшись къ изображенію „Нана", Распутинъ осѣнилъ картину крестнымъ знаменіемъ...

Графиня смутилась. Перешли въ другую комнату, постепенно наполнявшуюся собиравшимися членами кружка. Изъ устъ въ уста передавалась исторія съ картиной и по предложенію юнаго барона Пистолькорса, мистика, недавно промѣнявшаго блестящій гвардейскій полкъ на монастырь, куда онъ все собирался уйти, рѣшено было картину эту въ будущемъ удалить, а пока, временно закрыть.

Но каково было удивленіе всѣхъ присутствовавшихъ, когда они узнали, что картина эта повреждена.

Бросились осматривать шедевръ искусства и обнаружили въ центрѣ картины крестообразный разрѣзъ. Отъявленный мистикъ и авторитетъ въ кружкѣ, баронъ Пистолькорсъ, сразу нашелся и установилъ, что картина лопнула отъ осѣненія ея крестнымъ знаменіемъ ... Цѣлымъ рядомъ фактовъ изъ области историческо-мистическихъ событій, приведенныхъ юнымъ мистикомъ, эти соображенія не только подтверждались, но становились все болѣе и болѣе неоспоримыми. Сомнѣніямъ не было мѣста.

Члены кружка наперебой стали оспаривать другъ передъ другомъ свое предвидѣніе, что не простой, молъ, Распутинъ человѣкъ, что есть въ немъ что то сверхестественное, дойдя постепенно и до наличія въ немъ ... святости.

А происходившее вслѣдъ затѣмъ собраніе кружка носило характеръ какой то наэлектризованности; никто не

слушалъ доклада епископа Гермогена, не имѣлъ успѣха также и фаворитъ кружка — іеромонахъ Иліодоръ.

Всѣ взоры обращены были въ сторону новаго фаворита — „старца“ Распутина, за каждымъ движеніемъ его внимательно слѣдили десятка два паръ женскихъ глазъ, чтобы не пропустить какого нибудь новаго проявленія святости сверхъестественнаго „старца“ . . .

Странное собраніе закончилось. Уѣхали докладчики— еписк. Гермогенъ и іером. Иліодоръ, а съ ними и прот. Восторговъ съ Распутинымъ.

Всю дорогу и дома, пока въ салонѣ графини Игнатьевой оставшіеся гости съ духовнымъ трепетомъ осматривали лопнувшую отъ распутинскаго креста картину, жившіе въ одномъ подворьѣ на Васильевскомъ островѣ докладчики и прот. Восторговъ съ Распутинымъ, дѣлились впечатлѣніями только что проведеннаго вечера въ великосвѣтскомъ салонѣ.

Въ кругу своихъ Распутинъ, конечно, не счелъ возможнымъ повторять бредни великосвѣтскихъ мистиковъ и откровенно разсказалъ, какъ онъ ножемъ провелъ по картинѣ, полушутя заявивъ прот. Восторгову:

— Спасибо, батюшка, что ножъ во время купили, пригодился.

За плотнымъ ужиномъ съ обильнымъ возліяніемъ четыре карьериста много смѣялись надъ великосвѣтскими мірянами, которымъ Господомъ-Богомъ такъ много отпущено силы и такъ мало ума.

Впослѣдствіи тотъ самый вечеръ и бесѣда эта послужили предметомъ взаимныхъ другъ-друга разоблаченій съ цѣлью устраненія невыгодной конкуренціи.

Епископъ Гермогенъ, человѣкъ образованный и умный, сразу сообразилъ всю опасность вознесеннаго до небесъ въ кружкѣ „старца“ и сталъ разоблачать исторію лопнувшей картины. Его ближайшимъ соратникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ іером. Иліодоръ, а впослѣдствіи, въ качествѣ главнаго сзидѣтеля присоединился и прот. Восторговъ, для вящей убѣдительности каявшійся въ томъ, что имъ лично по настойчивой будто-бы просьбѣ былъ купленъ Распутину этотъ самый перочинный ножъ, которымъ онъ надрѣзалъ картину.

Но всѣ три „дипломата въ рясахъ“, какъ они ни старались дискредитировать „старца“, оказались безсильны и, въ результатѣ предпринятой тогда уже многочислен-

ными поклонниками Распутина контръ-аттаки, потерпѣли сильное пораженіе, . .

Лишенные доступа въ салонъ гр. Игнатьевой, гдѣ освоившійся Распутинъ сразу занялъ доминирующее положеніе, они стали обивать пороги власть имущихъ лицъ, добиваясь „изъятія Распутина изъ обращенія".

Но силы оказались неравныя, и въ результатѣ, когда еписк. Гермогенъ и его пособники — іером. Иліодоръ и менѣе сильный связями прот. Восторговъ, стали распространять непріятные для членовъ кружка салона гр. Игнатьевой слухи, первые два были сосланы и заточены въ дальніе монастыри, а прот. Восторгову предложено было, подъ угрозой той же участи, вернуться къ мирнымъ своимъ занятіямъ.

Вся эта эпопея разыгралась такъ неожиданно и быстро и обставлена была такой таинственностью, что только немногимъ счастливцамъ извѣстны были всѣ закулисныя перипетіи этой великосвѣтской интриги. А когда петербургская пресса попыталась произвести „раскопки" въ этомъ дѣлѣ и сначала ощупью, а затѣмъ и болѣе твердо занялась раскрытіемъ тайнъ Гермогено-Иліодоровскаго дѣла, оберъ-секретарь святѣйшаго синода Боровитиновъ, по распоряженію оберъ-прокурора синода, вызвалъ къ себѣ редакторовъ газетъ и отъ имени послѣдняго заявилъ что этого вопроса не должно касаться въ печати, такъ какъ онъ является вопросомъ характера государственной тайны и въ настоящее время находится въ стадіи спеціальнаго секретнаго разслѣдованія.

Прессѣ, естественно, пришлось умолкнуть, несмотря на имѣвшіяся въ редакціяхъ документальныя данныя отъ епископа Гермогена и Иліодора, стремившихся изъ заточенія сказать всю правду объ этомъ дѣлѣ во всеуслышаніе, чего бы это имъ ни стоило, даже висѣлицы, какъ писали изъ дальнихъ монастырей еписк. Гермогенъ и іером. Иліодоръ, тайно навѣщаемые своими саратовскими и царицынскими друзьями, тщетно долгое время прилагавшими всѣ усилія къ освобожденію ихъ изъ несправедливаго заточенія . . .

V.

Избавившись сравнительно легко отъ всѣхъ трехъ бывшихъ друаей своихъ, ставшихъ самыми злѣйшими и самыми опасными для него врагами, Распутинъ сразу почувствовалъ себя какъ-то свободнѣе, и чѣмъ больше Гермогенъ, Иліодоръ или Восторговъ старались дискредитировать его, чѣмъ серьезнѣе были выдвигаемыя послѣдними обвиненія противъ Распутина, тѣмъ сильнѣе становилось покровительство вліятельныхъ сановниковъ, для которыхъ борьба съ врагами Распутина начинала пріобрѣтать характеръ личной борьбы, становилась вопросомъ ихъ сановнаго самолюбія. При такомъ положеніи вещей, естественно, враги Распутина терпѣли пораженіе за пораженіемъ, и грозившія „старцу“ непріятности устранялись механически.

Когда же противъ Распутина стали выступать нѣкоторыя лица, не менѣе вліятельныя, нежели его защитники, то для окончательнаго обезвреженія послѣднихъ рѣшено было устроить Распутину доступъ ко двору. Шагъ смѣлый, но, какъ оказалось, дипломатически — самый вѣрный.

Кружокъ графини Игнатьевой часто посѣщала графиня Головина, урожденная Танѣева. Три дочери сенатора Танѣева всѣ были въ придворномъ званіи. Одна — графиня Головина, вторая баронесса Пистолькорсъ и третья Вырубова.

Гр. Головина послѣдніе годы мало бывала при Дворѣ, баронесса Пистолькорсъ, какъ морганатическая супруга Великаго Князя Павла Александровича — должна была лишиться придворнаго званія одновременно съ опалой своего супруга и потеряла доступъ ко двору не столько изъ за брака съ Великимъ Княземъ, повлекшимъ за собой высылку его заграницу, сколько за серьезныя подозрѣнія въ странной смерти перваго ея супруга — барона Пистолькорса, скончавшагося какъ-то внезапно.

Оставалась при Дворѣ одна только изъ сестеръ — А. А. Вырубова.

Когда же для спасенія „старца“, а вмѣстѣ съ нимъ и чести кружка, задумано было устроить Распутину доступъ ко Двору, въ числѣ другихъ лицъ и даже въ качествѣ самой реальной силы, мобилизована была и Вырубова.

А. А. Вырубову за ея находчивость и придворныя интриги прозвали: „дипломатомъ въ юбкѣ“. На сей разъ она, дѣйствительно, оправдала остроумно придуманное для нея прозвище.

Едва только ее посвятили въ тайные замыслы кружка, какъ она тутъ же составила себѣ не только планъ дѣйствій, но замыслила и болѣе серьезное, много разъ ею предпринимавшееся, но все время неудававшееся: — возвращеніе Великаго Князя Павла Александровича ко Двору и возстановленіе его въ прежнихъ правахъ.

Энергичная и вѣчно подвижная Вырубова, которой обычно нужны были интриги для интригъ, на сей разъ преслѣдовала уже опредѣленныя цѣли. Съ возвращеніемъ Павла Александровича, за которымъ была старшая сестра ея — баронесса Пистолькорсъ, предстояла возможность устраненія нежелательныхъ лицъ изъ числа придворныхъ и водворенія вмѣсто нихъ — болѣе желательныхъ ей и всей той части придворной камарильи, лидеромъ которой считалась А. А. Вырубова.

Этимъ, конечно, и объясняется главнымъ образомъ то горячее участіе, которое приняла въ этомъ дѣлѣ Вырусова, лично представившая Государынѣ Александрѣ Федоровнѣ „сверхъестественнаго старца“, какъ отрекомендовала она Распутина Царицѣ задолго до появленія его при Дворѣ, разсказывая всяческія о немъ „чудеса“, въ центрѣ коихъ всегда фигурировала исторія съ лопнувшей отъ его креста картиной.

Съ этого момента и начинается вакханалія Распутиніады, оставившая по себѣ грустныя страницы въ исторіи Государства Россійскаго.

Болѣзненная и нервная Государыня души не чаяла въ своемъ единственномъ сынѣ, наслѣдникѣ Алексѣѣ. Исключительной красоты ребенокъ съ дѣтскихъ лѣтъ страдалъ кровоточивостью, болѣзнью ужасной, почти неизлѣчимой и опасной въ томъ отношеніи, что трудно предвидѣть причины или опредѣлить моментъ періодическихъ ея внезапныхъ наступленій, слѣдовательно, и пред-

отвратить таковыя. Къ тому же осложненія этой болѣзни могли имѣть самыя серьезныя послѣдствія, почему все вниманіе и сконцентрировано было на уходѣ за Наслѣдникомъ. Жизнерадостный отъ природы ребенокъ, конечно, не понималъ, что всякое неловкое движеніе, слабый ушибъ или даже быстрое хожденіе, все это — причины, вызывавшія періодическія наступленія болѣзни, приковывавшія его зачастую надолго къ постели.

Приставленный къ Наслѣднику дядька Деревенько до обожанія любилъ красавца мальчика и исполнялъ всѣ его капризы. Когда мальчику воспрещено было бѣгать, а дѣтская психологія, обычно не допускающая подобныхъ запрещеній, всю отраду именно въ запрещенномъ только и видитъ, то Деревенько до изнеможенія бѣгалъ съ нимъ по саду, крѣпко зажавъ въ объятіяхъ своего любимца. Подобныя временныя развлеченія, конечно, не удовлетворяли полностью дѣтской потребности. Стоило ему взобраться на стулъ или кровать, неловко сѣсть въ дѣтской на игрушечнаго коня, или слѣзая, оступиться, какъ болѣзнь наступала немедленно, приводя всѣхъ, а главнымъ образомъ Государыню — въ уныніе.

На этой слабой струнѣ и рѣшила сыграть А. А. Вырубова. Медленно, но вѣрно, она въ своихъ разсказахъ о „чудесномъ старцѣ“ Распутинѣ дошла до того, что стало чуть ли не пунктомъ помѣшательства матери — до способа излеченія юнаго Наслѣдника. Разсказывая всякія небылицы, о его, будто бы, „сверхъестественной тайной силѣ“, она осторожно намекнула на то, что, молъ, не вылѣчитъ ли онъ больного Наслѣдника? Государыня ухватилась за это предложеніе, и Распутинъ очутился при Дворѣ.

Юному Наслѣднику, имѣвшему вообще мало общенія съ людьми, да еще и не придворнаго круга, Распутинъ очень понравился. Гуляя по саду, Распутинъ разсказывалъ ему занимательныя сказки, чѣмъ и заставлялъ ребенка, впимательно слушавшаго его, медленно ходить, не бѣгать и не дѣлать быстрыхъ движеній, въ чемъ заключался одинъ изъ самыхъ главныхъ способовъ предотвращенія періодическихъ припадковъ болѣзни, ставшихъ за послѣднее время слишкомъ частыми, а, слѣдовательно, и болѣе опасными, даже угрожающими.

Нѣсколько недѣль, прошедшихъ безъ эксцессовъ бобѣзни, не могли не быть отнесены за счетъ Распутина, и экспансивная Государыня искренно повѣрила въ скорое и даже полное выздоровленіе Наслѣдника. А тутъ еще и по-

стоянныя нашептыванія Государынѣ о „святости“ старца Распутина и „божескихъ тайнахъ“, ему извѣстныхъ — довершили такъ удачно начатое „дипломатическое предпріятіе“ А. А. Вырубовой и К°.

Слава „старца“, однажды вылетѣвшая изъ великосвѣтскаго салона графини Игнатьевой, усердно муссировалась членами кружка, росла и крѣпла, развивалась и ширилась. О „чудесахъ“ Распутина цѣлыя легенды по городу гуляли. А частое его посѣщеніе Двора и близкое общеніе съ Царствующимъ Домомъ скоро сдѣлали изъ Распутина ходатая по большимъ и порою даже невозможнымъ дѣламъ.

Самъ Распутинъ хорошо учелъ свое вліяніе при Дворѣ, вліяніе, основанное на длительномъ отсутствіи эксцессовъ болѣзни Наслѣдника, и своимъ „черноземнымъ умомъ“ использовалъ это вліяніе не хуже заправскаго дипломата.

Къ Распутину стали ѣздить на поклонъ всѣ, кто добивался чего-либо такого, что безъ Царскаго вліянія осуществить никакъ нельзя, или почти невозможно, было. Первая его услуга, оказанная директору Волжско-Камскаго Банка П. Барку, неожиданно получившему постъ министра финансовъ, убѣдила Распутина въ правильности его системы.

А заключалась эта система въ слѣдующемъ: бесѣдуя съ Государыней или Государемъ, Распутинъ вдругъ заговаривалъ на абстрактныя темы, осторожно переходилъ къ больному все время вопросу о Госуд. Думѣ и дѣлалъ своеобразные выводы:

— Людей такихъ надо, чтобы съ Думой, значитъ, ладить умѣли и Царю преданы были ...

И тутъ же, глубоко вздохнувъ, продолжалъ:

— Знаю я такого одного человѣчика ... ума — палата, чувства вѣрноподданническія имѣетъ и Госуд. Думѣ по здраву придется ...

А вслѣдъ за этимъ называлась фамилія ставленника, и послѣдній вскорѣ получалъ назначеніе ...

Одно за другимъ, назначеніе Барка министромъ финансовъ, А. Н. Хвостова — министромъ внутреннихъ дѣлъ, другого Хвостова — министромъ юстиціи, а вмѣсто него вскорѣ А. А. Макарова — и цѣлый рядъ другихъ подобныхъ фактовъ, частыя перемѣны кабинета — все это не могло не обратить на себя вниманіе Госуд. Думы.

Но едва только въ Госуд. Думѣ серьезно занялись

этимъ вопросомъ, и въ печати на этомъ основаніи появились отчеты о засѣданіяхъ, спеціально вопросу о Распутинѣ посвященныхъ, какъ предсѣдатель Госуд. Думы В. Родзянко былъ экстренно вызванъ въ Царское Село, гдѣ впервые былъ нелюбезно и даже болѣе чѣмъ холодно принятъ, и въ краткой ауденціи, спеціально одному этому вопросу посвященной, ему было заявлено о необходимости изъятія Распутина изъ обсужденія въ засѣданіяхъ, съ довольно прозрачнымъ намекомъ о могущемъ послѣдовать въ связи съ этимъ и роспускѣ Госуд. Думы.

Наряду съ этимъ прессѣ, не только столичной, но и провинціальной, разослано было циркулярное предупрежденіе не только не касаться этой темы, но и запрещеніе появленія на столбцахъ повременныхъ изданій имени Распутина.

А тѣмъ временемъ вакханалія распутиніады продолжалась съ увеличенной энергіей.

Лишившись права открытаго обсужденія этого вопроса, вліятельныя лица изъ числа депутатовъ Госуд. Думы и сановниковъ изъ Госуд. Совѣта и даже Кабинета Министровъ, не прекратили, однако, своего похода противъ Распутина.

Случилось такъ, что Государю и Государынѣ удалось доказать, что вся эта исторія ведетъ къ позору, быть можетъ, и къ гибели страны. Большое вліяніе имѣло вмѣшательство въ исторію всѣми почитаемаго, хотя уже и больного въ ту пору, митрополита Антонія, бывшаго одно время въ должности придворнаго собесѣдника.

Результатомъ предпринятыхъ такимъ путемъ мѣръ и явилось устраненіе Распутина изъ Царскаго Села.

Когда же спустя короткое время вся царская семья уѣхала въ Ливадію, то Совѣтъ Министровъ рѣшилъ арестовать Распутина и, отправивъ на родину въ село Покровское, содержать тамъ подъ надзоромъ Полиціи.

Провѣдавъ объ этомъ рѣшеніи, приверженцы Распутина засуетились, и первымъ же шагомъ — было сообщеніе уѣхавшей вмѣстѣ съ царской семьей А. А. Вырубовой о грозящей „старцу“ опасности. Немедленно послѣдовалъ отвѣтъ отъ „дипломата въ юбкѣ“ — отправить Распутина къ ней въ Ливадію, гдѣ, конечно, ему гарантирована была-бы полная неприкосновенность.

Но едва только планъ этотъ приведенъ былъ въ исполненіе, а Распутинъ, находясь уже въ курьерскомъ поѣздѣ быстро мчался въ Крымъ, какъ Совѣтъ Министровъ

издалъ постановленіе о его арестѣ. Немедленно даны были срочныя телеграммы по пути слѣдованія его, и Распутинъ подъ конвоемъ возвращенъ былъ обратно въ Петербургъ, а затѣмъ уже и отправленъ на родину.

Прошло два мѣсяца отчаянной борьбы между придворными партіями распутинцевъ и анти-распутинцевъ. Тѣмъ временемъ А. А. Вырубова посѣщала дважды село Покровское, возвращаясь въ Петербургъ, гдѣ безпрерывно происходили тайныя совѣщанія по вопросу о Распутинѣ.

Миновалъ сезонъ въ Крыму, и Царская семья вернулась въ зимнюю резиденцію.

А прежнее милостивое отношеніе къ Распутину перешло въ такую ненависть, что Государыня и слышать не хотѣла этого имени даже тогда, когда Наслѣдникъ, случайно ударившись о весло во время катанія въ лодкѣ, заболѣлъ и слегъ на продолжительное время.

Силою обстоятельствъ Вырубова и вся партія ея вынуждены были избѣгать даже упоминанія въ присутствіи Государыни имени Распутина. И постепенно о немъ стали какъ будто забывать; укрѣплялась побѣда враговъ его, и для приверженцевъ Распутина надвигалась зловѣщая опасность потерять прежнее свое вліяніе въ придворныхъ сферахъ и уступить таковое новой партіи, во главѣ которой были приверженцы Гермогена и Иліодора и вліятельная часть синодскихъ преосвященныхъ.

Чтобы напомнить о Распутинѣ и воскресить его имя въ памяти какимъ либо способомъ, геніальная интригантка А. А. Вырубова рѣшилась на послѣднее средство. Въ селѣ Покровскомъ съорганизовано было мнимое покушеніе на жизнь Распутина, покушеніе, артистически обставленное. Достаточно того, что субъектомъ совершенія преступленія избрана была заурядная нищенка - алкоголичка, которую приспѣшники Вырубовой умѣло подготовили къ этому дѣлу, гарантировавъ ей, кромѣ вознагражденія, и полную безнаказанность. Инсценировка покушенія обдумана была до мельчайшихъ деталей, но такъ все было „бѣлыми нитками шито“, что труда особаго не надобилось на раскрытіе, какъ это казалось уже на первыхъ порахъ, нѣкоторыхъ странныхъ обстоятельствъ, какъ самаго покушенія, такъ и отдѣльныхъ чисто фарсовыхъ моментовъ этого „преступленія“.

Такъ, въ моментъ покушенія въ селѣ Покровскомъ, какимъ то страннымъ образомъ случайно оказался одинъ изъ мелкихъ петербургскихъ хроникеровъ изъ суворинской

газеты „Вечернее Время“, который щедрой рукой разсылалъ оттуда во всѣ столичныя изданія объемистыя телеграммы, не останавливаясь передъ тѣмъ, что не только его труды, но даже дорого стоющій телеграфный тарифъ могъ быть не оплаченъ редакціями случайному и непрошенному корреспонденту.

На многія другія размышленія наводилъ и текстъ безпрерывно поступавшихъ въ редакцію, по нѣсколько разъ въ день, подробныхъ телеграммъ. Усердствовавшій „случайный“ свидѣтель покушенія — корреспондентъ сообщалъ о здоровьи Распутина подробные бюллетени, какіе въ то время въ Россіи принято было сообщать о болѣзни только особъ Царствующаго Дома.

На слѣдующій послѣ покушенія день послѣдовало оповѣщеніе міра о томъ, что у постели больного неотлучно находится экстренно прибывшая статсъ-дама А. А. Вырубова.

Какъ въ село Покровское въ теченіе сутокъ можно было „экстренно прибыть“, когда туда три дня скачи — не доскачешь — секретъ юркаго хроникера, впослѣдствіи патентовавшаго, вѣроятно, свое изобрѣтеніе.

Но фактъ остается фактомъ: всѣ средства хороши для достиженія цѣли. А въ данномъ случаѣ цѣль блестяще была достигнута. О Распутинѣ заговорили во всѣхъ слояхъ общества, конечно, и въ придворныхъ кругахъ. Этого только и нужно было Вырубовой и ея партіи.

Оставивъ чуть ли не умиравшаго, по телеграммамъ корреспондента изъ Покровскаго, „старца“ въ больницѣ, гдѣ ему и „серьезная операція предстояла“, и „врачи опасались за исходъ болѣзни“ и „угрожало зараженіе крови“ отъ того, будто бы, что вмѣстѣ съ ножемъ въ рану проникли частицы платья, заразившія ее — пренебрегши всѣмъ этимъ, Вырубова, дѣйствительно, экстренно примчалась въ Царское Село.

Въ своихъ разсказахъ о покушеніи на „старца“ она, конечно, обошла такія мелочи, какъ напримѣръ: что нищенка не ножемъ полоснула Распутина, а проткнула его сквозь толстый армякъ шляпной длинной шпилькой, быть можетъ, ей, Вырубовой, и принадлежавшей. Лишнее было ей распространяться и на тему объ операціи, которую врачи, по ея словамъ, считали безполезной, ибо раненый приговоренъ былъ ими безаппелляціонно къ смерти.

Все это замѣнялось подробностями о личности Рас-

путина, какъ онъ, почти безъ памяти, лежа чуть ли не на смертномъ одрѣ, крестя тяжелую свою рану, приговаривалъ будто-бы:

— Господь Богъ меня спасетъ, а убійцу проститъ...

Эта версія проникла въ печать еще до возвращенія Вырубовой изъ Покровскаго и служила прекраснымъ для нея подспорьемъ.

Не она, молъ, выдумала, а это фактъ неоспоримый: о немъ, молъ, даже въ прессѣ сообщалось.

Магическое дѣйствіе печати сказалось: Вырубовой повѣрили уже не только въ этомъ, но и во всемъ, ею въ связи съ покушеніемъ выдуманномъ. А выдумать она знала что. Опять извлечены были старые испытанные способы игры на больныхъ нервахъ матери, и новый разсказъ о Распутинѣ, что онъ, въ моментъ покушенія, подкошенный ударомъ ножа „шестидесятитрехлѣтней изможденной старухи-нищенки", когда бросились оказывать ему первую помощь, произнесъ:

— Умираю... Пожилъ, будетъ съ меня... Спаси и помилуй Господи отрока Алексѣя... Алешу... Сохрани Господи... на долгіе годы... Родителямъ во утѣшеніе... Престолу во красу... Государству во славу...

Этотъ періодъ совпалъ съ болѣзнью юнаго Наслѣдника послѣ катанія въ лодкѣ. Придворные медики и лучшіе профессоры-хирурги нашли ударъ по передней части кости ниже колѣна весьма серьезнымъ, могущимъ повлечь за собой произвольный переломъ прямой кости, и консиліумъ лейбъ-медиковъ, во главѣ съ проф. Федоровымъ, призналъ необходимымъ пребываніе Наслѣдника въ постели въ теченіи не менѣе трехмѣсячнаго срока.

Въ серьезности болѣзни, конечно, сомнѣваться не приходилось. Но опредѣленіе столь долгаго на сей разъ медиками срока пребыванія больного въ постели объясняется психологически еще и тѣмъ, что передъ врачами былъ не просто обыкновенный паціентъ, а Наслѣдникъ Престола Россійскаго.

Проф. Федоровъ впослѣдствіи, какъ это видно будетъ, такъ и объяснялъ вынесенное консиліумомъ профессоровъ рѣшеніе, совершенно опредѣленно заявивъ, что, будь передъ консиліумомъ другой паціентъ, не наслѣдникъ, то срокъ пребыванія его въ постели былъ бы назначенъ въ одинъ только мѣсяцъ.

Учитывалась медиками и наступившая дивная зимняя погода, и выпавшій снѣгъ, и опасенія, что жизнерадостный

юный паціентъ можетъ легко поскользнуться и снова повредить нечаянно больную ногу.

А „умиравшій безнадежно“ Распутинъ, едва только затихъ шумъ инсценированнаго покушенія, безъ операціи, быть можетъ, даже и безъ перевязки, тяжелой, по описанію корреспондента, раны, едва только раскрыта была тайна „покушенія“, быстро оправился отъ „смертельной“ опасности...

Прибывшій въ село Покровское спеціально командированный въ первые же дни московской газетой „Русское Слово“ корреспондентъ И. Пономаревъ засталъ Распутина „въ добромъ здравіи“, цѣлымъ и невредимымъ и, какъ это ни странно, даже живымъ, въ кругу семьи и корреспондента изъ „Вечерняго Времени“...

Съ того момента прекратились телеграммы - бюллетени о состояніи здоровья Распутина въ столичныхъ газетахъ, и ихъ мѣсто заняли подробныя свѣдѣнія, раскрывшія истинный характеръ инсценированнаго фарса покушенія.

Корреспонденту „Русскаго Слова“ въ теченіе долгаго времени не удалось не только обнаружить покушавшейся на убійство женщины, которой прежнія телеграммы присвоили несуществовавшую фамилію и подробно сообщали, что она-де, не мѣстная жительница, а видимо пріѣзжая, обязательно подосланная врагами „старца“. А по другой телеграммѣ оказалось, что „убійца“ — какъ установлено было, будто-бы, слѣдствіемъ, прибыла въ село Покровское, не иначе какъ по порученію іером. Иліодора, ибо принадлежитъ къ числу царицынскихъ его поклонницъ — богомолокъ.

По тѣмъ же телеграммамъ, женщина эта своевременно была арестована и вскорѣ должна была быть предана суду по обвиненію въ покушеніи на убійство...

Несмотря на всѣ такія „подробныя“ свѣдѣніи безпристрастнаго распутинскаго корреспондента изъ „Вечерняго Времени“, спеціально командированный „Русскимъ Словомъ“ корреспондентъ не могъ не только разыскать арестованной „покушательницы“, но и свидѣтелей покушенія, хотя бы изъ числа тѣхъ, кто, какъ гласили первыя телеграммы о покушеніи, „на рукахъ переносили умиравшаго старца“ въ его избу, а затѣмъ и на пароходъ для отправки въ уѣздную больницу.

А въ самой больницѣ врачи и весь персоналъ только удивлялись вопросамъ корреспондента и, видимо, изъ не-

желанія очутиться въ положеніи свящ. Ильина изъ села Покровскаго, много претерпѣвшаго въ свое время изъ за Распутина, или глубокомысленно молчали, или, въ лучшемъ случаѣ — отговаривались полнымъ невѣдѣніемъ.

Но вскорѣ все раскрылось, какъ это бываетъ, совершенно случайно.

Къ мѣстному писарю, въ домѣ котораго жилъ сотрудникъ „Русскаго Слова“ во время своего пребыванія въ селѣ Покровскомъ, явилась шестидесятитрехлѣтняя сгорбившаяся старушка-нищенка, Ирина Ливкова, и повѣдала писарю безхитростный разсказъ о томъ, какъ господа, надѣливъ ее гостинцами, увѣрили въ томъ, что если кому уколъ въ бокъ сдѣлать, то на селѣ никогда пожара не будетъ...

Суевѣрная старуха, обнищавшая много лѣтъ назадъ послѣ пожара, на этой почвѣ помѣшалась, и всѣ знали, что деревенскія дѣти много смѣялись надъ ней, сдѣлавъ изъ ея такой маніи предметъ дѣтской шалости и развлеченій. Стоило дѣтямъ увидѣть гдѣ нибудь Ирину, какъ они поднимали крикъ:

— Пожаръ! Горимъ! Бабушка Ирина, спасайся!

И страдавшая пожаробоязнью нищенка, насколько ей силы и возрастъ позволяли, стремглавъ бросалась бѣжать вонъ изъ села, пропадая цѣлыми днями иногда въ полѣ. А дѣти, бока надрывая, бѣгали за ней, пока чей нибудь окрикъ взрослаго не прекращалъ ихъ развлеченія.

Но пока все это сдѣлалось достояніемъ печати, А. А. Вырубова и присные не оставались въ бездѣятельности. Атмосфера въ придворныхъ кругахъ сгущалась, и всей партіи Вырубовой, какъ и ей самой, предстояла дилемма:

— Побѣдить, или умереть...

А для „побѣды“ нуженъ былъ Распутинъ. Одно появленіе его вновь при Дворѣ уже означало-бы побѣду, заставивъ замолчать вражескій лагерь придворной камарильи. А тамъ и разсчеты легки.

Но какъ осуществить задуманное? Какъ добиться милости Государыни, когда она и имени Распутина слышать не хочетъ?

Не останавливаясь передъ выборомъ средствъ, А. А. Вырубова повела атаку черезъ больного Наслѣдника. Не только лично она, но и всѣ, находившіеся при больномъ стали напоминать ему „о дядѣ Гришѣ“... То, молъ, сказки для него новыя есть, то отъ Принцессы изъ прежнихъ

его сказокъ привѣтъ Наслѣднику передать имѣетъ, то Дѣдушка-Морозъ безъ „дяди Гриши“ прійти не хочетъ, дороги не знаетъ, и къ другому мальчику уйдетъ . . .

Волнуя всѣмъ этимъ дѣтское воображеніе, они внушали ему, что стоитъ маму хорошенько попросить, и она прикажетъ „дядѣ Гришѣ“ явиться.

Больной, прикованный къ постели и вслѣдствіе этого капризничавшій Наслѣдникъ сталъ повторять матери безпрерывно:

— Хочу дядю Гришу!.. У него сказки новыя есть!.. Съ Дѣдушкой-Морозомъ пусть придетъ!.. Про Принцессу разскажетъ!.. и т. д., все изъ области навѣянныхъ ему взрослыми фантазій . . .

А всѣ эти фрейлины и высокопоставленныя сидѣлки изъ числа распутинской плеяды, какъ Бабы-Яги, нашептывали Государынѣ, что Наслѣдникъ, вѣроятно, во снѣ Принцессу и Дѣдушку-Мороза видѣлъ, привѣтъ отъ которыхъ означаетъ, по ихъ толкованію сновъ, надежды на выздоровленіе. А желаніе видѣть Распутина, “отгадывателя сновъ“ истолковывалось своеобразно, что черезъ него, молъ, это выздоровленіе и предпослано Всевышнимъ . . .

Государыня, естественно, стала сдаваться. Болѣе мѣсяца Наслѣдникъ въ постели, дни эти тянутся для близкихъ, какъ годы, а впереди еще два мѣсяца, — цѣлая вѣчность . . .

Въ дѣло вмѣшался Государь, и рѣшено было вызвать Распутина на одинъ день въ Царское Село.

Побѣда обезпечена, распутинцы ликуютъ . . .

Всѣ эти дни, пока Распутинъ мчался изъ села Покровскаго въ Царское Село, находившіеся у постели больного Наслѣдника только и дѣлали, что разжигали воображеніе больного, терзая терпѣніе его.

— Вотъ ѣдетъ, вотъ завтра будетъ . . . Можетъ быть, къ Принцессѣ раньше заѣхалъ . . . Задержался, молъ, изъ за Дѣдушки-Мороза, холодно тому и трудно угнаться за „дядей Гришей“ . . . И все въ этомъ духѣ.

А когда Распутинъ прибылъ и находился уже въ смежной комнатѣ, въ покои Наслѣдника вошла А. А. Вырубова и въ присутствіи Государыни задала больному вопросъ:

— А ты, Алешенька, очень хочешь дядю Гришу повидать?

Когда же Наслѣдникъ отвѣтилъ утвердительно, она

посовѣтовала ему крикнуть: „дядя Гриша“ и тотъ немедленно явится.

Наслѣдникъ позвалъ Распутина дважды, и въ тотъ же моментъ пріоткрылась дверь его комнаты, и Распутинъ, высунувъ чуть-чуть свою бороду, отвѣтилъ оттуда:

— Ку-ку! Алешенька, ку-ку! Дай Богъ здоровья!

Свыше шести недѣль пролежавшій почти безъ движенія въ постели Наслѣдникъ такъ обрадовался, что соскочилъ съ кровати и бросился въ объятія Распутина...

Окружающіе затаили дыханіе, а Государыня замерла... Свершилось чудо. Больной Наслѣдникъ сразу выздоровѣлъ. Никакія увѣщанія не помогали и, увѣряя въ томъ, что „ничего не болитъ“, Наслѣдникъ требовалъ, чтобы его одѣли, что онъ гулять пойдетъ и „Дѣдушку-Мороза“, непоспѣвавшаго за Распутинымъ, но который долженъ скоро придти, встрѣтитъ.

Большихъ усилій, и то только благодаря Распутину, убѣдившему Наслѣдника, что Боженька здоровье посылаетъ только тѣмъ дѣтямъ, которыя отцу и матери послушны, стоило заставить больного вернуться въ постель до предстоящаго вечерняго консиліума. А когда собрались лейбъ-медики, то больше подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, нежели внутренняго убѣжденія, они разрѣшили больному встать на три дня для провѣрки степени выздоровленія, хотя и окрѣпшей уже давно, по ихъ мнѣнію, кости.

Но это не измѣнило мнѣнія „о чудѣ Распутина“, и повсюду разносилась молва о томъ, что онъ единымъ взглядомъ излѣчилъ столько времени пролежавшаго въ постели Наслѣдника.

Опять Распутинъ на прежнемъ мѣстѣ. Вернулось не только прежнее положеніе, но авторитетъ его росъ не по днямъ, а по часамъ.

На сей разъ Распутинъ уже болѣе твердо осѣлъ въ Петербургѣ, выписалъ изъ села Покровскаго семью и поселился въ роскошномъ домѣ по Гороховой улицѣ **N** 64, ставшемъ его постоянной резиденціей.

Вотъ тутъ-то и начались настоящія „распутинскія чудеса“, которыми завершилась уже и вся его дѣятельность, когда съ убійствомъ его положенъ былъ конецъ „распутиніадѣ“ и всей этой печальной эпохѣ.

VI.

Отнынѣ историческая квлртира Распутина сдѣлалась вскорѣ „штабъ квартирой россійской“, продолжая исполнять свое такое назначеніе до самаго дня убійства владѣльца ея. И дѣйствительно, это шутя создавшееся опредѣленіе распутинской квартиры вполнѣ соотвѣтствовало удачному названію „Россійской штабъ-квартиры“.

Кто только не перебывалъ въ этомъ „штабѣ“, растянувшемъ тончайшія сѣти по всей странѣ! Сюда являлись на поклонъ къ „старцу“ министры, не только по его милости у власти очутившіеся, но и тѣ, кто, цѣпляясь за власть, опасался впасть въ немилость у Распутина.

Паломничали и бывшіе министры, добивавшіеся милости „старца“ вновь у власти очутиться, губернаторы, начальники департаментовъ, военные и даже синодскіе представители. Ихъ дополняли всяческіе банкиры, купцы и акціонеры, одни — съ готовыми ходатайствами о разрѣшеніи неразрѣшаемаго, другіе — добивались крупныхъ поставокъ или иныхъ имъ подобныхъ дѣлъ. Были и такіе, кто безъ опредѣленной цѣли, такъ сказать — авансомъ, являлись къ всемогущему старцу, чтобы въ будущемъ, когда это нужно будетъ, имѣть уже готовый — къ нему доступъ.

Всю эту разношерстную, всегда толпившуюся въ пріемной Распутина, публику, дополняли женщины всѣхъ слоевъ общества, отъ сіятельныхъ и свѣтлѣйшихъ до артистокъ всѣхъ ранговъ, шантанныхъ и цыганскихъ пѣвицъ.

Словомъ, квартира эта, или вѣрнѣе — самъ Распутинъ, вскорѣ сталъ перилами той россійской лѣстницы, за которую судорожно цѣплялись всѣ, кому только взбираться по ней вздумалось.

Кабинетъ министровъ при Горемыкинѣ былъ почти цѣликомъ раскассированъ, благодаря, „штабъ-квартирѣ“, и въ такой моментъ, когда страна, очутившись въ состояніи

войны, менѣе всего отъ этого выигрывала не только въ глазахъ Европы, но и въ собственныхъ интересахъ. Безпрерывныя смѣны представителей разныхъ министерствъ, отъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ, до земледѣлія или государственныхъ имуществъ включительно, не могли не отразиться на государственномъ, въ связи еще и съ войной, аппаратѣ.

Б. С. Штюрмеръ еще задолго до войны, посѣщая „авансомъ“ Распутина, дипломатически просвѣщалъ „старца“ и вводилъ въ курсъ политики. А съ объявленіемъ войны, этотъ бывшій министръ, казалось бы, не имѣвшій права даже и мечтать о вторичномъ назначеніи, оскандаленный передъ Царемъ, народомъ и всей Европой, вдругъ, какъ то, точно по мановенію волшебнаго жезла, получаетъ назначеніе на отвѣтственный постъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Не успѣла еще вся Россія, что называется, руками развести по поводу столь страннаго и въ такой серьезный моментъ назначенія по министерству иностранныхъ дѣлъ, какъ вслѣдъ за этимъ послѣдовало назначеніе Б. С. Штюрмера и предсѣдателемъ Совѣта Министровъ.

Правда, больной и дряхлый премьеръ П. Горемыкинъ, извлеченный на старости лѣтъ изъ государственнаго архива, не могъ справиться съ моментомъ, да и вообще былъ настолько слабъ и болѣзненъ, что подымался утромъ, не иначе какъ послѣ сильнаго вспрыскиванія наркоза или камфоры, и изрѣдка выѣзжая изъ дому, нуждался уже въ посторонней помощи.

Но несмотря на все это, замѣна его, незапятнаннаго и честнаго государственнаго той эпохи дѣятеля, Б. С. Штюрмеромъ, человѣкомъ съ опредѣленно скомпрометированной репутаціей, была какъ бы личнымъ оскорбленіемъ предшественника и всего кабинета министровъ.

Покойный великій князь Константинъ Константиновичъ (поэтъ К. Р.) разразился по этому поводу слѣдующимъ четверостишіемъ:

Правилъ нами баринъ Пьеръ,
Принимая лишь лѣкарства, —
Нынѣ Штюрмеръ Б. — премьеръ, —
Воръ и плутъ подъ маской барства...

Съ этого момента вакханалія распутиніады приняла ужасающіе размѣры. Не только занимавшіе высокіе посты

лица, но и министры, мѣнялись на своихъ постахъ, какъ петербургская погода. Имѣя премьеръ-министромъ своего ставленника Б. С. Штюрмера, закусившій удила Распутинъ, дѣйствительно, началъ править страной. Стоило кому нибудь изъ министровъ не угодить въ чемъ либо Распутину, какъ дни его на министерскомъ посту были уже сочтены. Вчера еще фавориты, попадая у старца въ опалу, должны были уже заранѣе готовиться къ предстоящей отставкѣ.

Такъ постепенно и въ короткій срокъ министра Юстиціи Щегловитова смѣнилъ Хвостовъ, Хвостова — А. А. Макаровъ, а послѣдняго Н. А. Добровольскій. По министерству внутреннихъ дѣлъ — Н. А. Маклакова, другой А. Н. Хвостовъ, бывшій нижегородскій губернаторъ, и его уже и А. Д. Протопоповъ.

Не лучше обстояло и въ другихъ вѣдомствахъ и отдѣльныхъ учрежденіяхъ.

Даже охраннаго отдѣленія не обошелъ Распутинъ, и начальникомъ его назначенъ былъ начальникъ охраннаго отдѣленія изъ Царства Польскаго, генералъ Н. И. Глобачевъ.

Конечно, всѣми этими распутинскими операціями руководилъ не онъ лично, а имъ руководили тѣ, кто за спиной Распутина дѣлали свою политику или сводили между собой личные счеты, мало думая о пагубномъ разложеніи, вносимомъ всѣмъ этимъ въ государственный организмъ.

А все это, вѣдь, были люди, громко кричавшіе и кичившіеся своимъ патріотизмомъ, который они, превративъ въ профессію для себя, понимали по своему, изощряясь въ выказываніи вѣрноподданическихъ чувствъ, но ни на минуту не задумывавшіеся надъ тѣмъ, что всѣмъ этимъ бедламомъ, сквернями интригами и грязными дрязгами, взятыми ими подъ рубрику: „политика и дипломатія“, они ведутъ страну и родину къ неминуемой гибели.

Но что имъ Гекуба! Процвѣталъ бы только салонъ гр. Игнатьевой, отъ котораго „всѣ качества“, а тамъ — хоть и трава не расти.

Приписываемое В. М. Пуришкевичу памфлетное стихотвореніе, отдѣльныя строфы коего мною уже приводились выше, мѣстами характеризуетъ вполнѣ этотъ „политическій“ салонъ.

При всемъ моемъ нежеланія вводить въ историческую справку элементъ памфлета, вынужденъ уступить мѣсто отдѣльнымъ строфамъ этого стихотворенія, хотя бы

для того,чтобы разъ навсегда избавиться отъ необходимости описывать весь этотъ „салонъ“, носившій характеръ великосвѣтскаго лупанарія.

Вотъ какъ характеризуетъ его Пуришкевичъ:

Какъ хорошо дурманитъ деготь
И нервы женскія бодритъ!
Вы разрѣшите Васъ потрогать?
Статсъ-дама Гришкѣ говоритъ.
Вѣдь Вы такой необычайный,
Что я не въ силахъ устоять,
И сверхъестественною тайной,
Должны, навѣрно, обладать...
Вы квинтъ-эссенція эротикъ,
Вы высшій мистикъ по уму...
Сложивши въ дудочку свой ротикъ,
Графиня тянется къ нему.
Она какъ бабочка трепещетъ
Въ силкахъ разставленныхъ сѣтей,
И маникюръ графини блещетъ
На фонѣ траурныхъ ногтей...

Далѣе авторъ описываетъ, ставшія притчей во языцѣхъ, ночныя оргіи въ „салонѣ“:

Въ салонѣ тихо, гаснутъ люстры.
Войдя въ мистическую роль,
Мужикъ находчивый и шустрый,
Ведетъ себя, какъ Рокамболь...
Его пластическія позы
Внѣ этикета, внѣ оковъ;
Смѣшался запахъ туберозы
Съ ядренымъ запахомъ портковъ.
И даже пылкому Амуру
Неловко стало съ высока —
За титулованную дуру
Въ объятіяхъ потныхъ мужика...

Для характеристики „салона“, ставшаго „лабораторіей политики государства“, этихъ стиховъ достаточно... Комментаріи излишни.

Но не однимъ только этимъ салономъ жилъ Распутинъ.

Постепенно и собственная его квартира превратилась въ филіальное отдѣленіе салона, гдѣ въ теченіе дня, до

самаго вечера, когда Распутинъ выѣзжалъ въ разные великосвѣтскіе дома, жизнь кишмя кишѣла. Просители, одни другихъ смѣняя, подавали прошенія, являлись за отвѣтами. Болѣе счастливые удостаивались личнаго пріема Григорія Ефимовича, который тутъ же имъ и записку дастъ въ соотвѣтствующее вѣдомство, нацарапавъ каракулями, нѣсколько словъ, безразлично кому и въ какое вѣдомство, и въ тонѣ не терпящемъ возраженія, чуть ли не приказательномъ.

Въ экстренныхъ, не допускающихъ отлагательства случаяхъ, или просто изъ личныхъ иногда симпатій къ просителю, вызывалъ по телефону того или иного министра и запросто, обращаясь съ ними на „ты“, сообщалъ:

— — Слышь! Человѣкъ отъ меня придетъ къ тебѣ, такъ ты, смотри, сдѣлай, что нужно, не откажи!.. Ладно?

И точто тѣшась надъ тѣмъ, что онъ, простой мужикъ, имѣетъ возможность съ министрами такъ разговаривать, правда, только со своими ставленниками, какъ-то умышленно въ разговорѣ подчеркивалъ это амикошонское: „ты“, „къ тебѣ“, „смотри“, „сдѣлай“.

А въ отвѣтъ на это, весь уйдя въ телефонный рупоръ, такой министръ обыкновенно отвѣчалъ:

— Пожалуйста, Григорій Ефимовичъ!.. Будьте покойны!.. Все сдѣлаю... Ладно... Всего хорошаго... Будьте здоровы... Привѣтъ... Низко кланяюсь... Все, все — сдѣлано будетъ..

Послѣдніе изъ его ставленниковъ, министры: Хвостовы, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Бѣлецкій, а впослѣдствіи — Протопоповъ и даже премьеръ Штюрмеръ ежедневно бывали у него на пріемѣ, точно съ докладомъ являясь въ опредѣленный часъ по начальству.

Но и среди министровъ въ ту эпоху интригамъ не было конца. Когда предшественникъ министра внутреннихъ дѣлъ Протопопова, А. Н. Хвостовъ, чѣмъ то не угодилъ „старцу“, министерскіе дни его были сочтены.

Быстро перемѣнивъ фронтъ, ловкій министръ изъ провинціальныхъ губернаторовъ, Хвостовъ, сразу перешелъ въ партію „антираспутинцевъ“, т. е. враговъ „старца“.

Въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, Хвостовъ состоялъ шефомъ жандармовъ и непосредственнымъ начальникомъ всего охранно-полицейскаго вѣдомства.

Организовавъ въ свое время самъ личную охрану Распутина, онъ создалъ ее по мудрой охранной конструк-

ціи, такъ, что не только шоферъ, возившій Распутина въ прикомандированномъ автомобилѣ, но и швейцаръ, и дворникъ дома, въ которомъ Распутинъ жилъ, и даже штатъ прислуги въ его квартирѣ — всѣ были агентами охраннаго отдѣленія.

Для завершенія цикла охраны,приставомъ 4-й Московской части, въ районѣ коей находилась квартира Распутина и Царскосельскій вокзалъ, съ котораго „старецъ“ часто отбывалъ въ Царское Село, назначенъ былъ „свой“ человѣкъ, братъ начальника охраннаго отдѣленія, бывшій ранѣе приставомъ въ другомъ раіонѣ, полковникъ В. Глобачевъ.

Попавъ въ положеніе воюющей съ Распутинымъ власти, министръ А. Н. Хвостовъ, естественно, рѣшилъ использовать свое вліяніе на охрану. Первымъ актомъ его похода противъ Распутина было нашумѣвшее въ свое время покушеніе на отравленіе старца, неудавшееся будтобы въ виду того, что въ самой охранѣ были люди, предвидѣвшіе близкое паденіе шефа своего Хвостова и выдавшіе его съ головой другой части своего непосредственнаго начальства, дѣлавшей еще „на старцѣ“ свою карьеру.

Случилось все это при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Распутинъ, въ связи съ дѣятельностью знаменитой „батюшинской комиссіи“, арестовавшей по обвиненію въ спекуляціи во время войны, приравненной къ государственной измѣнѣ, цѣлый рядъ банкировъ, сахарозаводчиковъ и финансистовъ, бывалъ въ домѣ одного изъ арестованныхъ комиссіей ген. Батюшина и по его „старца“ протекціи освобожденнаго изъ тюрьмы банкира.

Не скупясь на угощеніе Распутина, къ столу всегда подавали лучшее вино изъ славившагося въ Петербургѣ вѣкового погреба богатаго хозяина дома.

Однажды Распутинъ, лично позвонивъ по телефону въ этотъ домъ, просилъ прислать ему нѣсколько бутылокъ вина, которое онъ пилъ наканунѣ на обѣдѣ у банкира,

Вскорѣ на автомобилѣ Распутина за виномъ прибылъ какой то молодой человѣкъ.

А впослѣдствіи оказалось, что вино это, прежде чѣмъ попасть къ Распутину, по дорогѣ было отравлено. Но другая часть охраны во время, будто бы, успѣла предупредить объ этомъ, кого слѣдуетъ, и опасность была предотвращена.

Упорно циркулировавшіе по этому поводу слухи, исходившіе, конечно, главнымъ образомъ изъ стана плеяды распутинскихъ приверженцевъ, были ими своеобразно и использованы. По городу распространились новыя легенды „о святости“ старца, который будто бы, не дотрагиваясь даже къ привезенному вину, громко заявилъ:

— Это питье смертельное . . . Пить не буду . . . Уберите . . .

А когда, молъ, анализъ сдѣлали, то „ясновидѣніе“ старца подтвердилось . . .

Но думается, все это, конечно, бредни распутинской своры, нелѣпыя и дикія, какъ и вся „распутиніада“.

Министръ А. Н. Хвостовъ, правда не долго, но все же продолжалъ еще послѣ этого оставаться на своемъ посту, пока оффиціально не уличенъ былъ въ организаціи убійства Распутина, организаціи, также неудавшейся, какъ и покушеніе на отравленіе.

Но тутъ уже мѣсто слуховъ занимаютъ дѣйствительныя данныя, документально зафиксированныя и сомнѣнію никакъ уже не поддающіяся.

Вызвавъ къ себѣ извѣстнаго провокатора Бориса Ржевскаго-Раевскаго, авантюриста и скомпрометированнаго бывшаго охранника, министръ внутр. дѣлъ Хвостовъ, поручилъ ему организацію убійства Распутина. Планъ убійства былъ уже заранѣе выработанъ.

Ржевскій-Раевскій, снабженный соотвѣтствующими документами и значительной суммой денегъ изъ секретнаго фонда министерства внутреннихъ дѣлъ, прикрываясь флагомъ сотрудничества въ газетѣ Суворина „Вечернее Время“, долженъ былъ отправиться въ Копенгагенъ, гдѣ войти въ контактъ съ скрывающимся тамъ послѣ побѣга изъ монастырскаго заточенія іеромон. Иліодоромъ. На обязанности Ржевскаго было:

1) получить дискредитирующіе Распутина документы, заключавшіеся въ рядѣ писемъ высокопоставленныхъ и даже изъ среды Царствующаго Дома лицъ, и

2) Отъ имени министра Хвостова и за полной его гарантіей неприкосновенности, убѣдить Иліодора пріѣхать въ Петербургъ „убить изъ мести“ Распутина.

Имѣлось въ виду, если Иліодоръ не согласится на второе предложеніе, ограничиться первымъ — то-есть — документами, которые частью опубликовать, а частью вернуть по назначенію и этимъ, дискредитировавъ

„старца“ при Дворѣ, обезпечить себѣ — какъ министру, положеніе фаворита въ придворныхъ сферахъ, хотя бы за заботы о чести и имени высокихъ особъ, которыя могли быть оскандалены появленіемъ этихъ документовъ-писемъ въ иностранной печати, куда, будто бы, Иліодоръ и готовился сдать ихъ. Разсчеты были правильные: такая услуга министра не могла пройти для него незамѣтной и не внесенной въ неоффиціальный формуляръ безпредѣльной преданности Хвостова.

Но этому грандіозному плану не суждено было осуществиться. Распутинская партія оказалась сильнѣе и вліятельнѣе шефа жандармовъ даже и въ жандармскихъ кругахъ. И едва только Ржевскій-Раевскій выѣхалъ изъ Петербурга, какъ на финляндскую границу дано было знать жандармской власти о необходимости „воспрепятствовать всѣми мѣрами его проѣзду.“

Ничего не подозрѣвавшій Ржевскій-Раевскій, прибывъ на ст. Бѣлоостровъ, предъявилъ по установленному порядку свой паспортъ и для вящаго эффекта — министерствомъ выданные документы.

Дежурный офицеръ, забравъ документы у всѣхъ пассажировъ, вопреки ранѣе заведенному порядку, удалился изъ поѣзда. А явившійся другой офицеръ приступилъ къ осмотру вещей и личному, практиковавшемуся со времени войны, обыску. Дошла очередь и до Ржевскаго-Раевскаго, который категорически отказался не только подвергнуться личному обыску, но и предъявить вещи для осмотра, ссылаясь на „свои бумаги“, унесенныя первымъ офицеромъ. Чувствуя силу оффиціальной и столь отвѣтственной командировки за собой, Ржевскій-Раевскій былъ страшно рѣзокъ съ настойчивымъ офицеровъ и въ результатѣ, когда тотъ силой сталъ вскрывать его вещи, покушался даже нанести ему оскорбленіе дѣйствіемъ...

Немедленно, конечно, жандармы схватили Ржевскаго. Въ дежурной комнатѣ, гдѣ предупредительно перваго офицера, забравшаго документы Ржевскаго, не было, составленъ былъ подробный протоколъ объ „оскорбленіи должностного лица при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей“; свидѣтели изъ числа пассажировъ 1-го класса, въ которомъ мчался такъ рьяно съ отвѣтственнымъ порученіемъ Ржевскій, подтвердили данныя протокола. По какому-то болѣе чѣмъ странному совпаденію, большинство свидѣтелей оказалось изъ лицъ, занимавшихъ разные отвѣтственные посты въ Петербургѣ, а однимъ изъ

нихъ оказался Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы А. Д. Протопоповъ, ѣздившій въ Стокгольмъ оффиціально — на свиданіе съ американскимъ торговымъ агентомъ, а неоффиціально и какъ это было впослѣдствіи фактически установлено — на свиданіе съ германскимъ посланникомъ фонъ-Люціусомъ и не по торговымъ, конечно, дѣламъ, а по вопросу о заключеніи сепаратнаго мира.

Характерныя подробности этого историческаго свиданія я приведу ниже. Пока же вернемся къ Ржевскому.

Окончивъ составленіе протокола объ оскорбленіи должностного лица, офицеръ распорядился объ отбытіи поѣзда и, задержавъ Ржевскаго-Раевскаго въ Бѣлоостровѣ, приступилъ къ составленію дознанія о томъ, кто онъ, куда ѣдетъ, по какимъ дѣламъ?

Ржевскій-Раевскій назвалъ себя, заявилъ, что ѣдетъ въ Копенгагенъ и по порученію министра внутреннихъ дѣлъ Хвостова.

Искушенный опытомъ, жандармъ дѣлалъ свое нечистое дѣло артистически.

Записавъ объясненія Ржевскаго, онъ заключилъ свое дознаніе тѣмъ, что всѣ эти показанія являются для него сомнительными, ибо при личномъ обыскѣ у задержаннаго оказалась большая сумма неразрѣшенной не только къ вывозу, но и къ обращенію внутри страны, во время войны, золотой валюты.

А въ довершеніе всего, присовокупивъ документы, обнаруженные у Ржевскаго, жандармская власть наивно усумнилась въ ихъ подлинности и, арестовавъ Ржевскаго, отправила его подъ строгимъ конвоемъ, со всѣми документами и протоколами въ Петербургъ, какъ заподозрѣннаго въ шпіонажѣ германскаго агента.

Цѣль была блестяще достигнута.

Очутившійся въ болѣе чѣмъ ужасно неловкомъ положеніи министръ Хвостовъ въ тотъ же день вынужденъ былъ подать въ отставку по болѣзни.

Распутинцы использовали этотъ случай по своему, создавъ изъ него колоссальную и скандальную исторію.

Громадную услугу оказалъ имъ тотъ же Ржевскій-Раевскій, который за обѣщанное освобожденіе отъ ареста и отъ послѣдствій предъявленныхъ ему обвиненій въ организаціи покушенія, далъ уличавшія министра А. Н. Хвостова въ соучастіи въ готовившемся убійствѣ Распутина показанія.

Постъ министра внутреннихъ дѣлъ нѣсколько дней оставался вакантнымъ. Дѣлами министерства временно руководилъ премьеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ Б. С. Штюрмеръ. А когда изъ заграничной поѣздки вернулся, тогда еще общественный дѣятель, прогрессистъ изъ октябристовъ, товарищъ предсѣдателя Госуд. Думы А. Д. Протопоповъ, то неожиданно состоялось назначеніе его „управляющимъ“ министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, впервые тогда изобрѣтенная Б. С. Штюрмеромъ формула для поста „министра съ портфелемъ“, каковымъ все время А. Д. Протопоповъ оставался на этомъ своемъ посту, но безъ министерскаго титула, присвоеннаго себѣ по должности премьера тѣмъ же Б. С. Штюрмеромъ изъ нѣкоторыхъ „важныхъ“ соображеній, о коихъ упомяну своевременно.

VII.

Для полной характеристики распутинской эпохи, являющейся вмѣстѣ съ тѣмъ и печальной государственной эпохой, необходимо остановиться болѣе подробно на характеристикѣ всѣхъ ставленниковъ Распутина, главнымъ образомъ — министровъ, руководившихъ не только отдѣльными отраслями государственной жизни, но и политикой, какъ внутренней, такъ и внѣшней.

Б. С. Штюрмеръ, премьеръ министръ и министръ иностранныхъ дѣлъ.

Въ послѣдніе годы царствованія Александра III состоялъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Это была эпоха страшной реакціи, когда правительству нужны были люди убѣжденій и программы министра юстиціи Муравьева, создавшаго себѣ историческую славу своими „муравьевскими галстуками", т. е. висѣлицами. Вотъ въ этотъ то кабинетъ министровъ и былъ приглашенъ Б. С. Штюрмеръ. Когда же тронъ занялъ Николай II, ушелъ въ отставку Муравьевъ, а вслѣдъ за нимъ и Б. С. Штюрмеръ.

Отставка послѣдняго была вызвана не столько измѣнившимся курсомъ внутренней политики, сколько нашумѣвшей тогда скандальной штюрмеровской исторіей. Пользуясь своимъ почти безотвѣтственнымъ положеніемъ, Штюрмеръ рѣшилъ поправить пошатнувшіяся свои дѣла по имѣнію за счетъ государства и, обложивъ крестьянъ непомѣрными и непосильными и безъ того податями, собиралъ послѣднія не для казны, а въ свою собственную пользу. Лишенныхъ возможности уплачивать налоги по новымъ высокимъ ставкамъ, помѣщикъ-министръ не только лишалъ земли, но и самаго необходимаго крестьянскаго имущества: скота, земледѣльческихъ орудій и даже домашней птицы, свиней и овецъ. Все это забиралось за „мнимые долги" и свозилось въ усадьбу землевладѣльца-помѣщика и министра Б. С. Штюрмера. А тѣхъ крестьянъ,

у коихъ за бѣдностью и взять нечего было, сгоняли на барскій дворъ и жестоко пороли.

Случилось такъ, что Государственный контроль обнаружилъ полное отсутствіе отчетныхъ поступленій изъ цѣлаго округа штюрмеровскихъ владѣній. Началась тянувшаяся долго бумажная волокита, одинъ за другимъ учрежденія съ мѣстъ прислали свои отвѣты, неудовлетворившіе, однако, государственнаго контролера И. Харитонова, и въ результатѣ — командировка контролеровъ съ ревизіями на мѣста.

Вотъ тутъ то и выяснилось превращеніе ловкимъ министромъ своего кармана въ государственную кассу, а попутно съ этимъ и давно изъятая изъ употребленія въ Россіи — „порка крестьянъ на барскомъ дворѣ“ министра Б. С. Штюрмера.

Неизвѣстно, какое изъ описанныхъ двухъ преступленій сыграло главную роль: казнокрадство или порка, — но Штюрмеру пришлось выйти въ отставку, даже со скандаломъ и отказомъ въ практиковавшейся при отставкѣ прощальной царской аудіенціи. На поданномъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ С. Ю. Витте секретномъ докладѣ по этому поводу Николай II сдѣлалъ собственноручную надпись, положивъ историческую резолюцію:

— Убрать этого вора въ 24 минуты...

Другой Распутинскій ставленникъ:

А. Н. Хвостовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ.

Задолго до своего назначенія на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, А. Н. Хвостовъ былъ нижегородскимъ губернаторомъ и въ качествѣ провинціальнаго помпадура прославился столкновеніемъ съ солистомъ Его Величества, артистомъ Императорской оперы Н. Н. Фигнеромъ. Послѣдній въ качествѣ импрессаріо и артиста повезъ оперную труппу на Нижегородскую ярмарку. Открытіе спектаклей и ознаменовалось грандіознымъ скандаломъ, стоившимъ Хвостову его поста и чуть было даже и камергерства.

На первомъ же спектаклѣ губернатору Хвостову приглянулась со сцены одна изъ оперныхъ артистокъ.

Всесильный Помпадуръ отправилъ мѣстнаго полиціймейстера приказать артисткѣ послѣ спектакля явиться въ губернаторскую ложу, чтобы оттуда отправиться ужинать съ Его Превосходительствомъ на банкетъ въ губернаторскій домъ. Удостоившаяся этой „высокой чести“ артистка, сославшись на переутомленіе отъ отвѣтственнаго всегда

перваго спектакля въ сезонѣ, въ деликатной формѣ отказалась отъ приглашенія, извинившись черезъ полиціймейстера передъ губернаторомъ Хвостовымъ.

Узнавъ объ этомъ отказѣ, губернаторъ счелъ себя оскорбленнымъ и въ ярость пришелъ:

— Театръ закрою!.. Арестую!.. Вышлю изъ губерніи!.. Неповиновеніе властямъ!.. Вольности!..

Разъяренный провинціальный помпадуръ, какъ утверждали тогда, еще и не совсѣмъ трезвый послѣ дневного банкета по случаю открытія ярмарки, оставляя зданіе театра задолго до окончанія представленія, передъ уходомъ своимъ отдалъ полиціи приказъ:

— Арестовать и доставить артистку послѣ спектакля въ губернаторскій домъ...

Артистка эта, Ренэ-Радина, оказалась супругой солиста Его Величества Н. Н. Фигнера. Узнавъ о приказѣ губернатора, Н. Н. Фигнеръ немедленно срочно телеграфировалъ въ Петербургъ министру В. Плеве, копіи телеграммы — начальнику канцеляріи Его Величества ген.-лейт. свиты Его Величества А. А. Мосолову, министру Двора бар. Фредериксу, директору Императорскихъ театровъ Теляковскому и разнымъ другимъ вліятельнымъ сановникамъ. А пока изъ столицы пришелъ отвѣтъ, вся труппа, во главѣ съ Фигнеромѣ и супругой его Ренэ-Радиной, продолжала оставаться въ окруженномъ полиціей театрѣ, занявшей по распоряженію полиціймейстера всѣ входы и выходы.

Почти всю ночь артисты провели въ этомъ оригинальномъ „фортѣ Шаброль“, репетируя назначенную къ постановкѣ на слѣдующій день оперу. И только этимъ спасли артистку отъ администраторскаго произвола и насилія, отдаляя моментъ ея ареста.

Пунктуальный законникъ и службистъ, — полиціймейстеръ, согласился съ доводами труппы, что репетиція завтрашняго спектакля — прямое продолженіе спектакля сегодняшняго, и что, во исполненіе точнаго приказанія губернатора, онъ можетъ арестовать артистку только по окончаніи репетиціи, которая въ данномъ случаѣ является для артистки исполненіемъ ею служебныхъ обязанностей.

Полиціймейстеръ, имѣвшій передъ собой къ тому же и не рядового артиста или антрепренера, съ котораго взятки гладки, а солиста Его Величества Н. Н. Фигнера,

да еще и бывшаго гвардіи офицера, рѣшилъ быть, по возможности, лойяльнѣе.

Въ губернаторскомъ домѣ тѣмъ временемъ шелъ банкетъ по случаю открытія нижегородской ярмарки, и превосходительный хозяинъ дома, видимо, успѣлъ уже винными парами заглушить оскорбившее его „неповиновеніе властямъ", когда срочная шифрованная телеграмма изъ Петербурга въ строгой формѣ предписывала ему оставить, впредь до распоряженія, въ покоѣ солиста Его Величества Н. Н. Фигнера и его труппу...

Неожиданный афронтъ, понявшій авторитетъ губернатора даже въ глазахъ подчиненныхъ, пришелся Хвостову не по нраву. И онъ на разсвѣтѣ отдалъ приказъ закрыть оперный театръ, заколотивъ всѣ входы и выходы досками, а всю труппу выслать, „въ виду обнаруженнаго въ ея составѣ неблагонадежнаго элемента"... А еще черезъ два часа вся труппа была уже посажена въ вагоны перваго попавшагося поѣзда и отправлена по неизвѣстному ей направленію, въ обратную отъ Петербурга сторону, куда имъ путь лежалъ, и гдѣ всѣ они имѣли постоянное свое мѣстопребываніе.

Чтобы не очутиться въ положеніи неисполнившаго распоряженія центральной власти, губернаторъ Хвостовъ немедленно сообщилъ въ Петербургъ, что, въ виду обнаруженія въ этой труппѣ неблагонадежныхъ лицъ, онъ вынужденъ былъ спѣшно выселить всю труппу, а телеграфный приказъ министерства не могъ быть, якобы, имъ выполненъ, вслѣдствіе выбытія изъ города всей этой труппы за нѣсколько часовъ до полученія имъ изъ Петербурга этого приказа въ зашифрованной телеграммѣ.

Конечно, прибывшій въ Петербургъ Н. Н. Фигнеръ, посвятивъ министра во всѣ перипетіи этого скандальнаго дѣла, не могъ не коснуться и точныхъ деталей о полученіи телеграммы и о выселеніи, послѣдовавшемъ уже послѣ прибытія ея въ Нижній.

Въ результатѣ губернатору Хвостову сдѣланъ былъ оффиціальный, съ зачисленіемъ въ формуляръ, выговоръ и предложено было подать немедленно въ отставку.

Былъ моментъ, когда Хвостову грозило лишиться и своего камергерскаго званія. Но такъ какъ лишеніе званія сопряжено было съ отдачей подъ верховный судъ, а послѣднее съ новымъ скандаломъ въ печати, то все это дѣло замяли, а о А. Н. Хвостовѣ забыли.

Когда же наступилъ періодъ нужды въ депутатахъ Государственной Думы съ оттѣнкомъ „правительственнаго міровоззрѣнія“, то бывшій опальный губернаторъ былъ извлеченъ изъ архива и мѣрами, одной только правительственной партіи доступными, проведенъ былъ въ Члены Государственной Думы по дворянской куріи отъ Нижегородской губерніи.

Въ Государственной Думѣ А. Н. Хвостовъ первое время входилъ въ составъ крайней правой парламентской группы монархистовъ, а затѣмъ эволюціонировалъ, по соображеніямъ высшаго порядка, перейдя въ группу В. Н. Крупенскаго умѣренно-правыхъ, пользовавшуюся симпатіями всесильной власти, благосклонно относившейся къ привлеченію въ Кабинетъ Министровъ и „общественныхъ дѣятелей“, но обязательно изъ группы умѣренно-правыхъ депутатовъ.

Учитывая все это, убѣжденный правый депутатъ А. Н. Хвостовъ вдругъ обнаружилъ въ своихъ убѣжденіяхъ нѣкоторую „умѣренность“ и, уйдя изъ прежней партіи, зачислился въ думскую фракцію „умѣренно-правыхъ“, разсчитывая, что только такимъ образомъ ему удастся проникнуть „въ качествѣ общественнаго дѣятеля“ въ предстоявшій новый коалиціонный кабинетъ.

Правда постъ министра достался ему не черезъ фракцію „умѣренно-правыхъ“ — и даже не какъ депутату Госуд. Думы, а изъ рукъ того-же всесильнаго старца Распутина. Но и послѣднему легче было выдвигать кандидатуру А. Н. Хвостова, оффиціально числившагося во фракціи „умѣренно-правыхъ“.

Симпатіи же Распутина А. Н. Хвостовъ купилъ дорогой цѣной. Познакомившись съ нимъ въ квартирѣ кн. Андронникова, всюду преслѣдуя всесильнаго „старца“, Хвостовъ часто попадалъ въ его общество, когда расходившійся „святой старецъ“ кутилъ въ кабинетахъ излюбленнаго имъ петербургскаго шантана „Вилла Родэ“. Однажды старецъ такъ разошелся, что, позабывъ свое положеніе, открыто „гулялъ“ въ общемъ залѣ. Когда для заключенія шантанной программы на сценѣ появился цыганскій хоръ Массальскаго, Распутинъ послѣ первой же пѣсни заявилъ директору хора:

— Плохо, братъ, поютъ у тебя!.. Басовъ не слышно, октавы нѣту...

И тутъ-же, оглянувъ сидѣвшихъ съ нимъ за столомъ, Распутинъ вдругъ обратился къ Хвостову:

— Иди, братъ, пособи пѣть . . . Толстый ты . . . Орать здоровъ . . . Небось и голосъ-то имѣется . . . А я послушаю . . .

И депутатъ А. Н. Хвостовъ, выряженный въ вицъ-мундиръ, не рискнувъ ослушаться „старца", на глазахъ не только своихъ, но и нѣсколькихъ лицъ посторонней публики, безропотно отправился на сцену и пѣлъ съ цыганами. А довольный своей удачной выдумкой Распутинъ, апплодируя хору и камергеру, рѣзко выдѣлявшемуся и мундиромъ, и фигурой среди цыганятъ, громко изливалъ свои и чувства, и мысли, все время повторяя:

— Ай, да молодецъ! Ай, да угодилъ! Весь бы хоръ изъ такихъ пѣвчихъ! Вотъ запѣли бы!

А спустя нѣсколько дней послѣ этого случая, А. Н. Хвостовъ получилъ назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

По этому поводу В. М. Пуришкевичъ въ своей рѣчи съ думской трибуны однажды даже сказалъ:

— Мы переживаемъ такое странное время, когда кандидаты въ министры, вмѣсто экзамена по государствовѣдѣнію, должны выдерживать экзаменъ цыганскаго пѣнія . . .

А. Н. Хвостовъ, сидѣвшій уже не въ депутатскомъ залѣ, а въ министерской ложѣ, ехидно улыбнулся по адресу оратора. Но Пуришкевичъ не растерялся и, обращаясь уже непосредственно къ А. Н. Хвостову, заявилъ:

— Вы сомнѣваетесь, Ваше Высокопревосходительство! А я могу назвать факты . . .

Опасаясь, видимо, приведенія этой угрозы въ исполненіе, А. Н. Хвостовъ быстро покинулъ министерскую ложу, а В. М. Пуришкевичъ, остановленный во время предсѣдателемъ, перешелъ къ рѣчи по существу обсуждавшагося въ томъ засѣданіи Госуд. Думы очередного по повѣсткѣ дня вопроса . . .

Н. А. Добровольскій — министръ юстиціи.

Его біографія, если и не самая интересная, то врядъ ли не самая характерная.

Сынъ обѣднѣвшаго южнаго помѣщика, у котораго, кромѣ дворянскаго званія, оставались развѣ еще неоплатные долги, Н. А. Добровольскій воспитывался въ университетѣ Св. Владиміра въ Кіевѣ, который и окончилъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ, нуждаясь въ средствахъ, онъ большую часть своего студенчества посвящалъ азарту, пристрастившись къ картамъ и билліарду. Въ эти то

дни своего студенчества онъ и свелъ знакомство съ аборигенами кіевскихъ кафэ и притоновъ азарта, знакомство, преслѣдовавшее его всю жизнь, отъ университета и до министерскаго поста.

Окончивъ университетъ, Н. А. Добровольскій рѣшилъ пойти по судебному вѣдомству и, отбывъ стажъ въ Кіевѣ, былъ назначенъ товарищемъ прокурора въ Гродненскій судебный округъ, гдѣ вскорѣ женился на дочери мѣстнаго вліятельнаго помѣщика, воспитанницѣ Смольнаго Института, Друцкой-Соколинской.

Съ тѣхъ поръ и начинается карьера Н. А. Добровольскаго.

Тесть его, Друцкой-Соколинскій, благодаря своимъ связямъ, умѣло протежировалъ зятя, и Н. А. Добровольскій вскорѣ занялъ постъ прокурора Кіевскаго окружнаго суда, а затѣмъ неожиданно былъ назначенъ и предсѣдателемъ гродненской судебной палаты, а послѣ этого и гродненскимъ вице-губернаторомъ.

Но въ этой должности Н. А. Добровольскій оставался недолго, такъ какъ неожиданно скончался губернаторъ, обязанности коего временно исполнять возложено было на него, а затѣмъ онъ утвержденъ былъ и въ должности гродненскаго губернатора.

Занимая столь отвѣтственный постъ и положеніе, Н. А. Добровольскій не могъ, однако, отрѣшиться отъ своего ужаснаго пристрастія къ азарту и, нуждаясь часто въ деньгахъ, занималъ ихъ, гдѣ только могъ.

Одинъ изъ старыхъ его „пріятелей“ по кіевскимъ игорнымъ притонамъ, котораго азартъ изъ „первой гильдіи купца“ низвелъ въ званіе „первой гильдіи шулера“, переѣхавъ спеціально въ Гродно, все время состоялъ при губернаторѣ Н. А. Добровольскомъ „маклеромъ для порученій“, преимущественно по изысканію источниковъ каждый разъ новыхъ и новыхъ суммъ, которыя Н. А. Добровольскій проигрывалъ въ мѣстномъ клубѣ.

Вслѣдствіе „непріятностей“ на денежной почвѣ въ управляемой Н. А. Добровольскимъ губерніи, ему вскорѣ пришлось разстаться съ губернаторскимъ постомъ. По существовавшему въ тѣ времена обычаю, увольняемые по разнымъ причинамъ высшія должностныя лица назначались въ . . . Сенатъ.

Эта участь постигла и бывшаго губернатора Н. А. Добровольскаго, вынужденнаго послѣ „доходнаго“ губернаторскаго мѣста удовлетвориться „почетнымъ“ только

званіемъ сенатора и переѣхать съ большой семьей въ Петербургъ, гдѣ нужны были сравнительно, даже по тому времени, большія средства къ жизни.

Почетное же званіе сенатора этихъ средствъ не давало и дать не могло, а скорѣе — было только пенсіей для отставного губернатора, привыкшаго жить на „доходъ“, а не на оффиціальный только губернаторскій окладъ.

И опять — „неизмѣнный маклеръ“, перекочевавшій вслѣдъ за своимъ губернаторомъ, со своей семьей изъ Кіева въ Гродно, а оттуда — и въ Петербургъ.

Но такъ какъ здѣсь уже отсутствовала почва для „изысканія средствъ“ для бывшаго губернатора, то состоявшій при немъ „маклеръ“ изобрѣлъ другой, правда, менѣе доходный, но все же какой ни на есть способъ, заключавшійся въ оказаніи сенаторомъ Н. А. Добровольскимъ „услугъ“ различнымъ лицамъ, хлопотавшимъ по разнымъ дѣламъ своимъ въ министерствахъ и въ сенатѣ.

Ловкій маклеръ находилъ „кліентуру“, а сенаторъ Н. А. Добровольскій давалъ свои визитныя карточки къ начальникамъ разныхъ учрежденій, прося объ оказаніи содѣйствія „извѣстному ему лицу“, пользующемуся хорошей репутаціей въ губерніи, которой онъ до своего сенаторства управлялъ . . .

Такія „записки-карточки“ — почти всегда достигали желанной цѣли, и „маклеръ“ носилъ „своему сенатору“, какъ онъ называлъ Н. А. Добровольскаго въ кругу своихъ кліентовъ, „барыши“.

Когда-же въ періодъ 1905 — 1906 гг. по всей Россіи, въ разныхъ концахъ, возникли аграрные крестьянскіе безпорядки, и правительство, вслѣдъ за подавленіемъ ихъ, на мѣстахъ назначало такъ называемыя „сенаторскія ревизіи“, то въ одну изъ такихъ комиссій назначенъ былъ и бездѣятельствовавшій все время въ сенатѣ Н. А. Добровольскій. За такую свою дѣятельность впослѣдствіи всѣ сенаторы-ревизоры по Высочайшему повелѣнію были награждены чинами и высшими назначеніями.

Удостоился такой награды и Н. А. Добровольскій, назначенный первоприсутствующимъ перваго департамента правительствующаго сената, на каковомъ посту онъ такъ прославился, что устраненъ былъ отъ занимаемой должности даже безъ зачисленія въ государственный Совѣтъ.

Назначеніе Н. А. Добровольскаго первоприсутствующимъ сената совпало съ эпохой предпринятаго сенатомъ утвержденія цѣлаго ряда нефтяныхъ „заявокъ“ въ бакинскомъ районѣ.

На этой почвѣ вообще происходила масса закононарушеній. Но то, что сдѣлалъ въ этой области Н. А. Добровольскій, граничило уже съ явнымъ преступленіемъ и привело къ весьма печальнымъ для него результатамъ.

Нѣкій Нахимовъ, черезъ того же маклера, предложилъ первоприсутствующему сенатору Н. А. Добровольскому, отъ котораго въ большинствѣ случаевъ и зависѣло утвержденіе нефтяныхъ заявокъ, утвердить на его имя одну такую заявку, которую онъ немедленно же перепродастъ англійской нефтяной компаніи и вырученную сумму подѣлитъ съ „первоприсутствующимъ“ . . .

Все шло по заранѣе выработанному плану, вплоть до момента продажи участка земли съ утвержденной заявкой, который оказался не только казеннымъ и Нахимову никогда не принадлежавшимъ, но и безъ малѣйшихъ признаковъ появившейся на немъ нефти. Условно купившіе за дорогую цѣну показанную на планѣ, утвержденномъ сенатомъ, заявку, иностранцы обнаружили не только полное отсутствіе признаковъ самой нефти, но и слѣдовъ производившагося, согласно описаніямъ, буренія въ указанныхъ мѣстахъ, а часть земли, указанной на планѣ, вообще отсутствовала . . .

„Владѣлецъ“ участка, Нахимовъ, тогда же отданъ былъ подъ судъ и приговоренъ судебной Палатой къ тремъ годамъ арестантскихъ ротъ.

Въ связи со слѣдствіемъ по дѣлу Нахимова и судомъ надъ нимъ, выяснилась роль первоприсутствующаго сенатора Н. А. Добровольскаго, который немедленно устраненъ былъ отъ должности,

Осужденный же Нахимовъ былъ вскорѣ, по Высочайшему повелѣнію, помилованъ, такъ какъ министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ на докладѣ по этому дѣлу, указалъ Государю, что преступленіе не могло быть совершено Нахимовымъ, если бы его не совершилъ не только оставшійся безнаказаннымъ, но даже не привлеченный къ отвѣтственности, съ преданіемъ суду, первоприсутствующій сенаторъ Н. А. Добровольскій.

Подобнаго позорнаго факта взяточничества и такого преступленія со стороны занимавшаго столь отвѣтственный и вмѣстѣ съ тѣмъ почетный постъ первоприсутству-

ющаго въ Сенатѣ — не запомнитъ и богатая „исторіями взяточничества“ исторія государства россійскаго.

Но, устраненъ былъ Н. А. Добровольскій, о случаѣ скоро позабыли, какъ и о самомъ „первоприсутствующемъ взяточникѣ“.

На смѣну всему этому, какъ и многому другому, не менѣе важному въ государствѣ, пришла „распутинская эпоха“ со всѣми ея „прелестями“, передъ которыми поблѣднѣли и померкли, а вскорѣ и совсѣмъ стушевались, наивно-дѣтскія, по сравненію со ставшими періодическими грандіозными актами преступленій государственнаго значенія, былыя преступленія сенатора Н. А. Добровольскаго.

Среди окружавшихъ „старца“ поклонниковъ, маклеровъ и сіятельныхъ „гофъ-маклеровъ“ очутился вдругъ и тотъ самый „первой гильдіи шулеръ“, который когда-то безсмѣнно состоялъ при Н. А. Добровольскомъ, ставъ вскорѣ и „правой рукой“ Распутина. Имѣя громадную кліентуру по прошлой своей дѣятельности, онъ просто являлся однимъ изъ самыхъ для „старца“ выгодныхъ посредниковъ, принося ему громадные доходы. Благодаря протекціи и хлопотамъ Распутина, ему вскорѣ удалось получить монопольное разрѣшеніе на открытіе игорнаго клуба въ Петербургѣ, въ помѣщеніи бывшаго шантана „Аполло“ на Фонтанкѣ, удостоившагося посѣщеній и „святого старца“, котораго молва открыто называла пайщикомъ этого клуба-притона.

Когда же комиссія ген. Батюшина арестовала цѣлый рядъ крупныхъ финансистовъ, сахарозаводчиковъ и банкировъ, то этотъ „ближайшій другъ“ и „правая рука“ Распутина, котораго, хотя и абсолютно неграмотнаго, все же называли „личнымъ секретаремъ“ старца, быстро — сообразилъ, что на этомъ дѣлѣ можно хорошо „руки погрѣть“...

Кстати, доходовъ отъ клуба уже не было, такъ какъ по распоряженію изъ ставки его пришлось закрыть, въ виду того, что зарегистрированы были случаи крупныхъ проигрышей казенныхъ суммъ командированными для закупокъ съ фронта военными чинами.

Но для того, чтобы „извлечь пользу“ изъ дѣлъ Батюшинской комиссіи, нуженъ былъ „свой“ человѣкъ на посту министра юстиціи, взамѣнъ А. А. Макарова, который категорически отказывался исполнять явно противорѣчившія законамъ требованія Распутина, грозившія министру

юстиціи весьма непріятными осложненіями. Къ тому же А. А. Макаровъ былъ ярымъ противникомъ всей этой комиссіи ген. Батюшина, которую считалъ незаконом'рной и преступной и въ качествѣ министра юстиціи и генералъ-прокурора правительствующаго сената и верховнаго суда, все время группировалъ обвинительные противъ комиссіи матеріалы для несомнѣннаго будущаго обвинительнаго акта этого „штюрмеровскаго дѣтища".

А матеріаловъ такихъ было болѣе чѣмъ достаточно. Вокругъ дѣлъ батюшинской комиссіи происходила какая-то свистопляска; точно на публичныхъ торгахъ, громко выкрикивалось, ударяя молоткомъ по государственному организму, по суду милостивому и скорому, по юстиціи и правамъ насущнымъ гражданъ государства:

— Кто больше?... Разъ!.. Кто больше?.. Два!.. И... Три!..

Юстиція затрещала. А съ ней и вся идея „батюшинской комиссіи", созданной спеціально премьеромъ Б. С. Штюрмеромъ послѣ того, какъ правленіе одного изъ петербургскихъ банковъ отказалось принять къ учету векселя премьеровскаго сына на очень крупную сумму.

Созданная на трясинѣ шантажа, комиссія высшаго государственнаго назначенія окончательно и погрязла въ немъ.

Но пока все это выяснилось, и по высочайшему повелѣнію комиссія эта была раскассирована, на дѣлахъ" ея нагрѣли руки не только Б. С. Штюрмеръ со своимъ „секретаремъ" Манасевичемъ Мануйловымъ, но и предсѣдатель комиссіи ген. Батюшинъ, члены комиссіи: военный прокуроръ полковникъ Рязановъ, военные слѣдователи подполковникъ Орловъ, прапорщикъ Логвиновъ, „старецъ" Распутинъ и его „гильдейскій маклеръ", но, впослѣдствіи, назначенный за два дня до убійства Распутина министромъ юстиціи, Н. А. Добровольскій, вступившій въ исполненіе своихъ обязанностей за день до похоронъ „старца", т. е. спустя два дня послѣ убійства Распутина.

Исторія назначенія Н. А. Добровольскаго на постъ министра юстиціи весьма характерна, и на ней я остановлюсь болѣе подробно.

Пока же ограничусь приведеніемъ факта, служившаго, въ то время предметомъ обсужденія въ закрытыхъ засѣданіяхъ отдѣльныхъ группъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта (не засѣдавшихъ въ виду наступленія каникулъ) по поводу назначенія Н. А. Добровольс-

скаго, кандидатура коего, выставленная Распутинымъ еще при жизни, утверждена была по настоянію государыни Александры Федоровны, якобы, какъ послѣдняя, посмертная память во исполненіе предсмертнаго желанія убитаго Распутина.

Къ тому же поведеніе министра юстиціи А. А. Макарова, не только безучастно отнесшагося къ факту убійства „старца", но не распорядившагося объ арестѣ заявившихъ лично ему о совершенномъ убійствѣ: великаго князя Дмитрія Павловича, князя Юсупова-Сумарокова-Эльстонъ и депутата Пуришкевича, вызвало недовольство имъ въ Царскомъ селѣ, и ему предложено было подать въ отставку.

Впослѣдствіи были попытки привлеченія А. А. Макарова къ отвѣтственности по обвиненію въ бездѣйствіи власти.

Но... нахлынула революціонная эпоха, за ней и самая революція, отреченіе Николая II отъ престола, и объ убійствѣ Распутина, а съ нимъ и о А. А. Макаровѣ, конечно, забыли. Слишкомъ ничтожнымъ сталъ этотъ фактъ по сравненію съ послѣдовавшими событіями.

А. Д. Протопоповъ, — управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

По существу, А. Д. Протопоповъ былъ полномочнымъ министромъ съ портфелемъ. Но спеціально для него изобрѣтенный премьеромъ Б. С. Штюрмеромъ титулъ „управляющаго министерствомъ" — такая же нелѣпость, какъ и самое участіе Протопопова въ кабинетѣ министровъ.

На фонѣ общественно-государственной жизни А. Д. Протопоповъ впервые появился въ роли депутата Госуд. Думы, куда прошелъ по комбинированному прогрессивному губернскому списку партіи конституціонно-демократической и прогрессивной. А въ самой Госуд. Думѣ онъ неожиданно очутился въ рядахъ лѣвыхъ октябристовъ, примыкая отчасти къ отколовшейся отъ к.-д. партіи — группѣ В. А. Маклакова.

Вѣчная неустойчивость, киваніе всѣмъ фракціямъ, влѣво и вправо отъ к.-д. партіи, и привело къ тому, что онъ получилъ значительное число голосовъ при избраніи президіума и оказался однимъ изъ Товарищей Предсѣдателя Государственной Думы.

Больной ужасной, запущенной и почти неизлѣчимой болѣзнью, А. Д. Протопоповъ былъ еще и маніакомъ. Были случаи, когда одержимый маніей преслѣдованія, онъ недѣ-

лями не появлялся не только въ Госуд. Думѣ, но и на улицу не выходилъ.

Заглушая припадки маніачества всяческими наркотическими средствами, онъ, избавившись отъ одной какой нибудь маніи, оказывался во власти очередной другой, новой.

Посовѣтовали А. Д. Протопопову обратиться къ нашумѣвшему въ то время въ Петербургѣ ловкому знахарю, громко именовавшему себя „докторомъ тибетской медицины", — Бадмаеву. Послѣдній считался въ кругу одураченныхъ его леченіемъ легковѣрныхъ паціентовъ спеціалистомъ по всѣмъ болѣзнямъ и особенно по той болѣзни, которой страдалъ Протопоповъ.

Запустивши свою болѣзнь въ молодости и этимъ давши ей разрушить организмъ, А. Д. Протопоповъ предпочелъ леченію способами проф. Эрлиха отвары изъ тибетскихъ травъ и „заговоры" болѣзни по способу тибетскаго знахаря Бадмаева. Болѣзнь, конечно, прогрессировала, а маніи становились самыми разнообразными.

Во время своего леченія А. Д. Протопоповъ, проводя цѣлые иногда дни въ особнякѣ Бадмаева на Выборгскомъ шоссе, у Лѣсного Корпуса, случайно познакомился съ личнымъ другомъ Бадмаева, Григоріемъ Ефимовичемъ Распутинымъ.

Въ ту пору Распутинъ еще не былъ тѣмъ Распутинымъ, какимъ онъ сталъ впослѣдствіи.

Встрѣтившись съ нимъ въ кругу своихъ паціентовъ въ одномъ изъ великосвѣтскихъ домовъ, тибетскій знахарь сталъ часто зазывать Распутина къ себѣ на попойки и, всячески стремясь угодить „старцу", періодически устраивалъ у себя въ особнякѣ всевозможныя оргіи, до которыхъ „святой старецъ" былъ большой охотникъ. За это Бадмаевъ, правильно разсчитавъ, пріобрѣлъ въ лицѣ Распутина живую для себя ходячую рекламу. На что бы ни жаловались Распутину, начиная отъ лихорадки и до сквернаго, вслѣдствіе простого бездѣлья, настроенія, великосвѣтскія дамы, старецъ Григорій неизмѣнно отвѣчалъ:

— Травки попей!.. Помогаетъ!.. Кровь очищаетъ!.. Самъ испыталъ!.. Природой созданъ... — природой и лечись...

И тутъ же съ авторитетомъ, достойнымъ лучшей участи, пускался въ разсужденіе на тему о медицинскихъ лекарствахъ, которыя-де только кровь отравляютъ и ничего болѣе...

Отъ такой рекламы сразу количественно и вмѣстѣ съ тѣмъ и качественно замѣтно увеличилась практика знахаря Бадмаева. Къ тому же, обзаведясь кругомъ самыхъ вліятельныхъ паціентовъ, Бадмаевъ черезъ ихъ посредство избавился отъ преслѣдованій со стороны Врачебнаго Управленія и Медицинскаго Совѣта, запретившихъ ему практику и возбудившихъ противъ него уголовное преслѣдованіе.

Сведя знакомство съ Распутинымъ, А. Д. Протопоповъ сначала изъ простого любопытства разспрашивалъ „старца“ о придворныхъ дѣлахъ и постепенно незамѣтно втянулъ словоохотливаго, особенно за бутылкой вина, старца, въ интересный разговоръ. А чтобъ угодить ему и заставить разсказать что нибудь „пикантное“, особенно интересовавшее А. Д. Протопопова, онъ перешелъ на тему о Государынѣ Александрѣ Федоровнѣ и вдругъ заявилъ Распутину:

— Вѣрите ли, Григорій Ефимовичъ, въ царицу влюбленъ я, и не то чтобы просто, а съ ума схожу...

И, проронивъ шутя случайное признаніе, вбилъ себѣ эту идею въ больной мозгъ и такъ уже до послѣдняго момента страдалъ исключительно этой маніей, несмѣняемой и не оставлявшей его болѣе до конца его дней.

Надоѣдая Распутину своей любовью къ царицѣ, онъ добился и пріема его въ особой аудіенціи. Впослѣдствіи Распутинъ полушутя разсказывалъ объ этой аудіенціи, что А. Д. Протопопова еле удалось оторвать отъ ковра у ногъ царицы, къ которому тотъ точно приклеился, припавъ передъ царицей колѣнопреклоненно...

Изливая передъ Александрой Федоровной свои вѣрноподданническія, граничащія съ неимовѣрной любовью, чувства, А. Д. Протопоповъ поклялся ей быть вѣрнымъ рабомъ, готовымъ для нея на все...

А когда при Дворѣ заговорили о сепаратномъ мирѣ съ Германіей, приверженцами и даже авторами какового предложенія была сгруппировавшаяся вокругъ царицы, такъ называемая, нѣмецкая придворная партія, то понадобился отъ этой части придворной партіи делегатъ, котораго бы никто не могъ даже заподозрить въ чемъ либо подобномъ. Предстояли секретные переговоры съ германскимъ представителемъ и вообще веденіе всего этого дѣла, составлявшаго тайну даже для Государя, явно высказывавшагося противъ сепаратнаго мира.

Царица вспомнила о готовности А. Д. Протопопова,

„для нея на все“, и ему было дано это секретное порученіе.

Имѣя опредѣленныя директивы, А. Д. Протопоповъ выѣхалъ въ Стокгольмъ, гдѣ уже заранѣе подготовлена была соотвѣтствующая почва.

Для правительства, общества и даже для Госуд. Думы эта поѣздка А. Д. Протопопова была такъ хорошо обставлена, что никто и не сомнѣвался въ дѣйствительности и правдивости муссировавшихся въ печати свѣдѣній о томъ, что Товарищу Предсѣдателя Госуд. Думы А. Д. Протопопову оффиціально поручены переговоры съ американскимъ торговымъ агентомъ по вопросамъ военнаго снаряженія Россіи. Функціонировавшая при Госуд. Думѣ Комиссія по оборонѣ Государства, искренно повѣривъ такому блефу, снабдила Протопопова даже соотвѣтствующими документами и оффиціальными удостовѣреніями въ томъ, что онъ, А. Д. Протопоповъ, состоитъ членомъ этой комиссіи и дѣйствуетъ отъ ея имени...

А подъ флагомъ переговоровъ съ американскимъ торговымъ агентомъ по вопросамъ военнаго снаряженія, въ Стокгольмѣ происходило совершенно обратное, конечно, явленіе: свиданіе А. Д. Протопопова съ германскимъ посланникомъ въ Швеціи фонъ-Люціусомъ и по вполнѣ опредѣленному вопросу: о заключеніи сепаратнаго между Россіей и Германіей мира и прекращеніи военныхъ другъ противъ друга дѣйствій.

Это историческое свиданіе представителей двухъ воюющихъ державъ, въ которомъ отъ имени государства Россійскаго представительствовалъ А. Д. Протопоповъ, спустя только долгое время стало достояніемъ не только общества, но и Государственнаго Совѣта и Госуд. Думы и, обсуждаясь въ обѣихъ палатахъ, только лишь по цензурнымъ условіямъ военнаго времени не могло проникнуть въ печать во всѣхъ своихъ деталяхъ.

А между тѣмъ детали этого момента не лишены были нѣкоторыхъ интересныхъ штриховъ.

Начать съ того, что въ одной части придворныхъ сферъ, въ связи съ цѣлымъ рядомъ пораженій русской арміи, начался замѣтный уклонъ въ сторону германской оріентаціи. Даже „святой старецъ“, уловивъ, какъ это многимъ казалось, такое вѣяніе, сталъ вдругъ сторонникомъ его, совершенно позабывъ о томъ, какъ онъ, еще такъ недавно, разгадывая Государевъ сонъ, вѣщалъ ему:

— Высокая гора — это границы государства, а стоять на ней — означаетъ управлять государствомъ... А то, что Ваше Величество по ту сторону горы пропасть замѣтили — это государство чужое, которымъ тоже Господь управлять велѣлъ...

И отсюда естественный выводъ: Россія побѣдитъ Германію, и русскій Царь этой иноземной страной управлять будетъ.

Присутствовавшій при этой бесѣдѣ Государя съ Распутинымъ адмиралъ Ниловъ, впослѣдствіи, когда Распутинъ совѣтовалъ „миръ съ нѣмцемъ заключить", потому, молъ, что „во снѣ ангела, недоброе предсказывавшаго", видѣлъ, иронически напомнилъ Распутину о его прежнемъ предсказаніи, посовѣтовавъ ему снамъ не вѣрить, а царю — ... храбро воевать.

Вскорѣ, конечно, выяснилось, что всѣ эти „сны старца" снились ему на яву, когда онъ, какъ говорится, „спалъ и видѣлъ" всю выгоду для себя отъ проведенія въ жизнь идеи сепаратнаго мира. Даже верховному главнокомандующему Николаю Николаевичу рѣшилъ Распутинъ разсказать о своихъ снахъ и съ этой цѣлью сталъ собираться въ Ставку.

Но послѣдній, узнавъ о предстоящемъ визитѣ Распутина, со свойственной ему прямотой и лаконичностью, сообщилъ по прямому проводу въ Петербургъ:

— Жду Распутина въ ставкѣ. Пріѣдетъ — выпорю...

Зная, что со стороны Николая Николаевича это не одни слова, и что онъ способенъ, и даже навѣрное, привести ихъ въ исполненіе, приверженцы идеи сепаратнаго мира отказались отъ риска подвергнуть особу старца поркѣ, и его визитъ въ Ставку былъ отмѣненъ.

Противъ Верховнаго Главнокомандующаго Николая Николаевича начался планомѣрный и систематическій походъ, и вскорѣ онъ былъ лишенъ своего званія. Верховное Главнокомандованіе перешло въ руки Государя. Конечно, только номинально, формально, а не фактически.

Николай Николаевичъ же назначенъ былъ на мѣсто графа Воронцова-Дашкова кавказскимъ намѣстникомъ.

А Распутинъ, ополчившись противъ Николая Николаевича и всей его партіи противниковъ идеи сепаратнаго мира, руководимый другой придворной партіей, походомъ пошелъ противъ него, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, даже передъ угрозой быть убитымъ, какъ тогда говорили, по постановленію общества фронтовыхъ офицеровъ. Пу-

стивъ въ ходъ всѣ средства своего вліянія на Государя, на котораго съ другой стороны вліялъ одно время запугиваніемъ военной силой Верховный Главнокомандующій Николай Николаевичъ, Распутинъ однажды заявилъ Государю:

— Меня хотятъ убить, я это знаю.... Но, помни, Государь: меня не будетъ, и тебя не будетъ....

Эта, быть можетъ, случайная, по наитію брошенная фраза, вспоминалась въ дни отреченія Николая II отъ престола очень часто и не только бывшими поклонниками тогда уже убитаго Распутина, но и въ печатныхъ воспоминаніяхъ о немъ всей безъ исключенія прессой.

. . . . . .

Не добившись, однако, согласія Государя на сепаратный миръ, Распутинъ своими страшными предсказаніями довелъ его до того, что тотъ, доведенный до ужаснаго состоянія всѣмъ происходившимъ вообще вокругъ него, чтобы разъ навсегда избавиться отъ всего этого, сильно разнервничавшись, чуть ли не въ припадкѣ изступленія, со слезами на глазахъ, однажды закричалъ:

— Дѣлайте что хотите, только оставьте меня въ покоѣ!..

Этотъ крикъ больной, изнервничавшейся души его, конечно, былъ истолкованъ, какъ согласіе на сепаратный миръ, и А. Д. Протопоповъ, давно снаряженный и готовый къ отбытію, спѣшно выѣхалъ въ Стокгольмъ.

Когда объ этомъ узнали въ Ставкѣ, то Николай Николаевичъ, подъ угрозой повернуть штыки на Петербургъ и Царское Село, угрозой, болѣе чѣмъ серьезной и при характерѣ Николая Николаевича весьма опасной, потребовалъ немедленнаго прибытія Государя съ Наслѣдникомъ въ Ставку.

Это требованіе было исполнено въ тотъ же день.

Столичная печать, зажатая въ тиски военной цензуры и лишенная возможности дать дѣйствительныя подробности причинъ столь внезапнаго отъѣзда Государя съ Наслѣдникомъ, по общему между собою уговору, ограничилась краткой и вызвавшей много толковъ замѣткой во всѣхъ газетахъ, дословно слѣдующаго содержанія:

„Вслѣдствіе наступившей ранней распутицы, Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ спѣшно выѣхали въ Ставку“.

Это сообщеніе комментировалось всячески. Цензурная власть, грознвшая газетамъ закрытіемъ, не могла же въ

самомъ дѣлѣ, закрыть всѣ газеты, въ томъ числѣ и „Новое Время“, напечатавшее это сообщеніе, и ограничилась введеніемъ новыхъ цензурныхъ строгостей.

Тѣмъ временемъ А. Д. Протопоповъ пребывалъ въ Стокгольмѣ, ведя переговоры съ тамошнимъ германскимъ посланникомъ фонъ-Люціусомъ о сепаратномъ мирѣ.

Въ созданіи этого историческаго свиданія представителей воюющихъ державъ: Россіи — А. Д. Протопопова и Германіи — посланника въ Швеціи — фонъ-Люціуса, въ качествѣ посредниковъ принимали участіе: директоръ нефтепромышленнаго товарищества „Мазутъ“, крупный варшавскій домовладѣлецъ — Максъ Гуревичъ и извѣстная въ Германіи г-жа Шифтанъ. Послѣдней, между прочимъ, принадлежитъ львиная доля не только въ созданіи этого совѣщанія, но и въ дѣлѣ организаціи его.

Имѣя опредѣленныя директивы цѣною какихъ угодно уступокъ создать возможную для сепаратнаго мира почву, А. Д. Протопоповъ дѣйствовалъ, что называется, „не щадя живота своего для блага отечества“ и, выработавъ предварительныя условія мира, вернулся въ Петербургъ.

Всѣ почти пункты условій въ Царскомъ Селѣ оказались болѣе или менѣе пріемлемыми. На одномъ только изъ нихъ стороны не сошлись: на вопросѣ о Польшѣ.

По соображеніямъ чисто дипломатически-психологическаго характера, Германія къ тому времени успѣла уже даровать Польшѣ независимость. И это былъ главный камень преткновенія, единственный пунктъ, помѣшавшій осуществленію идеи сепаратнаго мира между Россіей и Германіей.

Но миссія была выполнена блестяще, и А. Д. Протопоповъ награжденъ былъ за это министерскимъ постомъ.

Въ виду могущей встрѣтиться вторичной надобности въ переговорахъ его „съ американскимъ торговымъ агентомъ по вопросамъ военнаго снаряженія“, а такъ какъ по закону министръ, во время войны, не пользуется правомъ выѣзда заграницу, то, въ огражденіе А. Д. Протопопова отъ этого закона, ему и присвоено было находчивымъ премьеромъ Б. С. Штюрмеромъ званіе „управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ“.

Предусмотрительность эта, однако, оказалась излишней. Государственный Совѣтъ и Государственная Дума вскорѣ узнали о совѣщаніи въ Стокгольмѣ, и принятыми

ими мѣрами возможность дальнѣйшихъ переговоровъ исключалась...

Государственная Дума, получивъ самыя точныя свѣдѣнія о состоявшемся совѣщаніи въ Стокгольмѣ и документальныя данныя по этому поводу отъ англійскаго посланника въ Петербургѣ, лорда Бьюкенена, рѣзко, въ лицѣ П. Н. Милюкова, выступила съ трибуны Государственной Думы противъ тайныхъ правительственныхъ замысловъ Б. С. Штюрмера и К-о.

Это историческое засѣданіе Государственной Думы было чревато послѣдствіями: премьеръ министръ Б. С. Штюрмеръ и министръ А. Д. Протопоповъ выступленіе П. Н. Милюкова подвели подъ „раскрытіе государственныхъ тайнъ“ и, предъявивъ ему обвиненіе въ государственной измѣнѣ, сдѣлали постановленіе объ его арестѣ.

Но П. Н. Милюковъ былъ уже недосягаемъ. Узнавъ о предстоящемъ его арестѣ, англійскій посланникъ, лордъ Бьюкененъ, взялъ П. Н. Милюкова подъ свое покровительство и отвелъ ему комнату въ помѣщеніи англійскаго посольства, неприкосновенномъ и недосягаемомъ даже для распространяемой на всю страну власти предсѣдателя Совѣта Министровъ.

А наступившіе вскорѣ февральскіе дни, отреченіе Николая II отъ престола, а вслѣдъ за этимъ и революціонная волна, привели не только къ личной свободѣ и полной безопасности недавняго „государственнаго измѣнника“ П. Н. Милюкова, но и къ полной перемѣнѣ прежними ролями: государственными преступниками оказались всесильные до того времени Б. С. Штюрмеръ и А. Д. Протопоповъ.

Арестованные въ первый же день переворота, они содержались въ превращенномъ въ арестное для министровъ помѣщеніе — министерскомъ павильонѣ при Государственной Думѣ, въ зданіи Таврическаго Дворца.

Въ дни своего ареста Б. С. Штюрмеръ все время писалъ извинительныя П. Н. Милюкову докладныя записки, моля о прощеніи и пощадѣ, а маніакъ А. Д. Протопоповъ цѣлые дни простаивалъ на колѣняхъ передъ иконой, безпрерывно, впавъ въ манію мистицизма, повторяя за молитвой:

— Господи! Спаси и помилуй царицу нашу Александру Федоровну!

VIII.

Слишкомъ глубокіе корни успѣла пустить уже „распутиніада“, когда неожиданно, какъ-то ни съ того, ни съ сего, казалось бы, вдругъ, все время безмолвно наблюдавшіе за всѣмъ происходившимъ, и я бы сказалъ—главные виновники этой эпохи, создатели Распутина — монархисты, обратили, наконецъ, свое на все это благосклонное вниманіе и заволновались.

Притаившіеся и притихшіе, они, точно разбуженные отъ сна пожаромъ, громко — вдругъ завопили:

— Страна въ опасности, монархія наканунѣ гибели!..

Эта неожиданная тревога была вызвана цѣлымъ рядомъ вопіющихъ фактовъ, случайно ставшихъ достояніемъ монархическихъ организацій.

Протоіерей Восторговъ, первое время находясь подъ угрозой подвергнуться участи, постигшей единомышленниковъ его — епископа Гермогена и іером. Иліодора, затаивъ, что называется, дыханіе, скрѣпя сердце, долженъ былъ предаться мирной дѣятельности. Но едва только грозовыя тучи прошли, и онъ убѣдился, что о немъ, благодаря новымъ и болѣе важнымъ событіямъ, достаточно и основательно забыли тѣ, чей гнѣвъ былъ такъ страшенъ и опасенъ, какъ исподволь сталъ втихомолку организовывать „общественное мнѣніе“ противъ Распутина.

Посвятивъ въ тайны всего этого дѣла преосвященнаго Антонія, епископа Тобольскаго, открыто враждовавшаго съ Распутинымъ, прот. Восторговъ, выработавъ „адскій планъ мести“, увѣрилъ послѣдняго, что только такимъ, какъ онъ предлагалъ, путемъ и способами удастся ликвидировать Распутина, покончить разъ навсегда съ ужаснымъ явленіемъ вліянія распутнаго мужика на государственную жизнь.

Прот. Восторговъ при этомъ заявилъ преосвященному:

— Я Распутина создалъ, я его и уничтожу...

А въ синодскихъ сферахъ ненависть и даже возмущеніе противъ Распутина въ то время было немалое. Объяснялось это не столько несочувствіемъ ко всей „распутиніадѣ“, сколько непосредственнымъ вторженіемъ новоявленнаго „святого“ и въ синодскія дѣла, благодаря вліянію, которымъ онъ пользовался на оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода В. К. Саблера и даже на его предшественника, Самарина.

Послѣднее время, благодаря вмѣшательству распутинцевъ въ синодскія дѣла и огромному вліянію ихъ, черезъ Распутина, оказываемому на духовныя сферы, заслуженные преосвященные стали пѣшками въ рукахъ отдѣльной кучки духовенства, руководившей не безпристрастно этимъ „новымъ святымъ старцемъ“ въ собственныхъ интересахъ и по своему.

Цѣлый рядъ ничѣмъ не объясняемыхъ синодскихъ перетасовокъ и переводовъ преосвященныхъ изъ одной годами насиженной епархіи въ другую, новые фавориты, дѣлавшіе неожиданно головокружительную карьеру, а наряду съ этимъ полное безразличіе въ отношеніяхъ Двора къ высшему духовенству — все это не могло не возстановить синодскія сферы противъ новаго узурпатора ихъ власти, къ тому же — лица еще и не духовнаго званія.

А наряду съ этимъ усиленное муссированіе въ прессѣ слуховъ о томъ, что въ недалекомъ будущемъ предстоитъ рукоположеніе Григорія Распутина въ санъ священника.

Эти слухи, конечно, исходили изъ весьма опредѣленныхъ источниковъ и основаніе подъ собой имѣли вполнѣ правдоподобное:

Когда антираспутинская партія потеряла подъ собой почву и, несмотря на отчаянную борьбу, оказалась побѣжденной вторичнымъ появленіемъ „старца“ при Дворѣ послѣ „покушенія“ на него въ селѣ Покровскомъ, то въ своемъ стремленіи лишить его права посѣщенія Царскосельскаго Дворца, эта партія, стала опираться на... законные доводы. Изъ нѣдръ покрытыхъ плѣсенью государственныхъ архивовъ раздобыты были письмена придворныхъ церемоніаловъ, въ которыхъ точно и вполнѣ опредѣленно указывалось, что „доступомъ ко Двору могутъ пользоваться исключительно лица придворнаго званія...“

Въ примѣчаніяхъ къ этому пункту статута придворнаго этикета были и оговорки, что этимъ правомъ мо-

гутъ пользоваться еще развѣ только лица, носящія или служебное придворное званіе, или даже только занимающіе служебные придворные посты, какъ-то: воспитатели особъ Царствующаго Дома, духовенство, по назначенію исполняющее свои прямые обязанности, и т. д.

Чтобы изъять Распутина изъ области пунктовъ статута, запрещающихъ посѣщеніе Дворца, А. А. Вырубова и К° посовѣтовали назначить его придворнымъ собесѣдникомъ.

Но враждовавшіе противъ Распутина придворные законники, едва только это назначеніе состоялось, нашли въ статутѣ новое противоядіе: оказалось, что должность придворнаго собесѣдника можетъ занимать исключительно лицо духовнаго званія.

Временно Распутинъ назначенъ былъ оффиціально „придворнымъ лампадникомъ“. Но такъ какъ это смѣхотворное назначеніе пришлось не по вкусу „старцу“, то рѣшено было добиться духовнаго сана для него.

Вотъ отсюда то и началось муссированіе слуховъ о томъ, что Распутинъ въ недалекомъ будущемъ долженъ быть рукоположенъ въ санъ священника.

Синодскіе преосвященные прекрасно понимали, что воспрепятствовать такому требованію придворныхъ клерикаловъ и камарильи врядъ-ли удастся, ибо это равносильно открытой войнѣ съ Царскимъ Дворомъ, войнѣ невыгодной и съ опредѣленнымъ пораженіемъ одной стороны, т. е. Синода, и тяжелыми отъ этого послѣдствіями. Тѣмъ болѣе, что и въ средѣ Синода Распутинъ имѣлъ своихъ приверженцевъ и ставленниковъ.

А для предотвращенія возможности проведенія этого проекта въ жизнь, необходимо было какое-нибудь вліяніе извнѣ, какіе-нибудь дискредитирующіе Распутина факты или даже только обстоятельства.

Изысканіями въ этой области, какъ нельзя лучше, и занялся прот. Восторговъ.

Оставивъ за собой вполнѣ опредѣленную славу по всему пути своего былого „агитаціоннаго турнэ“ съ пропагандой монархическихъ идей, прот. Восторговъ правильно разсчиталъ, что для глухой сибирской провинціи онъ тотъ же „оффиціальный представитель“, котораго такъ радушно встрѣчали когда то депутаціи на вокзалахъ.

Столичныя и придворныя интриги не подвергались еще такой огласкѣ, чтобы онѣ во всѣхъ деталяхъ были извѣстны хотя бы тобольчанамъ. Къ тому же имя прот.

Восторгова оставалось все время какъ-то въ тѣни, и онъ имѣлъ всѣ основанія разсчитывать на признаніе тамошними властями его прежней оффиціальности, а вмѣстѣ съ этимъ — и на успѣхъ въ предпринимаемыхъ имъ тайныхъ замыслахъ.

Центральный Комитетъ монархическихъ организацій, имѣя уже къ тому времени въ своемъ портфелѣ массу обвинительныхъ противъ Распутина матеріаловъ, уличающихъ старца въ цѣломъ рядѣ преступленій противъ Государства, вплоть до фактовъ, квалифицированныхъ монархистами, какъ государственная измѣна, охотно присоединился къ предпринимаемому нѣкоторыми синодскими преосвященными походу противъ Распутина. Прот. Восторгову выданы были соотвѣтствующія удостовѣренія въ томъ, что онъ командируется на ревизію провинціальныхъ отдѣловъ монархическаго союза, что ему поручено собрать матеріалы для готовящагося, будто бы, капитальнаго труда по „исторіи монархическаго движенія въ Россіи“ и т. д.

Всѣ такія удостовѣренія, на шикарныхъ бланкахъ и за печатями съ „Георгіемъ Побѣдоносцемъ на конѣ“ носили отпечатокъ той оффиціальной казенщины, которая властямъ на мѣстахъ внушала уваженіе къ себѣ и полное довѣріе. А заканчивались всѣ эти удостовѣренія поддѣлкой подъ оффиціальный стиль и „предложеніемъ оказывать означенному въ семъ удостовѣреніи возможное содѣйствіе.“

Обзаведясь всѣми необходимыми документами такого типа, прот. Восторговъ выѣхалъ въ Тобольскую губернію. Пользуясь на мѣстахъ содѣйствіемъ мѣстныхъ монархическихъ отдѣловъ, онъ тотчасъ же по пріѣздѣ, при ихъ помощи, сталъ собирать всяческіе матеріалы о Григоріѣ Распутинѣ, начиная съ біографическихъ свѣдѣній о немъ, женѣ его Евдокіи, отцѣ-ямщикѣ, дойдя постепенно до земской больницы, въ которой умеръ послѣ побоевъ отецъ Распутина, — Евфимій Вилкинъ, по прозвищу „Новыхъ“, и до тобольской гостинницы, въ которой одно время состоялъ половымъ Григорій Новыхъ, по прозвищу Распутинъ, и уборщицей номеровъ Евдокія Сѣрихина, въ замужествѣ — Евдокія Новыхъ-Распутина.

Оффиціальные представители власти, искренно повѣривъ въ высоко-патріотическія цѣли собираемыхъ свѣдѣній и авансомъ гордясь тѣмъ, что ихъ губернія, уѣздъ и даже село Покровское попадутъ въ „исторію монархи-

ческаго движенія въ Россіи", которая не можетъ не попасть Царю на прочтеніе и даже одобреніе, быть можетъ, поэтому такъ и увлеклись „оказаніемъ содѣйствія" прот. Восторгову не безъ задней мысли, въ надеждѣ на предстоящее обращеніе вниманія Его Величества на провинціальное „Ихъ Благородіе."

Съ другой стороны, успѣхъ „восторговскаго дѣла" заключался еще и въ томъ, что попутно съ оффиціальными свѣдѣніями, изъ которыхъ имъ извлекались только необходимыя ему опредѣленныя данныя, онъ примѣнялъ еще и систему другую, обратившись за свѣдѣніями и къ тамошнимъ злѣйшимъ врагамъ Распутина.

Большую услугу въ этомъ смыслѣ оказалъ прот. Восторгову бывшій покровскій священникъ — о. Николай Ильинъ. Преслѣдованія Распутина довели несчастнаго іерея до того, что онъ, переведенный изъ села Покровскаго въ поселокъ Новыя Своги, съ населеніемъ въ нѣсколько десятковъ переселенцевъ и сотней ссыльныхъ, за отсутствіемъ доходовъ сильно обнищалъ, спился и вскорѣ былъ разстриженъ съ оставленіемъ на поселеніи въ томъ же поселкѣ.

Обозленный бывшій священникъ, попавшій подъ общую рубрику „пострадавшаго за идеи" въ среду тамошнихъ политическихъ ссыльныхъ, не опасался уже болѣе гнѣва Распутина, идея мести которому стала для нынѣ ссыльнаго, а ранѣе бывшаго батюшки, предметомъ чуть ли не маніачества. Тутъ прот. Восторговъ наткнулся на цѣлый, поистинѣ, кладъ для себя. Бывшій священникъ Николай Ильинъ, какъ оказалось, всѣ свои сплошные досуги посвящалъ Распутину, написавъ цѣлые о немъ томы, отъ жалобъ и докладныхъ записокъ и включительно до доносовъ на тему о его происхожденіи конокрада, безбожника, плута и авантюриста. Сохранились и копіи бумагъ, послужившихъ началомъ всѣхъ бѣдъ для священника Ильина, докладныя записки Синоду и даже челобитная Царю, стоившія автору долгихъ трудовъ и нравственныхъ мукъ, но не отправленныхъ въ свое время по назначенію изъ страха передъ опасностью быть повѣшеннымъ по проискамъ всесильнаго Распутина, доведшаго его и безъ того „до послѣдней черты".

Прот. Восторговъ, взявшись исходатайствовать возвращеніе разстриженнаго священника обратно въ лоно церкви, съ полученіемъ къ тому же и прежняго сана, съ обѣщаніемъ, вѣроятно, еще и доходнаго церковнаго при-

хода, не только получилъ всѣ эти матеріалы, но и цѣлый рядъ новыхъ, написанныхъ бывшимъ священникомъ, подъ вліяніемъ инспираціи со стороны прот. Восторгова, изобличающихъ и дискредитирующихъ Распутина настолько, что, казалось, послѣдній будетъ уничтоженъ безъ остатка...

Нагруженный всѣмъ этимъ матеріаломъ, возвращавшійся въ Петербургъ прот. Восторговъ, обдумывая планъ похода противъ Распутина, стоялъ у окна вагона скораго поѣзда и, нервно теребя свою бородку, мысленно повторялъ:

— Я его создалъ, я его и уничтожу!..

И, кто знаетъ! Быть можетъ, въ кошмарахъ сновъ своихъ прот. Восторговъ не разъ душилъ крѣпкаго мужика своими холеными, точно прозрачными, и мягкими блѣдновато-розовыми пальцами, душилъ на смерть, крѣпко, съ силой и отчаяніемъ, только во снѣ въ такихъ случаяхъ появляющимися, неизмѣнно при этомъ приговаривая:

— Я тебя создалъ, я тебя и уничтожу...

. . . . . .

Въ Петербургѣ тѣмъ временемъ событія разворачивались съ кинематографической быстротой.

Саратовскіе и Царицынскіе поклонники епископа Гермогена и іером. Иліодора, притихшіе было на время, не прекращали, однако, ни на минуту своей подпольной дѣятельности въ смыслѣ стремленія къ освобожденію іереевъ изъ несправедливаго заточенія ихъ въ монастыри.

Подъѣзжая уже къ Москвѣ, откуда онъ долженъ былъ направиться въ Петербургъ, прот. Восторговъ узналъ изъ газетъ о побѣгѣ іером. Иліодора изъ монастырскаго заточенія. Краткія газетныя сообщенія, опубликовывая установленный уже оффиціально побѣгъ іером. Иліодора, высказывали предположенія, что организація побѣга, — естественно, дѣло рукъ царицынскихъ поклонниковъ бѣжавшаго іеромонаха.

Прот. Восторговъ на каждой станціи хваталъ всѣ попадавшіяся ему столичныя, московскія и петербургскія, газеты, забывъ даже объ исконной ненависти своей къ нѣкоторымъ изъ нихъ, непріемлемыхъ для него „по направленію", жадно глотая каждое слово объ Иліодорѣ, свѣдѣнія о побѣгѣ коего всѣми газетами выдѣлялись подъ особую рубрику и большой подзаголовокъ:

— „Къ побѣгу іеромонаха Иліодора“.

Поѣздъ быстро мчался впередъ, въ Москву, но еще быстрѣе, одна другую обгоняя, мчались мысли прот. Восторгова туда, въ Петербургъ, гдѣ его присутствіе сейчасъ такъ необходимо, гдѣ нужно „ковать желѣзо пока оно горячо“ . . .

А ковать было что! Прот. Восторговъ уже составилъ „желѣзный планъ“, рѣшивъ придать всѣмъ своимъ разоблаченіямъ характеръ матеріаловъ, собранныхъ Иліодоромъ и имъ, будто-бы, опубликовываемыхъ.

Эта „геніальная“, какъ ему казалось, мысль, явилась слѣдствіемъ одного сообщенія въ печати, что бѣжавшій изъ заточенія іером. Иліодоръ намѣренъ опубликовать рядъ дискредитирующихъ Распутина фактовъ и документовъ.

Но не успѣлъ еще, весь охваченный энтузіазмомъ отъ всего случившагося, прот. Восторговъ прибыть въ Москву, какъ въ Центральномъ Комитетѣ монархическихъ организацій получены были ужасныя о Распутинѣ свѣдѣнія:

Прибывшій въ Москву предсѣдатель саратовскаго отдѣла „союза русскаго народа“ И. В. Климовъ доставилъ комитету рядъ свѣдѣній, подкрѣпленныхъ документальными данными, уличавшихъ Распутина въ . . . государственной измѣнѣ, заключавшейся въ пріемѣ у себя на квартирѣ, а затѣмъ и въ перепискѣ съ цѣлымъ рядомъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу заключенія сепаратнаго мира съ Германіей. Обладатели столь цѣнныхъ, по ихъ мнѣнію, документовъ и данныхъ, московскіе монархисты, видимо, были убѣждены въ томъ, что они этимъ „Америку откроютъ“ . . .

И въ самомъ дѣлѣ. Могли ли они допустить даже мысль, что Распутинъ — это только средостѣніе, ширма, маленькая перегородка между Царскимъ Селомъ и Берлиномъ! Думали ли они, что, явившись къ тѣмъ, кому сіе вѣдать надлежитъ, они вдругъ услышатъ, въ отвѣтъ на экспансивное выраженіе преданности Царю, Престолу и Родинѣ, спокойное полуироническое замѣчаніе:

— Старо, старо, господа монархисты! Поновѣе дѣла знаемъ и . . . не ужасаемся.

Потерпѣвъ такой неожиданный афронтъ, монархисты, однако, не унывали. Въ экстренномъ засѣданіи объединенныхъ комитетовъ, московскаго и петербургскаго, рѣшено

было добиться аудіенціи у Государя и вручить ему подробную по этому поводу докладную записку.

Члену Петербургскаго комитета, прис. повѣр. П. Ф. Булацелю, поручено было спѣшно заготовить соотвѣтствующій докладъ, а на второй день избранная спеціально депутація, во главѣ съ знаменитымъ докторомъ А. И. Дубровинымъ, отправилась въ Царское Село.

Въ распространенной и весьма объемистой докладной запискѣ излагались всѣ преступленія Распутина и его соратниковъ, ихъ стремленіе заключить сепаратный миръ съ Германіей и продолжающаяся также послѣ неудачи по вопросу о мирѣ дѣятельность этихъ лицъ въ области все той же „государственной измѣны". Расходившіеся „патріоты и спасатели отечества" рѣшили сказать своему Царю, какъ они оговаривались въ своей докладной запискѣ, всю истинную правду и въ своемъ такомъ рвеніи дошли до открытаго, путемъ довольно прозрачныхъ намековъ, обвиненія Государыни Александры Федоровны въ измѣнѣ Россіи.

А еще далѣе, уже безъ всякихъ намековъ, а просто — какъ слѣдствіе, отсюда вытекавшее, сослались на рядъ историческихъ фактовъ, указывая на практиковавшійся въ старину способъ заточенія такихъ Царицъ, выказавшихъ непокорность волѣ Царя или явную ему опозицію, въ монастыри . . .

Эффектъ отъ всего этого ожидался невѣроятный. Но каково было удивленіе депутаціи, когда Государь, наканунѣ обѣщавшій доктору Дубровину и К° аудіенцію, неожиданно отказался принять эту депутацію, сообщивъ имъ черезъ дворцоваго коменданта ген. Воейкова, хлопотавшаго за пріемъ монархистовъ, что „Николай II принимаетъ охотно всѣхъ вѣрноподданныхъ", за исключеніемъ „вѣрноподданныхъ дураковъ".

Положеніе создалось катастрофическое. На эту аудіенцію возлагалось столько надеждъ; монархическая пресса три дня уши прожужжала на тему о предстоящей аудіенціи „бояръ-монархистовъ", результатъ ожидался разительный . . . И вдругъ такое ужасное фіаско!

Совершенно растерявшіеся главари „союза русскаго народа" только руками разводили. Не находя для самоутѣшенія иного объясненія, они рѣшили, что Николай II и весь россійскій Дворъ загипнотизированы „старцемъ". И до того увлеклись этой ими же придуманной, вѣроятно —

шутя, идеей, что серьезно стали помышлять о способахъ „разгипнотизированія загипнотизированныхъ“ . . .

Такъ какъ это предположеніе было высказано медикомъ, а именно: предсѣдателемъ „союза“ докторомъ А. И. Дубровинымъ, то Комитетъ и поручилъ ему заняться детальнымъ изслѣдованіемъ вопроса о способахъ снятія гипноза съ Особъ Царствующаго Дома и приближенныхъ къ нимъ придворныхъ лицъ. Дошло до того, что обратились къ спеціалисту по гипнозу, ординатору психіатрической больницы Николая Чудотворца, приватъ-доценту В. Карпинскому.

Приватъ-доцентъ Карпинскій впослѣдствіи разсказывалъ, что явившійся къ нему по этому поводу „коллега Дубровинъ“ производилъ вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе человѣка психически ненормальнаго, неуравновѣшеннаго, почему онъ, для успокоенія больного воображенія Дубровина и обѣщалъ ему заняться изслѣдованіемъ въ этой области.

Явившійся спустя нѣсколько дней вторично къ нему Дубровинъ замѣтно успокоился, сталъ болѣе здраво разсуждать и въ консиліумѣ съ нимъ, Карпинскимъ, самъ первый сдѣлалъ не только отрицательные въ смыслѣ снятія гипноза выводы, но высказалъ даже убѣжденіе, что всѣ предположенія о возможности чего либо подобнаго лишены научнаго основанія . . .

На этомъ закончился второй и послѣдній визитъ доктора Дубровина къ психіатру Карпинскому.

Въ монархической же массѣ ловко изобрѣтенная для самооправданія главарями союза выдумка о гипнозѣ тщательно не только поддерживалась, но усиленно муссировалась.

Отсюда, надо полагать, и пошли по всей Руси всяческія „были и небылицы“ о томъ, что Царица-нѣмка въ заговорѣ съ Распутинымъ, и что они Государя загипнотизировали, а сами Германіи помогаютъ Россію побѣдить. Въ этотъ же періодъ и начались въ народѣ первые симптомы неуваженія къ Особамъ Царствующаго Дома, выливавшіеся въ форму насмѣшливаго отношенія къ Государынѣ Александрѣ Федоровнѣ, которую стали называть не иначе, какъ просто „Алиса“.

Вѣрноподданные монархисты прекрасно знали происхожденіе этой, ставшей нарицательнымъ именемъ Царицы, клички. Но и тутъ эти „патріоты“ остались вѣрны своимъ исконнымъ принципамъ, и въ черносотенной прес-

съ началась травля „дерзающихъ“ противъ Особъ Царствующаго Дома. А послѣдними, конечно, были вѣчные козлы отпущенія, — инородцы и соціалисты. Неистовствовало знаменитое „Русское Знамя“, редактировавшееся Дубровинымъ, а въ унисонъ съ нимъ и опекаемая депутатомъ Марковымъ II газета „Земщина“.

Даже находившійся въ ту пору на фронтѣ, занятый организаціей питательныхъ пунктовъ и прочихъ вспомогательныхъ для военнаго вѣдомства учрежденій чисто общественнаго характера В. М. Пуришкевичъ возмутился специфической и ни на чемъ не основанной травлей инородцевъ въ „Земщинѣ“ и „Русскомъ Знамени“.

Въ открытомъ письмѣ, которое эти двѣ газеты, конечно, не помѣстили и поэтому появившемся, въ сильно и сокращенномъ, и искаженномъ видѣ, въ „Новомъ Времени“, В. М. Пуришкевичъ доказывалъ своимъ единомышленникамъ, что они клевещутъ на инородцевъ, преимущественно — евреевъ, и, ссылаясь на личныя наблюденія за время своего пребыванія на фронтѣ, онъ категорически отрицалъ всѣ возводимыя противъ нихъ обвиненія, утверждая совершенно обратное:

— Всѣ воюютъ одинаково и одинаково стойко переносятъ лишенія, тяжелыя условія войны, раненія и смерть за Родину, — писалъ Пуришкевичъ.

Коснувшись же вопроса о государственной измѣнѣ и огульнаго обвиненія евреевъ въ шпіонажѣ, В. М. Пуришкевичъ заявилъ:

— До сего времени, къ сожалѣнію, судили и казнили по такимъ дѣламъ немало православныхъ, противъ которыхъ военно-полевой судъ имѣлъ достаточныя, конечно, улики; иновѣрцы же подвергались, правда, часто суду Линча, но документальныхъ данныхъ объ измѣнѣ съ ихъ стороны (опять таки — къ сожалѣнію) — писалъ Пуришкевичъ, не имѣется...

За это выступленіе Пуришкевичу въ свое время досталось отъ его единомышленниковъ. Враждовавшіе съ нимъ и до того „дубровинцы“, ничто же сумняшеся, примѣнили и къ нему „систему гипноза“, высказавъ не только подозрѣнія въ томъ, что и это дѣло рукъ инородцевъ, но обвинили Пуришкевича въ пристрастіи и въ защитѣ евреевъ „за понюшку табаку“, намекая этимъ на подарокъ питательнымъ пунктамъ табачными фабрикантами Бр. Когенъ изъ Кіева большой партіи табаку для солдатъ.

Оскорбленный В. М. Пуришкевичъ не выдержалъ и въ открытомъ письмѣ подъ заголовкомъ: „Моимъ клеветникамъ“, напечатанномъ въ видѣ листовки и разосланномъ депутатамъ Думы, членамъ Государственнаго Совѣта, общественнымъ организаціямъ и редакціямъ всѣхъ повременныхъ изданій, выступилъ съ обвиненіемъ монархистовъ, заявивъ о томъ, что вся эта травля имѣетъ за собой опредѣленное стремленіе, а именно: скрыть истинное происхожденіе возмутительнаго явленія, сваливъ вину съ больной головы на здоровую...

Какъ ни старались соратники Маркова II: гг. Сыромятниковъ съ Янчевскимъ въ „Земщинѣ“, а докторъ Дубровинъ въ „Русскомъ Знамени“ — побѣда осталась за Пуришкевичемъ.

Вскорѣ послѣ того „Земщину“ лишили даже правительственной субсидіи, а „Русское Знамя“ подверглось цѣлому ряду цензурныхъ преслѣдованій, отъ конфискаціи отдѣльныхъ номеровъ и до закрытія газеты въ административномъ порядкѣ, по распоряженію градоначальника, включительно. Эти преслѣдованія заставили „патріотовъ“ умѣрить свой пылъ. Впрочемъ, — ненадолго... Преслѣдованія вскорѣ, конечно, прекратились и постепенно возобновилась прежняя дѣятельность субсидируемой монархической прессы.

IX.

Сейчасъ, когда въ область преданій ушла безвозвратно вся распутинская эпоха, или, вѣрнѣе, эпоха, создавшая Распутина, отдѣльные и весьма важные въ то время моменты ея потеряли уже свое первоначальное значеніе. Но есть среди нихъ и такіе, которые представляютъ собой чисто историческій интересъ, характеризуя, какъ самый способъ былого управленія занимавшей одно изъ первыхъ мѣстъ на міровой картѣ страны, такъ и былыхъ государственныхъ дѣятелей, къ этому управленію страной призванныхъ.

Не вдаваясь въ критику ставшей одно время преобладающей въ правительственныхъ кругахъ идеи сепаратнаго мира, нельзя, однако, обойти молчаніемъ отдѣльные и чисто политически — недопустимые факты веденія, какъ агитаціи въ этой области, такъ и самыхъ переговоровъ.

Всполошившіеся было по этому поводу монархисты не такъ ужъ, думается, возставали противъ самой идеи мира съ монархической тогда еще Германіей, какъ противъ введеной Б. С. Штюрмеромъ съ Распутинымъ системы въ области этого вопроса.

Когда на фронтѣ и въ прифронтовой полосѣ десятками разстрѣливались люди по одному только подозрѣнію въ государственной измѣнѣ, столица Россіи — Петербургъ — кишмя кишѣла не только подозрительными въ этомъ смыслѣ лицами, но и людьми съ опредѣленной репутаціей профессіональныхъ развѣдчиковъ, офицеровъ германскаго генеральнаго штаба, имѣвшихъ доступъ къ пресловутому „старцу“, а черезъ его посредство — и къ министрамъ, вплоть до предсѣдателя совѣта министровъ Б. С. Штюрмера.

А. И. Гучковъ, пребывая въ качествѣ представителя Краснаго Креста на фронтѣ, послѣ боевъ подъ Сольдау отправился въ расположеніе германскихъ войскъ за полу-

ченіемъ трупа ген. Самсонова, считавшагося тогда убитымъ во время одного изъ боевъ въ этомъ районѣ.

Поѣздка Гучкова въ расположеніе германскихъ войскъ обставлена была, конечно, соотвѣтствующими формальностями. Нѣмецкій патруль во главѣ съ оберъ-лейтенантомъ, встрѣтивъ депутацію Гучкова у проволочныхъ заграждеій, проводилъ ее въ свой штабъ.

А. И. Гучковъ заявилъ о цѣли своего прибытія и получилъ отвѣтъ начальника штаба, что онъ снесется по этому поводу съ Командующимъ Германской Арміей, послѣ чего обѣщалъ дать знать Гучкову о результатѣ.

Возвращавшагося А. И. Гучкова поджидавшій тутъ же германскій патруль вновь эскортировалъ обратно до заграждеій. Начальникъ патрульнаго разъѣзда, объяснявшійся всю дорогу ранѣе съ А. И. Гучковымъ все время по нѣмецки, неожиданно заговорилъ съ нимъ по русски, на чисто русскомъ, совершенно несвойственномъ нѣмцамъ, діалектѣ, безъ малѣйшей тѣни иностраннаго акцента, отвѣтивъ на его сожалѣніе по поводу невозможности полученія трупа ген. Самсонова, слѣдующее:

— Я всемѣрно буду стараться помочь Вамъ, Александръ Ивановичъ!

Удивленный не только русской рѣчью, но и тѣмъ, что германскій офицеръ знаетъ его даже по имени и отчеству, А. И. Гучковъ задалъ ему вопросъ:

— А откуда вы меня знаете?

Офицеръ отвѣтилъ:

— О! Я очень хорошо васъ знаю, я бывалъ въ Государственной Думѣ, когда вы выступали въ защиту колонистовъ нѣмцевъ... И, въ благодарность за это, постараюсь услужить Вамъ, чѣмъ смогу...

Наступило неловкое молчаніе, прерванное слѣдующимъ заявленіемъ германскаго офицера:

— Да мы съ Вами и лично знакомы... Вы не узнали меня, потому что т о г д а (и онъ подчеркнулъ это слово) я былъ въ штатскомъ платьѣ... Военная форма мѣняетъ человѣка...

— Лично знакомы! — удивился А. И. Гучковъ. Кто насъ знакомилъ? Когда? И гдѣ? —

— Насъ познакомилъ Борисъ Сергѣевичъ... Штюрмеръ... Премьеръ-министръ... Въ первые мѣсяцы войны... У себя... Вы явились къ нему по какому то дѣлу, въ связи съ обсуждавшимся наканунѣ, въ закрытомъ засѣданіи комиссіи по оборонѣ при Государственной Думѣ, во-

просомъ... Я былъ представленъ Вамъ въ качествѣ иностраннаго журналиста... Премьеръ министръ извинился предо мною и переговорилъ съ Вами въ моемъ присутствіи по русски, такъ какъ Вы убѣждены, что я русскаго языка не понимаю, обѣщалъ завтра прибыть въ засѣданіе комиссіи по оборонѣ... Вопросъ касался запасовъ снарядовъ въ Брестъ Литовской крѣпости... Имъ грозила опасность... Необходимы были мѣры предотвращенія этой опасности... Комиссія по оборонѣ предполагала перевезти снаряды, но...

Въ это время подъѣхали къ загражденіямъ... Русскій разъѣздъ поджидалъ Гучкова и офицеръ, перейдя съ русской рѣчи на нѣмецкую, распрощавшись, разстался съ Гучковымъ ранѣе, чѣмъ тотъ успѣлъ охватить весь ужасный смыслъ и значеніе предшествовавшаго разговора...

Впослѣдствіи военный корреспондентъ „Новаго Времени“ опубликовалъ въ корреспонденціи этотъ случай, но не цѣликомъ, а только въ части, касавшейся А. И. Гучкова, т. е. что германскій офицеръ обѣщалъ ему свое полное содѣйствіе за уваженіе къ его общественной и государственной дѣятельности, которую онъ-де зналъ, бывая въ Государственной Думѣ, такъ какъ состоялъ петербургскимъ корреспондентомъ одной изъ берлинскихъ газетъ...

А И. Гучковъ по этому поводу выступилъ въ томъ же „Новомъ Времени“ съ негодующимъ письмомъ противъ искаженія основныхъ фактовъ, заявивъ, что подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, но отнюдь не для печати, дѣйствительно разсказалъ въ личной бесѣдѣ съ военнымъ корреспондентомъ нѣкоторые ужасные факты, но совершенно несоотвѣтствующіе изложеннымъ въ корреспонденціи, подробному опубликованію коихъ въ данное время мѣшаютъ „независящія обстоятельства“. При этомъ А. И. Гучковъ присовокупилъ, что когда нибудь эти факты онъ опубликуетъ, и что ихъ интересъ не измѣнится отъ времени, а значеніе — тѣмъ болѣе...

Другой фактъ, еще того болѣе яркій, характеризуетъ уже и военное вѣдомство, главный генеральный штабъ, тайны коего не только въ военное, но и въ мирное время, оберегаются, вѣрнѣе должны тщательно оберегаться.

По порученію высшаго начальства военный курьеръ генеральнаго штаба командированъ былъ съ весьма важнымъ порученіемъ въ Стокгольмъ. Попутно ему поручена была сдача чрезвычайно секретнаго пакета на финляндской границѣ, въ Бѣлоостровѣ. При этомъ курьеру данъ

былъ „пароль“, только по предъявленіи коего онъ долженъ былъ сдать этотъ весьма важный пакетъ одному офицеру, который его будетъ ждать въ дежурной жандармской комнатѣ въ Бѣлоостровѣ.

Не впервые уже исполняя подобныя порученія, военный курьеръ генеральнаго штаба, прибывъ скорымъ поѣздомъ на ст. Бѣлоостровъ, направился въ верхній этажъ вокзальнаго помѣщенія, гдѣ и находилось жандармское отдѣленіе. Но едва только онъ добрался до первой площадки деревянной лѣстницы, ведущей во второй этажъ вокзала, какъ навстрѣчу ему появился офицеръ въ формѣ русскаго жандармскаго корпуса и, обратившись къ нему съ паролемъ, потребовалъ пакетъ. Послѣ установленныхъ въ такихъ случаяхъ формальностей и взаимныхъ военныхъ почестей, жандармскій офицеръ, получивъ отъ военнаго курьера секретный пакетъ, проводилъ послѣдняго на перронъ.

По пути, какъ водится, — заговорили. Военный курьеръ, присмотрѣвшись къ собесѣднику, высказалъ предположеніе въ томъ, что они гдѣ то ранѣе уже встрѣчались.

— Возможно, отвѣтилъ жандармскій ротмистръ, и, перечисливъ нѣсколько этаповъ своей службы, между прочимъ, какъ на предположеніе о мѣстѣ ихъ встрѣчи, указалъ:

— Служилъ я еще въ прошломъ году и въ охранѣ Распутина... Можетъ быть, у него встрѣчались!..

Сѣвъ въ поѣздъ, военный курьеръ помчался въ Стокгольмъ. Но не успѣлъ онъ прибыть въ Торнео, какъ немедленно былъ арестованъ и нѣсколько мѣсяцевъ просидѣлъ въ заключеніи, находясь все время въ положеніи ожидающаго смертной казни, которая грозила ему за эту исторію.

Вліятельнымъ роднымъ военнаго курьера большихъ усилій стоило выпутать его, невиновнаго ни въ чемъ, изъ предъявленнаго ему обвиненія въ государственной измѣнѣ, ибо оказалось, что „секретный и весьма важный пакетъ“ былъ переданъ имъ... офицеру германской развѣдки.

При разслѣдованіи этой исторіи съ пакетомъ, длившемся болѣе полугода, выяснилась полная непричастность къ этому государственному преступленію со стороны военнаго курьера генеральнаго штаба. Этимъ разслѣдованіемъ установлено было также, что изъ нѣдръ Генеральнаго Штаба дано было знать о паролѣ въ Бѣлоостровъ не тому офи-

церу, которому дѣйствительно надлежало передать пакетъ, а другому, бывшему въ охранѣ Распутина уже въ дни войны и состоявшему развѣдчикомъ германскаго штаба.

Начальствующія лица только руками разводили, изумляясь геніальной постановкѣ развѣдки германскаго штаба, и совершенно обходили своимъ вниманіемъ фактъ наличія германскаго развѣдчика въ охранѣ Распутина, въ домѣ котораго бывали министры: Б. С. Штюрмеръ, В. Добровольскій, А. Д. Протопоповъ, А. Н. Хвостовъ и многіе другіе.

Это обстоятельство, какъ привходящее, но весьма важное, совершенно не принималось во вниманіе, точно такъ же, какъ въ свое время обошли полнымъ невниманіемъ частое посѣщеніе Распутина полковникомъ Мясоѣдовымъ, разстрѣляннымъ въ Ставкѣ послѣ суда, вынесшаго ему, на основаніи явныхъ уликъ, опредѣленное обвиненіе въ созданіи „трагедіи подъ Сольдау".

Полк. Мясоѣдовъ, впрочемъ, и не отрицалъ своихъ сношеній съ германскимъ штабомъ, а въ оправданіе своей дѣятельности въ предоставленномъ ему „послѣднемъ" словѣ на судѣ заявилъ, что сознательно стремился къ созданію пораженій, чтобы довести Правительство до необходимости заключенія мира, такъ какъ считаетъ всю эту войну началомъ конца престола и всей династіи Романовыхъ.

— И онъ спасалъ престолъ пораженіями, стоившими Россіи многихъ тысячъ жертвъ, гибели всего гвардейскаго перваго корпуса и дезорганизаціи и полнаго разрушенія одной изъ лучшихъ армій, выставленной на границѣ Восточной Пруссіи!

И какъ въ дни нашумѣвшаго дѣла о полковникѣ Мясоѣдовѣ, такъ и спустя долгое время послѣдовавшемъ признаніи офицера германской развѣдки, никто не обратилъ никакого вниманія на проскользнувшія тамъ и тутъ „отношенія" этихъ двухъ лицъ къ Григорію Распутину. Обаяніе было такъ сильно, что монархисты дѣйствительно, могли допустить наличіе гипноза...

Въ поданной не удостоившейся аудіенціи депутаціей монархистовъ докладной запискѣ эти соображенія трактовались весьма распространенно. Но и Николай II отнесся къ этимъ вопіющимъ фактамъ скептически, обозвавъ монархистовъ „вѣрноподданными дураками".

Касаясь цѣлаго ряда, по мнѣнію монархистовъ, тщательно скрывающихся отъ Царя дѣяній государственныхъ дѣятелей, какъ величались въ запискѣ министры, доклад-

ная записка, ими поданная, подробно останавливалась и на дѣятельности Высочайше утвержденной комиссіи ген. Батюшина по борьбѣ съ спекуляціей во время войны. Комиссія эта довольно своеобразно исполняла возложенныя на нее функціи. Арестовавъ цѣлый рядъ богатыхъ сахарозаводчиковъ, банкировъ, финансистовъ и коммерческихъ дѣятелей вообще, такихъ, напримѣръ, какъ: Бабушкина, Цѣхановскаго, Животовскаго, Рубинштейна, Геппнера и др., она приписала имъ рядъ нелѣпѣйшихъ дѣяній, съ цѣлью подвести выдвигаемыя противъ нихъ обвиненія подъ рубрику „государственной измѣны".

Врядъ ли можно допустить, что „союзъ русскаго народа", излагая преступные факты о дѣятельности „батюшинской комиссіи" въ поданной Николаю II докладной запискѣ, имѣлъ въ виду огражденіе этихъ „инородцевъ" отъ несправедливаго обвиненія. И не изъ чувства справедливости или безпристрастія они громили въ своей запискѣ ген. Батюшина. Имъ нужны были дискредитирующіе Распутина и его министровъ-ставленниковъ факты, а въ дѣлахъ батюшинской комиссіи этихъ фактовъ было столько же, сколько и отдѣльныхъ дѣлъ.

Юридически обоснованная и, надо отдать справедливость члену комитета прис. повѣр. П Ф. Булацелю, хорошо составленная имъ записка, касаясь дѣятельности ген. Батюшина, указывала на нелѣпость выдвигаемыхъ такихъ, напримѣръ, обвиненій, какъ: снабженіе сахаромъ германской арміи, скупка банкирами акцій бывшихъ въ Россіи германскихъ предпріятій и отправленіе этихъ акцій въ Берлинъ, сокрытіе сахарныхъ запасовъ и фиктивныя продажи ихъ иностраннымъ подданнымъ, въ цѣляхъ избавленія товара отъ реквизиціи, и т. п. преступленій, квалифицированныхъ, какъ государственная измѣна.

Попутно съ этими разоблаченіями, монархисты подробно останавливались на исторіи возникновенія „государственной необходимости" въ подобной слѣдственной комиссіи „государственнаго назначенія", какъ оффиціально она именовалась.

Оказывается, и тутъ не безъ премьера Б. С. Штюрмера, правой рукой котораго состоялъ прославившійся въ свое время своей охранной дѣятельностью заграницей сотрудникъ „Новаго Времени", И. Ф. Манасевичъ-Мануйловъ (Маска), которому, подъ видомъ оффиціальнаго прикомандированія къ русскому посольству, поручено было

департаментомъ полиціи наблюденіе за русскими эмигрантами заграницей.

Началось съ того, что Манасевичъ-Мануйловъ явился въ отдѣленіе Русско-Французскаго Банка въ Петербургѣ съ предложеніемъ учесть векселя сына премьера Б. С. Штюрмера на колоссальную сумму. Во время войны банки вообще избѣгали учета векселей, тѣмъ болѣе на крупныя суммы и ничѣмъ необезпеченныхъ векселедателей, да еще сына главы правительства. И въ учетѣ этихъ векселей, подъ вѣжливымъ предлогомъ въ отсутствіи свободной наличности, было отказано.

„Личный секретарь" Б. С. Штюрмера, какъ величалъ себя открыто бывшій охранникъ И. Манасевичъ-Мануйловъ, тутъ же заявилъ правленію Русско-Французскаго банка, что этотъ отказъ „даромъ не пройдетъ" ...

И дѣйствительно. Едва только сформирована была пресловутая „батюшинская комиссія," какъ первымъ актомъ ея былъ повальный обыскъ у директоровъ Русско-Французскаго банка, въ томъ числѣ у Д. Л. Рубинштейна и двухъ его братьевъ. Характерно и то, что обыскомъ у Д. Л. Рубинштейна руководилъ лично Манасевичъ-Мануйловъ, каждое приказаніе котораго исполнялось членами комиссіи: военнымъ прокуроромъ полк. Резановымъ, военными слѣдователями: кап. Орловымъ и прапорщ. Логвинскимъ безпрекословно. Въ теченіи всей ночи, пока шелъ обыскъ, И. Манасевичъ-Мануйловъ неоднократно вызывалъ по телефону премьеръ-министра Б. С. Штюрмера и сообщалъ ему подробности хода обыска, результатомъ коего, несмотря на абсолютное отсутствіе обнаруженія при обыскѣ сколько нибудь компрометирующихъ данныхъ, Рубинштейнъ все же былъ арестованъ.

Вслѣдъ за этимъ обыскомъ и арестомъ послѣдовалъ и цѣлый рядъ другихъ, столь же справедливыхъ и законныхъ, какъ и первый, арестовъ.

Описывая подробно всю эту эпопею, докладная записка монархистовъ, не отрицая надобности въ подобной комиссіи, опредѣленно намекала на болѣе чѣмъ подозрительный личный составъ ея, начиная съ предсѣдателя ген. Батюшина, прославившагося еще въ полку своими „интендантскими наклонностями," слѣдствіемъ коихъ въ свое время и явилось отрѣшеніе его отъ должности.

Военный прокуроръ, полковникъ Резановъ, былъ извѣстнымъ въ Петербургѣ завсегдатаемъ клубовъ и игор-

ныхъ домовъ и проводилъ ночи напролетъ въ „суворинскомъ“ клубѣ литературно - художественнаго кружка.

Другой герой комиссіи — военный слѣдователь, прапорщикъ Логвинскій, помощникъ присяжного повѣреннаго, до войны занимавшійся мелкой адвокатской практикой, постановленіемъ совѣта присяжной адвокатуры лишенъ былъ права практики на два года, за растрату клієнтскихъ, по исполнительному листу полученныхъ денегъ.

Третій членъ комиссіи, прикомандированный къ ней въ качествѣ „свѣдующаго лица“ И. Манасевичъ - Мануйловъ — не нуждается въ характеристикѣ. Его дѣятельность, какъ провокатора, изѣстна была всей Россіи.

Не лучше обстояло и съ остальнымъ составомъ комиссіи. Но многихъ изъ нихъ уже нѣтъ. Предсѣдатель комиссіи ген. Батюшинъ, нынѣ въ званіи бѣженца гуляетъ по Сербіи, пристроившись завѣдующимъ раздачей пособій при бѣженскомъ комитетѣ; — Манасевичъ - Мануйловъ, использованный большевиками въ качествѣ „развѣдчика“ буржуевъ и контръ - революціонеровъ, ими же впослѣдствіи разстрѣлянъ въ Петербургѣ, а прапорщикъ Логвинскій, оказавшійся большевистскимъ агентомъ, разстрѣлянъ добровольцами въ Одессѣ, прослуживъ до этого нѣсколько мѣсяцевъ въ добровольческой контръ - развѣдкѣ, тайны коей онъ выдавалъ большевикамъ.

Докладная записка монархистовъ, давая съ одной стороны исчерпывающія данныя объ арестахъ Б. С. Штюрмеромъ банкировъ, отказавшихъ въ учетѣ векселей сына его, черезъ „батюшинскую комиссію“ при обязательномъ участіи его „правой руки“ И. Манасевичъ - Мануйлова, указывала также и на то, „лѣвой рукой“ своей, а именно черезъ Распутина, что тотъ же Б. С. Штюрмеръ принималъ ближайшее участіе въ постепенномъ освобожденіи всѣхъ арестованныхъ батюшинской комиссіей лицъ.

Освобожденіемъ арестованныхъ, конечно, руководили не высшія соображенія или абсурдность возведенныхъ обвиненій. И не учетъ векселей премьерскаго сына, а на сей разъ — уже просто разсчетъ, вѣрнѣе — торгъ о суммѣ взятокъ, опредѣляемыхъ по каждому дѣлу комиссіей особой таксой, видимо, въ зависимости отъ степени ловкости членовъ комиссіи въ предъявленіи на основаніи какихъ либо созданныхъ ими же самими обвинительныхъ будто - бы, матеріаловъ для привлеченія къ отвѣтственности.

Припадая къ стопамъ своего царя, монархисты призывали къ назначенію слѣдствія надъ слѣдственной комиссіей ген. Батюшина, обѣщая клятвенно доказать свидѣтельскими показаніями и документальными данными, не только наличіе взяточничества, но и точныя суммы, каждымъ въ отдѣльности полученныя, начиная отъ премьера Б. С. Штюрмера, до ген. Батюшина, его слѣдователей, „свѣдующаго лица“ въ комиссіи — Манасевича-Мануйлова, и хлопотавшаго усиленно за арестованныхъ Распутина и даже посредника въ этомъ дѣлѣ между арестованными и Распутинымъ, того самого „гильдейскаго купца,“ по совѣту и протекціи коего министромъ юстиціи въ это смутное время назначенъ былъ впослѣдствіи бывшій пріятель „купца“, кіевскій студентъ, а затѣмъ губернаторъ и сенаторъ Н. А. Добровольскій.

Отказавъ монархической депутаціи въ аудіенціи, Николай II все же, по совѣту дворцоваго коменданта ген. Воейкова, объемистую докладную записку впослѣдствіи всю прочиталъ.

Прочиталъ и... ужаснулся.

Разсказывали тогда, что, внимательно читая захватившую его видимо своимъ интереснымъ „сюжетомъ“ записку, царь послѣ каждаго отдѣльно описаннаго, какъ бы въ особой главѣ событія, дѣлалъ помѣтки:

— Невозможно!.. Можетъ ли это быть!.. Невѣроятно!.. А въ финалѣ записки надписалъ:

— Уголовный романъ...

Дѣлясь съ ген. Воейковымъ впечатлѣніями по поводу прочитаннаго „уголовнаго романа“ своего премьеръ-министра, романа безъ наличія романическаго, но съ обиліемъ преступнаго сюжета, Николай II задалъ ему неожиданно вопросъ:

— А чѣмъ былъ раньше Штюрмеръ?

И ген. Воейковъ воскресилъ въ памяти монарха былыя „художества“ Б. С. Штюрмера въ его имѣніяхъ, съ податями, которыя онъ взималъ въ свою пользу и съ „поркой крестьянъ на барскомъ дворѣ“.

Николай II внимательно слушалъ, точно возстанавливая въ своей слабой памяти всѣ эти, какъ видно, давно забытыя имъ событія; и, слушая, каждый разъ глубоко вздыхалъ, приговаривая:

— Такъ... такъ...

Участь слѣдственной комиссіи ген. Батюшина была рѣшена. Но окончательная ликвидація ея всячески тормо-

зилась всесильнымъ Б. С. Штюрмеромъ, придумывавшимъ всякій разъ новыя для этого обстоятельства, сначала — чисто формальныя, о необходимости провести это царское рѣшеніе черезъ Совѣтъ Министровъ, Сенатскіе департаменты, а затѣмъ уже и чисто процессуальныя, техническія, — длительной сдачей этой комиссіей всѣхъ своихъ дѣлъ въ архивъ: государственный и министерства юстиціи.

А когда и всѣ эти стадіи пройдены были, то комиссія, оффиціально уже не существовавшая и не имѣвшая по закону права на существованіе, фактически не раскассировывалась на томъ, будто бы, основаніи, что для размѣщенія бывшихъ членовъ комиссіи не было соотвѣтствующихъ вакантныхъ мѣстъ...

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока министромъ юстиціи назначенъ былъ Н. А. Добровольскій, которымъ учреждена была чрезвычайная слѣдственная комиссія, подоспѣла революція, а съ ней возникло и временное правительство, которое нашло, для неуспѣвшихъ во время скрыться создателей комиссіи, Б. С. Штюрмера, ген. Батюшина и его соратниковъ, вакантныя мѣста, сначала въ министерскомъ павильонѣ при Государственной Думѣ, а затѣмъ уже и въ Выборгской одиночной тюрьмѣ (въ Крестахъ), въ Петропавловской крѣпости и въ домѣ предварительнаго заключенія.

Генералъ Батюшинъ, Манасевичъ-Мануйловъ и прап. Логвинскій находились въ заключеніи до октябрскаго большевистскаго переворота, когда они, вмѣстѣ съ другими, арестованными временнымъ правительствомъ лицами, въ качествѣ „политическихъ жертвъ“ въ общемъ хаосѣ, были выпущены, наряду съ анархистами, коммунистами, налетчиками и бандитами.

И. Ф. Манасевичъ-Мануйловъ, пробѣжавъ пѣшкомъ въ мягкихъ ночныхъ туфляхъ и безъ шляпы съ Шпалерной улицы, гдѣ находился домъ предварительнаго заключенія, къ себѣ домой, на улицу Жуковскаго, искренно, конечно, радовался коммунистическому перевороту, надрывая всю дорогу глотку:

— Долой временное правительство!.. Долой смертную казнь! Долой... Ну, словомъ, всѣ большевистскіе „долой“, въ которые облекались тогда ихъ лозунги.

А дома у себя, сидя въ роскошномъ кожаномъ кабинетѣ, въ кругу близкихъ, рисовалъ планы своего будущаго, которое представлялось ему въ розовомъ свѣтѣ.

— Я, говорилъ онъ, нужный человѣкъ для большевиковъ. Имъ такіе люди даже необходимы. Знаю не только весь Петербургъ въ лицо, а всю Россію, особенно бюрократическую, сановную . . . Мнѣ они довѣряютъ, и мои свѣдѣнія для большевиковъ — кладъ. А не все ли равно, кому служить!

И вскорѣ онъ пошелъ на службу къ большевикамъ, занявъ постъ тайнаго агента по раскрытію „контръ-революціонныхъ организацій“ и „заговоровъ“ . . .

Послѣдствія этихъ раскрытій извѣстны. Не одинъ, быть можетъ, десятокъ человѣческихъ жизней загубленъ былъ, благодаря ему, въ „чрезвычайкѣ“ . . .

Пользуясь его свѣдѣніями, большевики, видимо, тоже особенно ему не довѣряли и, зная прошлое Манасевича-Мануйлова, учредили за нимъ контръ-наблюденіе.

Въ результатѣ приспособившійся охранникъ уличенъ былъ въ шантажированіи бывшихъ буржуевъ, которымъ въ случаѣ неуплаты мзды грозилъ чрезвычайкой, и большевики „ликвидировали“ его у той же „стѣнки“, къ которой приставляли ранѣе всѣхъ имъ выданныхъ „контръ-революціонеровъ“ и „заговорщиковъ“ противъ совѣтской власти.

X.

Ставъ центромъ политической жизни страны, Распутинъ, самъ того, вѣроятно, не замѣчая, окружилъ себя, или — вѣрнѣе — оказался окруженнымъ, цѣлымъ рядомъ весьма подозрительныхъ лицъ, использовывавшихъ „старца“ въ своихъ интересахъ.

Одно время при Распутинѣ образовался цѣлый „кадръ друзей“, удившихъ, что называется, „рыбку въ мутной водѣ“.

Оффиціально состоя „друзьями дома“ Распутина, всѣ эти лица по существу были простыми маклерами по всяческимъ дѣламъ, которымъ одно только участіе Распутина гарантировало несомнѣнный успѣхъ.

Такихъ маклеровъ при Распутинѣ было многое множество. Но въ особомъ почетѣ, такъ сказать, въ должности „гофъ-маклеровъ“ при распутинской биржѣ, состояли титулованные друзья его: князь А. Андронниковъ и баронъ С. Миклосъ.

Кн. Андронниковъ при Распутинѣ обдѣлывалъ исключительно большія дѣла, преимущественно — по грандіознымъ поставкамъ для военнаго вѣдомства во время войны. Но и до того, въ прошломъ, у него имѣлась другая „связь“ съ этимъ же вѣдомствомъ.

Принадлежа къ числу друзей разстрѣляннаго за измѣну полковника Мясоѣдова, князь Андронниковъ задолго еще до войны введенъ былъ своимъ пріятелемъ въ домъ военнаго министра В. Сухомлинова. Это было въ періодъ нашумѣвшаго процесса о женитьбѣ военнаго министра, прибѣгнувшаго къ подтасовкѣ и поддѣлкѣ документовъ съ цѣлью добиться развода своей супруги съ первымъ ея мужемъ, кіевскимъ помѣщикомъ Бутовичемъ.

Такъ какъ по россійскимъ законамъ для развода необходимы были фактическія данныя о прелюбодѣяніи бывшаго мужа министерской супруги, Бутовича, то князь Андронниковъ, въ качествѣ личнаго друга военнаго мини-

стра Сухомлинова, ѣздилъ во Францію съ этимъ порученіемъ, добывъ тамъ „документальныя данныя“ о сожительствѣ Бутовича съ гувернанткой сына его, а также далъ личныя показанія консисторскому суду, послужившія какъ бы главнымъ основаніемъ къ разводу.

Правда, когда разводъ былъ уже оформленъ и осуществленъ, а военный министръ, получивъ возможность и право, сочетался бракомъ съ разведенной г-жей Бутовичъ, парижская магистратура опротестовала состоявшійся разводъ, такъ какъ гувернантка Бутовичей предъявила, на основаніи цѣлаго ряда медицинскихъ документовъ, обвиненіе въ злостномъ опороченіи супругами Сухомлиновыми ея добраго имени и чести.

Это скандальное дѣло одно время не сходило со столбцовъ столичныхъ газетъ, а когда появились извѣстія о предстоящемъ пріѣздѣ Бутовича въ Петербургъ, всѣмъ газетамъ предписано было не касаться болѣе этой темы. Помѣщику же Бутовичу было сообщено, что, въ случаѣ намѣренія осуществить свой пріѣздъ въ Россію, онъ будетъ арестованъ на границѣ и посаженъ въ тюрьму съ предъявленіемъ обвиненія въ шпіонажѣ „на основаніи имѣющихся въ военномъ министерствѣ документальныхъ данныхъ“.

Эта угроза возымѣла свое дѣйствіе; зная по опыту, жертвой коего онъ однажды уже сталъ, что за „документальными данными“ у военнаго министра остановки не будетъ, и ихъ сфабрикуютъ, какъ нѣкогда документы для развода, Бутовичъ отказался отъ мысли посѣщенія Россіи, нарушая изрѣдка только семейное благополучіе военнаго министра Сухомлинова статьями во французской прессѣ, изобличавшими одного изъ отвѣтственныхъ правительства Россійскаго лицъ — военнаго министра — въ цѣломъ рядѣ подлоговъ и т. п. дѣяній.

Начавшаяся вскорѣ послѣ того война заставила забыть семейную исторію военнаго министра. А оказавшій столь цѣнную услугу Сухомлинову князь Андронниковъ сторицею за нее вознагражденъ былъ, и отчасти даже самъ вознаграждалъ себя.

Среди ряда проведенныхъ имъ дѣлъ, особенное вниманіе обратило на себя дѣло по пріобрѣтенію кожъ съ павшихъ лошадей и прочаго скота на фронтѣ. Это дѣло проведено было подъ видомъ благотворительнаго, съ отчисленіемъ суммъ въ пользу комитета помощи воинамъ, предсѣдательницей коего состояла супруга военнаго мини-

стра Сухомлинова. Предприниматели документально обязались, сдирая кожи съ убитыхъ и павшихъ отъ другихъ причинъ на фронтѣ животныхъ, зарывать трупы, предотвращая такимъ образомъ ихъ разложеніе и возникновеніе инфекціонныхъ эпидемическихъ заболѣваній.

По условію съ военнымъ министерствомъ, образовавшееся для этой цѣли, якобы, нѣчто вродѣ акціонернаго общества предпринимателей исходатайствовало себѣ и право на необходимый для работъ колоссальный штатъ рабочихъ и другихъ служащихъ, которые по условію, входя въ артели по уборкѣ скота, освобождаются отъ мобилизаціи.

А на этомъ ловкіе дѣльцы-акціонеры состояніе нажили, зачисляя всѣхъ богатыхъ купцовъ номинально въ свои артели въ качествѣ счетчиковъ еще не содранныхъ шкуръ, конторщиковъ, бухгалтеровъ и кассировъ главнаго правленія, имѣвшаго постоянное мѣстопребываніе въ Петербургѣ и во главѣ котораго состоялъ директоромъ-распорядителемъ все тотъ же князь Андронниковъ.

Болѣе полугода шли подготовительныя работы по организаціи фронтовыхъ артелей для непосредственнаго сдиранія кожъ и уборки ободранныхъ труповъ. Когда же первая такая артель на фронтѣ появилась и, достигши передовой полосы фронтовой линіи, собиралась приступить къ работѣ, то оказалось, что „артель рабочихъ“ состоитъ въ значительной части своей изъ „спеціалистовъ-развѣдчиковъ“, состоявшихъ на службѣ у германскаго штаба, и нѣкоторые изъ нихъ, задержанные при установленіи радіостанціи и сигнализаціонныхъ аппаратовъ въ одномъ изъ своихъ бараковъ, были арестованы и преданы суду. А вслѣдъ за этимъ, по распоряженію главнокомандующаго арміями, великаго Князя Николая Николаевича, раскассировано и все это пресловутое акціонерное предпріятіе.

Тогда же Князь Андронниковъ, спасаясь отъ грозившей ему серьезной опасности, и записался въ поклонники и друзья всесильнаго „старца“ Распутина, ставъ вскорѣ и „гофъ-маклеромъ“ при немъ.

На первыхъ порахъ сіятельный маклеръ не брезговалъ и мелкими дѣлами, главнымъ образомъ—по оказанію протекцій должностнымъ лицамъ въ повышеніяхъ по службѣ, въ переводахъ на новыя должности, въ назначеніяхъ по другому вѣдомству и т. п., являясь въ пріемныя начальствующихъ лицъ въ качествѣ близкаго друга Распутина и даже зачастую какъ бы отъ его имени. А спустя нѣкото-

рое время, когда, благодаря Распутину, остался на своемъ посту чуть было не устраненный за рядъ упущеній главный интендатъ ген. Шуваевъ, князь Андронниковъ началъ работать по интендантству.

Это былъ періодъ страшной нужды на фронтѣ въ сухаряхъ. И кн. Андронниковъ, конечно, использовалъ этотъ моментъ блестяще. По его проекту, внушенному ген. Шуваеву черезъ Распутина, интендантство впервые тогда стало сдавать колоссальные подряды на сухари, выдавая подрядчикамъ и соотвѣтствующіе авансы. Въ результатѣ, въ интендантствѣ не только сухарей не прибавилось, но убавилось и значительная сумма казенныхъ денегъ, розданныхъ авансами.

Судя по заключеннымъ интендантствомъ многочисленнымъ контрактамъ на поставку въ одной этой отрасли, можно было бы заключить, что весь Петербургъ состоитъ изъ однихъ спеціалистовъ по выдѣлкѣ сухарей; даже титулованныя дамы энергично взялись за это дѣло. Когда же, несмотря на „сухарную эпидемію“, на фронтѣ, за отсутствіемъ сухарей, стала угрожать эпидемія голода, то совершенно случайно „дѣятельность“ кн. Андронникова раскрылась. Оказалось, что для заключенія такихъ контрактовъ онъ создалъ себѣ цѣлую рать подставныхъ лицъ, хлопоталъ за устройство имъ въ интендантствѣ подрядовъ, лично рекомендуя ихъ и гарантируя ген. Шуваеву аккуратное выполненіе этими подрядчиками контрактовъ на поставку сухарей. Но едва только контрактъ подписывался, какъ кн. Андронниковъ нотаріально бралъ на себя выполненіе его во всемъ объемѣ, получая отъ фиктивныхъ поставщиковъ довѣренности на веденіе разсчетовъ съ интендантствомъ. А всѣ эти его „разсчеты“ далѣе авансовъ не шли. Получивъ по одному контракту авансъ, кн. Андронниковъ заключалъ второй, третій такой же, до безконечности, при чемъ каждый разъ на все болѣе и болѣе выгодныхъ для интендантства условіяхъ, чѣмъ особенно и подкупалъ послѣднее...

Неизвѣстно, сколько времени еще могла продолжаться его такая дѣятельность, если бы случайно не обнаружилось одно обстоятельство, положившее начало „сухарной панамѣ“ и конецъ дѣятельности кн. Андронникова на этомъ поприщѣ.

Дѣло въ томъ, что, заключая условія, подрядчики обязаны были указать мѣсто изготовленія сухарей, т. е. пекарни и спеціальныя сушильни при нихъ. Этимъ имѣлось въ

виду наблюденіе за производствомъ со стороны интендантства, гигіеническій осмотръ помѣщеній, устройство складовъ для пріемки и т. п.

Контрольная комиссія интендантства, въ чаяніи удовлетворить нужды фронта, просматривая контракты, по которымъ предстояла въ скоромъ времени пріемка сухарей, чрезвычайно заинтересовалась оригинальной фабрикантшей - подрядчицей, баронессой Миклосъ, взявшейся изготовить въ короткій срокъ несмѣтное количество сухарей. Заинтересовавшись этой гигантской фабрикой и оригинальной владѣлицей ея — сіятельной особой, подполковникъ Соловьевъ, только что изучившій на спеціальныхъ интендантскихъ курсахъ сухарное дѣло, отправился по указанному въ контрактѣ адресу пекарни-фабрики и сушилки. Но... его любознательности не суждено было удовлетвориться. По указанному адресу не только не оказалось пекарни и сушилокъ, но и быть таковой не могло. Въ шикарномъ домѣ на набережной Невы, дѣйствительно, жила баронесса Миклосъ, но по завѣренію швейцара, дворника и прочей домовой администраціи, въ баронской квартирѣ Миклосовъ даже и печей то хлѣбныхъ не было.

Началось разслѣдованіе, обнаружившее, что баронесса Миклосъ, вскорѣ по заключеніи контракта, передала все это дѣло кн. Андронникову, сдѣлавъ у нотаріуса Стражіевскаго соотвѣтствующую формальную надпись о передачѣ контракта и полной по нему отвѣтственности передъ интендантствомъ кн. Андронникову и о сложеніи таковой съ нея...

А далѣе уже обнаружилось, что и крупный авансъ подъ сухари получилъ, уже по вступленіи въ свои права, новый „поставщикъ сухарей“ по договору, кн. Андронниковъ.

Точно такая же картина получилась и съ цѣлымъ рядомъ другихъ контрактовъ, а когда Интендантство, по распоряженію ген. Шуваева, стало разыскивать кн. Андронникова, чтобы потребовать отъ него „объясненій и сухарей“, то оказалось, что онъ выбылъ изъ Петербурга по... дѣламъ... военныхъ поставокъ.

Дѣло это, конечно, замяли, и съ тѣхъ поръ интендантство, вмѣсто выдачи авансовыхъ суммъ подрядчикамъ, стало взимать съ нихъ залоги въ обезпеченіе правильной и своевременной поставки, и вскорѣ сухари, дѣйствительно, появились.

Но потерянnаго времени, равно какъ и погибшихъ

авансовъ вернуть уже нельзя было, такъ какъ при начавшейся затѣмъ уже правильной постановкѣ дѣла пополнить запасы сухарей было не легко, да и голодавшихъ изъ за кн. Андронникова все это время воиновъ интендантству удовлетворить уже не приходилось...

О князѣ Андронниковѣ вскорѣ забыли. Но... не надолго...

Покончивъ довольно удачно и весьма выгодно для себя съ „сухарнымъ производствомъ“, кн. Андронниковъ сдѣлался поставщикомъ бязеваго бѣлья для войска. Лишившись возможности юридически и фактически выступать въ петербургскомъ главномъ интендантствѣ, онъ перенесъ свою дѣятельность въ московское окружное интендантство, начальникомъ коего въ то время состоялъ ген. Сильвестровъ. Къ нему онъ и явился съ „клочкомъ бумаги“ отъ Распутина, на которомъ тотъ, по обыкновенію, писалъ свои съ изображеніемъ креста въ заголовкѣ записки-мандаты, краткое содержаніе коихъ сводилось къ словамъ: „сдѣлай“ „не откажи“ и заканчивалось подписью: „Григорій“, сдѣланной, какъ и вся записка, по безграмотности, съ тысячью орѳографическихъ ошибокъ.

Ген. Сильвестровъ довольно скептически отнесся и къ запискѣ, и къ хотя и сіятельному, но не внушавшему коммерческаго довѣрія „фабриканту бязеваго бѣлья“, предложивъ послѣднему подать въ установленномъ порядкѣ въ закрытомъ пакетѣ заявленіе на соисканіе подряда съ торговъ, каковые для этого спеціально и были на ближайшее время назначены.

Недовольный, какъ пріемомъ, такъ и полнымъ игнорированіемъ ген. Сильвестровымъ записки „старца“, кн. Андронниковъ помчался въ Петербургъ, и тамъ судьба непокорнаго интенданта была рѣшена съ молніеносной быстротой: ген. Сильвестровъ откомандированъ былъ на фронтъ съ назначеніемъ на должность интенданта 5-й арміи, и на его мѣсто назначенъ былъ его же бывшій помощникъ ген. Загура. А спустя нѣкоторое время поставщикомъ бѣлья для Московскаго окружнаго интендантства оказался неожиданно баронъ О. Миклосъ, супруга коего въ свое время, „по контракту“, числилась поставщицей большой партіи сухарей для главнаго интендантства въ Петербургѣ.

Баронъ С. Миклосъ при Распутинѣ состоялъ, какъ и кн. Андронниковъ, въ томъ же чинѣ, „гофъ-маклера“ и,

начавъ свою карьеру съ поставки бѣлья, прославился тѣмъ, что загубилъ двухъ ни въ чемъ неповинныхъ людей.

Произошло это вотъ какъ: опасаясь повторенія исторіи съ сухарями, баронъ Миклосъ по совѣту кн. Андронникова, передалъ контрактъ свой петербургскимъ купцамъ Иконникову и Левину за мѣсяцъ до истеченія срока начала сдачи первой партіи бѣлья, увѣривъ ихъ въ томъ, что, благодаря Распутину, срокъ сдачи бѣлья будетъ продленъ. Для вящей убѣдительности бар. Миклосъ пригласилъ купцовъ къ себѣ на ужинъ, во время коего присутствовавшій тутъ же Распутинъ, когда хозяинъ, послѣ обильнаго возліянія за ужиномъ, подвелъ къ нему купцовъ, въ отвѣтъ на просьбу объ оказаніи содѣйствія, отвѣтилъ по обычному шаблону:

— Ладно, Сережа!.. Все сдѣлаю!.. Ладно!.. Сказано— сдѣлаю.

Купцы увѣровали въ заявленіе „старца“, уплатили бар. Миклосъ приличную сумму за передачу контракта и вскорѣ стали жертвами этакой своей довѣрчивости...

Не имѣя физической возможности сдать большое количество комплектовъ бѣлья въ теченіе очень короткаго, оставшагося до срока, времени, Иконниковъ и Левинъ, увѣровавъ въ то, что срокъ будетъ продленъ, усиленно все же готовились къ выполненію поставки. Но едва только они успѣли наладить мастерскія, соорудить верстаки и установить на первыхъ порахъ нѣсколько швейныхъ машинъ, какъ интендантство потребовало, въ виду наступленія срока, сдачи первой партіи бѣлья. Угрозы и частыя распеканія главнокомандующимъ Николаемъ Николаевичемъ интендантовъ, которыхъ онъ вызывалъ для этой цѣли къ себѣ въ Ставку, возымѣли свое дѣйствіе, и строгость Главнокомандующаго по отношенію къ интендантамъ послѣдними переносилась на поставщиковъ.

Первыми жертвами знаменитаго приказа Николая Николаевича о судебномъ привлеченіи и вплоть до смертной казни наказаніи уличенныхъ въ недобросовѣстности поставщиковъ и стали поставщики бѣлья: Иконниковъ и Левинъ. Объясненія о причинахъ неаккуратности и ссылка на кн. Андронникова и бар. Миклосъ ни къ чему не привели.

Когда же Николаю Николаевичу представили частныя объясненія о томъ, что поставщики эти понадѣялись на вліяніе всемогущаго старца и только благодаря этому и согласились на поставку, то Николай Николаевичъ при-

казалъ арестовать ихъ и предать суду при Ставкѣ, въ засѣданіе котораго онъ явился лично и присутствовалъ все время,

Судъ приговорилъ поставщиковъ Иконникова и Левина, квалифицировавъ предъявленное обвиненіе, „умышленной недобросовѣстностью“, лишающей армію ея боеспособности, къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Конфирмуя приговоръ суда, Главнокомандующій заявилъ, между прочимъ, предсѣдателю суда, генер. Трофимову:

— Начну съ его ставленниковъ, авось и до самого „старца“ доберусь...

Столь неожиданныя суровыя репрессіи по отношенію къ поставщикамъ заставили кн. Андронникова и барона Миклосъ отказаться отъ этой своей дѣятельности и заняться, если не болѣе выгодной, то менѣе опасной и значительно болѣе легкой — маклерствомъ при Распутинѣ, за что ихъ и прозвали „гофъ-маклерами“ его старчества Григорія Перваго, — „Распутина“.

Фактически этимъ дѣломъ „завѣдывала“ главнымъ образомъ красавица — баронесса Миклосъ.

Числясь въ составѣ дежурныхъ особъ, которыхъ при Распутинѣ было много и всѣ — особы титулованныя, баронесса Миклосъ ежедневно являлась въ квартиру „старца“, въ д. № 64 по Гороховой улицѣ, и исполняла всѣ по статуту „штаба“ возлагавшіяся на дежурныхъ обязанности: ѣздила съ порученіями, отвѣчала на телефонные звонки, вызывала лицъ, съ коими „старецъ“ имѣлъ надобность бесѣдовать и т. п.

Изъ всѣхъ „приближенныхъ“ къ Распутину, кромѣ баронессы красавицы, такимъ исключительнымъ вниманіемъ его пользовалась развѣ еще только и юная княжна Елена Нарышкина, сопровождавшая „старца“ почти всюду, въ костюмѣ сестры милосердія, и оставлявшая его только съ особаго на то Распутина собственнаго разрѣшенія.

Эту „почетную близость“ свою къ Распутину баронесса Миклосъ всячески использовывала, являясь какъ бы посредственной инстанціей между супругомъ своимъ барономъ Миклосъ съ кн. Андронниковымъ и Распутинымъ. А послѣдніе заняты были исключительно вербовкой кліентуры по разнымъ дѣламъ, нуждавшимся въ исключительной помощи и такомъ же вліяніи, чѣмъ въ ту пору врядъ ли кто, кромѣ Распутина, могъ въ Россіи похвастать, да и

никто такимъ исключительнымъ вліяніемъ, въ дѣйствительности и не обладалъ.

Сіятельные маклера обставили свое новое дѣло съ подобающей солидностью. Въ роскошной новой къ тому времени квартирѣ князя Андронникова, на Фурштадтской улицѣ, съ утра шли пріемы кліентовъ. Лакей въ бѣлыхъ перчаткахъ, принимая визитныя карточки, препровождалъ просителей къ „секретарю его сіятельства", который каждаго подробно разспрашивалъ, записывая детали и обстоятельства дѣла, а затѣмъ уже отправлялся съ докладомъ къ его сіятельству, князю Андронникову.

Случалось такъ, что, въ виду „серьезности и важности" какого-нибудь дѣла, просителю назначалась личная аудіенція у его сіятельства, для которой опредѣлялся день и часъ, что тутъ же секретаремъ отмѣчалось въ объемистой спеціальной книгѣ.

Въ большинствѣ же случаевъ, возвращавшійся съ доклада секретарь, вызывая, по одному, просителей въ свой кабинетъ, читалъ имъ положенныя по ихъ дѣламъ „резолюціи" его сіятельства, исчерпывавшіяся краткимъ указаніемъ на имя какого министерства, учрежденія или начальствующаго лица слѣдуетъ написать „докладную записку". При этомъ всегда просителямъ многозначительно указывалось, что многое зависитъ и отъ умѣло составленной докладной записки, которую секретарь тутъ же предлагалъ лично изготовить.

Кліенты, конечно, соглашались, охотно уплачивая крупныя суммы секретарю за любезность. Опять назначались дни и часы, когда слѣдуетъ явиться за полученіемъ изготовленныхъ докладныхъ записокъ и всяческихъ прошеній, которыя кліенты подписывали, и уже непосредственно отправлялись, для подачи ихъ къ его сіятельству.

А въ кабинетѣ у князя Андронникова шелъ обычный торгъ за исходатайствованія необходимыхъ результатовъ, записками и прошеніями этими преслѣдовавшимися, и вносились наличными обусловленныя суммы ...

Для вящаго эффекта и убѣжденія своихъ кліентовъ въ томъ, что данное дѣло требуетъ „большихъ расходовъ", въ виду личнаго участія въ немъ Распутина, который, конечно, малыми суммами и мараться, молъ, не станетъ, кн. Андронниковъ вызывалъ по телефону квартиру „старца" и, кто бы ни подходилъ, разговоръ въ присутствіи кліента, происходилъ, приблизительно, слѣдующій:

— Это квартира Григорія Ефимовича?

—...

— Григорій Ефимовичъ дома? Нѣтъ его? Уѣхалъ! Куда?

—...

— Въ Царское!... Говоритъ князь Андронниковъ... Это Вы, баронесса? Передайте, пожалуйста, Григорію Ефимовичу, что завтра мы съ нимъ должны быть у (тутъ слѣдовало имя, отчество и фамилія министра или высокопоставленнаго лица) по одному очень важному дѣлу... Только, ради Бога, не забудьте!.. Записали!.. Вотъ это мило!.. Впрочемъ, вечеромъ мы вмѣстѣ съ Григоріемъ Ефимовичемъ у свѣтлѣйшаго князя Голицына... Вы знаете!.. Тоже будете!.. Радъ, очень радъ буду Васъ повидать... Привѣтъ...

Такіе разговоры имѣли магическое дѣйствіе на кліентовъ, которые распоясывали свои мошны и охотно открывали туго набитые бумажники, увѣровавъ въ то, что послѣ такого разговора сомнѣній въ желательномъ исходѣ ихъ дѣла не можетъ быть уже никакихъ.

Могли ли легковѣрные кліенты кн. Андронникова хоть на одну минуту допустить, что происходившій по телефону разговоръ былъ нарочитый, заранѣе срепетованный, что отвѣчавшая по телефону „баронесса“ была, именно, баронесса Миклосъ, и что все это была лишь инсценировка. Въ дѣйствительности же все происходило обычно гораздо проще: многочисленныя докладныя записки и прошенія, изготовленныя на „фабрикѣ“ князя Андроннникова секретаремъ его, барономъ Миклосъ, подписанныя кліентами, попадали къ красавицѣ баронессѣ Миклосъ. Послѣдняя, улучивъ удобное для себя время, подносила все это „старцу“ съ просьбой не отказать въ нужномъ содѣйствіи. А тотъ, не только не читая, но даже не интересуясь содержаніемъ, въ заголовкѣ каждой бумаги ставилъ свой пресловутый „большой крестъ“ чернилами и безграмотной рукой выводилъ: „Григорій“...

Миновавъ эту стадію, баронесса Миклосъ начинала уже дѣйствовать, развозя по министерствамъ и разнымъ вѣдомствамъ всѣ эти бумаги, конечно, отъ имени Распутина.

Зная ея близость къ „старцу“, баронессу всюду принимали, зачастую—внѣ очереди; она устно излагала содержанія ходатайствъ, увѣряя, что „Григорій Ефимовичъ очень „заинтересованъ“ въ скорѣйшемъ удовлетвореніи

ихъ, освѣдомлялась о днѣ возможнаго полученія отвѣта, прося, въ виду ея необходимости бывать большей частью при Григоріѣ Ефимовичѣ (при этомъ „необходимость“ всегда подчеркивалась многозначительно) разрѣшить за отвѣтомъ заѣхать супругу ея или же „кузену“ — князю Андронникову.

Большинство дѣлъ такимъ образомъ блестяще были проведены этой организаціей „червонныхъ распутинскихъ валетовъ“, какъ открыто называли ихъ въ Петербургѣ. И только немногіе изъ нихъ не осуществлены были, да и не по винѣ конторы „Андронникова-Миклосъ“, а благодаря случайному обнаруженію и раскрытію нѣкоторыхъ такихъ дѣлъ, приведшихъ къ аресту цѣлаго ряда лицъ, къ этому причастныхъ, исключая, конечно, главныхъ виновниковъ — князя, барона съ баронессой и Распутина.

Значительная часть дѣлъ, проведенныхъ указанными лицами систематически однимъ лишь использованіемъ имени и вліянія Распутина, относилась къ дѣламъ по министерству путей сообщенія и называлась впослѣдствіи „вагонной панамой“.

Крупные купцы — спекулянты, имѣя колоссальные запасы товаровъ первой необходимости, на которые цѣны росли въ то время не по часамъ, а по минутамъ, лишены были возможности, за отсутствіемъ свободнаго подвижного состава, перебросить всѣ эти товары (сибирское масло, мясо мороженое, картофель, оливковое масло, лукъ и пр.) въ центральную полосу, въ столицы, изъ далекой Сибири или даже поволжскихъ губерній. Частнымъ лицамъ не только не отпускались товарные вагоны, но и перевозка частно-владѣльческихъ грузовъ категорически и строжайше запрещалась.

Учитывая это, кн. Андронниковъ съ бар. Миклосами и создали для себя на этой почвѣ опредѣленную и довольно выгодную синекуру, добиваясь спеціальныхъ нарядовъ на вагоны черезъ министерство путей сообщенія, которое, изъ необходимости или простого желанія оказать услугу Распутину, именемъ котораго все это дѣлалось, выдавало наряды на десятки вагоновъ, приписывая миѳическія назначенія грузовъ всевозможнымъ правительственнымъ, работающимъ на оборону, учрежденіямъ или даже учрежденіямъ военнымъ.

Такіе оффиціальные, выдаваемые министерствомъ наряды имѣли магическое дѣйствіе на всѣхъ желѣзнодорожниковъ, которые съ лихорадочной быстротой „тол-

кали“ такіе грузы отъ станціи до станціи, не останавливаясь и передъ присоединеніемъ ихъ зачастую къ воинскимъ эшелоннымъ и грузовымъ поѣздамъ.

Вотъ эта то рьяная услужливость желѣзнодорожной администраціи своему непосредственному высшему начальству, какъ они предполагали, и привела къ катастрофѣ, ликвидировавшей всю эпопею „вагонной вакханаліи“ и создавшей знаменитую „вагонную панаму“ ...

Случилось какъ-то, что на ст. Клинъ прибыло десять вагоновъ груза по министерскому наряду, которые, за отсутствіемъ возможности, нѣсколько дней не направлялись по назначенію, въ Петербургъ. Желѣзнодорожная администрація тщетно пыталась прицѣпить ихъ къ перегруженнымъ и безъ того составамъ, но не дѣлала этого, опасаясь крушенія поѣздовъ на откосахъ поворотовъ. А изъ Петербурга безпрерывно приказывалось: „отправить грузъ немедленно...“

Какъ на грѣхъ, въ ночь того дня на станцію прибылъ въ небольшомъ составѣ груженый взрывчатыми, для изготовленія снарядовъ, веществами поѣздъ изъ Архангельска. Начальникъ станціи отдалъ распоряженіе спѣшно прицѣпить къ этому поѣзду ожидавшіе очереди на запасномъ пути десять вагоновъ груза и пропустилъ эшелонъ вагоновъ для дальнѣйшаго слѣдованія на Петербургъ.

По прибытіи на мѣсто своего назначенія, поѣздъ этотъ былъ остановленъ далеко отъ станціи, на запасномъ пути, и, какъ водится, опасный взрывчатый грузъ окруженъ былъ соотвѣтствующей военной охраной. Офицеръ, сопровождавшій въ качествѣ начальника поѣздъ съ взрывчатыми веществами, немало изумленъ былъ на утро обнаруженіемъ неожиданнаго увеличенія количества вагоновъ въ составѣ поѣзда.

Узнавъ отъ охраны, что грузъ этотъ прицѣпленъ былъ по распоряженію начальника и военнаго коменданта на станціи Клинъ, сопровождавшій поѣздъ офицеръ, предполагая, что и въ этихъ по дубликату—вагонахъ съ военнымъ грузомъ, имѣются взрывчатыя вещества или даже снаряды, въ то время часто грузившіеся изъ Москвы на Петербургъ, распорядился объ охранѣ и этихъ новыхъ десяти вагоновъ. А въ своемъ рапортѣ по начальству сообщилъ о прибытіи одновременно съ взрывчатыми веществами изъ Архангельска и десяти запломбированныхъ съ неизвѣстнымъ грузомъ вагоновъ изъ Москвы.

Военная комиссія по пріемкѣ взрывчатыхъ веществъ и отправкѣ ихъ на заводы для начинки снарядовъ, прибывъ къ мѣсту стоянки поѣзда, немало изумилась, когда вмѣсто взрывчатыхъ веществъ обнаружила во всѣхъ десяти вагонахъ стеариновыя свѣчи завода братьевъ Крестовниковыхъ...

О случаѣ былъ составленъ соотвѣтствующій актъ и сообщено по начальству.

Разслѣдованіемъ были точно установлены всѣ детали по этому дѣлу, начиная отъ миѳическаго наряда на грузъ и до имени владѣльца его... Военное вѣдомство, все время враждовавшее съ вѣдомствомъ путей сообщенія изъ за неаккуратности послѣдняго и невниманія къ интересамъ первыхъ, воспользовалось этимъ, дѣйствительно, вопіющимъ фактомъ и по прямому проводу сообщило о немъ спѣшно въ Ставку, — откуда послѣдовалъ немедленный приказъ:

— Грузъ заарестовать, снарядить слѣдствіе, передавъ дѣло военному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ, полковнику Тавашерна...

Точно грандіозный клубокъ разворачивалась слѣдствіемъ колоссальная „вагонная панама“ и, видимо, въ надеждѣ на собственное спасеніе, допрашивавшіеся представители вѣдомства путей сообщенія и даже частныя лица безпрерывно упоминали въ своихъ показаніяхъ Распутина, ссылаясь на то, что они, молъ, полагали, что все это вполнѣ законно, и что не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, такой человѣкъ, какъ Распутинъ, совершать завѣдомо преступныя дѣянія ..

По ходу слѣдствія оказалось болѣе чѣмъ необходимымъ допросить и Распутина, въ виду наличія показаній въ томъ, что Распутинъ являлся матеріально заинтересованнымъ во многихъ дѣлахъ, получивъ, будто-бы, крупныя по нѣкоторымъ такимъ дѣламъ суммы за свои ходатайства по устройству ихъ.

Военный слѣдователь аккуратно такія показанія записалъ, придавъ имъ оттѣнокъ сомнѣнія въ правдоподобности и, якобы для опроверженія ихъ, постановилъ допросить лично Распутина.

Но едва только этотъ „рискованный“ шагъ былъ предпринятъ, какъ, точно по волшебству, военный слѣдователь полк. Тавашерна былъ устраненъ отъ слѣдствія, его мѣсто занялъ слѣдователь Случевскій, сынъ сенатора, лицеистъ,

и вся „вагонная панама“ завершилась конфискаціей свѣчей и арестомъ, съ преданіемъ суду, владѣльцевъ груза, московскихъ купцовъ Маслова и Топоркова.

Впослѣдствіи утверждали, что оба они были судомъ приговорены къ смертной казни, которая приведена была даже въ исполненіе при Ставкѣ въ Могилевѣ, затѣмъ распространились слухи о замѣнѣ имъ смертной казни каторгой. Но документальнаго подтвержденія по этому поводу въ свое время получить не удалось, и вопросъ этотъ такъ и остался открытымъ, а распутинская — „вагонная панама“ — замятой, съ исчезновеніемъ слѣдственныхъ матеріаловъ, въ участіи въ такихъ дѣлахъ его уличавшихъ.

А послѣднихъ было многое множество...

Распутинъ же продолжалъ свой разгульно-распутный образъ жизни, устраивая на „Вилла-Родэ“ и въ загородныхъ ресторанахъ гремѣвшія на всю столицу грандіозныя попойки, съ оркестрами, цыганскими хорами, въ которыхъ по его требованію, или просто приказанію, выступали въ вицъ-мундирахъ будущіе министры, какъ А. Н. Хвостовъ, титулованные графы и князья, при немъ состоявшіе, и т. п. лица.

А закусившій удила сибирскій мужичекъ, запуская руку въ глубокіе карманы своихъ шароваръ, доставая пачки кредитокъ, мялъ ихъ и разбрасывалъ цыганамъ, татарамъ-оффиціантамъ, метръ-д'отелямъ, обычно при этомъ приговаривая:

— На, молъ, бери!.. Не жалко... Денегъ, сколь хошь, могу... Мнѣ что!.. Завсегда достану...

И, запуская горстью ассигнацій въ цыганскій хоръ, обязательно добавлялъ:

— Кушай, фараоново племя!.. Знай, молъ, широкую русскую натуру...

А въ финалѣ неизмѣнно раздавался его окрикъ:

— Плясовая... Плясовую давай!..

Цыгане пѣли, окружающіе прихлопывали въ ладоши, а расходившійся пьяный Распутинъ до полнаго изнеможенія отплясывалъ подъ цыганское пѣніе русскаго трепака, топчась все время на одномъ мѣстѣ, пока отъ отсутствія силъ не падалъ, подхватывался поклонниками, бережно увозился домой, гдѣ отдыхалъ до слѣдующаго такого же кутежа съ цыганами и моремъ разливаннымъ вина, несмотря на строгое тогда запрещеніе продажи спиртныхъ напитковъ.

Когда же однажды, побуждаемый и вынужденный къ тому извнѣ петербургскій градоначальникъ, кн. Оболенскій, оштрафовалъ владѣльца Родэ за продажу вина и приговорилъ его въ административномъ порядкѣ къ тридцатидневному аресту, то, не желая „унижаться“ передъ градоначальникомъ, штрафъ за него внесъ Распутинъ, а арестъ былъ сокращенъ ему по особому ходатайству черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ до минимума, и на „Вилла-Родэ“ возобновились прежнія оргіи, пока прибывшій съ фронта ротмистръ Образцовъ своей пощечиной Распутину не положилъ конецъ всѣмъ этимъ „увеселеніямъ“.

Утверждали тогда, что ротмистръ Образцовъ прибылъ съ фронта, по порученію общества офицеровъ, убить Распутина за его участіе въ вопросѣ о заключеніи сепаратнаго мира съ Германіей. Но этого своего намѣренія не привелъ, будто-бы, въ исполненіе изъ опасенія быть растерзаннымъ на мѣстѣ окружавшими тогда Распутина многочисленными поклонниками — участниками попойки.

По другой же версіи, ротмистръ Образцовъ, какъ дисциплинированный офицеръ, не могъ, якобы, допустить нарушенія основныхъ принциповъ дисциплины, въ виду присутствія въ Вилла-Родэ въ этотъ историческій вечеръ, вечеръ послѣдняго распутинскаго кутежа, лицъ, занимавшихъ высокое должностное положеніе и лицъ военныхъ, являвшихся по старшинству чиновъ высшимъ для ротмистра Образцова начальствомъ.

Передавъ, по настоянію невѣсты своей, револьверъ другому офицеру, ротмистръ Образцовъ, однако, не сдержалъ себя, когда охмѣлѣвшій „старецъ“ въ кругу такой же, какъ и онъ, пьяной компаніи, неожиданно вдругъ провозгласилъ въ амикошонской формѣ, тостъ за здоровье „хорошей царицы Александры“...

Быстро поднявшись изъ за стола, ротм. Образцовъ безмолвно направился къ „старцу“ и такъ же безмолвно наградивъ его пощечиной, назвалъ себя и... удалился...

Произошло страшное смятеніе. Кто то даже погнался за ротмистромъ Образцовымъ, который, ничуть не торопясь, надѣвалъ въ гардеробной шинель. Были голоса и за то, что оскорбителя слѣдуетъ задержать, арестовать, представить по начальству...

Но взволнованный ротмистръ угрожающе заявилъ:

— Кто посмѣетъ подойти — наповалъ уложу „наганомъ“.

И, оставивъ мѣсто происшествія, ротмистръ Образцовъ въ тотъ же день отбылъ на фронтъ...

А Распутинъ, понявъ, что это „первая повѣстка“ къ дальнѣйшимъ серьезнымъ событіямъ, съ тѣхъ поръ былъ уже насторожѣ, такъ сказать — на чеку...

Но и осторожность не помогла,..

XI.

Пріѣздъ Государя съ Наслѣдникомъ въ Ставку верховнаго главнокомандующаго, вызванный хотя и угрозой послѣдняго „повернуть войска на Петербургъ и Царское Село“ — все же внесъ нѣкоторое успокоеніе въ дѣйствующую армію. Начальникъ штаба главнокомандующаго, ген. Янушкевичъ, встрѣтивъ царскій поѣздъ, докладъ свой Царю, началъ съ привѣтствія „Его Величества отъ имени всей дѣйствующей арміи“, высказавъ надежду, что „царь въ такую тяжелую минуту не оставитъ арміи, пребывая вмѣстѣ съ ней до новой эры“, эры побѣдъ, ожидавшихся отъ предстоявшихъ въ то время наступленій по всему фронту.

Но едва только закончилась оффиціальная встрѣча, и Царь остался наединѣ съ Главнокомандующимъ Николаемъ Николаевичемъ, какъ послѣдній, вооруженный цѣлымъ рядомъ фактовъ, сталъ доказывать Царю всю нелѣпость „двойственной политики“ и результаты, отъ этого могущіе произойти.

— Страна воюетъ, а Дворъ ведетъ переговоры о мирѣ, заявилъ вдругъ Николай Николаевичъ...

Когда же Царь попробовалъ, и въ доводьно рѣзкой формѣ, усумниться въ послѣднемъ, то Николай Николаевичъ привелъ рядъ фактовъ изъ области происходившихъ въ Стокгольмѣ переговоровъ о сепаратномъ мирѣ, подкрѣпивъ ихъ оффиціальными данными штабовъ союзнаго командованія, полученными въ Ставкѣ военными представителями союзныхъ державъ отъ своихъ правительствъ.

Тутъ, видимо — впервые, передъ Николаемъ II развернулась во всю картина дѣйствительности.

Николай Николаевичъ посвятилъ его не только въ подробности всѣхъ переговоровъ, но до мельчайшихъ деталей привелъ отчетъ о свиданіи А. Д. Протопопова съ германскимъ полномочнымъ министромъ фонъ-Люціусомъ въ Стокгольмѣ.

Въ дальнѣйшемъ выяснилось также и отрицательное отношеніе союзниковъ къ этому факту, и ощущаемыя въ связи съ этимъ перемѣны въ отношеніяхъ союзниковъ къ Россіи. Оказалось, что намѣченное наступленіе по всему фронту, наступленіе, врядъ ли не самое серьезное за всю войну, при составленіи плана котораго руководствомъ служилъ девизъ: „побѣдить или погибнуть“, тормозится осторожными союзниками изъ естественныхъ, въ связи со слухами о готовящемся сепаратномъ мирѣ, опасеній очутиться въ роли „унтеръ-офицерской вдовы“, которая сама себя высѣкла. Этимъ, конечно, объяснялся совершенно прекратившійся одно время подвозъ снарядовъ и предметовъ военнаго снаряженія.

По словамъ Николая Николаевича, союзники открыто заявили, когда имъ указывалось на промедленія въ доставкѣ обусловленныхъ военныхъ припасовъ, что у нихъ нѣтъ гарантіи въ томъ, что эти припасы будутъ использованы не противъ нихъ же самихъ.

Царь молча слушалъ Николая Николаевича, пока тотъ дѣлалъ свой убійственный докладъ. И только въ финалѣ, точно въ оправданіе, глубоко вздохнувъ, произнесъ:

— Я ничего не зналъ... Ничего подобнаго даже не предполагалъ... Предположить не могъ...

Николай Николаевичъ весь преобразился, побагровѣлъ и, нервно шагая по царскому салонъ-вагону, вдругъ заявилъ:

— Въ запискѣ монархистовъ все это было... Ихъ не приняли... Неинтересно было узнать о мефистофельскихъ продѣлкахъ Александры Федоровны и... придворной салопницы... Вырубовой.

— Въ какой запискѣ? — удивленно спросилъ вдругъ Николай II, забывъ, видимо, и о запискѣ, и о резолюціи, имъ положенной — о „вѣрноподданныхъ дуракахъ“.

Николай Николаевичъ досталъ имѣвшійся у него экземпляръ докладной записки — челобитной своему Царю — поданной впослѣдствіи ему монархической депутаціей, какъ бы для свѣдѣнія, послѣ того, какъ ей отказано было въ аудіенціи царемъ.

Значительно измѣненная и болѣе распространенная, увеличившаяся въ объемѣ, врученная Николаю Николаевичу той же депутаціей, эта записка превратилась, поистинѣ, въ „сводъ преступленій правительственныхъ и придворныхъ лицъ“, и заканчивалась грозными выводами, что

„все это ведетъ къ гибели престола, монархіи и династіи“ . . .

Царь читалъ врученную ему записку съ захватившимъ, видимо, его новымъ интересомъ и вниманіемъ, отказавшись даже отъ предложеннаго завтрака. А закончивъ чтеніе, пригласилъ къ себѣ Николая Николаевича и заявилъ ему:

— Возмутительно! . . Ѣду сейчасъ же въ Царское! . .

Но Николай Николаевичъ воспротивился этому намѣренію Царя и, предполагая, что послѣдній имѣетъ цѣлью объясниться по этому поводу съ Александрой Федоровной, противъ которой выдвигалась въ запискѣ значительная часть обвиненій, заявилъ Царю:

— Незачѣмъ ѣхать . . . Пусть Александра Федоровна сюда прибудетъ . . . Поговоримъ вмѣстѣ . . .

Былъ моментъ, когда Царь соглашался уже на это предложеніе.

Но едва только изъ вагона удалился Николай Николаевичъ, какъ окружавшіе Царя адмиралъ Ниловъ, ген. Воейковъ и оставшійся послѣ завтрака въ салонъ вагонѣ великій князь Кириллъ Владиміровичъ съ супругой Викторіей Ѳедоровной, двоюродной сестрой Государыни, категорически запротестовали противъ вызова Александры Федоровны въ Ставку.

У всѣхъ почему то одновременно сложилось глубокое убѣжденіе, что Николай Николаевичъ замыслилъ противъ Государыни что то недоброе, что его настойчивое требованіе о вызовѣ Александры Федоровны въ Ставку имѣетъ за собой опредѣленныя цѣли . . . Словамъ его „пусть прибудетъ“ и „поговоримъ вмѣстѣ“ стали придавать какое то особое, важное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и угрожающее значеніе . . .

Вспомнили о томъ, что Николай Николаевичъ за послѣдніе мѣсяцы ни разу не ѣздилъ въ Царское Село и его заявленіе, однажды, въ бесѣдѣ, когда онъ, угрожая арестовать Распутина, сказалъ: „если Александра Федоровна воспротивится, то я и ее арестую“ . . .

Все это, конечно, привело къ тому, что Николай II отказался отъ своего намѣренія вызвать Царицу въ Ставку.

А его отъѣздъ въ Царское Село всячески тормозился Николаемъ Николаевичемъ, сначала — подъ разными благовидными формальными предлогами, въ видѣ необходимости его участія въ военномъ совѣтѣ по вопросу о

предстоящемъ наступленіи, а затѣмъ уже и въ связи съ откладывавшимся со дня на день созывомъ совѣщанія общественныхъ дѣятелей при Ставкѣ.

Въ періодъ этого пребыванія Николая II въ Ставкѣ и разнесся слухъ объ арестѣ его съ Наслѣдникомъ и о томъ, что Николай Николаевичъ намѣревается арестовать и Александру Федоровну, у себя, въ Царскомъ Селѣ.

А въ связи съ этими слухами заговорили, конечно, и о готовящемся, будто-бы, тѣмъ же Николаемъ Николаевичемъ государственномъ переворотѣ. Вспомнили почему то давнишній сербскій переворотъ, короля Александра съ королевой Драгой ... И окружающіе царицу начали настойчиво совѣтовать заблаговременно озаботиться мѣрами предупрежденія грозившей, въ ихъ только воображеніи, конечно, опасности.

Александра Федоровна заволновалась. Болѣзненная и нервная, она отъ участившихся припадковъ впала въ состояніе полной невмѣняемости съ послѣдовавшимъ, вслѣдъ за этимъ, параличемъ конечностей. Болѣзнь ея, обычно сопровождавшаяся „желтой меланхоліей“, на сей разъ осложнилась „нервной тоской“, вызвавшей опасенія за ея умственное состояніе. А спустя дня два, когда вернулось сознаніе и даръ рѣчи, Государыня безпрерывно метаясь въ постели и ломая руки, повторяла:

— Сына отдайте!.. Верните мнѣ сына!.. Алешу хочу видѣть,.. благословить... передъ смертью... Умираю...

Взволнованные профессора не знали, что и предпринять. Обычно примѣнявшіеся ранѣе методы леченія ея болѣзни оказались на сей разъ нецѣлесообразными. Профессоръ Оттъ въ консиліумѣ предложилъ новый способъ — внутренней электризаціи, и это въ значительной степени облегчило страданія больной...

А придворная клика, безпрерывно сообщая Государю въ Ставку о ходѣ болѣзни, не остановилась, конечно, передъ сообщеніемъ объ угрожающемъ смертельномъ исходѣ болѣзни и о необходимости немедленнаго его съ наслѣдникомъ возвращенія въ Царское Село.

Съ другой же стороны — верховный Главнокомандующій Николай Николаевичъ и настойчивое требованіе его не оставлять Ставки по соображеніямъ высшаго порядка.

А тутъ еще и совѣщаніе общественныхъ дѣятелей, отъ котораго зависѣла участь дальнѣйшихъ

отношеній союзныхъ державъ къ Россіи и послѣдней къ нимъ.

Царь очутился между двухъ огней, съ нетерпѣніемъ ожидая окончанія совѣщанія и отъѣзда въ Царское Село. Но прибывшій въ день предполагавшагося перваго засѣданія совѣщанія въ Ставку дворцовый комендантъ, ген. Воейковъ, привезъ печальныя вѣсти о состояніи здоровья Александры Федоровны. Присутствовавшій при докладѣ ген. Воейкова великій князь Николай Николаевичъ, точно тронутый разсказомъ послѣдняго, который завѣрилъ по личнымъ своимъ впечатлѣніямъ о тяжкомъ состояніи здоровья Государыни, неожиданно заявилъ ген. Воейкову:

— Совѣщаніе общественныхъ дѣятелей можетъ состояться и въ отсутствіи Его Величества... Верховный Главнокомандующій будетъ его замѣстителемъ...

Это заявленіе было какъ бы сигналомъ къ разрѣшенію Государю покинуть Ставку, послѣ того, что хотя и не было запрещенія на отъѣздъ его, но чувствовалось какъ бы въ воздухѣ, что Николай Николаевичъ, если и не запрещалъ этого открыто, то и не разрѣшаетъ...

Въ тотъ же день Государь выѣхалъ въ Царское Село, гдѣ предварительное сообщеніе о его предстоящемъ выѣздѣ изъ Ставки приняли скептически, безъ тѣни довѣрія, ибо увѣровали въ негласный и неоффиціальный арестъ его съ Наслѣдникомъ и вокругъ этого успѣли уже и цѣлыя легенды придворныя создать.

Нашелъ Государь Александру Федоровну, дѣйствительно, въ ужасномъ состояніи; нервныя судороги совершенно перекосили все ея лицо, сдѣлавъ его неузнаваемымъ, а на шеѣ у Государыни была повязана широкая лента съ старымъ образкомъ, въ то утро только присланнымъ ей на исцѣленіе „старцемъ“ Распутинымъ.

Отъ радости ли возвращенія Государя и, главнымъ образомъ наслѣдника, или оттого, что кризисъ въ этой болѣзни и обычно наступалъ спустя извѣстное время, но къ вечеру Государыня почувствовала себя лучше, потребовала къ ужину отвезти себя въ креслѣ-коляскѣ въ столовую, ночь провела спокойно, проспавъ впервые за время болѣзни нѣсколько часовъ сряду. А на утро почувствовала себя такъ хорошо, что безъ посторонней помощи, правда, еще довольно слабая, гуляла по царскимъ по-

коямъ, навѣстила Государя и долго наединѣ съ нимъ, въ его кабинетѣ, бесѣдовала.

Созванный въ этотъ день консиліумъ придворныхъ медиковъ констатировалъ минованіе припадка, наступившій кризисъ и разрѣшилъ больной даже гуляніе на воздухѣ.

Но тѣ, кому нужны были „распутинскія чудеса“, и этотъ случай выздоровленія Государыни приписали „чудесамъ старца“. Пресловутая А. А. Вырубова, крестясь передъ иконой, чтобы ей обязательно повѣрили, разсказывала, какъ „старецъ“ досталъ образокъ, надѣлъ его на себя и, когда образокъ отъ теплоты его тѣла согрѣлся, снялъ съ себя и отдалъ его ей, Вырубовой, сказавъ:

— Сутки поноситъ на шеѣ Царица этотъ образокъ, и... выздоровѣетъ...

А разъ такъ случилось, и Государыня ровно черезъ сутки поднялась съ постели, то какъ тутъ не повѣрить въ „святость“ Распутина!

И опять намѣренія Государя, съ которыми онъ пріѣхалъ изъ Ставки—положить конецъ распутинскимъ посѣщеніямъ Царскаго Села, — разсѣялись, какъ дымъ. А на смѣну ему — новая вѣра въ Распутина, вѣра въ его „божескую“ силу... И Распутинъ опять при Дворѣ, опять его „байки“ о „тридевятомъ царствѣ“ и „заморскомъ государствѣ“, съ прозрачными намеками на то, что Господь Богъ „тому царю“, изъ сказки, конечно, ниспослалъ ангела въ образѣ человѣка, которому хранить и беречь отъ зла велѣлъ, и чтобы отъ всѣхъ напастей его избавлялъ...

Вновь, подъ впечатлѣніемъ „образка“ и „сказокъ“, забыты были угрозы Николая Николаевича, возмутительные факты изъ записки монархистовъ, стокгольмскіе переговоры о сепаратномъ мирѣ, послѣдствія, отъ всего этого могущія произойти ... Все это точно въ Лету кануло... и смѣнилось вѣрой въ свѣтлое будущее, такъ картинно изображенное символически въ распутинской сказкѣ, что, казалось, вотъ вотъ и въ реальную дѣйствительность сказка претворится.

И отъ всего этого наступило душевное успокоеніе, особенно цѣнное послѣ недавнихъ волненій въ Ставкѣ и вообще давно не испытанное за послѣднее время царской семьей.

Но успокоеніе оказалось не длительнымъ; оно было

„затишьемъ передъ грозой“, подобно морскому штилю передъ стихійной бурей.

А гроза была уже непредотвратима... Слишкомъ долго сгущалась атмосфера, собирая грозовыя тучи, которыя вотъ-вотъ должны были неминуемо разразиться сверхъестественной бурей, сильнымъ ураганомъ съ грозой, наносящей и въ природѣ зачастую ничѣмъ непоправимый вредъ...

Такъ оно и случилось...

Пощечина ротмистра Образцова была первымъ предвѣстникомъ бури, первымъ весеннимъ громомъ, за которымъ дождемъ полились событія за событіями, одно опережая другое.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовало убійство Распутина, а спустя короткое время — освободительная волна, отреченіе Николая II отъ престола и историческій переворотъ съ Временнымъ Правительствомъ во главѣ, а затѣмъ и грозная „октябрьская“ Революція, какъ финалъ всѣхъ предшествовавшихъ событій...

XII.

Однимъ изъ самыхъ непримиримыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ опасныхъ враговъ Распутина — все время былъ тобольскій епископъ Антоній. Абсолютно аполитичный и совершенно безразличный ко всему, что не имѣло непосредственнаго отношенія къ церкви, преосвященный Антоній болѣе чѣмъ ревниво, однако, относился къ синодскимъ дѣламъ. Ярый новаторъ церкви, одинъ изъ группы синодскихъ „освобожденцевъ“, стремившихся къ отдѣленію церкви отъ государства, онъ являлся чуть ли не лидеромъ этой группы въ Синодѣ и однимъ изъ авторовъ созыва церковнаго сбора. Преосвященный Антоній немало потрудился и надъ составленіемъ новаго проекта реорганизаціи церкви, выработавъ принятыя единогласно Синодомъ программы, какъ „предсобора“, въ которомъ предполагалось участіе всего высшаго въ государствѣ духовенства, такъ и самаго церковнаго собора, которому предстояло не только рѣшить вопросы реорганизаціи церкви, но и осуществить эту реорганизацію проведеніемъ ея въ жизнь.

Состоя одно время первоприсутствующимъ святѣйшаго Синода, епископъ Антоній всецѣло посвятилъ себя дѣлу созыва церковнаго собора, оказывая большое вліяніе въ этомъ отношеніи и на бывшаго тогда оберъ-прокуроромъ синода, Самарина. Казалось, все не только было налажено, но самый вопросъ о созывѣ собора былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ и, пройдя всѣ инстанціи, получилъ уже и царскую санкцію.

Но неожиданно оберъ-прокуроръ синода Самаринъ ушелъ въ отставку, и на его мѣсто назначенъ былъ В. К. Саблеръ.

Отставка Самарина не произвела такого впечатлѣнія, какъ самый фактъ назначенія на его мѣсто В. Саблера.

Въ синодскихъ сферахъ оба они пользовались одинаковыми „симпатіями“, обоихъ одинаково недолюбливали

вообще, какъ „свѣтскихъ начальниковъ высшаго духовнаго начальства". Но, въ то время какъ Самаринъ пользовался извѣстнымъ авторитетомъ въ высшихъ сферахъ, новый оберъ-прокуроръ синода —-В. Саблеръ — былъ въ небольшомъ почетѣ въ Царскомъ Селѣ. Его не любили не только въ правительственныхъ кругахъ, но и самъ Николай II относился къ нему какъ-то недовѣрчиво и безъ малѣйшей тѣни личныхъ симпатій. Естественно, что въ такое отвѣтственное время, когда синодъ находился на грани новой церковной эры, когда каждую пядь въ вопросѣ отдѣленія церкви отъ государства уже приходилось и въ дальнѣйшемъ еще предстояло отвоевывать, В. К. Саблеръ въ синодскихъ сферахъ былъ менѣе, чѣмъ желателенъ на посту оберъ-прокурора.

Синодскіе преосвященные въ его назначеніи увидѣли первые грозные симптомы крушенія ихъ завѣтныхъ идей. И, какъ всегда все тайное, скоро стало явнымъ и происхожденіе неожиданнаго назначенія В. Саблера.

Оказалось, что назначеніе В. Саблера является дѣломъ все того же Распутина, который такъ недавно еще покровительствовалъ синоду въ лицѣ главы его — оберъ-прокурора Самарина, а нынѣ вдругъ перенесъ свои симпатіи на В. К. Саблера.

И, не безъ основаній, рѣшено было, понятно, что въ церковномъ вопросѣ предстоятъ большія перемѣны.

Вскорѣ стали извѣстны и подробности: въ назначеніи Саблера близкое участіе принимала одна изъ поклонницъ Распутина, членъ мистическаго кружка салона графини Игнатьевой, супруга статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта баронесса Икскуль-фонъ-Гильдебрантъ.

Во время одной изъ распутинскихъ „бесѣдъ", происходившихъ поочередно у всѣхъ членовъ „кружка гр. Игнатьевой", баронесса Икскуль затѣяла разговоръ о предстоявшемъ созывѣ церковнаго собора, горячо выступая противъ этого, по ея мнѣнію, „вреднаго явленія", низводящаго церковь и дискредитирующаго будто-бы даже и религію...

Присутствовавшему тутъ-же В. К. Саблеру предоставлено было, какъ авторитету, слово по этому вопросу, и онъ въ длинной рѣчи своей высказался въ томъ смыслѣ, что на созывъ церковнаго собора надо смотрѣть не только, какъ на стремленіе духовенства лишить свѣтскую власть правъ на вмѣшательство въ дѣла церковныя, но и какъ на желаніе духовенства создать новую въ странѣ верхов-

ную власть, въ лицѣ патріарха, такъ сказать — особую верховную власть, духовную, власть „чернаго духовенства“, т. е. монашескую...

Этимъ, по мнѣнію В. Саблера, не только умаляется, но и совсѣмъ упраздняется распространявшаяся тогда еще на церковь царская власть, а съ теченіемъ времени власть патріаршества окажется сильнѣе власти царской, и церковь будетъ властвовать надъ государствомъ и первенствовать въ немъ.

А въ заключеніе — примѣръ Западной Европы и вліяніе католической церкви...

Дебатамъ на эту тему не было конца. Постепенно дошли до грозящаго отъ всего этого паденія православія, которое выходецъ изъ „католицизма“ Саблеръ начерталъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

И церковному собору былъ тутъ же вынесенъ смертный приговоръ...

Для синода наступили сумеречные дни. Появленіе В. К. Саблера на своемъ посту ознаменовалось программной въ засѣданіи синода рѣчью, которую синодскіе преосвященные выслушали съ опущенными головами. Все ясно было, недомолвкамъ не было мѣста: переживаемое время, болѣзнь государственнаго организма, тяжелая война, государственные заботы и финалъ:

— А посему, молъ, въ реорганизаціи церкви особенно спѣшной надобности, конечно, въ данный моментъ еще не ощущается...

Для успокоенія же синодскихъ умовъ, В. К. Саблеръ предложилъ созвать всероссійскій съѣздъ духовенства, на которомъ и подвергнуть обсужденію вопросъ о созывѣ „предсобора“, т. е. вспомогательный для „предсобора“ съѣздъ... И вскорѣ такой съѣздъ, дѣйствительно, былъ созванъ и, точно для символа, мѣстомъ засѣданій съѣзда этого избраны были „покои“ Побѣдоносцева, душившаго много лѣтъ рвавшуюся къ свободѣ церковь...

Во всемъ этомъ, конечно, сказалось намѣчавшаяся тенденція, если не сразу похерить, то хотя бы временно отдалить, по возможности, созывъ церковнаго собора разными косвенными путями, чтобы съ теченіемъ времени и совсѣмъ упразднить его.

Начавшееся въ синодскихъ сферахъ возмущеніе новыми саблеровскими тенденціями коснулось — главнымъ образомъ, конечно, Распутина, котораго преосвященные справедливо считали виновникомъ всего происшедшаго.

Въ поискахъ защиты своихъ правъ, синодскіе іереи бросились было къ преосвященному Питириму, первоприсутствующему тогда въ синодѣ, митрополиту петербургскому. Но и Питиримъ неожиданно оказался сторонникомъ идей Распутина. И въ нѣдрахъ синода началось форменное броженіе, руководимое все тѣмъ же тобольскимъ епископомъ Антоніемъ.

Открытыя засѣданія синода смѣнились частыми и тайными засѣданіями синодскихъ преосвященныхъ въ Аѳонскомъ подворьѣ и другихъ мѣстахъ проживанія членовъ синода, принадлежавшихъ къ числу приверженцевъ и ярыхъ защитниковъ идеи созыва церковнаго собора.

Изрѣдка попадавшія въ печать отрывочныя свѣдѣнія объ этихъ тайныхъ совѣщаніяхъ вполнѣ характеризовали создавшееся положеніе, грозившее открытымъ возмущеніемъ духовенства противъ вторженія частныхъ лицъ, или „религіозныхъ изувѣровъ“, какъ они называли Распутина и „распутинцевъ“, въ исконныя права святой церкви.

Но это возмущеніе далѣе „тайныхъ совѣщаній“ не пошло. А когда въ синодскомъ оффиціозѣ „Церковныя Вѣдомости“ появилась статья епископа Антонія: „Кто они?“, направленная противъ „религіозныхъ изувѣровъ“, то журналъ, по распоряженію оберъ-прокурора Саблера, былъ временно закрытъ, редакторъ устраненъ, и въ вышедшемъ послѣ большого перерыва очередномъ номерѣ „Церковныхъ Вѣдомостей“ появилась статья, какъ бы въ отвѣтъ на статью „Кто они?“, въ которой болѣе чѣмъ прозрачно намекалось, что церкви нужна власть верховная, и что таковая можетъ принадлежать только „вѣнценосцу“ въ странѣ, признанному Господомъ-Богомъ „помазанникомъ“ и подданными народами чтимымъ.

Удрученный всѣмъ происшедшимъ, епископъ тобольскій Антоній, подъ предлогомъ болѣзни, ушелъ на покой, прекративъ временно даже присутствовать въ Синодѣ. Оставивъ свою дѣятельность по вопросу о церковномъ соборѣ, идеѣ котораго онъ посвятилъ послѣдніе годы, епископъ Антоній занялся слѣдствіемъ по дѣлу о Распутинѣ, исключительно въ области его „религіознаго изувѣрства“ и вліянія его, благодаря этому, на государственную жизнь, особенно въ области церкви.

Въ этомъ отношеніи епископу Антонію много помогали его единомышленники. Пользуясь глубокимъ уваженіемъ и большимъ вліяніемъ въ своей тобольской епархіи,

преосв. Антоній и отправилъ тогда съ тайнымъ порученіемъ, въ качествѣ слѣдователя, протоіерея Восторгова.

Событія же тѣмъ временемъ шли своимъ чередомъ, и вліяніе Распутина не только не уменьшалось, а росло и крѣпло, пуская глубокіе корни во всѣ отрасли государственной жизни, несясь съ неудержимой быстротой, которую, казалось, никто и ничто не въ состояніи уже остановить.

Быть можетъ, когда нибудь, когда улягутся страсти, будущая исторія воспользуется синодскими архивами и извлечетъ на свѣтъ Божій цѣнные матеріалы слѣдственнаго производства епископа Антонія тобольскаго о Распутинѣ, состоящіе не только изъ документовъ и данныхъ дознаній, имъ и другими лицами производившихся, но и изъ писемъ Николая II и Александры Федоровны къ Распутину, его писемъ къ нимъ и близкимъ имъ лицамъ, а также и „дневника“ еписк. Антонія, испещреннаго отдѣльными фактами изъ области вліянія Распутина. Тогда многое, доселѣ неясное и „загадочное“, станетъ яснымъ. Все это было такъ просто: въ лицѣ Распутина Николай II и Александра Федоровна видѣли какого то новоявленнаго „пророка“, божьяго человѣка, ниспосланнаго въ этомъ образѣ на землю истины пророчить.

Отдѣльныя мѣста слѣдствія и спеціальныя по вопросу церкви детали пестрятъ событіями, одно другое объясняющими и въ итогѣ всемъ, несомнѣнно, убѣждающими въ томъ, что всѣ эти событія, носящія на себѣ опредѣленный характеръ, и привели къ катастрофѣ, которая только заднимъ числомъ, къ сожалѣнію, оказалась такой ясно назрѣвавшей, точно умышленно подготовлявшейся чьей то опытной рукой и абсолютно неминуемой при создавшейся тогда атмосферѣ.

А тѣ, кто все это знали, не только не стремились къ предотвращенію грозившей катастрофы, но принимали сознательное участіе въ созданіи ея. И стали сами же, какъ этого и слѣдовало ожидать, первыми жертвами обрушившейся на всю страну катастрофической эпохи.

. . . . . .

. . . . . .

Въ синодскихъ дѣлахъ Распутинъ менѣе всего былъ заинтересованъ, хотя бы уже по одному тому, что въ этихъ дѣлахъ онъ никакой матеріальной выгоды не имѣлъ, и все зиждилось на одномъ только „почетѣ“, отъ нихъ пріобрѣтаемомъ. Отъявленный карьеристъ, не останавли-

вавшійся передъ средствами въ вопросахъ достиженія намѣченныхъ цѣлей, митрополитъ петербургскій Питиримъ своимъ близкимъ общеніемъ съ „изувѣромъ“ Распутинымъ далъ основаніе къ эпитету „автора разложенія церкви“, которымъ его окрестили въ синодскихъ сферахъ.

Но митрополитъ Питиримъ этимъ не смущался, а открыто признавалъ себя тамъ, гдѣ это было нужно, конечно, сторонникомъ Распутина, извлекая изъ этого всяческія для себя, вѣрнѣе для властолюбія своего — выгоды.

Лично никогда, кстати, не посѣщая салона графини Игнатьевой, преосвященный Питиримъ завелъ одно время „собственный салонъ“ въ митрополичьихъ покояхъ Александро-Невской Лавры. Этотъ его „митрополичій салонъ“ носилъ уже болѣе опредѣленный, какъ бы „дѣловой“ характеръ, и засѣданія въ немъ происходили исключительной важности, когда дѣло шло о вопросахъ чрезвычайно конспиративныхъ, требовавшихъ абсолютной тайны и... безгласности.

Не только самыя засѣданія у Питирима, но даже назначеніе ихъ, обставлялось мѣрами чрезвычайной предосторожности, свидѣтельствующими и о характерѣ происходившихъ въ этихъ засѣданіяхъ совѣщаній.

Предсѣдатель совѣта министровъ Б. С. Штюрмеръ, ежедневно, по нѣсколько разъ иногда, бесѣдовавшій по телефону съ митрополитомъ Питиримомъ, когда предстояло какое нибудь изъ обычныхъ засѣданій въ митрополичьихъ покояхъ, никогда не сообщалъ о нихъ по телефону, а поручалъ своему „личному“ секретарю или „чиновнику особыхъ порученій“, какъ называли И. Ф. Манасевича-Мануйлова, „лично“ посѣтить преосвященнаго и также „лично преосвященному“ сообщить о предстоящемъ у него совѣщаніи.

Въ этихъ тайныхъ совѣщаніяхъ постоянное участіе принимали: митрополитъ Питиримъ, Б. С. Штюрмеръ, Григ. Распутинъ и А. А. Вырубова. Одинъ только разъ, когда въ совѣщаніи обсуждался вопросъ о необходимости заключенія сепаратнаго мира съ Германіей, къ участію въ обсужденіи этого вопроса привлечена была и прибывшая изъ Австріи княгиня М. Васильчикова.

Какъ извѣстно, пріѣздъ М. Васильчиковой и находился въ непосредственной связи съ вопросомъ о сепаратномъ мирѣ. Живя около тридцати лѣтъ въ Австріи, преимущественно въ Вѣнѣ и на виллѣ своей вблизи австрійской

столицы, М. Васильчикова вращалась въ австрійскихъ придворныхъ кругахъ.

Ея пріѣздъ въ Петербургъ былъ вполнѣ правильно истолкованъ, какъ парламентерство по вопросу о мирѣ. Но тогда еще силенъ былъ поддерживавшійся всячески энтузіазмъ перваго періода войны, и ни совѣщанія, ни пріѣздъ М. Васильчиковой, реальнаго результата для приверженцевъ сепаратнаго мира не имѣли; военная партія одержала верхъ надъ партіей сторонниковъ мира, придворная, такъ сказать, нѣмецкая, какъ ее тогда называли, партія, потерпѣла первое пораженіе, и М. Васильчиковой пришлось покинуть Россію подъ жандармскимъ до границы конвоемъ.

Но этимъ, однако, не исчерпывались стремленія къ сепаратному миру, и переговоры о заключеніи такового, одно время прекратившіеся было, вскорѣ возобновились съ удвоенной энергіей и рвеніемъ, благодаря все тому же Распутину, который, какъ уже указывалось выше, своему „хорошо оплаченному убѣжденію“ въ необходимости сепаратнаго мира, съумѣлъ придать характеръ мистическій, придумывая очередные „сны“ и явленіе ангела Божьяго, сошедшаго къ нему на Гороховую улицу N 64, возвѣстить о необходимости такого мира.

Всѣ свои „божескія“ дѣла Распутинъ обычно обставлялъ чрезвычайно хитроумно. Такъ было и на сей разъ.

За нѣсколько дней до „видѣнія“ въ Царскомъ Селѣ объявлено было о „недомоганіи старца“, о томъ, что онъ на цѣлые дни запирается въ одиночествѣ, никого, будтобы, не принимаетъ, молится и утверждаетъ, что „предчувствуетъ весьма важныя событія“.

Фактически, конечно, Распутинъ запирался въ отдѣльныхъ кабинетахъ загородныхъ ресторановъ, если и не въ большой компаніи, то въ большинствѣ случаевъ пріятномъ обществѣ своихъ поклонницъ, предчувствуя лишь финальные аккорды обычнаго своего „прянаго“ времяпрепровожденія.

А въ царскосельскомъ дворцѣ, дыханіе затая, ждали новыхъ „пророчествъ“ Распутина съ неменьшимъ, чѣмъ въ свое время нетерпѣніемъ ожидали, вѣроятно, рожденія Наслѣдника престола.

Томительное ожиданіе это всегда сопровождалось подробнѣйшими „бюллетенями“ о состояніи недомогавшаго „старца“. Услужливые придворные изъ плеяды Вырубовой то и дѣло сообщали „новости“ о Распутинѣ, при кото-

ромъ, будто-бы, неотлучно въ сосѣдней комнатѣ дежуритъ все время и сама А. А. Вырубова.

Доведенные по такому „рецепту“ до высшаго нервнаго состоянія, обитатели царскосельскаго дворца, положительно, мѣста себѣ не находили. Особенно нервничала въ такихъ случаяхъ Александра Федоровна, изводя Николая II всяческими дурными предчувствіями, какъ политическаго, такъ и семейнаго характера.

Больной мозгъ ея придумывалъ всяческія фантазіи: то она вдругъ предсказывала новое пораженіе на фронтѣ, то неожиданно начинала безпричинно безпокоиться за здоровье Наслѣдника.

Единственное утѣшеніе въ такіе дни Николай II находилъ для себя въ винѣ, безпрерывно проводя время съ главнымъ собутыльникомъ своимъ, контръ-адмираломъ Ниловымъ, котораго давно уже при Дворѣ называли не иначе какъ „плавающимъ въ винѣ контръ-адмираломъ“...

„Недомоганія“ Распутина тѣмъ временемъ проходили, и объ этой радости немедленно давали знать въ Царское Село.

А еще черезъ день обязательно „осунувшійся“ отъ своего длительнаго „пребыванія въ одиночествѣ“... Распутинъ появлялся въ Царскосельскомъ дворцѣ, гдѣ все начиналось и повторялось по обычному за послѣдніе годы шаблону трафаретныхъ „баекъ“ о явившемся ему видѣніи ангела божьяго, о его съ нимъ бесѣдѣ, облекаемой въ форму символической сказки-сна, разгадывателемъ коего являлся самъ видѣвшій сонъ „новоявленный пророкъ“ и сверхестественный, одухотворенный Богомъ человѣкъ, Распутинъ.

Отъ всего этого, конечно, вѣетъ анекдотомъ. Но что же подѣлаешь, когда вся „распутинская эпоха“ — анекдотическій фактъ, правда — печальный, даже болѣе того, — ужасный, но все же фактъ отъ котораго не уйдешь. Сейчасъ миновалъ уже тотъ періодъ, когда все это поневолѣ приходилось скрывать, миновало и то время, когда скрывать „правду о Распутинѣ“ приходилось уже не по вынужденію, а только въ силу тактическихъ, вѣрнѣе моральныхъ соображеній.

Въ настоящее время, думается, уже не для чего и не передъ кѣмъ закрывать глаза на ужасную правду о томъ, что пережила Россія за время вліянія Распутина, и о той пагубной эпохѣ государственной жизни страны, когда всѣ, начиная отъ главы правительства, до главы государства,

находились, послѣдній подъ ужаснымъ, разлагающимъ вліяніемъ „новоявленнаго пророка“, а остальные, сами не вѣруя, но поддерживая „пророчество“ это, пользовались этимъ, ими же созданнымъ для него вліяніемъ „старца“ въ своихъ, въ большинствѣ случаевъ, преступныхъ съ точки зрѣнія государственности, интересахъ.

Пройдутъ года, и отъ всей „распутинской эпохи“ останутся только сказки, какъ о „тысячѣ и одной ночи“...

Но для современниковъ и грядущаго поколѣнія, — Распутинъ — это эпоха, пусть и ужасная, но эпоха государственная, эпоха на грани другой, ею же всецѣло созданной эпохи, эпохи революціи, и, какъ явленіе ярко симптоматичное и чрезвычайно характерное, оно должно занять если не въ міровой исторіи, то въ исторіи государства россійскаго, несомнѣнно, далеко не послѣднее мѣсто.

Въ этомъ то только, быть можетъ, и цѣнность всей „распутинской эпохи“, ставшей нынѣ „исторической эпохой“ послѣдняго десятилѣтія Россіи.

XIII.

Для характеристики распутинскаго вліянія недостаточно, конечно, ограничиться способами, примѣнявшимися имъ къ достиженію своихъ цѣлей и деталями изъ области его дѣятельности на своемъ поприщѣ.

Необходимо остановиться и на характеристикѣ того положенія, той атмосферы, для которой Распутинъ нуженъ былъ, и убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли, „если бы Распутина не было, то его пришлось бы выдумать",.. Тогда только убѣдиться можно и въ томъ, что не Распутинъ создалъ свою эпоху, а... „эпоха создала его". Онъ былъ необходимъ какъ воздухъ, и его, дѣйствительно, выдумали.

Россійскій Дворъ, со времени вступленія на Престолъ Николая II страдалъ мистицизмомъ и, охваченный имъ, какъ бы всецѣло находился во власти его. Не столько самъ Государь, сколько Александра Федоровна, тому причина. Тщательно скрывавшаяся первое время наклонность юной тогда еще царицы ко всевозможнаго рода гаданіямъ, предсказаніямъ и всякаго рода суевѣріямъ, вскорѣ стала принимать такой характеръ, что на это пришлось обратить серьезное вниманіе и, чтобы отвлечь царицу отъ ея наклонности къ суевѣрію, мобилизовали... религію... Пользуясь тѣмъ, что тогдашній митрополитъ петербургскій Антоній, до своего монашества — офицеръ блестящаго гвардейскаго полка, выходецъ изъ лучшаго общества, владѣлъ иностранными языками, его и пригласили къ плохо еще владѣвшей тогда русскимъ языкомъ царицѣ въ качествѣ придворнаго собесѣдника, поручивъ ему путемъ религіознымъ внушить Александрѣ Федоровнѣ всю суетность и антирелигіозность суевѣрныхъ ея увлеченій.

Одно время, казалось, достигалась уже намѣченная цѣль... Но... только одно время.

Когда же Александра Федоровна, вся охваченная непреодолимымъ желаніемъ имѣть наслѣдника, одну за дру-

гой рожала дочерей, суевѣріе взяло верхъ надъ религіозными вѣрованіями и не только у царицы, но и у Николая II, подпавшаго подъ то-же вліяніе.

Результаты этого, конечно, не преминули сказаться, и уже послѣ рожденія первыхъ двухъ дочерей: Ольги и Татьяны, — весь дворъ охваченъ былъ заразой суевѣрія, постепенно, шагъ за шагомъ, прогрессировавшимъ и дошедшимъ до невѣроятныхъ размѣровъ.

Въ Царское Село свозились знахари, кликуши и знахарки не только со всей Россіи, но и со всего свѣта. И чѣмъ менѣе этимъ достигалась цѣль, тѣмъ упорнѣе становилась настойчивость. Когда же, несмотря на всѣ предпринятыя мѣры и точныя предсказанія о рожденіи сына, его мѣсто заняла родившаяся великая княжна Марія, третья по счету дочь, кто-то посовѣтовалъ царицѣ гипнотическія внушенія...

Изъ Парижа привезенъ былъ „ловкій гипнотизеръ“, около года занимавшійся ежедневнымъ „внушеніемъ“ царю и царицѣ рожденія сына, результатомъ коихъ явилось сильное разстройство нервной системы Александры Федоровны и рожденіе четвертой по счету дочери, Анастасіи...

Ловкій авантюристъ-гипнотизеръ, какъ впослѣдствіи выяснилось изъ его описаній въ иностранной прессѣ, дошелъ до полнаго издѣвательства надъ больной царицей и царемъ и въ своей безпредѣльной наглости убѣдилъ ихъ въ необходимости, якобы, для успѣшнаго леченія, безотлучно пребывать при объектахъ своихъ шарлатанскихъ опытовъ, царѣ и царицѣ, даже въ самые интимные моменты ихъ супружеской жизни.

И только послѣ разочарованія въ системѣ леченія гипнозомъ послѣдовавшимъ рожденіемъ дочери Анастасіи, французъ-гипнотизеръ былъ удаленъ изъ царскихъ покоевъ.

Но имъ, однако, не завершился циклъ опытовъ надъ разслабленнымъ и больнымъ организмомъ издерганной и изнервничавшейся Александры Федоровны.

Пензенскій губернаторъ графъ Игнатьевъ, принося лично свои поздравленія Николаю II по случаю рожденія четвертой дочери, Анастасіи, разсказалъ царю, что въ одномъ селѣ управляемой имъ губерніи имѣется славящійся во всей округѣ своими предсказаніями крестьянскій парень Митя, прозванный „Блаженнымъ“. Приводя рядъ фактовъ изъ области предсказаній „Мити Блаженнаго“, графъ Игнатьевъ увѣрилъ царя въ томъ, что лично убѣдился въ

цѣломъ рядѣ предсказаній Мити, сбывшихся съ поразительной точностью.

Спустя недолгое время, Митя Блаженный, въ сопровожденіи псаломщика Егорова, который считался необходимымъ при немъ толкователемъ „предсказаній“, очутились въ Царскосельскомъ Дворцѣ.

„Митя Блаженный“, или попросту Дмитрій Благовъ, крестьянинъ поселка Гоево, Пензенской губерніи, будучи еще шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, на почвѣ сильнаго испуга и наслѣдственной наклонности, заболѣлъ припадками „падучей болѣзни“, извѣстной въ медицинѣ подъ названіемъ „эпилепсіи“.

Обычное деревенское леченіе: травами, знахарскими заговариваніями и настоями канифоли, смѣнялись хожденіемъ съ больнымъ „по святымъ мѣстамъ“ и сведеніемъ леченія болѣзни къ чтенію псалмовъ надъ корчившимся въ эпилептическихъ судорогахъ больнымъ.

Приглашенный въ качествѣ чтеца къ больному псаломщикъ Егоровъ и сдѣлалъ однажды „открытіе“, что Митя во время припадковъ „что то глаголетъ“ и какія то истины „речетъ“...

Сколько ни старались родные Мити, а также деревенскіе знахари и старики, разобрать что нибудь изъ односложныхъ „митькиныхъ мычаній“ во время припадковъ,— имъ этого не удавалось. Падая въ изнеможеніи на земь, Митя корчился въ страшныхъ судорогахъ, изо рта, сквозь стиснутые въ скрежетѣ зубы, пробивалась пузырьками густая, какъ сбитый яичный бѣлокъ, пѣна, и слышались односложныя, но совершенно непонятныя восклицанія.

Однажды псаломщикъ Егоровъ заявилъ, что ясно уловилъ произнесенныя Митей въ припадкѣ отдѣльныя слова о пожарѣ, о церкви, о гибели трехъ человѣкъ и о какомъ то потопѣ.

Конечно, всему этому не придали никакого значенія.

Но вскорѣ два событія заставили вспомнить о словахъ Мити: въ поселкѣ, отъ неосторожнаго обращенія сторожа съ огнемъ, сгорѣла до тла церковь, а вслѣдъ за этимъ сильной ночной бурей, во время разлива рѣки, унесена была недавно построенная водяная мельница, и спавшіе тутъ же въ будкѣ два мельника и крестьянинъ-перевозчикъ съ паромной переправы, захваченные бурей и разливомъ во время сна, утонули.

Съ тѣхъ поръ не только стали вѣрить въ „самостоятельныя“ предсказанія эпилептика Мити, но начали даже

задавать ему во время припадковъ всяческіе вопросы важнаго характера и значенія въ крестьянскомъ обиходѣ, на которые Митя охотно, черезъ того же псаломщика, отвѣчалъ. Предсказавъ сначала большой урожай хлѣба, онъ однажды предсказалъ и убійство старосты своего села, затѣмъ — смерть священника, падежъ скота и градобитіе, повредившее урожай ягодъ и фруктовъ.

Въ качествѣ „сельскаго оракула", Митька Блаженный, какъ его называли крестьяне, вскорѣ оказался выгодной доходной статьей для псаломщика Егорова, единственнаго человѣка, умѣвшаго съ нимъ во время припадковъ разговаривать и ... понимавшаго односложныя мычанія больного.

Къ псаломщику тянулись бабы съ подарками рукодѣльныхъ полотенецъ, льна и домашней птицы, мужики съ „штофами вина" и двугривенными; всѣ жаждали отвѣтовъ на разные важные жизненные крестьянскіе вопросы и охватывавшія ихъ души различныя сомнѣнія.

И „Митька Блаженный", черезъ своего „сказателя", псаломщика Егорова, всѣхъ такъ или иначе удовлетворялъ.

Когда припадки становились рѣже, а у псаломщика Егорова накоплялось много „заказовъ", и крестьяне выказывали нетерпѣніе, то Егоровъ вызывалъ нужные ему припадки избіеніемъ больного. Пугаясь одного вида громаднаго кулака псаломщика, Митька Блаженный, послѣ двухъ-трехъ нанесенныхъ ему ударовъ по головѣ и лицу, падалъ замертво, начиная корчиться въ конвульсивныхъ судорогахъ, произнося свой односложный, сквозь стиснутыя губы и бьющую изо рта пѣну, эпилептическій лепетъ.

А псаломщикъ Егоровъ тутъ же, на глазахъ у собравшихся крестьянъ, задавалъ вопросы и собиралъ ... отвѣты.

Съ прекращеніемъ припадка односложныя мычанія Митьки Блаженнаго подробно „расшифровывались" и передавались чаявшимъ отвѣтовъ на мучительные порою вопросы суевѣрнымъ бабамъ и мужикамъ.

Слава Митьки Блаженнаго росла и ширилась, и вскорѣ за отвѣтами къ нему стали пріѣзжать изъ далекихъ деревень...

Но апогея своего достигла его слава послѣ того, какъ онъ „предсказалъ" гостившей у губернатора графа Игнатьева княгинѣ Абамелекъ-Лазаревой рожденіе сына...

Благодаря этому удачному предсказанію, Митька Блаженный и попалъ въ покои Царскосельскаго дворца.

А то, что происходило здѣсь, нуждается уже въ научномъ, чисто медицинскомъ изслѣдованіи.

Больная, разслабленная и готовившаяся снова стать матерью Александра Федоровна, вынуждалась присутствовать при припадкахъ Митьки Блаженнаго и непосредственно задавать ему мучительные вопросы на тему о предстоящемъ рожденіи. Мѣсяца четыре подвергалась больная царица ужасной пыткѣ наблюденія за эпилептическими припадками больного Митьки Блаженнаго, а послѣдній все не отвѣчалъ.

Видимо, псаломщику Егорову очень ужъ не хотѣлось разставаться съ прекрасной дворцовой жизнью, и онъ со дня на день откровенія медіума своего Митьки Блаженнаго откладывалъ подъ разными благовидными предлогами, вплоть до чисто физіологическихъ, выражающихся, по мнѣнію псаломщика Егорова, въ томъ, что въ виду недавняго зачатія, Митька Блаженный не въ состояніи еще точно опредѣлить и отвѣтить на вопросъ окончательно...

А „опыты“ надъ царицей продолжались и чуть было не привели къ весьма печальнымъ для ея жизни даже послѣдствіямъ.

Испугавшись однажды сильнаго припадка Митьки Блаженнаго, Александра Федоровна впала въ обморочное состояніе, завершившееся тяжелымъ истерическимъ припадкомъ и, какъ послѣдствіе всего этого — преждевременными, на пятомъ мѣсяцѣ, неправильными родами. Когда же врачами было высказано предположеніе въ томъ, что недозрѣвшій плодъ обнаруживалъ явленія мужскаго происхожденія, то въ угоду царицѣ это объяснили „вліяніемъ Митьки Блаженнаго“.

Но Александра Федоровна, напуганная, какъ самымъ случаемъ, такъ и опасной послѣ этого болѣзнью, и медиками, опасавшимися болѣе серьезныхъ послѣдствій отъ подобныхъ опытовъ, категорически отказалась отъ дальнѣйшихъ услугъ Митьки Блаженнаго.

Вернувшись со своимъ „импрессаріо“, псаломщикомъ Егоровымъ, въ родныя мѣста, Митька Блаженный вскорѣ умеръ во время тяжелаго припадка, послѣ ряда періодическихъ такихъ же припадковъ, вызванныхъ, какъ утверждали тогда, избіеніемъ его псаломщикомъ Егоровымъ, срывавшимъ на немъ всю ожесточенную злобу свою за

неудачный финалъ своей авантюры съ царской семьей, отъ которой псаломщикъ при болѣе благопріятномъ результатѣ, имѣлъ всѣ основанія разсчитывать на исключительнѣйшую милость царскую и большія отъ этого блага для себя.

Но... сорвалось. И вмѣсто удачныхъ предсказаній и, возможно, дѣйствительнаго рожденія наслѣдника, такой неудачный финалъ и опасная болѣзнь Государыни вызвали противъ „медіума“ и его „толкователя„ сильное озлобленіе при Дворѣ и немедленное удаленіе изъ Царскосельскаго дворца.

Казалось бы, опытамъ, подобнымъ Митьки Блаженнаго, будетъ, безъ сомнѣнія, положенъ конецъ.

Но не тутъ то было. Едва только Александра Федоровна оправилась отъ перенесенной послѣ преждевременныхъ родовъ болѣзни и сопровождавшаго эту болѣзнь нервнаго удара, какъ въ придворныхъ кругахъ заговорили о какой то старухѣ-кликушѣ Дарьѣ, живущей гдѣ-то въ имѣніяхъ флигель-адъютанта графа Орлова-Давыдова.

О Дарьѣ разсказывали такія чудеса и именно въ области, столь интересовавшей царскую семью, что рѣшено было воспользоваться ея услугами.

По просьбѣ Николая II, флигель-адъютантъ гр. Орловъ-Давыдовъ лично доставилъ кликушу Дарью во дворецъ.

Нечего и говорить, конечно, что и это оказалось очередной авантюрой, а сама Дарья Осипова — обыкновенная деревенская баба, хроническая пьяница — алкоголичка и неврастеничка. По характеру вообще сканадалистка, она во хмелю еще и буйная бывала. На деревнѣ ее въ такихъ случаяхъ связывали, и она, лежа безъ возможности движеній, при этомъ обычно буйствовала, еще того болѣе пьянѣла и единственный выходъ своему буйству находила въ ругани...

Чего только не говорила она въ такихъ случаяхъ!.. Ругала деревенскую власть, бранила родныхъ и всѣхъ окружающихъ и всего болѣе „мучителей“ своихъ, а тѣхъ, отъ кого она ждала помощи, — не скупясь, щедро награждала всяческими благопожеланіями.

На селѣ, обычно, когда Дарью вязали, собирались любопытные поглядѣть на буйную и пьяную „тетю Дарью“.

Случилось какъ-то, что къ связанной Дарьѣ подошла молодуха-крестьянка, у которой „не держались дѣти“.

Первый ребенокъ умеръ вскорѣ по рожденіи отъ неизвѣстной причины, второй родился семимѣсячнымъ и не прожилъ недѣли, а третій, вѣроятно, вслѣдствіи тяжелой работы и неосторожности матери — родился мертвымъ.

Увидя передъ собой эту женщину, Дарья стала просить у нея объ освобожденіи, умоляя развязать на ней веревки. Крестьянка, однако, не соглашалась.

Тогда пришедшая немного уже въ себя и значительно протрезвившаяся Дарья, обратившись къ ней, сказала:

— Вотъ, помоги, и я тебѣ тоже помогу!.. Ребенокъ у тебя родится и жить будетъ...

И, чтобъ окончательно убѣдить суевѣрную крестьянку, неудачницу-мать, она стала что-то про себя нашептывать, точно молясь, обращая глаза къ небу... Окончивъ нашептыванія, она обратилась вновь къ крестьянкѣ, категорически заявивъ ей, что „за сына помолилась, и безпремѣнно жить будетъ...“

Когда же спустя нѣкоторое время это предсказаніе пьяной Дарьи сбылось, а за нимъ еще нѣсколько такихъ же однородныхъ, то ее на селѣ сразу въ „кликуши“ произвели, и бабы стали къ ней обращаться со всѣми своими „недугами“.

Дарья лечила, заговаривала и даже имѣла такое зелье, которое если у порога зарыть, то мужикъ пить перестанетъ.

Умѣла Дарья и бѣду „накликать„“, причемъ дѣлала это какъ-то особенно; стоило ей только захотѣть, какъ кошки чуть ли не со всего села вдругъ ночью собирались по ея „заговору“ на дворъ мужика, устраивая кошачій, подъ окномъ попавшаго въ немилость къ Дарьѣ крестьянина, концертъ.

Крестьяне, конечно, не понимали, что для этого никакой „силы“ не нужно, а достаточно разсыпать по двору валерьяноваго корня или валерьяновой травы, чтобы всѣ кошки, почуявъ любимый запахъ, собрались въ этотъ дворъ и... кошачій концертъ готовъ.

Умѣла Дарья и собакъ сгонять (какой-то другой травой), куда захочетъ, и заставить ихъ поднять лай и вой на всю деревню.

Словомъ, Дарью стали уважать и одновременно бояться за то, что она и съ Богомъ разговаривать умѣетъ и... чертей вызывать...

Очутившись въ Царскосельскомъ дворцѣ, въ столь

несвойственной ей обстановкѣ, она оказалась вдругъ безсильной въ хваленыхъ своихъ предсказаніяхъ и, совершенно растерявшись, превратилась въ обыкновенную гадалку. На первомъ же сеансѣ наговорила царицѣ столько ужасовъ, связавъ рожденіе сына со смертью „близкаго человѣка“, что „кликушу“ вскорѣ пришлось, по настоянію Николая II, принявшаго на свой счетъ предсказаніе о смерти, удалить.

Графу Орлову-Давыдову невольно приходилось испытывать на себѣ всѣ прелести царскаго недовольства за оказанную имъ такую „медвѣжью услугу“.

Однако, спустя два года, когда Александра Федоровна, наконецъ, родила наслѣдника Алексѣя, радости царской семьи не было границъ.

Въ придворныхъ сферахъ, правда иронически, но все же отдавали „дань справедливости“, какъ тогда выражались, графу Орлову-Давыдову, которому принадлежала честь заслуги въ рожденіи наслѣдника хотя бы тѣмъ, что послѣднее „предсказаніе“ въ этомъ отношеніи принадлежало его „протежэ“, кликушѣ Дарьѣ Осиповой.

О предсказаніи смерти „близкаго человѣка“, связанномъ съ рожденіемъ наслѣдника, какъ будто бы забыли, и только внезапная смерть гр. Орлова-Давыдова, умершаго отъ разрыва сердца въ поѣздѣ во время вынужденнаго своего выѣзда изъ Россіи, какъ говорили — навсегда, вызвала всевозможные толки, вплоть до утвержденія, что Орловъ-Давыдовъ отравленъ кѣмъ-то или даже самъ отравился, не снеся обиды высылки своей за границу.

Въ „Тайнахъ Русскаго Двора“, изданныхъ въ то время въ Парижѣ, эта часть придворной эпопеи россійской довольно подробно описывалась. Изобличалась не только насильственная смерть Орлова-Давыдова, но и назывались лица, будто бы отравившія его, равно какъ и причины, явившіяся слѣдствіемъ необходимости исчезновенія Орлова-Давыдова съ лица земли.

А когда наслѣдникъ сталъ подростать, то многіе даже находили сходство между красавцемъ Алексѣемъ и обращавшимъ на себя всегда вниманіе красивымъ флигель-адъютантомъ гр. Орловымъ-Давыдовымъ.

Вся эта исторія со смертью Орлова-Давыдова долгое время была притчей во языцѣхъ не только придворныхъ сферъ, но, вырываясь оттуда, — проникала въ широкую публику.

А затѣмъ уже, въ связи съ появленіемъ подробно-

стей въ нелегальной для Россіи заграничной литературѣ, постепенно, сначала въ устной формѣ, а впослѣдствіи и въ печатной, подробности внезапной смерти Орлова-Давыдова и причины, вызвавшія эту смерть, стали достояніемъ широкихъ общественныхъ массъ и всячески комментировались...

Но съ теченіемъ времени страсти улеглись, постепенно утихли разговоры, первоначальный интересъ къ этой придворной „сенсаціи“ пропалъ, пока, наконецъ, объ этомъ и окончательно забыли.

И только отдѣльныя брошюры въ первые дни революціи, въ связи съ отреченіемъ Николая II отъ престола, занялись пережевываніемъ всего этого давно забытаго событія, воскресивъ поочередно въ памяти россійскихъ обывателей подробности всей этой исторіи, отъ предсказаній кликуши Дарьи Осиповой, до рожденія наслѣдника Алексѣя и смерти флигель-адъютанта графа Орлова-Давыдова, отравленнаго въ поѣздѣ во время слѣдованія его въ заграничную ссылку.

Всѣ эти подробности слишкомъ извѣстны и не нуждаются во вторичномъ ихъ воспроизведеніи.

XIV.

Если въ области церковной вліяніе Распутина было пагубнымъ, то въ сферѣ чисто государственной оно было уже просто вреднымъ, внося совершенно недопустимое въ государственныя дѣла, порою весьма важнаго характера и значенія, пристрастное вмѣшательство извнѣ, нарушавшее не только установленный порядокъ, но и всю стройность организаціи вѣдомствъ.

Такъ, напримѣръ: назначенный вліяніемъ Распутина на постъ министра внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовъ долженъ былъ, по настоянію того же Распутина, взять въ товарищи министра внутреннихъ дѣлъ директора департамента полиціи С. П. Бѣлецкаго, котораго совершенно не зналъ и, слѣдовательно, абсолютно не могъ довѣриться ему, какъ ближайшему своему сотруднику, долженствовавшему быть и главнымъ помощникомъ его въ области проведенія намѣчавшихся тогда государственныхъ реформъ.

Другой ставленникъ Распутина, военный министръ ген. Поливановъ, былъ назначенъ преемникомъ ген. Сухомлинова не только въ недопускающее смѣны главы военнаго министерства время войны, но и въ самый разгаръ ея, когда отъ всякой такой перемѣны по военному вѣдомству, главнымъ образомъ, страдаютъ интересы арміи, вносится дезорганизація въ военную среду и предоставляется обильная пища для догадокъ, предположеній и выводовъ о томъ, что не все, значитъ, въ военномъ вѣдомствѣ, видимо, обстоитъ благополучно.

Нечего, конечно, и говорить о томъ, какъ использовала въ то время нѣмецкая пресса этотъ фактъ. Но и не особенно дружелюбно встрѣтили эту смѣну по военному министерству также и „союзники“ Россіи, довольно прозрачно намекавшіе на то, что такой шагъ можетъ быть предпринятъ въ военное время только въ исключительныхъ, экстренныхъ случаяхъ, что, по мнѣнію французской и англійской прессы, въ наличіи, въ данномъ случаѣ, врядъ ли имѣлось.

Третье назначеніе Распутина — по вѣдомству церкви — назначеніе оберъ-прокуроромъ синода В. К. Саблера.

Выдѣливъ эти три, одного періода распутинскаго вліянія, назначенія, считаю необходимымъ остановиться болѣе подробно, какъ „на причинахъ", ихъ вызвавшихъ, такъ и на результатахъ этихъ назначеній, чтобы воочію доказать, насколько они были пагубны для вѣдомствъ и вредны для государства.

О назначеніи А. Н. Хвостова распространяться не приходится. Министерскій портфель достался ему не за заслуги на государственномъ поприщѣ, а за зычный голосъ, обнаруженный имъ при участіи, по распоряженію Распутина, въ цыганскомъ хорѣ на „Вилла Родэ". Посредникомъ, или просто маклеромъ между нимъ и Распутинымъ былъ все тотъ же пресловутый „гофъ-маклеръ" кн. Андронниковъ. Достаточно распропагандировавъ въ этомъ отношеніи Распутина, князь Андронниковъ окончательно убѣдилъ „старца" за завтракомъ у себя на квартирѣ въ необходимости этого назначенія.

Къ этому завтраку приглашелъ былъ спеціально и директоръ департамента полиціи С. П. Бѣлецкій. Роль послѣдняго сводилась къ „оффиціальному дискредитированію" занимавшаго тогда постъ министра внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклакова, причемъ для этого было указано на то, что братъ Маклакова — „извѣстный ораторъ", членъ милюковской конституціонно-демократической партіи. И этого достаточно было, чтобы Распутинъ смѣнилъ свою милость къ министру Маклакову на гнѣвъ.

Добившись такимъ путемъ назначенія А. Н. Хвостова, князь Андронниковъ „выслужился" и передъ С. П. Бѣлецкимъ, которому заранѣе, за хорошую мзду, конечно, гарантировалъ постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ при А. Н. Хвостовѣ.

Но, получивъ столь высокое назначеніе, С. П. Бѣлецкій не удовлетворился этимъ, а открыто сталъ мечтать о занятіи и поста министра внутреннихъ дѣлъ.

Прирожденный и считавшійся способнымъ директоромъ департамента полиціи, С. П. Бѣлецкій занялся излюбленнымъ дѣломъ всѣхъ россійскихъ охранниковъ, — провокаціей, культивируя ее противъ своего непосредственнаго начальника, министра А. Н. Хвостова. Его полицейская логика не распространялась далѣе группированія фактовъ „незакономѣрныхъ дѣяній" своего патрона, въ

области коей Бѣлецкій собралъ цѣлое „досье“ о Хвостовѣ. А чтобы занять его мѣсто, необходимо было чѣмъ-нибудь серьезнымъ дискредитировать его.

Однимъ изъ способовъ, примѣненныхъ Бѣлецкимъ, было знаменитое покушеніе на отравленіе старца виномъ.

Впослѣдствіи обнаружилось, конечно, что вино это не агентами Хвостова, а самимъ Бѣлецкимъ было отравлено, и имъ же, якобы, предотвращена была и опасность отравленія. Но эта исторія настолько была „бѣлыми нитками шита“, что послѣдствій особенныхъ не имѣла, и А. Н. Хвостовъ оставался на своемъ министерскомъ посту.

Тогда Бѣлецкій уговорилъ министра на дѣло Ржевскаго-Раевскаго, выработавъ весь планъ организаціи убійства Распутина іеромонахомъ Иліодоромъ и имѣя всѣ нити этого дѣла, онъ самъ же и способствовалъ, впослѣдствіи, скандалу на границѣ въ Бѣлоостровѣ, опытной рукой создавъ, какъ самое дѣло, такъ и „случай“ въ Бѣлоостровѣ, руководя мельчайшими деталями всей этой хитроумной полицейской комбинаціи.

Этимъ онъ окончательно подорвалъ не только авторитетъ Хвостова, но и свелъ его дѣйствія къ организаціи убійства, преступленія, дискредитировавшаго Хвостова, какъ министра внутреннихъ дѣлъ, окончательно, и заставившаго его позорно уйти въ отставку.

Такой внутренній разладъ въ одномъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ вѣдомствъ не могъ, конечно, не дѣйствовать разлагающимъ образомъ на все и безъ того „нездоровое“ вѣдомство. Въ нѣдрахъ министерства сразу образовалась, вмѣсто солидарности, партійность: распутинцы и антираспутинцы, хвостовцы и... департаментцы, т. е. приверженцы директора департамента полиціи С. П. Бѣлецкаго.

Самъ Бѣлецкій далеко не былъ приверженцемъ Распутина и, состоя не только въ друзьяхъ „старца“, но и одимъ изъ распутинскихъ ставленниковъ и поклонниковъ, „имѣлъ въ наблюденіи“ и самого Распутина, собирая и противъ него „досье“ изъ многочисленныхъ писемъ „старца“ по разнымъ вѣдомствамъ; слѣдя за каждымъ шагомъ его, онъ имѣлъ и подробные „доклады“ по поводу каждаго факта изъ жизни Распутина, его времяпрепровожденія, посѣщенія высокопоставленныхъ лицъ, частныхъ домовъ и обо всемъ въ этихъ домахъ происходившемъ, вплоть до его личной разгульной и даже интимной жизни.

Когда же Распутинъ писалъ свои „цидулки“ Бѣлецкому, то послѣдній, изъ дипломатическихъ соображеній, не нарушая „этикета“, принималъ распутинскихъ просителей внѣ очереди, оставляя въ пріемной ожидавшихъ очереди губернаторовъ, любезно выслушивалъ, тонко выспрашивалъ объ исторіи происхожденія „цидулки“, узнавалъ такимъ образомъ, кто изъ приверженцевъ Распутина и сколько приблизительно на этомъ дѣлѣ „заработалъ“, сколько получаетъ самъ Распутинъ, расшаркиваясь, обѣщалъ всяческое содѣйствіе, просилъ передать непосредственно „старцу“, что „только ради него“ онъ все сдѣлаетъ по этому дѣлу, и... никогда ничего не дѣлалъ, а порою даже принималъ тайныя мѣры къ тому, чтобы нѣкоторыя такія ходатайства ни въ коемъ случаѣ не удовлетворялись.

Совершенно обособленную дѣятельность велъ и новый тогда начальникъ охраннаго отдѣленія ген. Глобачевъ.

Будучи въ прямомъ подчиненіи у министра Хвостова, равно какъ и у товарища министра и директора департамента полиціи Бѣлецкаго, онъ по распоряженію перваго собиралъ всѣ тайные о Распутинѣ свѣдѣнія черезъ своихъ агентовъ, а по распоряженію второго — концентрировалъ у себя и передавалъ Бѣлецкому данныя для собираемаго послѣднимъ „досье“ о Хвостовѣ.

Такъ работали три отдѣльныхъ, связанныхъ общностью идеи управленія государствомъ, одного и того же вѣдомства, учрежденія. Комментаріи, конечно, излишни.

Не лучше, правда, въ другомъ родѣ, обстояло дѣло и въ военномъ вѣдомствѣ, со времени вступленія на постъ военнаго министра ген. Поливанова.

Начать хотя бы съ того, что назначенію ген. Поливанова предшествовали такіе же, приблизительно, пріемы противъ министра В. Сухомлинова, какъ и по министерству внутреннихъ дѣлъ противъ Н. А. Маклакова.

Ген. Поливановъ, встрѣчаясь часто съ Распутинымъ въ домѣ красавицы баронессы Миклосъ, медленно, но вѣрно подкапывался подъ министра Сухомлинова, начавъ съ исторіи его женитьбы на помѣщицѣ Бутовичъ и вплоть до нашумѣвшей исторіи съ измѣной полк. Мясоѣдова и обнаруженія въ Брестъ-Литовской крѣпости, вмѣсто начиненныхъ снарядовъ, однѣхъ только пустыхъ оболочекъ.

Сказалось тутъ, конечно, и вліяніе, которымъ пользовалась у Распутина баронесса Миклосъ, и по ея настоя-

нію на постъ военнаго министра выдвинута была, и вскорѣ удостоилась высочайшаго утвержденія, кандидатура ген. Поливанова.

Но едва только ген. Поливановъ занялъ постъ военнаго министра, какъ тотчасъ забылъ о покровительствѣ „старца". На первыхъ порахъ примѣняя еще тактику Бѣлецкаго по отношенію къ распутинскимъ просителямъ, онъ вскорѣ ихъ и совсѣмъ принимать пересталъ, а затѣмъ уже открыто пошелъ на конфликтъ съ „всесильнымъ" Распутинымъ; первымъ актомъ этого было удаленіе изъ пріемной военнаго министерства распутинскаго маклера кн. Андронникова.

Въ свое время облагодѣтельствованный Распутинымъ, ген. Поливановъ вскорѣ собралъ уличавшія „старца" въ общеніи съ государственными измѣнниками — шпіонами данныя, собираясь сдѣлать обстоятельный докладъ по этому поводу въ Царскомъ Селѣ.

Но по какимъ то доселѣ такъ и невыясненнымъ соображеніямъ, ген. Поливановъ такъ долго медлилъ съ докладомъ, пока не только интересъ къ его докладу пропалъ, но и самъ Распутинъ былъ убитъ въ особнякѣ князя Юсупова—графа Сумарокова-Эльстонъ.

Тяжелое время переживало и церковное вѣдомство въ дни распутинскаго вліянія, завершившагося неожиданнымъ назначеніемъ оберъ прокуроромъ синода В. К. Саблера.

Не только съ очереди снятъ былъ вопросъ о созывѣ церковнаго собора, надъ которымъ высшіе іереи работали многіе годы, но и проведенный тогда уже автономный строй въ духовныхъ академіяхъ былъ внезапно отмѣненъ, сначала подъ благовиднымъ предлогомъ необходимой переработки устава, а затѣмъ уже и безъ всякаго предлога, а подъ давленіемъ инспирированнаго архимандритами Ѳеофаномъ и Серафимомъ Распутина послѣдовалъ Царскій приказъ объ отмѣнѣ, уже безъ указанія причины, автономіи духовныхъ академій.

Вообще, съ назначеніемъ Саблера наступила для синода и всего церковнаго вѣдомства какая-то странная эра. Оставалось въ неприкосновенности и силѣ заточеніе епископа Саратовскаго Гермогена и іером. Иліодора въ монастыряхъ, но неожиданно права гражданства получилъ преслѣдовавшійся синодомъ при оберъ-прокурорѣ Самаринѣ, епископъ Варнава.

Лавры Распутина не давали спать болѣе рафиниро-

ванному и съ „большимъ прошлымъ“ авантюристу въ рясѣ и клобукѣ, епископу Варнавѣ.

Сравнительно еще молодой, высокаго роста, съ холеной черной окладистой и аккуратно выстриженной бородой, еписк. Варнава былъ выходцемъ изъ Черногоріи. Совсѣмъ незадолго до своего появленія въ Россіи въ епископскомъ санѣ, Варнава былъ въ Черногоріи судимъ за многократныя кражи и, приговоренный послѣдній разъ за кражу лошадей къ продолжительному тюремному заключенію, бѣжалъ изъ Цетинской тюрьмы и скрылся отъ преслѣдованій въ старинномъ, временъ еще турецкаго владычества, монастырѣ въ Болгаріи, находящемся въ районѣ знаменитой полосы „Розовой Долины“ близъ Казанлыка, такъ называемомъ „русскомъ шипкинскомъ монастырѣ“.

Перемѣнивъ рѣзко образъ жизни и наружный видъ, а одновременно съ этимъ и мірское имя на монашеское, монахъ Варнава вскорѣ покинулъ обитель и инокомъ пошелъ бродить по святымъ мѣстамъ, пока забрелъ въ Черменецкій монастырь. Здѣсь ему довелось столкнуться съ священникомъ Григоріемъ Петровымъ, отбывавшимъ по синодскому суду наказаніе въ монастырскомъ заточеніи. Частыя бесѣды съ либераломъ-священникомъ Гр. Петровымъ, прославившимся своимъ открытымъ выступленіемъ на писательскомъ и ораторскомъ поприщѣ противъ укоренившейся побѣдоносцевской системы управленія церковной жизнью страны воспринимались смышленымъ монахомъ довольно своеобразно. Вообще, человѣкъ недюжинный, съ авантюристической психологіей и такимъ же складомъ ума, монахъ Варнава многое тогда впервые „сообразилъ“, и что называется — „на усъ намоталъ“...

Уйдя вскорѣ вслѣдъ за освобожденіемъ свящ. Петрова изъ Черменецкаго монастыря, Варнава странствовалъ по россійскимъ обителямъ и спустя нѣсколько лѣтъ, когда о Распутинѣ, въ связи съ еписк. Гермогеномъ и іером. Иліодоромъ заговорили въ столицахъ и провинціи, Варнава неожиданно появился въ Петроградѣ и такъ же неожиданно объявилъ себя епископомъ.

Совершенно безвредное на первыхъ порахъ самозванство его, даже не обратило на себя вниманія синода. Объясняется это также и переходнымъ тяжелымъ временемъ, переживавшимся тогда синодомъ, ибо появленіе Варнавы совпадало съ временемъ отчаянной борьбы синодскихъ сферъ за автономію духовныхъ академій, оставленіемъ, на

этой почвѣ, Извольскимъ поста оберъ-прокурора синода, назначеніемъ на его мѣсто Д. Самарина и новой борьбой за созывъ церковнаго собора.

Но едва только Самаринъ утвердился на своемъ посту, какъ на самозванца-епископа Варнаву обращено было серьезное вниманіе. Это вызвано было не столько непосредственной необходимостью, сколько опасной дружбой Варнавы съ Распутинымъ, возстанавливавшимъ послѣдняго противъ цѣлаго ряда преосвященныхъ, съ коими Варнава сводилъ такимъ способомъ свои личные счеты, стремясь, если не совсѣмъ убрать ихъ, какъ опасныхъ свидѣтелей своего самозванства, то умалить ихъ вліяніе... Лично же Варнава на этой почвѣ шантажировалъ нѣкоторыхъ синодскихъ преосвященныхъ, предлагая, взамѣнъ заступничества за себя, свое заступничество за нихъ передъ Распутинымъ и его покровительство, а черезъ Распутина, и въ соотвѣтствующихъ сферахъ.

Архіепископъ Антоній тобольскій, однако, настоялъ на судѣ надъ самозванцемъ Варнавой, а когда многократно вызывавшійся въ синодскій судъ Варнава, вмѣсто личной явки посылалъ длиннѣйшія свои докладныя записки членамъ синода, издѣваясь надъ ними и высмѣивая ихъ постановленіе о судѣ, оберъ-прокуроръ Самаринъ опубликовалъ приказъ объ арестѣ Варнавы.

Но послѣдній былъ недосягаемъ. Укрываясь въ квартирѣ князя Андронникова, онъ могъ не опасаться ареста своего, ибо часто встрѣчался тамъ съ директоромъ департамента полиціи С. П. Бѣлецкимъ, отъ котораго только и зависѣло приведеніе синодскаго постановленія въ исполненіе.

Глава полиціи и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Бѣлецкій, вмѣсто того, чтобы арестовать Варнаву, все время посвящалъ его въ курсъ событій по этому дѣлу, а когда оберъ-прокуроръ синода оффиціальнымъ отношеніемъ предложилъ департаменту полиціи арестовать еписк. Варнаву, указавъ на его постоянное мѣстонахожденіе въ квартирѣ кн. Андронникова, то Бѣлецкій спѣшно предупредилъ объ этомъ Варнаву и квартировладѣльца...

Предварительно посовѣтовавъ перевести Варнаву на одну ночь въ какое нибудь другое помѣщеніе, директоръ департамента полиціи въ ту же ночь произвелъ обыскъ въ квартирѣ князя Андронникова, сообщивъ Синоду о его безрезультатности, въ виду необнаруженія въ указанномъ жилищѣ разыскиваемаго синодомъ Варнавы.

Настойчивость и упорство синодскаго оберъ-прокурора Самарина все же не ослабѣвали.

Предчувствуя неизбѣжность ареста и имѣя основанія полагать, что синодъ не остановится передъ внезапнымъ арестомъ Варнавы хотя бы военными властями, которые, какъ-бы подъ видомъ обыска, по распоряженію военнаго министерства, лично у князя Андронникова, арестуютъ случайно будто-бы обнаруженнаго ими при этомъ обыскѣ разыскиваемаго гражданской властью Варнаву, князь Андронниковъ, по совѣту того же Бѣлецкаго, написалъ докладную записку отъ имени епископа Варнавы царицѣ Александрѣ Федоровнѣ, прося ея заступничества отъ суда святѣйшаго синода.

Эта записка вручена была Александрѣ Федоровнѣ лично Распутинымъ, и предпринятое синодомъ преслѣдованіе Варнавы было весьма чревато послѣдствіями.

Вскорѣ вынужденъ былъ уйти въ отставку оберъ-прокуроръ Самаринъ, смѣненный В. К. Саблеромъ, съ назначеніемъ коего одновременно прекратились преслѣдованія Варнавы, и послѣдовало признаніе авантюриста-монаха въ санѣ епископа оффиціально, путемъ полуоффиціозной статьи въ синодскихъ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ подъ заголовкомъ:

— „Виновенъ ли епископъ Варнава“?

Одно именованіе Варнавы епископомъ въ оффиціальномъ органѣ уже утверждало его въ правахъ самозванно присвоеннаго имъ себѣ епископскаго сана, а выводы статьи въ защиту его были такіе, изъ которыхъ явствовало, что „епископъ Варнава“ во всемъ, конечно, правъ, и санъ у него епископскій, и монахъ онъ настоящій . . . и если и виновенъ, то лишь въ непокорности высшей церковной власти . . . и ни въ чемъ болѣе ! . . Но, принимая, молъ, во вниманіе нарочитую травлю іерея-аскета, слѣдуетъ признать его, если и виновнымъ, то только отчасти, а потому и „заслуживающимъ снисхожденія“ . . .

Такъ выходили изъ самыхъ сложныхъ положеній „господа Саблеры“, въ угоду „старцу“ подчиняясь его вліянію, допуская явныя преступленія.

Такимъ покровительствомъ самозванныхъ авантюристовъ вносилась деморализація въ дѣла церковныя, приведшая къ тому, что многіе убѣжденные и истинные защитники церкви и ея правъ отшатнулись отъ первой и,

разочаровавшись во-второмъ, стали искать правды и права въ церковномъ расколѣ, подобно епископу Михаилу, ушедшему въ старообрядчество.

Результаты этой саблеровской „церковной политики“ не замедлили пагубно отразиться на всемъ церковномъ строѣ страны.

XV.

Безграничное вліяніе Распутина, охватывавшее всѣ государственныя учрежденія, отъ отдѣльныхъ вѣдомствъ и до министерствъ включительно, коснулось и вѣдомства управленія императорскихъ театровъ, числящагося по министерству императорскаго двора.

Если синодскія „дѣла“, такъ сильно страдавшія отъ вмѣшательства и вліянія Распутина, отчасти хотя бы доступныя его мужицкому пониманію, вмѣстѣ съ тѣмъ вращались преимущественно вокругъ личныхъ интригъ и большей частью зиждились на перемѣнахъ въ личномъ составѣ управленія синодскимъ вѣдомствомъ, то въ области театральной Распутинъ былъ, къ счастью, только объективенъ, выступая противъ этого вѣдомства лишь „принципіально“...

Весьма понятно, что у Распутина, въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, принципы были навѣянные, подсказанные извнѣ.

Періодъ вмѣшательства Распутина въ дѣла театральныя относится къ тому времени, когда Синодъ въ его лицѣ имѣлъ еще защитника правъ церкви, а синодскіе преосвященные не только не брезговали, но охотно пользовались его вліяніемъ для достиженія своихъ кастовыхъ, чисто клерикальныхъ вожделѣній.

Библейская поэма великаго князя Константина Константиновича „Царь Іудейскій“ пришлась не по вкусу „синодальнымъ старцамъ“, увидѣвшимъ въ художественномъ произведеніи кощунство и оскорбленіе православія. Выступленія синодскихъ преосвященныхъ противъ „Царя Іудейскаго“ производились въ такой непріемлемой и оскорбительной формѣ, задѣвая самолюбіе автора, что послѣдній, несмотря на высокое положеніе, которое не давало ему возможности, съ точки зрѣнія этики, на открытое выступленіе, вынужденъ былъ, однако, отпарировать эти удары по его, какъ религіозному чувству, такъ и авторскому самолюбію.

И какъ ни старались синодскіе старцы противодѣйствовать постановкѣ „Царя Іудейскаго“ и добиться полнаго запрещенія произведенія, имъ все же это не удалось.

Для великаго князя Константина Константиновича допущеніе постановки „Царя Іудейскаго“ стало вопросомъ, не только личнаго самолюбія, но и вопросомъ принципа. И онъ, несмотря на всѣ происки синода, осуществилъ формальное цензурное разрѣшеніе.

Синодъ, однако, не удовлетворился свѣтской цензурой и потребовалъ, въ виду прямого отношенія этого произведенія къ религіи, а слѣдовательно и къ церкви, еще и цензуры церковной.

Не пожелавшій воспользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ, авторъ, великій князь Константинъ Константиновичъ, согласился и на церковную цензуру.

Вотъ тутъ то и началось сплошное издѣвательство надъ самолюбіемъ автора.

Члены святѣйшаго синода, избравъ спеціальную изъ своей среды комиссію, подвергали произведеніе сплошной кастраціи. По поводу каждой главы, отдѣльныхъ строфъ и возстановленій въ поэтической формѣ исторической правды, цензурная комиссія составляла цѣлые трактаты на тему объ оскорбленіи религіи, о кощунственности и порицаніи евангельскихъ писаній.

Длительныя цензурныя испытанія кастрировали все произведеніе, а безпрерывная синодская переписка по этому поводу убѣдила автора, что умышленно поднятый вокругъ его произведенія шумъ имѣетъ своей конечной цѣлью воспретить появленіе его не только на сценѣ, но даже и въ печати.

Согласившись съ первымъ, Константинъ Константиновичъ настоялъ, однако, на появленіи „Царя Іудейскаго“ въ печати, а затѣмъ уже добился и разрѣшенія поставить поэму на сценѣ петербургскаго „Эрмитажа“ при Зимнемъ Дворцѣ, исключительно для опредѣленной и избранной публики изъ представителей литературы и искусства и не въ формѣ сценическаго представленія, а въ видѣ чтенія дѣйствующими лицами своихъ ролей въ обыкновенныхъ, не театральныхъ костюмахъ и безъ грима.

На эту форму Синоду, хотя и не очень охотно, но пришлось согласиться.

Такое публичное чтеніе и отзывы прессы о произведеніи должны были служить пробнымъ показателемъ

достоинства произведенія, и допустимости его въ обращеніе.

Когда же вокругъ этихъ „спектаклей-чтеній“ поднялась вызванная предшествовавшими событіями настоящая шумиха, ставшая одновременно и рекламой для „Царя Іудейскаго“, вся театральная провинція рѣшила примѣнить у себя въ театрахъ ту же разрѣшенную уже въ Петербургѣ, систему спектаклей—чтеній, замѣнявшихъ сценическую постановку „Царя Іудейскаго“.

Синодъ, однако, этому воспротивился и, мобилизовавъ Распутина, быстро добился оффиціальнаго запрещенія этихъ чтеній въ провинціи, а попутно и неоффиціальнаго и въ Петербургѣ.

Раздосадованный всѣмъ этимъ великій князь Константинъ Константиновичъ, послѣдніе годы не посѣщавшій Царскаго Села, принимая у себя во дворцѣ въ Стрѣльнѣ министра двора барона Фредерикса, который своимъ визитомъ явился какъ бы выразить сочувствіе автору въ постигшей его прекрасное произведеніе цензурной неудачѣ, сказалъ, между прочимъ, по адресу синода:

— Спасибо преосвященнымъ, что отъ церкви не отлучили за „Царя Іудейскаго“... У насъ вѣдь все возможно... Особенно съ тѣхъ поръ, какъ охранителями религіи являются „распутные старцы“ и истинно - православные католики въ Синодѣ...

А Распутинъ, оказавшій синодскимъ преосвященнымъ такую неоцѣнимую услугу въ дѣлѣ побѣды ихъ надъ великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ, сталъ постояннымъ ходатаемъ ихъ передъ Царскимъ Селомъ во всѣхъ, требовавшихъ царскаго вмѣшательства случаяхъ, пока однажды, подъ вліяніемъ инспектора петербургской духовной академіи, архимандрита Ѳеофана, не возстановилъ противъ себя большинство синодскаго состава, добившись своимъ вліяніемъ въ Царскомъ Селѣ приказанія объ отмѣнѣ автономіи духовныхъ академій.

Рѣзко измѣнились съ тѣхъ поръ отношенія между Распутинымъ и синодомъ.

Руководимый кучкой особенно реакціонно настроенныхъ іереевъ, возглавляемой преосвященными Серафимомъ и Ѳеофаномъ, Распутинъ, въ своемъ стремленіи отомстить всѣмъ членамъ синода за враждебное къ нему отношеніе, выполнялъ въ точности всѣ предначертанія своихъ инспираторовъ, отъ мелкихъ интригъ внутренняго распорядка и управленія церковными дѣлами и вплоть до имѣвшаго

огромное, чисто государственное, значеніе вопроса о созывѣ всероссійскаго церковнаго собора, отмѣненнаго не столько съ точки зрѣнія признанія его нецѣлесообразности, сколько изъ личнаго желанія Распутина нанести синоду еще одинъ чувствительный ударъ и по самому больному мѣсту.

Интригамъ въ синодскихъ сферахъ не было предѣловъ. Всегда ярые „политиканы въ рясахъ“ одно время совершенно ушли было отъ прямыхъ своихъ дѣлъ, предавшись: одни — распутинской, другіе — антираспутинской политикѣ.

А въ то время, когда въ нѣдрахъ синода шла тайная и явная борьба противъ вліянія Распутина на церковныя дѣла, оберъ-прокуроръ Самаринъ и директоръ хозяйственнаго управленія синода Даманскій открыто принимали у себя Распутина и ѣздили съ „визитами къ старцу“ въ его „штабъ квартиру россійскую“, на Гороховую ул., 64, гдѣ нерѣдко встрѣчаясь съ лже-епископомъ Варнавой, не только не уличали его въ самозванствѣ, а открыто признавали его епископство, сами величая его „по сану“...

Всѣ такія ненормальныя явленія, конечно, имѣли неблагопріятныя для самихъ же лицъ, ихъ примѣнявшихъ, послѣдствія.

Въ своей докладной запискѣ на имя Александры Федоровны лже-епископъ Варнава главнымъ образомъ и базировался на томъ, что вчера „прикладывавшійся“ къ его рукѣ оберъ-прокуроръ синода Самаринъ, сегодня „руку приложилъ“ къ постановленію о судѣ надъ нимъ за самозванство, по мнѣнію Варнавы, измышленное съ цѣлью избавиться отъ опасныхъ его разоблаченій Синода.

Были у Варнавы и другія вѣскія, документальныя даже, доказательства оффиціальнаго признанія его сана главою синода, включившаго его имя не только въ синодскіе списки преосвященныхъ, но и въ бюджетную смѣту, на синодъ отпускавшуюся.

Естественно, отсюда возникалъ вопросъ: когда оффиціальный представитель и вершитель синодскихъ судебъ, оберъ-прокуроръ Самаринъ кривилъ, въ угоду „блестящей“ карьерѣ, своей совѣстью:

Тогда ли, когда оффиціально легализировалъ Варнаву, включивъ его въ епископскіе списки или — когда подписалъ постановленіе о судѣ надъ самозваннымъ епископомъ, отдавъ распоряженіе и объ арестѣ его полиціей?

Формулировавъ въ этомъ смыслѣ свою докладную

записку Александрѣ Федоровнѣ, Варнава, благодаря Распутину, и одержалъ побѣду надъ оберъ-прокуроромъ синода Самаринымъ, которому пришлось уйти въ отставку не только безъ зачисленія въ члены совѣта, но и безъ обычнаго повышенія въ слѣдующее по гражданскому вѣдомству званіе.

А едва только вмѣсто предполагавшагося церковнаго собора созванъ былъ въ спѣшномъ порядкѣ всероссійскій съѣздъ духовенства, какъ по назначенію отъ Синода открытіе и почетное предсѣдательствованіе на первомъ засѣданіи съѣзда поручено было... епископу Варнавѣ.

Не мудрено, конечно, что, въ виду и безъ того царившаго недовольства въ духовенствѣ, на первомъ же засѣданіи начался открытый расколъ; провинціальные священники стали разъѣзжаться по домамъ, предварительно демонстративно переставъ посѣщать засѣданія съѣзда.

Но глава синода В. К. Саблеръ ничуть этимъ не огорчился и удовлетворился вынесенными небольшой кучкой духовенства на съѣздѣ резолюціями отъ имени всего съѣзда и всего россійскаго духовенства: о вредности автономіи духовныхъ академій, о необходимости оставленія въ неприкосновенности „полезныхъ“ церковно-приходскихъ школъ, никчемность коихъ давно всѣми была общепризнана и, наконецъ, резолюціей по вопросу о созывѣ церковнаго собора, гласившей, что „духовенство отклоняетъ обсужденіе вопроса“, какъ совершенно ему неподлежащаго, и въ этомъ отношеніи всецѣло подчиняется священной волѣ царя...

А оберъ-прокурору Саблеру этого только и нужно было.

На докладѣ о результатахъ происходившаго всероссійскаго съѣзда духовенства В. К. Саблеръ въ Царскомъ Селѣ удостоился даже одобренія и не безъ основанія приписывалъ себѣ возвращеніе Верховной царской власти и церковнаго владычества въ странѣ.

Средства достиженія ихъ своей цѣли вполнѣ, такимъ образомъ, оправдались, и Саблеръ вмѣстѣ съ Распутинымъ и всѣмъ мистическо-политико-духовнымъ кружкомъ „салона графини Игнатьевой“ торжествовали новую побѣду.

По этому поводу въ салонѣ созвано было даже чрезвычайное собраніе, ознаменовавшееся началомъ послѣдовавшаго вскорѣ возмутительнаго скандала на почвѣ вмѣ-

шательства „кружка“ въ чисто семейныя дѣла царствующаго дома.

Этотъ періодъ совпалъ съ временемъ предстоящаго замужества дочери великаго князя Константина Константиновича за князя Багратіонъ-Мухранскаго.

Давши свое согласіе на этотъ бракъ, великій князь Константинъ Константиновичъ добился исключительнаго въ такихъ случаяхъ разрѣшенія для своей дочери — именоваться въ замужествѣ „великой княгиней Багратіонъ-Мухранской“ безъ распространенія, конечно, этого права на ея будущаго супруга, князя Багратіонъ-Мухранскаго.

Оставленіемъ за ней этого права имѣлось въ виду не одно только желаніе сохранить высокій титулъ, а предоставленіе единственной и любимой дочери великаго князя ея наслѣдственныхъ и исконныхъ, связанныхъ съ титуломъ правъ.

Кружку салона гр. Игнатьевой не только исключительное право, предоставленное дочери Константина Константиновича, не понравилось, но и самый бракъ съ княземъ Багратіонъ-Мухранскимъ, противъ котораго особенно ополчилась знаменитая „придворная салопница“ А. А. Вырубова.

И ничтоже сумняшеся, кружокъ постановилъ: воспротивиться, если не браку, то праву великой княжнѣ именоваться въ замужествѣ великой княгиней.

Трудно, конечно, передать то возмущеніе и негодованіе, которое охватило Константина Константиновича, когда онъ узналъ обо всемъ этомъ...

Совершенно не допуская и мысли, что кто нибудь изъ членовъ этого великосвѣтскаго салона дерзнетъ серьезно осуществлять вмѣшательство въ семейныя дѣла царствующаго дома, великій князь Константинъ Константиновичъ менѣе всего, конечно, могъ ожидать, чтобы въ это дѣло вмѣшался еще и „старецъ“ Распутинъ...

Но... неожиданное случилось... Вскорѣ стало извѣстно, что Распутинъ, исподволь подбираясь къ этому вопросу, въ концѣ концовъ открыто заявилъ въ Царскомъ Селѣ, что „не слѣдуетъ Бога гнѣвать“ и великихъ княженъ за „грузинскихъ князей“ замужъ отпускать...

Развивая теорію недопущенія подобныхъ браковъ, Распутинъ высказался въ смыслѣ необходимости увеличенія царскаго рода, а не умышленнаго сокращенія его, и для вящей убѣдительности своихъ „взглядовъ“, протестуя противъ подобныхъ смѣшанныхъ браковъ, привелъ сказку

деревенскаго обихода изъ жизни пернатыхъ, разсказавъ о томъ, какъ однажды курицу-насѣдку посадили на утиныя яйца, и что изъ этого вышло:

— Вылупившіяся утята, завидя рѣку, бросились плавать, а курица-мать въ отчаяніи на берегу металась...

— Вотъ оно каково! — закончилъ Распутинъ свою сказку, и тутъ же повелъ разсказъ на тему о томъ, что потомство то у великой княжны грузинское, молъ, враждебное русскому престолу будетъ...

А въ связи съ этимъ сталъ повторять навѣянное ему „въ кружкѣ“ мнѣніе о грузинахъ, о томъ, что всѣ они патріоты Грузіи, а не Россіи, и что самымъ яркимъ, иллюстрирующимъ его такое мнѣніе подтвержденіемъ могутъ служить представители Грузіи въ Государственной Думѣ, среди которыхъ нѣтъ ни одного монархиста, и что всѣ они ярые революціонеры, а слѣдовательно и враги престола.

Прибавьте къ этому еще „тонъ“ такой бесѣды, вѣру въ „пророчества“ Распутина и въ его „божественность“, и яснымъ станетъ то колебаніе, которое произошло въ Царскомъ Селѣ по вопросу не только о сохраненіи титула, но и о разрѣшеніи самаго брака великой княжны съ кн. Багратіонъ-Мухранскимъ.

Вокругъ этого вопроса поднялся невѣроятный скандалъ. И только благодаря своему безпредѣльному вліянію на Николая II, Константину Константиновичу удалось добиться однажды уже полученной санкціи на этотъ бракъ съ сохраненіемъ титула, да и то только послѣ вмѣшательства въ это дѣло почти всѣхъ членовъ царствующаго дома, категорически на этомъ настаивавшихъ.

Въ связи съ этой исторіей въ Петербургѣ тогда даже циркулировали слухи о томъ, что всѣ великіе князья: Владиміровичи, Павловичи и Константиновичи грозили демонстративно выйти въ отставку изъ гвардейскихъ частей вмѣстѣ съ княземъ Багратіонъ-Мухранскимъ, которому, въ случаѣ отказа въ рукѣ великой княжны, предстояла необходимость уйти со службы изъ кавалергардскаго Ея Величества гвардейскаго полка.

Трудно, конечно, передать всѣ подробности этой нашумѣвшей въ свое время исторіи. Но въ результатѣ „распутинцы“ потерпѣли полное пораженіе...

Бракъ великой княжны былъ разрѣшенъ, равно какъ и оставленіе за ней права именоваться въ замужествѣ „великой княгиней Багратіонъ-Мухранской“.

А результатомъ вмѣшательства А. А. Вырубовой и К° въ это дѣло былъ предпринятый всѣми великими князьями походъ противъ кружка „салона гр. Игнатьевой", выразившійся въ постепенномъ удаленіи изъ нѣкоторыхъ гвардейскихъ частей всѣхъ ставленниковъ „кружка" и умышленномъ назначеніи князя Багратіонъ-Мухранскаго адъютантомъ командовавшаго гвардейскимъ первымъ корпусомъ великаго князя Николая Николаевича.

Нечего и говорить, конечно, что все это въ нѣкоторой мѣрѣ сказалось и въ отношеніи самого Распутина, котораго хотя и не считали прямымъ виновникомъ въ этомъ дѣлѣ, ибо знали что онъ инспирированъ членами кружка. Но въ связи съ этимъ даже великій князь Дмитрій Павловичъ, ранѣе встрѣчавшійся въ нѣкоторыхъ домахъ съ Распутинымъ, сталъ избѣгать этихъ встрѣчъ и, какъ это ни странно, примирился съ Распутинымъ только за нѣсколько времени до того вечера, когда поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ домъ князя Юсупова графа Сумарокова Эльстонъ, гдѣ его ожидала вѣрная смерть и гдѣ онъ, дѣйствительно, въ ту ночь былъ убитъ, избавивъ навсегда отъ себя Россію, своихъ враговъ и впавшихъ въ долгое уныніе друзей своихъ, бывшихъ „распутинцевъ".

Убійство Распутина было заранѣе обдумано и планомѣрно выполнено до мельчайшихъ подробностей тщательно обработаннаго плана. А близкое такое участіе въ этомъ дѣлѣ великаго князя Дмитрія Павловича, естественно, убѣждаетъ въ томъ, что оно явилось далеко не случайнымъ, какъ это въ первые дни послѣ убійства утверждали, а заранѣе предусмотрѣннымъ и тщательно продуманнымъ.

Ниже, въ особой главѣ, посвященной спеціально описанію, какъ самаго факта убійства Распутина, такъ и идеѣ возникновенія и осуществленія этого плана, я подробно остановлюсь на всѣхъ, касающихся убійства Распутина, деталяхъ, равно какъ и на событіяхъ, предшествовавшихъ убійству и его сопровождавшихъ, роли въ этомъ дѣлѣ князя Юсупова-Сумарокова-Эльстонъ, великаго князя Дмитрія Павловича и депутата Государственной Думы В. М. Пуришкевича, явившагося, силой создавшихся обстоятельствъ, фактическимъ и физическимъ убійцей Распутина.

Пока же перейду къ новой роли Распутина — „совѣтника по семейнымъ дѣламъ" царствующаго дома, каковымъ онъ сталъ со времени своего вмѣшательства въ дѣло брака дочери великаго князя Константина Константиновича съ княземъ Багратіонъ-Мухранскимъ.

Съ этого неудачнаго для себя момента Распутинъ своими дѣйствіями сталъ сѣять рознь между великими князьями и Царскимъ Селомъ, рознь, начавшуюся недружелюбнымъ отношеніемъ царицы къ нѣкоторымъ изъ великихъ князей и завершившуюся полнымъ разрывомъ ея съ бывшимъ и безъ того въ натянутыхъ отношеніяхъ съ ней верховнымъ главнокомандующимъ Николаемъ Николаевичемъ, лишеніемъ послѣдняго верховнаго главнокомандованія и назначеніемъ его, съ умышленной цѣлью устраненія отъ дворцовой жизни, по сокѣту того-же Распутина, намѣстникомъ на Кавказѣ, взамѣнъ захворавшаго намѣстника, престарѣлаго графа Воронцова-Дашкова.

Этотъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ государственной жизни, да еще во время войны, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крупнѣйшей изъ распутинскихъ побѣдъ, чѣмъ онъ, не безъ основаній, очень и гордился.

И выдѣляя его, я имѣю въ виду этимъ охарактеризовать то безпредѣльное и безграничное вліяніе, апогея котораго достигъ этотъ „сибирскій мужичекъ“, всѣ желанія котораго исполнялись безпрекословно, независимо не только отъ цѣлесообразности ихъ, но чаще всего и явно во вредъ странѣ, государству и, какъ это оказалось впослѣдствіи, главнымъ образомъ, непосредственно во вредъ тѣмъ, кто, выполняя „капризъ“ этого новоявленнаго „пророка въ своемъ отечествѣ“, первыми и пали жертвой этой отнынѣ для нихъ печальной распутинской эпохи, такъ дорого обошедшейся не только создателямъ ея, но и неповинному въ этой эпохѣ народу и вообще всей странѣ.

Но, такъ оно было, и считаться приходится уже съ фактомъ совершившимся, пусть и „историческимъ“, но и по воспоминаніямъ — пагубнымъ и печальнымъ..,

XVI.

Приписавъ своему вліянію возвращеніе въ дни войны опальнаго великаго князя Павла Александровича изъ заграничной ссылки, зазнавшійся „старецъ“ одно время чуть ли не требовалъ исключительнаго къ себѣ вниманія состороны всѣхъ великихъ князей, въ большинствѣ своемъ не только не считавшихся съ нимъ, но и открыто его непризнававшихъ.

Великій князь Борисъ Владиміровичъ, состоя флигель-адъютантомъ, категорически однажды отказался въ свое дежурство при царѣ допустить на пріемъ Распутина. Никакія увѣщеванія его дежурнымъ генераломъ и дворцовымъ комендантомъ ген. Воейковымъ не помогли, и Борисъ Владиміровичъ категорически заявилъ, что въ дни его дежурствъ при царѣ, „никакіе святые“ аудіенціи получать не будутъ...

— Оффиціальныя аудіенціи полагаются и даются оффиціальнымъ лицамъ, а „частные пріемы“ должны производиться неоффиціальнымъ путемъ, — заявилъ Борисъ Владиміровичъ умышленно вслухъ, чтобы дать понять Распутину, что ему аудіенціи дано не будетъ. И настоялъ на своемъ.

Говорятъ, что на докладѣ царю Борисъ Владиміровичъ заявилъ, между прочимъ, что отказалъ Распутину въ пріемѣ по формальнымъ причинамъ, и что это вызвало недовольство Николая II и съ тѣхъ поръ великій князь Борисъ Владиміровичъ прекратилъ свои флигель-адъютантскія дежурства на царскихъ пріемахъ.

Еще того болѣе рѣзко обошелся съ Распутинымъ другой великій князь, Николай Николаевичъ, потребовавшій отъ дворцовой полиціи удаленія изъ царскосельскаго дворцоваго парка „неизвѣстнаго“, оказавшагося Распутинымъ...

Когда въ отвѣтъ на такое требованіе начальникъ дворцовой охраны доложилъ Николаю Николаевичу, что

этотъ „неизвѣстный "никто иной, какъ „Григорій Ефимовичъ", тотъ задалъ ему неожиданный вопросъ:

— А кто онъ, этотъ Ефимовичъ? Придворный?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Высочество! — отвѣтилъ растерявшійся начальникъ охраны . . . Онъ . . .

Но Николай Николаевичъ не далъ ему договорить, повторивъ свое требованіе въ болѣе чѣмъ категорической формѣ, и Распутину пришлось подчиниться и оставить царскосельскій дворецъ немедленно.

Затаивъ противъ нѣкоторыхъ великихъ князей безсильную злобу, Распутинъ, однако, великаго князя Николая Николаевича очень опасался и все время пытался расположить его къ себѣ.

Но этого добиться ему не удалось ни до войны, ни особенно уже во время войны, когда Николай Николаевичъ открыто его бойкотировалъ, заявивъ однажды, что, пока во дворецъ „мужики" ѣздить будутъ, онъ тамъ бывать не будетъ...

И слово свое сдержалъ, ни разу не посѣтивъ царскосельскаго дворца съ момента начала войны и во все время своего пребыванія верховнымъ главнокомандующимъ.

Даже свиданія съ царемъ и церемонія назначенія верховнымъ главнокомандующимъ происходили въ Аничковскомъ и Зимнемъ дворцахъ, умышленно, съ цѣлью демонстративно выказать невниманіе свое царицѣ Александрѣ Федоровнѣ, возмутившейся, будто бы, въ свое время распоряженіемъ великаго князя Николая Николаевича объ удаленіи Распутина изъ царскосельскаго парка и изъ за Распутина прекратившаго свои посѣщенія Царскаго Села.

Отношенія между царицей и великимъ княземъ до того обострились, что, узнавъ о ея пріѣздѣ въ Ставку въ первый періодъ войны, Николай Николаевичъ демонстративно отбылъ въ Петербургъ, гдѣ провелъ всѣ три дня пребыванія Александры Федоровны на фронтѣ.

Придворная камарилья всячески старались, однако, примирить эти двѣ враждующія стороны, прибѣгая съ этой цѣлью ко всевозможнымъ ухищреніямъ и способамъ, вплоть до открытаго делегированія въ Ставку къ Николаю Николаевичу великой княгини Викторіи Федоровны, супруги великаго князя Кирилла Владиміровича и двоюродной сестры Государыни.

Но и это не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Въ отвѣтъ на предложеніе Викторіи Федоровны, разсказывали тогда, Николай Николаевичъ заявилъ:

— Я не „святой“... Обойдутся и безъ меня...

И тѣмъ самымъ положилъ конецъ дальнѣйшимъ происканъ въ этомъ направленіи.

Спустя нѣкоторое время рѣшено было использовать „вліяніе“ Распутина, чтобы создать примиреніе между Александрой Федоровной и Николаемъ Николаевичемъ.

Придворные изъ группы тѣхъ, для кого примиреніе Царицы съ верховнымъ главнокомандующимъ Николаемъ Николаевичемъ имѣло опредѣленныя цѣли и было необходимо для осуществленія давно задуманнаго и исподволь подготовлявшагося ими плана заключенія сепаратнаго съ Германіей мира, до того ослѣплены были „старцемъ“ и его „высокимъ“ положеніемъ въ сферахъ, что не могли допустить не только отказа въ пріемѣ его Николаемъ Николаевичемъ, но тѣмъ болѣе его рѣзкаго заявленія о томъ, что „если Распутинъ осмѣлится пріѣхать въ Ставку, то онъ подвергнутъ будетъ поркѣ...“

Въ виду невозможности сломить упорство великаго князя Николая Николаевича, рѣшено было категорически принять мѣры къ тому чтобы „сломить его самого.“

Не останавливаясь въ этомъ направленіи ни передъ какими средствами, они вскорѣ и этой цѣли достигнули.

Великій князь Николай Николаевичъ лишенъ былъ званія верховнаго главнокомандующаго, а затѣмъ, въ видѣ „почетной ссылки“, назначенъ былъ кавказскимъ намѣстникомъ...

Правда, внезапное устраненіе его отъ верховнаго главнокомандованія имѣло подъ собой еще и другую почву и вызвано было причинами иного свойства. Но... самый фактъ лишенія его верховнаго главнокомандованія и, наряду съ нимъ, и назначеніе намѣстникомъ на Кавказъ, „распутинцы“ приписали себѣ и результатамъ продолжительной съ ихъ стороны періодической травли его, торжествуя блестящую „свою“ побѣду надъ столь сильнымъ и вліятельнымъ врагомъ, какъ Николай Николаевичъ, ничуть не огорчаясь цѣлымъ рядомъ въ то время тяжелыхъ пораженій русской арміи на фронтѣ.

Даже и того болѣе: враги Николая Николаевича радовались всѣмъ этимъ военнымъ неудачамъ, дававшимъ

имъ основанія для агитаціи противъ верховнаго главнокомандующаго.

Сказалась въ борьбѣ съ Николаемъ Николаевичемъ и боязнь, почти что трепетный страхъ передъ нимъ, способнымъ на самые отчаянные эксцессы по отношенію ко всѣмъ тѣмъ придворнымъ, которыхъ онъ открыто называлъ „придворными нѣмцами“ и не разъ намѣревался по своему, рѣзко и строго „ликвидировать ихъ“, какъ утверждали, переводомъ всѣхъ на жительство въ равелины Петропавловской крѣпости.

А примѣровъ приведенія подобныхъ угрозъ Николаемъ Николаевичемъ въ исполненіе искать долго не приходилось.

У всѣхъ свѣжа еще въ памяти исторія внезапнаго „исчезновенія“ вліятельной графини Клейнмихель, слѣдъ которой даже простылъ, и Петербургъ питался догадками о ней, пока догадки не превратились „въ слухи“, утверждавшіе, что графиню Клейнмихель — не то повѣсили или разстрѣляли, не то просто заточили въ крѣпость.

Другой примѣръ: выселенная по настоянію и распоряженію Николая Николаевича — М. Васильчикова, заподозрѣнная (и не безъ основаній) въ агитаціи въ Царскомъ Селѣ за сепаратный миръ, съ предложеніемъ коего она и прибыла изъ Австріи.

Все это, да и многое другое изъ области репрессивныхъ мѣръ Николая Николаевича къ тѣмъ, кого онъ во время войны считалъ „элементомъ вреднымъ“ для Россіи, не могло не внушить сторонникамъ сепаратнаго мира, каковыми были всѣ, считавшіеся въ „придворной нѣмецкой партіи“, того страха передъ грознымъ Николаемъ Николаевичемъ, котораго они за такую его рѣшительность прозвали просто „солдатомъ“.

Этимъ характеризовалось не столько его упорство, сколько прямое и рѣзкое отношеніе, порою граничащее съ чисто солдатской, по ихъ опредѣленію, грубостью, съ которой онъ рѣзко выступалъ противъ приверженцевъ и сторонниковъ „германской оріентаціи“, какъ сами называли себя сторонники и поклонники, иниціаторы и даже создатели идеи сепаратнаго мира, ярымъ противникомъ коего все время былъ и оставался верховный главнокомандующій, а впослѣдствіи — кавказскій намѣстникъ, великій князь Николай Николаевичъ.

Неуязвимый абсолютно ни съ какой другой стороны, великій князь Николай Николаевичъ большой козырь

всѣмъ придворнымъ врагамъ давалъ на почвѣ своихъ отношеній къ подчиненнымъ, что и было ими болѣе чѣмъ широко использовано.

О строгостяхъ верховнаго главнокомандующаго къ многочисленнымъ генераламъ, занимавшимъ отвѣтственные во время войны посты, легенды цѣлыя сложились. Разсказывали, что, разъѣзжая по фронту, онъ вызывалъ къ себѣ корпусныхъ генераловъ, командировъ отдѣльныхъ частей и вообще отвѣтственныхъ за всяческіе непорядки высшихъ воинскихъ чиновъ и, обращаясь съ ними „чисто по солдатски“, не только въ болѣе чѣмъ рѣзкой формѣ дѣлалъ выговоры, но ругался площадной отборной бранью, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ срывалъ съ нихъ погоны и, какъ утверждали, неоднократно прибѣгалъ къ оскорбленію дѣйствіемъ генераловъ и иныхъ лицъ высшаго командного состава, нанося имъ пощечины чуть ли не на глазахъ ихъ подчиненныхъ.

Оставляя все это на совѣсти враговъ Николая Николаевича, усиленно не только распространявшихъ такіе слухи, но и муссировавшихъ ихъ съ упорной настойчивостью, необходимо, однако, констатировать, что эти именно факты, положенные въ основу агитаціи противъ Николая Николаевича, и послужили, главнымъ образомъ, началомъ предпринятой травли его и... началомъ конца его верховнаго главнокомандованія.

Были, конечно, и другіе дискредитирующаго свойства факты, использованные въ тѣхъ же цѣляхъ противъ Николая Николаевича. Но касались они, преимущественно, его личной жизни и служили развѣ только второстепенными, какъ бы отягчавшими положеніе, факторами.

Использовавъ въ этой области пристрастіе Николая Николаевича къ спиртнымъ напиткамъ и устраиваемыя имъ въ Ставкѣ попойки, вражескіе „злые языки“ указывали и на практиковавшіяся верховнымъ главнокомандующимъ оргіи въ Ставкѣ, и частые пріѣзды туда француженки — артистки, м-мъ Мадленъ, въ вагонахъ царскихъ поѣздовъ, „съ цѣлой свитой“ такихъ же, какъ она, „артистокъ и пѣвицъ“.

Но такіе „факты“ считались и самими „авторами“ ихъ только лишь обстоятельствами, привходящими, и всю тяжесть обвиненій противъ Николая Николаевича они базировали, главнымъ образомъ, на недопустимомъ его отношеніи къ лицамъ высшаго командного состава.

„Регистрируя“ отдѣльные случаи недовольства фронтовыхъ генераловъ дѣйствіями верховнаго главнокомандующаго въ отношеніи ихъ, они о каждомъ отдѣльномъ случаѣ доводили до свѣдѣнія Государя черезъ Государыню и Распутина, раздувая и уснащая такіе факты непомѣрно, пока окончательно не увѣрили царя въ томъ, что Николай Николаевичъ такими отношеніями къ высшему командному составу не только роняетъ авторитетъ послѣдняго въ глазахъ арміи, но разлагаетъ и самую армію, въ которой дезертирство постепенно выливается въ форму простыхъ перебѣжекъ въ плѣнъ цѣлыми группами, отъ взводовъ и командъ и до отдѣльныхъ ротъ включительно, перебѣжекъ ставшихъ явленіемъ, по ихъ словамъ, обычнымъ.

И все это, конечно, объяснялось ненавистью командnаго состава къ своему верховному главнокомандующему, а въ связи съ этимъ, какъ слѣдствіе причины — разложеніе и всего низшаго войскового состава, грозившаго весьма серьезными и опасными, по мнѣнію „доносителей“, послѣдствіями.

Изощряясь въ способахъ дискредитированія Николая Николаевича, „распутинцы“ пользовались всякимъ для этого, по ихъ мнѣнію, подходящимъ случаемъ.

Какъ на одинъ изъ мотивовъ своего „недовѣрія“ къ дѣятельности Ставки, они указывали, между прочимъ, и на польское происхожденіе начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго ген. Янушкевича. Не приписывая, правда, открыто цѣлый рядъ серьезныхъ пораженій русской арміи въ Галиціи и Польшѣ ген. Янушкевичу, они, однако, довольно прозрачно намекали на „автономные взгляды“ послѣдняго и его отношеніе ко всему, что касалось Царства Польскаго, вплоть до изданія Верховнымъ Главнокомандующимъ манифеста — призыва къ польскому народу, продиктованнаго и проредактированнаго, будто бы, тѣмъ же ген. Янушкевичемъ.

Фактически, быть можетъ, все это и было такъ. Но не эти причины, главнымъ образомъ, послужили поводомъ къ отставкѣ верховнаго главнокомандующаго и замѣны его лично Государемъ.

Въ основу самой идеи этой положено было вовсе не устраненіе Николая Николаевича, а мысль — обязательнаго привлеченія Государя на фронтъ, съ личной отвѣтственностью его за все, происходящее на фронтѣ и могущее произойти внѣ фронта, хотя бы въ виду упорныхъ слуховъ о рѣшеніи заключить сепаратный миръ.

Вотъ въ этомъ то отношеніи „придворная нѣмецкая партія распутинцевъ“ вполнѣ правильно могла приписать себѣ устраненіе Николая Николаевича отъ верховнаго главнокомандованія. Ибо, главнымъ образомъ, идея привлеченія Государя къ Верховному Главнокомандованію и имѣла въ виду противодѣйствовать всѣмъ происканъ этой придворной группы въ области сепаратнаго мира, хотя бы, какъ утверждали, созданіемъ цѣлаго ряда пораженій на фронтѣ и необходимостью, якобы вслѣдствіе этого, заключенія сепаратнаго съ Германіей мира.

Въ собраніи представителей гвардейскихъ частей вопросъ о возможности заключенія сепаратнаго мира неоднократно возбуждался.

На этихъ совѣщаніяхъ нерѣдко присутствовалъ и верховный главнокомандующій Николай Николаевичъ, который былъ посвященъ во всѣ детали рѣшеній этихъ совѣщаній.

Когда обсуждался вопросъ о сепаратномъ мирѣ, то гвардейцы, разбирая его всесторонне, опасались, что Петербургъ и Царское Село могутъ заключить миръ и безъ вѣдома фронта, оправдывая такое свое рѣшеніе неудачами войны, которыя возложатъ всецѣло на армію, а, слѣдовательно, и на отвѣтственность верховнаго ея главнокомандующаго, Николая Николаевича.

Вся же гвардія, независимо отъ личнаго своего отношенія къ Николаю Николаевичу, всецѣло раздѣляла его взглядъ на вопросъ о сепаратномъ мирѣ и въ этомъ вопросѣ была вполнѣ съ нимъ солидарна.

А великій князь Николай Николаевичъ былъ ярымъ противникомъ нѣмецкаго владычества, противникомъ идейнымъ, искренно желавшимъ не столько побѣды русскаго оружія, сколько пораженія Германіи.

И въ этомъ отношеніи вся гвардія была въ то время съ нимъ, за него и за его убѣжденія, а, слѣдовательно, и противъ сепаратнаго мира.

Вполнѣ естественнымъ, такимъ образомъ, является и выработанный представителями гвардіи планъ, въ основу котораго положены были всѣ предначертанія великаго князя Николая Николаевича.

Иниціаторы перехода верховнаго главнокомандованія подъ отвѣтственность Государя имѣли въ виду этимъ лишить Царское Село возможности въ будущемъ, какъ это имѣлось въ виду, возложить отвѣтственность за пораженія

на фронтѣ на главу арміи, если ею будетъ лично Государь.

Помимо того, предвидя и при наличіи Государя верховнымъ главнокомандующимъ возможность заключенія сепаратнаго мира Петербургомъ или даже однимъ только Царскимъ Селомъ, гвардія на этотъ случай заранѣе предприняла рѣшеніе, коимъ въ свое время только угрожалъ великій князь Николай Николаевичъ, повести войска на... Петербургъ и Царское Село, оставивъ Царя, противъ котораго гвардія не дерзала нарушить не только исконныя традиціи, но и военной дисциплины, на фронтѣ, въ Ставкѣ.

Весь этотъ планъ предстоявшаго „военнаго переворота“ былъ продуманъ до мельчайшихъ подробностей, и имѣлись даже списки подлежавшихъ аресту лицъ изъ числа „придворной нѣмецкой партіи“, оффиціальныхъ представителей правительства, нѣкоторой части высшаго духовенства и, конечно, пресловутаго „старца“ Григорія Распутина со всей образовавшейся вокругъ него плеядой „политикановъ и дипломатовъ“, своими авантюрами губившими государство, страну, авантюрами столь пагубно отразившимися на ходѣ всей годарственной жизни Россіи, вплоть до военныхъ операцій арміи на фронтѣ и, какъ конечнаго результата всѣхъ этихъ аномалій — революціи, положившей конецъ всей „распутиніадѣ“ ранѣе, чѣмъ Николай Николаевичъ, а послѣ него вся гвардія, вырабатывая одинъ за другимъ всевозможные планы ликвидаціи „распутиніады“ и придворной нѣмецкой партіи, рѣшились предпринять что либо въ этомъ направленіи.

Правда, задачи гвардіи были не такъ ужъ легко осуществимы. Къ тому же для приведенія въ исполненіе намѣченнаго ими плана дѣйствій не наступилъ еще предусмотрѣнный гвардейцами моментъ, т. е. моментъ заключенія сепаратнаго мира.

Но и всего того, что творилось въ послѣднее время въ царскосельскихъ и распутинскихъ сферахъ, казалось, было достаточно для принятія активныхъ мѣръ со стороны гвардіи, въ искреннихъ монархическихъ убѣжденіяхъ коей тогда сомнѣваться никакъ уже не приходилось.

Но вмѣсто этого, гвардія удовольствовалась убійствомъ Распутина, не разсчитавъ, повидимому, что „нѣмецкая оріентація“ успѣла уже слишкомъ глубокіе корни пустить, и однимъ актомъ убійства менѣе всего въ томъ повиннаго Распутина, который былъ слѣпымъ только орудіемъ въ

рукахъ придворной камарильи, — искоренить господствовавшаго при дворѣ настроенія уже нельзя было.

Послѣдовавшія событія съ достаточной очевидностью убѣждаютъ въ этомъ.

17-го ноября 1916 года былъ убитъ Распутинъ, а въ февралѣ 1917 года вспыхнула и разразилась революція.

XVII.

Исторія назначенія сенатора Н. А. Добровольскаго министромъ юстиціи какъ нельзя ярче характеризуетъ не только огромное вліяніе Распутина на весь государственный строй страны, но и весь періодъ, прозванный „эпохой распутиніады".

До Н. А. Добровольскаго постъ министра юстиціи занималъ А. А. Макаровъ, по тому времени — настоящій государственный дѣятель.

Министерская карьера А. А. Макарова началась еще во времена П. А. Столыпина. До того А. А. Макаровъ былъ старшимъ предсѣдателемъ саратовскій судебной палаты, когда П. А. Столыпинъ былъ губернаторомъ этой губерніи. Съ назначеніемъ П. А. Столыпина министромъ внутреннихъ дѣлъ, а вскорѣ и предсѣдателемъ совѣта министровъ, А. А. Макаровъ назначенъ былъ министромъ юстиціи, на каковомъ посту оставался до убійства П. А. Столыпина въ Кіевѣ.

Когда же вслѣдъ за П. А. Столыпинымъ премьеръ-министромъ назначенъ былъ В. Н. Коковцевъ, то на освободившійся постъ министра внутреннихъ дѣлъ, ранѣе совмѣщаемый П. А. Столыпинымъ съ премьерствомъ, назначенъ былъ состоявшій до того министромъ юстиціи А. А. Макаровъ.

Надвигавшаяся медленно эпоха распутинскаго вліянія впервые сказалась на А. А. Макаровѣ, который долженъ былъ почему то выйти въ отставку, съ зачисленіемъ въ Государственный Совѣтъ, съ званіемъ сенатора. А министромъ внутреннихъ дѣлъ неожиданно назначенъ былъ дотолѣ никому невѣдомый и ничѣмъ не выдѣлявшійся изъ общаго сонма провинціальныхъ сатраповъ, черниговскій губернаторъ Н. А. Маклаковъ.

Это былъ одинъ изъ первыхъ ставленниковъ Распутина. Его назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ явилось такой же неожиданностью, какими въ дальнѣй-

шемъ обычно являлись всѣ назначенія этой „эпохи всяческихъ возможностей“.

Назначеніе Н. А. Маклакова тѣмъ страннѣе еще было, что родной братъ его, В. А. Маклаковъ, былъ депутатомъ Государственной Думы и однимъ изъ лидеровъ конституціонно-демократической партіи, съ которой правительство, въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ, вело тогда самую ожесточенную борьбу.

Покойный князь Мещерскій въ „Гражданинѣ“, не одобряя по существу подобнаго родства министра внутреннихъ дѣлъ съ оппозиціоннымъ депутатомъ, все же „по долгу субсидіи“ зачастую вынужденный поддерживать всяческія правительственныя начинанія, и не совпадавшія съ его взглядами или убѣжденіями, въ финалѣ статьи своей по поводу столь „неудобнаго“, по его мнѣнію, назначенія, высказавъ надежду, что все, молъ, будетъ обстоять благополучно и взявъ иниціалы и первую букву фамиліи братьевъ, отдѣлался слѣдующимъ каламбуромъ:

— Министръ Н. А. М-аклаковъ — будетъ „намъ“, а

— Депутатъ В. А. М-аклаковъ — будетъ „вамъ“. . .

Это каламбурное предсказаніе князя Мещерскаго, однако, сбылось только въ отношеніи депутата Маклакова, такъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ Маклаковъ вскорѣ оказался ни „намъ“, ни „вамъ“ и долженъ былъ покинуть свой постъ въ угоду Распутину.

Его мѣсто занялъ А. Н. Хвостовъ, министерская дѣятельность коего длилась не долѣе дѣятельности предшественника.

Тогда же въ отставку ушелъ и грозный министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ, прославившійся созданіемъ ритуальнаго процесса Бейлиса и не менѣе громкимъ процессомъ о „Новочеркасской республикѣ“, гдѣ по его порученію назначенный имъ судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Ив. Лыжинъ надѣлалъ столько подлоговъ въ этомъ дѣлѣ, что особое присутствіе сената, для поддержанія элементарнаго авторитета законности, вынуждено было предать слѣдователя Лыжина суду, а министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ въ своемъ стремленіи спасти своего ставленника и опасаясь „сознаній“ слѣдователя въ наущеніи на совершеніе этихъ подлоговъ со стороны своего министра, подвергнулъ вдругъ слѣдователя Лыжина медицинскому освидѣтельствованію, и онъ былъ признанъ... психически ненормальнымъ.

Эта „ненормальность“, конечно, запоздала и „обна-

ружена" была только тогда, когда около ста человѣкъ, обвинявшихся по слѣдственнымъ матеріаламъ „ненормальнаго" слѣдователя, были уже сосланы на каторгу, въ далекій Нарымскій край и другія каторжныя тюрьмы.

Но не эти „дѣянія" повлекли за собой отставку И. Г. Щегловитова, а простая месть „старца" за былое предложеніе совѣту министровъ объ арестѣ Распутина по дорогѣ въ Ялту и о водвореніи его подъ „надзоръ" въ село Покровское.

Мѣсто И. Г. Щегловитова занялъ распутинскій ставленникъ Хвостовъ-второй, оказавшійся по существу совершенно непригоднымъ на посту министра юстиціи и, по настоянію предсѣдателя Совѣта министровъ П. Горемыкина, министромъ юстиціи вновь назначенъ былъ въ 1914 году сенаторъ и членъ государственнаго совѣта А. А. Макаровъ.

При вторичномъ управленіи министерствомъ юстиціи А. А. Макаровымъ и возникла пресловутая „батюшинская комиссія".

Не входя по существу въ тайны „штюрмеровскихъ комбинацій", онъ въ идеѣ назначенія самой комиссіи видѣлъ въ то время прямую потребность и, какъ старый бюрократъ-законникъ, сознавая, что комиссія ген. Батюшина далеко не безупречна, испросилъ Высочайшее повелѣніе на передачу всѣхъ дѣлъ „батюшинской комиссіи" на разсмотрѣніе эвакуированной въ Петербургъ, вслѣдствіе войны, варшавской судебной палаты.

По какому то роковому стеченію обстоятельствъ, предсѣдатель варшавской судебной палаты Жижинъ оказался шуриномъ ген. Батюшина, и этого достаточно было для подтвержденія пристрастнаго отношенія министра къ привлеченнымъ сахарозаводчикамъ и банкирамъ.

Послѣдніе-же, опасаясь родственнаго суда, на которомъ врядъ ли удалось бы выявить всю систему взяточничества комиссіи ген. Батюшина, собрали милліонную сумму и черезъ „гильдейскаго маклера" воздѣйствовали этой суммой на Распутина, а тотъ, въ свою очередь, и на Царское Село.

Съ тѣхъ поръ дни А. А. Макарова на министерскомъ посту уже были сочтены, и вопросъ о времени его отставки тормозился лишь вслѣдствіи отсутствія подходящаго кандидата, подходящаго, конечно, не въ смыслѣ государственнаго значенія замѣщенія поста министра юстиціи соотвѣтствующимъ и подобающимъ кандидатомъ, а исключитель-

но съ точки зрѣнія той „эластичности во взглядахъ“, каковая въ то „батюшинское“ время требовалась Распутину и всей окружавшей его плеядѣ, отъ премьера Штюрмера и секретаря Манасевича-Мануйлова до „гильдейскаго купца“, занявшаго видное при „старцѣ“ положеніе, въ связи именно съ дѣлами этой пресловутой комиссіи, усердно боровшейся съ равнодушіемъ арестованныхъ капиталистовъ къ ихъ чрезмѣрнымъ взяточническимъ аппетитамъ.

Чтобы не быть голословнымъ, воспроизведу въ точности нѣкоторые „штрихи“ изъ дѣятельности „батюшинской комиссіи“, достаточно характерные для уясненія всей физіономіи этой государственнаго назначенія комиссіи, какъ оффиціально она именовалась.

Арестовавъ сахарозаводчиковъ и финансистовъ: Бабушкина, Геппнера, Животовскаго, Рубинштейна, Добраго, прис. пов. Вольфсона и др., комиссія не рѣшилась, однако, арестовать сахарозаводчика графа А. А. Бобринскаго, занимавшаго въ то время постъ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

А такъ какъ этимъ ронялся престижъ высочайше утвержденной комиссіи, то вмѣсто гр. Бобринскаго въ „спекуляціи“ обвиненъ былъ управляющій дѣлами и довѣренный его, Цѣхановскій, котораго комиссія и арестовала спустя нѣсколько дней послѣ арестовъ всѣхъ остальныхъ лицъ.

Ген. Батюшинъ былъ изъ арміи, находившейся подъ командованіемъ ген. Рузскаго, штабъ коей находился въ то время въ Псковѣ.

И для вящаго устрашенія, ген. Батюшинъ штабъ квартиру своей комиссіи оставилъ въ районѣ военной черты, въ Псковѣ, имѣя въ Петербургѣ, въ домѣ „Проходныхъ казармъ“, только филіальное отдѣленіе своей комиссіи.

Всѣхъ же арестованныхъ комиссіей препровождали подъ военной охраной въ Псковъ, гдѣ и содержали въ тамошней тюрьмѣ.

Въ Петербургѣ же тѣмъ временемъ комиссія производила слѣдствія, причемъ, какъ я уже указывалъ, при обыскахъ, дознаніяхъ и допросахъ всегда присутствовалъ въ качествѣ „свѣдущаго лица“ и личный секретарь премьера Б. С. Штюрмера, знаменитый Манасевичъ-Мануйловъ, ничего общаго съ комиссіей не имѣвшій.

Роль послѣдняго зачастую сводилась къ „частнымъ совѣтамъ“ роднымъ арестованныхъ „внести“ опредѣлен-

ную и всегда милліонную сумму, и дѣло противъ даннаго лица будетъ прекращено.

Такъ онъ поступилъ и во время вторичнаго обыска и дознанія въ квартирѣ банкира Рубинштейна, указавъ адресъ своей квартиры, куда надлежитъ внести указанную сумму.

А пока онъ велъ эти переговоры съ супругой арестованнаго, военный прокуроръ Резановъ, производившій дознаніе, крупными буквами на лежащемъ на письменномъ столѣ листѣ промокательной бумаги начерталъ свой адресъ (Петербургская сторона, Широкая ул., 9), приписавъ сбоку: „можетъ быть понадоблюсь."

Уходя, онъ, конечно, принялъ мѣры, чтобы его надпись была замѣчена, заявивъ умышленно громко своимъ „коллегамъ", что „завтра весь день будетъ дома", такъ какъ ему надо, молъ, сгруппировать матеріалы сегодняшняго дознанія.

А когда тѣ, къ свѣдѣнію коихъ все это и сказано было вслухъ, къ нему не явились „на завтра", то военный прокуроръ Резановъ, спустя день, вновь явился въ квартиру Рубинштейна „пополнить матеріалы дознанія"

Та же „система" примѣнялась и ко всѣмъ остальнымъ арестованнымъ, пребывавшимъ въ Псковской тюрьмѣ все время, пока прокуроръ Резановъ и военные слѣдователи: Орловъ и прап. Логвинскій „производили слѣдствія", и „пополняли дознанія".

Неизвѣстно, сколько продолжалось бы такое положеніе, если бы случайное вмѣшательство близкаго къ царю ген. Княжевича не подняло впервые завѣсы „батюшинской комиссіи".

Случилось какъ-то, что начальникъ псковскаго отдѣла военной контръ-развѣдки, полковникъ Злобинъ, случайно перехватилъ на военномъ телеграфѣ телеграмму, въ которой полк. Резановъ сообщалъ ген. Батюшину дословно слѣдующее:

> „Патріархъ сообщаетъ, что нашей комиссіи грозитъ опасность; предполагается ее ликвидировать. Пріѣзжайте немедленно, необходимо заставить „ее" продать акціи, иначе можетъ быть поздно."

Подъ псевдонимомъ „патріарха", какъ это выяснилось впослѣдствіи, понимался Б. С. Штюрмеръ, а „заставить ее продать акціи" — означало заставить супругу банкира Д. Рубинштейна продать акціи „Юнкеръ-Банка"

для чего только комиссія ее и освободила изъ дома предварительнаго заключенія, гдѣ она содержалась съ момента послѣдняго дознанія, послѣ того какъ она игнорировала „записку“ военнаго прокурора Резанова и не явилась для переговоровъ къ нему на домъ.

Начальникъ псковской контръ-развѣдки полк. Злобинъ, съ возмущеніемъ все время слѣдя за дѣятельностью батюшинской комиссіи, воспользовавшись случайнымъ отъѣздомъ ген. Батюшина въ Петербургъ до полученія этой телеграммы, снялъ съ военнаго телеграфа ленту и примчался къ ген. Княжевичу, подъ непосредственнымъ начальствомъ коего онъ одно время находился, и предложилъ ему, въ виду близости его къ Царю, доложить послѣднему обо всемъ, что зналъ полк. Злобинъ о комиссіи, представивъ, какъ документальное доказательство, — привезенную имъ телеграфную ленту съ аппарата.

Но Царь оказался на фронтѣ, и „батюшинцы“ успѣли осуществить продажу акцій „Юнкеръ-Банка“, котировавшіяся по 800 рублей, уплативъ банку по 400 рублей за акціи, т. е. по себѣ-стоимости въ годъ пріобрѣтенія ихъ арестованнымъ въ то время банкиромъ, выручивъ такимъ образомъ въ свою пользу 16.000.000 рублей.

Вскорѣ при ревизіи дѣлъ Батюшинской комиссіи прокуратурой установлено было и точное распредѣленіе этой и другихъ милліонныхъ суммъ среди лицъ, причастныхъ къ дѣлу, какъ созданія самой комиссіи, такъ и „работы“ ея въ области „государственнаго назначенія“ и основной идеи ея организаціи съ цѣлью искорененія вредно отзывавшейся, не только въ тылу, но и на фронтѣ, спекуляціи.

Установлено было, что львиную долю съ этой суммы получилъ премьеръ — Б. С. Штюрмеръ, затѣмъ: Распутинъ, ген. Батюшинъ, „свѣдущее лицо“ — И. Ф. Манасевичъ-Мануйловъ, военный прокуроръ полк. Резановъ, военные слѣдователи: капитанъ Орловъ и прапорщикъ Логвинскій, распутинскій „гильдейскій купецъ“ и нѣкій „Викторовъ“, оставшійся неразысканнымъ и „неизвѣстнымъ“, хотя впослѣдствіи онъ состоялъ „для особыхъ порученій по части взятокъ“ и при министрѣ юстиціи Н. А. Добровольскомъ.

Вернусь, однако, къ отставкѣ А. А. Макарова и назначенію на его мѣсто Н. А. Добровольскаго.

Въ погонѣ за министромъ съ „эластичными взглядами“, Распутинъ, благодаря своему „гильдейскому маклеру“, и набрелъ на бывшаго сенатора Н. А. Добровольскаго.

Но Николай II и слышать сначала не хотѣлъ объ этой кандидатурѣ, вспомнивъ, къ великому огорченію „распутинцевъ“, о дѣлѣ съ утвержденіемъ фальшивыхъ нефтяныхъ заявокъ и съ судомъ надъ „владѣльцемъ“ ихъ, Нахимовымъ. Съ своей стороны Царь указалъ тогда на члена Государственной Думы Г. Г. Замысловскаго.

Но Распутинъ, напомнивъ Царю о докладной запискѣ монархической депутаціи, увѣрилъ его еще и въ томъ, что авторомъ идеи заточенія Государыни Александры Федоровны въ монастырь и являлся въ свое время Г. Г. Замысловскій. И кандидатура его снята была даже съ обсужденія.

Наряду съ этимъ, поддерживая бывшаго сенатора Н. А. Добровольскаго, Распутинъ, со свойственнымъ ему одному тогда умѣніемъ, разсказалъ Николаю II предлинную сказку-быль о живщемъ въ тридевятомъ царствѣ и тридесятомъ государствѣ царѣ, который милостью своей на весь міръ прославился, и въ царствіи небесномъ ему за это почетнѣйшее мѣсто уготовано было.

— Надо миловать умѣть... Какъ Богъ... Ко всѣмъ милостивъ... — закончилъ Распутинъ и перешелъ на тему о томъ, что милостью иное сердце человѣческое такъ тронешь, что и всего человѣка преобразишь...

И, какъ на самый яркій, по его мнѣнію, примѣръ, онъ указалъ на бывшаго студентомъ, а нынѣ члена государственнаго совѣта М. Ушакова, приговореннаго при Александрѣ III къ смертной казни за „стремленіе къ ниспроверженію существующаго строя“, но помилованнаго царемъ и съ тѣхъ поръ эволюціонировавшаго настолько, что въ Государственномъ Совѣтѣ не только лидеромъ крайнихъ правыхъ монархистовъ считался, но при обсужденіи законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни, внесеннаго въ свое время Государственной Думой, возсталъ въ Государственномъ Совѣтѣ противъ отмѣны ея для террористовъ и вообще лицъ, терроромъ „стремящихся къ ниспроверженію строя“.

Въ заключеніе, убѣдившись въ произведенномъ всѣмъ этимъ впечатлѣніи, Распутинъ привелъ еще два три подобныхъ примѣра изъ области благотворнаго вліянія Царскихъ милостей, закончивъ глубокомысленно:

— Въ дѣтствѣ всѣ мы птичьи гнѣзда портили...

И назначеніе Н. А. Добровольскаго было санкціонировано, хотя и не въ окончательной формѣ, такъ какъ Го-

сударь, собираясь въ Ставку, откладывалъ окончательное рѣшеніе до своего возвращенія.

Но Петербургъ объ этомъ назначеніи уже зналъ и только ожидалъ со дня на день формальнаго оповѣщенія путемъ оффиціальнаго акта.

Да и какъ было не знать, когда „распутинцы“ разнесли эту вѣсть по столицѣ, а „гильдейскій маклеръ“, обходя семьи арестованныхъ сахарозаводчиковъ и банкировъ съ цѣлью „пріема заказовъ на освобожденіе“ томившихся въ заключеніи, посвящалъ всѣхъ ихъ въ свои переговоры съ сенаторомъ Н. А. Добровольскимъ, которому онъ отъ имени Распутина и по порученію послѣдняго, предложилъ постъ министра юстиціи съ опредѣленнымъ условіемъ:

— Освободить всѣхъ, по указанію Распутина, арестованныхъ „батюшинской комиссіей“.

И только съ принятіемъ этого условія, Н. А. Добровольскій и былъ выставленъ кандидатомъ на постъ министра юстиціи. А въ тотъ день, когда санкціонировано было это назначеніе, „распутинскій маклеръ“, находясь въ квартирѣ одного изъ арестованныхъ, вызвалъ Н. А. Добровольскаго къ телефону и сообщилъ ему:

— Сенаторъ! Вы назначены министромъ юстиціи. Поздравляю!

Такъ происходило въ смутные дни распутинской эпохи назначеніе министровъ и извѣщеніе ихъ по телефону „маклерами“ о состоявшихся царскихъ санкціяхъ.

Нужно ли что либо ко всему этому добавлять!

Страшно оглянуться назадъ, не вѣришь, не хочется вѣрить. Но факты слишкомъ убѣдительны, и ихъ, къ сожалѣнію, оспаривать не приходится...

. . . . . .

Въ Ставкѣ Николай II задержался нѣсколько дней, а вернувшись, высказалъ желаніе побесѣдовать лично съ Н. А. Добровольскимъ передъ его назначеніемъ на постъ министра юстиціи, избравъ для этого день 18 ноября, когда будущему министру и предстояла аудіенція въ Царскомъ Селѣ.

Но въ ночь на 17 декабря 1916 года въ Петербургѣ неожиданно былъ убитъ Распутинъ, и траурное настроеніе Царскаго Села было совершенно несоотвѣтствующимъ для аудіенціи.

Два дня шли безпрерывные поиски трупа убитаго и брошеннаго въ Малую Неву Распутина, а когда трупъ

этотъ, наконецъ, нашли и перевезли въ Царское Село, то 19-го декабря послѣдовалъ указъ объ отставкѣ министра юстиціи А. А. Макарова и о назначеніи на этотъ постъ сенатора Н. А. Добровольскаго.

Особенной необходимости въ столь спѣшной перемѣнѣ по министерству юстиціи, конечно, не ощущалось. Но вызвано это было недовольствомъ въ Царскомъ Селѣ поведеніемъ А. А. Макарова, не распорядившагося объ арестѣ убійцъ Распутина, лично явившихся заявить ему объ этомъ, и чрезвычайно халатнымъ его отношеніемъ къ производившемуся слѣдствію объ убійствѣ.

Смѣщеніе А. А. Макарова состоялось, главнымъ образомъ, по настоянію Государыни, требовавшей, чтобы слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Распутина производилось не только по всѣмъ формальностямъ закона, но и съ исключительными строгостями и обязательнымъ арестомъ убійцъ.

Съ назначеніемъ же Н. А. Добровольскаго и имѣлось въ виду осуществленіе всѣхъ этихъ желаній, чѣмъ, главнымъ образомъ, и объясняется столь спѣшное опубликованіе указа объ отставкѣ А. А. Макарова и назначеніи Н. А. Добровольскаго.

Но и Н. А. Добровольскій не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ въ смыслѣ успѣшнаго въ опредѣленномъ направленіи веденія слѣдствія и всего дѣла объ убійствѣ Григорія Распутина, несмотря на то, что на первомъ же послѣ своего назначенія пріемѣ въ Царскомъ Селѣ онъ удостоился личной бесѣды съ Государыней Александрой Федоровной, довольно прозрачно намекнувшей ему на то, что раскрытіе всей организаціи, выразителями коей являлись непосредственные физическіе убійцы Распутина — это ея настойчивое желаніе, равно какъ и самое строгое преслѣдованіе всей этой организаціи, не говоря уже о фактическихъ убійцахъ „старца".

Н. А. Добровольскій обѣщалъ сдѣлать все возможное въ этомъ направленіи, испросивъ у Государя разрѣшеніе на внѣочередные доклады, въ случаѣ надобности, въ связи съ дѣломъ объ убійствѣ Распутина.

А вернувшись въ Петербургъ, новый министръ юстиціи, весь охваченный желаніемъ исполнить монаршее велѣніе и личной услугой Государынѣ заслужить особыя ея милости, потребовалъ все дѣло объ убійствѣ Распутина, начатое еще при министрѣ юстиціи А. А. Макаровѣ, и, убѣдившись въ томъ, что по этому дѣлу не только ничего

не сдѣлано, но и сдѣлать ничего невозможно, въ виду слишкомъ сильной оппозиціи со стороны всѣхъ великихъ князей и многихъ придворныхъ, формально хотя и назначилъ слѣдствіе, но исключительно съ разсчетомъ исполнить волю Государыни Александры Федоровны, но отнюдь безъ всякой надежды на достиженіе какихъ либо результатовъ въ этомъ направленіи.

А вскорѣ Н. А Добровольскій и совсѣмъ забылъ о Распутинѣ, весь уйдя въ дѣла „батюшинской комиссіи", сулившихъ столь лакомые куски.

Кромѣ „гильдейскаго маклера", перешедшаго по наслѣдству отъ Распутина обратно къ „своему губернатору и сенатору", а нынѣ министру юстиціи, въ пріемной Н. А. Добровольскаго появился еще и нѣкій Викторовъ, лицо „безъ опредѣленныхъ занятій", но съ достаточно опредѣленной репутаціей, занявшій положеніе „гофъ маклера" при министрѣ юстиціи по разнымъ дѣламъ и, главнымъ образомъ, по дѣламъ „батюшинской комиссіи".

Этотъ самый Викторовъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ первыхъ „иниціаторовъ" всѣхъ дѣлъ „батюшинской комиссіи", и однимъ изъ первыхъ „свидѣтелей", на основаніи которыхъ жандармскимъ ротмистромъ Леліовскимъ были составлены первые акты дознаній о „спекуляціи", разросшіеся впослѣдствіи въ комиссію подъ предсѣдательствомъ ген. Батюшина.

Эта интродукціонная часть „батюшинской комиссіи" изобилуетъ весьма характерными данными. Еще до Высочайшаго утвержденія „батюшинской комиссіи", премьеръ-министръ Б. С. Штюрмеръ, послѣ неудавшагося учета векселей сына своего на крупную сумму, какъ бы въ оправданіе необходимости такой „государственнаго назначенія" комиссіи, поручилъ жандармскому ротмистру Леліовскому, близкому другу штюрмеровскаго „личнаго секретаря" И. Ф. Манасевича-Мануйлова", произвести негласное дознаніе по дѣлу о спекуляціи банковъ, главнымъ образомъ Русско-Французскаго банка, на предметахъ военнаго снаряженія, обмундированія и вообще предметахъ потребленія арміи, съ обязательнымъ обнаруженіемъ незакономѣрныхъ и даже преступныхъ дѣяній со стороны, если не самихъ банковъ, то отдѣльныхъ банковскихъ дѣятелей.

Всей этой дѣятельностью друга своего, жандармскаго ротмистра Леліовскаго, руководилъ, конечно, И. Ф. Манасевичъ-Мануйловъ, и вскорѣ къ ротмистру Леліовскому явились, какъ обнаружено было протоколомъ дознанія, три

добровольныхъ свидѣтеля: дворянка Евгенія Булгакъ, коммерсантъ Іоффе и нѣкій Викторовъ.

По болѣе чѣмъ странному совпаденію, штабъ-квартира, въ которой ротмистръ Леліовскій допрашивалъ свидѣтелей по дѣлу о банкахъ и сахарныхъ заводахъ, на Конюшенной ул. N 1, ранѣе принадлежала сыну премьера Б. С. Штюрмера, а этажемъ выше была квартира сенатора Н. А. Добровольскаго.

Это „странное совпаденіе", къ сожалѣнію, выяснилось уже слишкомъ поздно, когда по Высочайшему повелѣнію назначена была чрезвычайная слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ прокурора Можанскаго, которая и занялась разслѣдованіемъ дѣлъ бывшей „батюшинской комиссіи".

Вотъ въ этой то квартирѣ впервые и давали свои уличающія показанія: Евгенія Булгакъ, Іоффе и Викторовъ.

Дотолѣ никѣмъ нѣвѣдомая дворянка, скромная и незамѣтная сестра милосердія, Евгенія Булгакъ вдругъ оказалась „лучшимъ другомъ" и посѣтительницей, точно на подборъ всѣхъ домовъ самыхъ богатыхъ банкировъ, сахарозаводчиковъ и фабрикантовъ и чрезвычайно свѣдущей во всѣхъ дѣлахъ своихъ „друзей", которые, точно спеціально для будущихъ ея показаній, посвящали Евгенію Булгакъ во всѣ подробности своихъ замысловатыхъ финансовыхъ операцій и комбинацій.

А о „личной жизни" всѣхъ этихъ друзей своихъ — и говорить не приходится. Тутъ Евгенія Булгакъ чувствовала себя точно „микробъ въ бульонѣ", давая длинныя предлинныя показанія о томъ, на какую сумму у супруги такого-то банкира брилліантовъ имѣется, гдѣ хранятся у финансиста Животовскаго слитки золота и золотыя монеты на милліоны, кѣмъ и когда отправлены черезъ шведское консульство драгоцѣнности въ Стокгольмъ, сколько такой-то банкъ заработалъ на поставкѣ полушубковъ для арміи, и даже для какой цѣли и по какимъ соображеніямъ одинъ изъ крупнѣйшихъ столичныхъ банковъ пригласилъ въ предсѣдатели бывшаго директора кредитной канцеляріи Л. Ф. Давыдова.

Словомъ, не сестра милосердія Булгакъ, а справочное бюро „Шиммельпфенигъ".

Свидѣтель Іоффе, какъ профессіоналъ-маклеръ изъ кафэ Филлипова, оказался такимъ же освѣдомленнымъ въ области сахарной промышленности, какъ и гражданская

жена его Евгенія Булгакъ въ банковскихъ сферахъ, давъ ротмистру Леліовскому „цѣнныя показанія“ о спекуляціи сахаромъ, для вящей убѣдительности коихъ онъ привелъ одинъ случай, когда отъ имени кіевскихъ сахарозаводчиковъ Бабушкина и Добраго, ему, Іоффе. „неизвѣстнымъ лицомъ“ предложено было въ кофейнѣ Филлипова продать одинъ вагонъ сахару финляндскимъ купцамъ.

Но, зная прекрасно, что финляндскіе купцы закупаютъ сахаръ для пиведовъ, а тѣ перепродаютъ его Германіи, онъ, Іоффе, отказался быть косвеннымъ хотя бы „государственнымъ измѣнникомъ“, несмотря на всю выгодность этого дѣла, почему, молъ, и можетъ съ чистой совѣстью давать настоящія свои показанія.

При этомъ, точно предвидя будущую необходимость въ подобныхъ показаніяхъ, онъ всѣ данныя записалъ подробно въ спеціально для этой цѣли пріобрѣтенную новую карманную записную книжку, которую охотно предоставилъ въ распоряженіе ротмистра Леліовскаго, а тотъ, конечно, пріобщилъ ее въ качествѣ „вещественнаго доказательства“ къ дознанію.

Показанія „пропавшаго безъ вѣсти“ Викторова, о которомъ въ оффиціальномъ дознаніи не имѣлось никакихъ данныхъ для обнаруженія впослѣдствіи даже его личности и отсутствовали не только обычная запись адреса свидѣтеля, но даже и имя, носили характеръ простого „доноса по начальству“ и касались, главнымъ образомъ, разныхъ банковскихъ и промышленныхъ тайнъ.

Въ представленныхъ, какъ указано было въ дознаніи, Викторовымъ, „собственноручно написанныхъ“ (кстати — на пишущей машинѣ) показаніяхъ онъ перечислилъ рядъ случаевъ, гдѣ банки, являясь фактическими поставщиками интендантства, производили такія запрещенныя уставами банковъ незаконныя операціи черезъ подставныхъ лицъ, имена коихъ онъ тутъ же присовокупилъ.

И опять странное совпаденіе: при сличеніи, впослѣдствіи, текста шрифта написанныхъ на пишущей машинѣ показаній Викторова съ обнаруженной при обыскѣ въ квартирѣ И. Ф. Манасевича-Мануйлова пишущей машиной „Гомонъ“, обнаружилось, что „показанія“ писались именно на этой машинѣ, на которой сбита была и отсутствовала прописная буква „Н“, всюду въ показаніяхъ Викторова проставленная чернилами...

Нужно ли говорить о „цѣнности“ этихъ показаній, вслѣдъ за которыми въ дѣлахъ дознанія жандармскаго

ротмистра Леліовскаго чрезвычайной слѣдственной комиссіей обнаружена была объемистая, все на той же пишущей машинѣ написанная, записка—заключеніе „свѣдущаго лица“ И. Ф. Манасевича-Мануйлова и секретный докладъ ротмистра Леліовскаго по законченному дознанію, представленный имъ лично премьеръ-министру Б. С. Штюрмеру, написанныя на той же роковой пишущей машинѣ безъ буквы „Н“.

На предварительномъ слѣдствіи И. Ф. Манасевичъ-Мануйловъ, давая показанія чрезвычайной слѣдственной комиссіи, правда, заявилъ, что имъ предоставлена была въ распоряженіе ротмистра Леліовскаго принадлежавшая ему и обнаруженная въ его квартирѣ пишущая машина.

Но тогда, какимъ образомъ показанія Викторова оказались написанными на этой машинѣ?

Застигнутый неожиданнымъ допросомъ врасплохъ, И. Ф. Манасевичъ-Мануйловъ не зналъ, конечно, что дважды дававшая показанія той же чрезвычайной слѣдственной комиссіи гражданская супруга его, Н. А. Замятина, созналась, что записку—заключеніе писала она, какъ и всегда все писала, подъ диктовку И. Ф. Манасевича-Мануйлова, въ принадлежавшей имъ квартирѣ на ул. Жуковскаго, равно какъ и переписывала „секретный“ докладъ ротмистра Леліовскаго, который лично ее объ этомъ просилъ.

Но ни свидѣтеля Викторова она не знала, ни того, какимъ образомъ, когда и кѣмъ написаны были его показанія на принадлежавшей ея супругу и никому никогда „въ распоряженіе“ не предоставлявшейся пишущей машинѣ „Гомонъ“, съ характернымъ шрифтомъ, Н. А. Замятина объяснить не смогла.

Допрошенный по этому поводу въ тюрьмѣ И. Ф. Манасевичъ-Мануйловъ сознался въ своемъ знакомствѣ съ свидѣтелями Евгеніей Булгакъ и Іоффе, а о свидѣтелѣ Викторовѣ тоже „понятія не имѣлъ“, и точно даже удивился впервые услышанной фамиліи.

Нужно ли говорить о томъ, что Манасевичъ-Мануйловъ, работавшій въ „Новомъ Времени“ подъ псевдонимомъ „Маска“, на сей разъ надѣлъ на себя маску „Викторова“, избравъ спеціально для этихъ дѣлъ псевдонимомъ случайно подвернувшуюся фамилію часто встрѣчавшагося ему по лѣстницѣ дома N 1 по Конюшенной улицѣ, гдѣ „засѣдалъ“ ротмистръ Леліовскій и постоянно бывалъ онъ Манасевичъ-Мануйловъ—Маска, руководившій все время дѣлали дознанія, дѣйствительно — Викторова.

Это и былъ, видимо, тотъ самый Викторовъ, состоявшій впослѣдствіи при министрѣ юстиціи Н. А. Добровольскомъ, а ранѣе часто бывавшій въ квартирѣ послѣдняго, находившейся однимъ этажемъ выше квартиры сына премьера Б. С. Штюрмера, въ которой дѣлали свое нечистое въ угоду премьеру дѣло жандармскій ротмистръ Леліовскій и бывшій охранникъ, впослѣдствіи „личный секретарь" предсѣдателя россійскаго совѣта министровъ и министра иностранныхъ дѣлъ, И. Ф. Манасевичъ-Мануйловъ—Маска.

Показанія этихъ трехъ „свидѣтелей", послужившія основаніемъ къ созданію комиссіи ген. Батюшина, впослѣдствіи и привели къ назначенію чрезвычайной слѣдственной комиссіи подъ предсѣдательствомъ Можанскаго, которая занялась уже не разслѣдованіемъ дѣятельности сахарозаводчиковъ и банкировъ, а разслѣдованіемъ преступленій ген. Батюшина и его соратниковъ.

Начать съ того, что, когда обвиняемымъ были предъявлены въ Псковской тюрьмѣ матеріалы дознанія, послужившіе поводомъ къ ихъ аресту, то оказалось, что никто изъ нихъ никогда не зналъ ни Евгеніи Булгакъ, ни Іоффе, ни тѣмъ болѣе „свидѣтеля" Викторова, и они, на законномъ основаніи, потребовали очной съ этими лицами ставки.

Немедленно въ Петербургъ дано было знать объ этомъ военному прокурору Резанову по военному телеграфу. Начались „розыски" бывшихъ свидѣтелей.

Конечно, свидѣтеля Викторова не оказалось, и сыскная полиція, которой поручено было его обязательно разыскать, долго билась надъ этимъ порученіемъ, опросивъ поочередно всѣхъ значащихся по адресному столу на жительствѣ въ Петербургѣ Викторовыхъ, но никто изъ нихъ, какъ оказалось по опросу, жандармскому ротмистру Леліовскому никогда никакихъ показаній ни по какимъ дѣламъ не давалъ.

Но среди проживавшихъ ранѣе въ столицѣ Викторовыхъ были двое, которые въ свое время по мобилизаціи ушли въ армію.

И военный прокуроръ Резановъ использовалъ эту справку адреснаго стола по своему, сообщивъ ничтоже сумняшеся во Псковъ, что свидѣтель Викторовъ не можетъ быть розысканъ, такъ какъ находится въ дѣйствующей арміи.

Гораздо хуже обстояло дѣло съ двумя главными свидѣтелями обвиненія: Евгеніей Булгакъ и Іоффе.

Вызванные въ филіальное отдѣленіе батюшинской комиссіи на Фонтанку полковникомъ Резановымъ, отъ котораго они узнали о предстоящей очной ставкѣ съ арестованными, свидѣтели эти сразу опѣшили.

Евгенія Булгакъ пробовала было ссылаться на „неудобства“ очной ставки по соображеніямъ моральнаго характера и „свѣтскаго приличія“, а Іоффе наотрѣзъ отказался отъ этого, заявивъ, что онъ, собственно, лично ничего и не знаетъ по этимъ дѣламъ, а все, что дано имъ въ показаніяхъ ротмистру Леліовскому, онъ знаетъ исключительно со словъ Евгеніи Булгакъ...

Для комиссіи ген. Батюшина наступилъ критическій моментъ. И чтобы выйти какъ нибудь изъ создавшагося положенія, военный прокуроръ Резановъ арестовалъ свидѣтелей — Евгенію Булгакъ и Іоффе, предъявивъ имъ обвиненіе въ томъ, что они подкуплены арестованными финансистами, вслѣдствіе чего отказываются отъ первоначальныхъ своихъ показаній, лишая этимъ судъ возможности подвергнуть виновныхъ наказанію.

Но свидѣтели такой протоколъ подписать отказались, а Евгенія Булгакъ, упавъ передъ военнымъ прокуроромъ Резановымъ на колѣни, чистосердечно призналась ему въ томъ, что показанія свои ротмистру Леліовскому давала безъ всякаго злого умысла, по личной просьбѣ „нѣкоторыхъ лицъ“, назвать коихъ она пока считаетъ для себя неудобнымъ и даже невозможнымъ.

Когда же полковникъ Резановъ, отказавшись занести ея такое заявленіе въ протоколъ, продолжалъ настаивать на своемъ предположеніи, что они подкуплены арестованными банкирами и сахарозаводчиками, то возмущенный этимъ свидѣтель Іоффе, категорически отвергнувъ это обвиненіе, тутъ же заявилъ, что, дѣйствительно, ему и Евгеніи Булгакъ обѣщано крупное вознагражденіе, но не арестованными, а И. Ф. Манасевичемъ-Мануйловымъ и ротмистромъ Леліовскимъ, но что и этого вознагражденія они еще тоже не получили, слѣдовательно, юридически и наличія подкупа не имѣется...

Афраппированный „разговорчивостью“ этого свидѣтеля и опасаясь скандала на очной ставкѣ, полковникъ Резановъ свидѣтеля Іоффе оставилъ подъ арестомъ въ Петербургѣ, а свидѣтельницу Евгенію Булгакъ вскорѣ отправилъ подъ конвоемъ въ Псковъ.

Предварительно, трижды допрашивая ее въ отсутствіи Іоффе, онъ старался доказать Евгеніи Булгакъ всю невы-

годность занятой ею позиціи, убѣждая ее, въ собственныхъ ея, будто-бы, интересахъ, держаться первоначальныхъ показаній, указавъ, что въ противномъ случаѣ ей грозятъ арестанскія роты за лжесвидѣтельство.

И только убѣдившись въ томъ, что свидѣтельница вняла „доброму прокурорскому совѣту“, полковникъ Резановъ отправилъ ее въ Псковъ.

Скандалъ произошелъ необычайный... По показаніямъ своимъ — „другъ дома“ почти всѣхъ арестованныхъ, Евгенія Булгакъ не только „забыла“ имена и отчества ихъ, которыхъ ни разу не перепутала въ своихъ показаніяхъ во время дознанія, но почти никого изъ арестованныхъ даже въ лицо не знала, чѣмъ очень смутила всю комиссію и особенно командированныхъ въ комиссію командующимъ арміей ген. Рузскимъ двухъ штабныхъ генераловъ.

Въ результатѣ Евгенія Булгакъ изъ свидѣтельницы превратилась въ обвиняемую, вокругъ этой исторіи поднятъ былъ шумъ и... дни комиссіи ген. Батюшина были сочтены.

Тогда то полковникъ Резановъ и телеграфировалъ ген. Батюшину, что „комиссіи грозитъ опасность, ее предполагается ликвидировать“, каковую телеграмму начальникъ Псковской контръ-развѣдки полковникъ Злобинъ и представилъ генералу Княжевичу для доклада Царю.

Но пока происходилъ процессъ представленія доклада и предварительная провѣрка всѣхъ фактовъ изъ дѣятельности батюшинской комиссіи, „батюшинцы“ успѣли уже ликвидировать дѣло съ продажей акцій „Юнкеръ-Банка“, выручить въ свою пользу 16 милліоновъ, освободить „за недостаточностью уликъ“ и „достаточную“ сумму: прис. повѣр. А. К. Вольфсона, сахарозаводчиковъ Геппнера и Бабушкина и еще кой-кого изъ арестованныхъ.

Когда же министръ юстиціи А. А. Макаровъ, настаивая на законномъ продолженіи дѣла и доведеніи его до судебнаго разбора, передалъ это дѣло въ вѣдѣніе эвакуированной варшавской судебной палаты, то, путемъ цѣлаго ряда умышленныхъ провокаціонныхъ комбинацій, „распутинцы“ повели это дѣло такъ, что предсѣдательствованіе въ засѣданіяхъ палаты возложено было, въ виду сказавшагося больнымъ старшаго предсѣдателя палаты, на младшаго предсѣдателя Жижина, оказавшагося шуриномъ ген. Батюшина.

И тѣ, кто обѣщаніемъ высокаго поста добились подачи старшимъ предсѣдателемъ варшавской палаты рапорта о болѣзни, блестяще использовали заранѣе обдуманный и доведенный до удачнаго финала планъ свой...

Министръ юстиціи А. А. Макаровъ попалъ въ ловушку,—его обвинили въ пристрастіи, и дни его на министерскомъ посту были уже сочтены.

Впослѣдствіи, когда его мѣсто занялъ „посмертный" ставленникъ Распутина Н. А. Добровольскій, для ревизіи всѣхъ дѣлъ батюшинской комиссія", работа коей на первыхъ порахъ сильно тормозилась, вслѣдствіе невозможности въ допросѣ, какъ это требовалось по ходу слѣдствія, разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, въ томъ числѣ и бывшаго премьеръ-министра Б. С. Штюрмера, постъ коего къ тому времени занялъ уже сенаторъ Треповъ.

И только въ дни „Временнаго Правительства", когда первымъ министромъ юстиціи новой властью назначенъ былъ А. С. Зарудный, оставленная имъ въ томъ же составѣ „чрезвычайная слѣдственная комиссія", подъ предсѣдательствомъ того же прокурора Можанскаго, получила возможность довести начатое слѣдствіе до конца.

Тогда только и выяснилась вся дѣятельность пресловутой батюшинской комиссіи государственнаго назначенія.

Арестованные: И. Ф. Манасевичъ-Мануйловъ, Евгенія Булгакъ и Іоффе, документально были скомпрометированы, а ген. Батюшинъ, полк. Резановъ, капит. Орловъ и прапор. Логвинскій заблаговременно успѣли скрыться отъ уголовнаго преслѣдованія, покинувъ Петербургъ и разбрелись „спасать отечество", кто въ добровольческую армію, а кто и въ армію красную, большевистскую, какъ прапорщикъ Логвинскій, впослѣдствіи разстрѣлянный въ Одессѣ добровольцами.

Ген. Батюшинъ же, эвакуировавшійся изъ Крыма въ Сербію въ началѣ 1921 г., занялъ видное положеніе въ комитетѣ по устройству бѣженцевъ...

XVIII.

Исподволь подготовлявшаяся отставка верховнаго главнокомандующаго, великаго князя Николая Николаевича, давно уже считавшаяся не только въ царскосельскихъ сферахъ, но и на фронтѣ, вопросомъ рѣшеннымъ, не могла, однако, осуществиться, въ виду отсутствія подходящаго и соотвѣтствующаго послѣ главнокомандованія поста, на который Николай Николаевичъ долженъ былъ быть назначенъ.

Правда, Государыня Александра Федоровна, а съ нею и нѣкоторые изъ придворныхъ, особенно враждовавшихъ съ Николаемъ Николаевичемъ, настаивали на увольненіи его безъ предоставленія другого поста.

Но болѣе благоразумные находили такое рѣшеніе невыгоднымъ и даже опаснымъ для себя, опасаясь, какъ бы Николай Николаевичъ на почвѣ оскорбленнаго самолюбія не предпринялъ какихъ нибудь весьма серьезныхъ по отношенію къ нимъ шаговъ.

Однимъ изъ доводовъ противъ отставки Николая Николаевича безъ новаго назначенія было высказанное предположеніе о томъ, что Николай Николаевичъ, пользуясь опредѣленными симпатіями значительной части арміи, можетъ объединить вокругъ себя не только оставшіяся гвардейскія части, но и нѣкоторыя казачьи части, походнымъ атаманомъ коихъ состоялъ вел. кн. Борисъ Владимировичъ, и вообще части, которыми командовали великія князья и, главнымъ образомъ, всю кавказскую „дикую дивизію“, командиромъ коей былъ великій князь Михаилъ Александровичъ.

Въ трусливомъ воображеніи придворной камарильи рисовались всяческіе страхи, вплоть до предпринятія Николаемъ Николаевичемъ „военнаго переворота“ и похода на Царское Село . . .

Одновременно съ этимъ „переворотомъ“ мерещились и аресты, и заключенія въ Петропавловскую крѣпость цѣ-

лаго ряда лицъ изъ такъ называемой „придворной нѣмецкой партіи“, которымъ Николай Николаевичъ, въ пылу своего возмущенія за веденіе переговоровъ о сепаратномъ мирѣ, не разъ грозилъ такими репрессивными мѣрами . . .

И, подчиняясь голосу благоразумія, Царь медлилъ съ отставкой Николая Николаевича, пока однажды совершенно неожиданно получены были свѣдѣнія о тяжелой болѣзни кавказскаго намѣстника графа Воронцова Дашкова.

Престарѣлый графъ Воронцовъ-Дашковъ, многіе годы состоя намѣстникомъ на Кавказѣ, пользовался тамъ столь прочными симпатіями, и абсолютная невозможность замѣны его при жизни другимъ лицомъ давно уже считалась аксіомой для правительства.

И то, на что не рѣшилось бы не только правительство, но и самъ Царь ни при какихъ другихъ обстоятельствахъ, т. е. смѣнить еще при жизни графа Воронцова-Дашкова — рѣшено было въ угоду „распутиніадѣ“ и проведено было въ жизнь въ формѣ, совершенно недопустимой и даже оскорбительной для почтеннаго графа Воронцова-Дашкова.

Послѣдніе годы графъ Воронцовъ-Дашковъ, будучи уже въ преклонномъ возрастѣ, часто хворалъ, столь же часто оправлялся отъ болѣзни и снова вступалъ въ исполненіе своихъ обязанностей.

Частыя недомоганія намѣстника не отражались, однако, на ходѣ государственной и общественной жизни края, такъ какъ налаженный имъ аппаратъ дѣйствовалъ внѣ зависимости отъ личнаго участія намѣстника, руководящее начало коего чувствовалось во всемъ.

Большого государственнаго опыта и такта дѣятель, графъ Воронцовъ Дашковъ умѣлъ окружать себя такими же помощниками, внушая и имъ свои взгляды на управленіе краемъ, взгляды, быть можетъ, и несовсѣмъ совпадавшіе со взглядами центральнаго правительства, давно и постоянно косившагося на графа Воронцова-Дашкова и его „либерализмъ“.

Но намѣстникъ со всѣмъ этимъ мало считался, и только благодаря своей лойяльности, сначала сдерживалъ очень умѣло, а затѣмъ и совершенно погасилъ „бурныя кавказскія страсти“, бушевавшія въ экспансивномъ и частью даже полудикомъ населеніи этой окраины Россіи.

Сенаторъ Петерсонъ — по гражданской, а генералъ

Мышлаевскій — по военной части—были послѣдними помощниками намѣстника графа Воронцова-Дашкова.

Начавшаяся столь неожиданно война немало отразилась на здоровьѣ престарѣлаго намѣстника.

Не раздѣляя „громаднаго государственнаго значенія“ войны и взглядовъ на нее русскихъ дипломатовъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ въ первые дни возникновенія войны переживалъ еще и личныя, семейныя непріятности, опасаясь за участь находившейся на одномъ изъ германскихъ курортовъ супруги своей, графини Воронцовой-Дашковой.

Не утѣшало стараго графа и побѣдоносное шествіе русской арміи, печальные итоги коего имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предсказаны были съ поразительной точностью.

Такъ, напримѣръ: когда русская армія, послѣ цѣлаго ряда классическихъ побѣдъ, завоевала всю Галицію, дойдя до Перемышля, и верховному главнокомандующему Николаю Николаевичу поднесено было въ память этихъ побѣдъ брилліантовое оружіе, графъ Воронцовъ-Дашковъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ:

— Боюсь, что отъ всѣхъ этихъ завоеваній только и останется что шашка у Николая Николаевича...

И онъ не ошибся... Долгими мѣсяцами и колоссальными жертвами добытыя побѣды вскорѣ низведены были къ нулю, и русскія войска въ 22 дня потеряли не только всю Галицію, но вынуждены были отойти далеко за Варшаву, потерявъ вскорѣ и весь этотъ былой русскій край, завоеванный нѣмцами и предоставленный автономно полякамъ.

Несмотря, однако, на полное несочувствіе „авантюрамъ дипломатіи“, которую онъ лично считалъ главной виновницей несвоевременной, по его мнѣнію, войны, графъ Воронцовъ - Дашковъ своимъ отношеніемъ къ интересамъ войны обнаружилъ разительный примѣръ истаго, неподдѣльнаго патріотизма, сказавшагося во всемъ, отъ мобилизаціи Кавказа до примѣрнаго снаряженія и обмундированія всей кавказской арміи, одно время на фронтѣ творившей, дѣйствительно, чуть ли не чудеса.

Сравнительно лучше поставлено было въ этомъ округѣ и дѣло продовольствія всей кавказской арміи, не испытывавшей на себѣ на первыхъ порахъ всѣхъ „прелестей интендантскихъ комбинацій“, изъ за которыхъ нѣкоторыя фронтовыя части обрекались на всевозможныя въ походахъ лишенія, зачастую вплоть до періодическаго голода-

нія въ дни длительныхъ боевъ и даже во время переходовъ.

Во всемъ этомъ, конечно, сказалась „система“ графа Воронцова-Дашкова, въ которой, если не совсѣмъ отсутствовали „хищенія“, вошедшія въ плоть и кровь интендантовъ, то всячески парализовывались малѣйшіе симптомы ихъ до тѣхъ поръ, пока это было въ сферѣ вліянія центральной краевой власти и не переходило еще во власть фронтовыхъ интендантовъ.

Но и всѣми этими заслугами, не говоря уже о чисто государственныхъ заслугахъ по управленію кавказскимъ намѣстничествомъ, пренебрегли въ угоду проведенія идей „распутиніады“.

И едва только получено было сообщеніе о болѣзни графа Воронцова-Дашкова и о томъ, что онъ уѣхалъ въ свое имѣніе поправить разстроенное здоровье, какъ послѣдовалъ Высочайшій указъ объ освобожденіи его „вслѣдствіе тяжкой болѣзни“ отъ обязанностей намѣстника и о назначеніи на его мѣсто великаго князя Николая Николаевича.

Все это было произведено съ такой поспѣшностью, что даже не успѣли соблюсти обычнаго декорума приличія и извѣстить графа Воронцова-Дашкова о предстоящей отставкѣ, какъ это принято было, лично отъ имени Государя.

Указъ объ отставкѣ засталъ больного намѣстника у себя въ имѣніи и такъ повліялъ на него морально, что онъ, дѣйствительно, тяжко заболѣлъ и, слегши, болѣе уже не поднимался съ постели, скончавшись спустя нѣкоторое время.

Предотвративъ, такимъ образомъ, всякую, какъ это казалось, возможность какихъ либо мѣръ по отношенію къ Царскому Селу, „распутинцы“ настояли вмѣстѣ съ тѣмъ и на включеніи въ редакцію указа о назначеніи Николая Николаевича и явно выраженной царской воли о немедленномъ отбытіи его на Кавказъ, намѣстничество коего не можетъ, якобы, въ „переживаемое отвѣтственное время войны“ оставаться безъ руководителя.

Великій князь Николай Николаевичъ, конечно, понялъ и „глубокій смыслъ“, и самую идею этой части указа и, не заѣзжая въ Петербургъ, спѣшно собрался и выѣхалъ прямо изъ Ставки на Кавказъ, не дождавшись даже выхода изъ печати послѣдняго своего приказа, въ которомъ онъ прощался со всей арміей, „сердцемъ оста-

ваясь въ первомъ гвардейскомъ корпусѣ", командующимъ коего онъ состоялъ долгіе годы, вплоть до начала европейской войны и назначенія его верховнымъ главнокомандующимъ. Не столько самый фактъ отставки своей отъ верховнаго главнокомандованія, къ которой онъ давно былъ подготовленъ, сколько окружающая сѣть придворныхъ интригъ и травля его „распутинцами" угнетающе дѣйствовали на оскорбленное самолюбіе великаго князя Николая Николаевича.

Былъ моментъ, когда онъ окончательно рѣшилъ отказаться отъ почетнаго поста кавказскаго намѣстника и, какъ говорили, написалъ даже объ этомъ Царю, заявляя, что для этого поста онъ считаетъ себя слишкомъ молодымъ и рекомендуетъ замѣнить стараго графа какимъ нибудь другимъ „старцемъ" ...

Но пользовавшійся исключительнымъ вліяніемъ на Николая Николаевича начальникъ штаба его, генералъ Янушкевичъ, категорически запротестовалъ не столько противъ недвусмысленнаго намека на назначеніе „старца Распутина" кавказскимъ намѣстникомъ, сколько противъ первой части письма, оскорбительной для всѣми уважаемаго престарѣлаго графа Воронцова-Дашкова, достаточно оскорбленнаго на склонѣ лѣтъ царскимъ указомъ, поставившимъ діагнозъ его обычному недомоганію и объявившимъ его, и безъ того мнительнаго и боявшагося, какъ и всѣ люди его возраста, смерти, тяжко больнымъ, явно указуя внезапнымъ назначеніемъ Николая Николаевича на отсутствіе всякой надежды на выздоровленіе графа.

Николай Николаевичъ отказался отъ своего такого намѣренія и въ своемъ прощальномъ приказѣ по арміи, начинавшемся словами: „Государю Императору угодно было" ... и т. д., подчеркнулъ и „серьезность момента" и тяжелое положеніе арміи, закончивъ свой приказъ какъ бы сожалѣніемъ о необходимости въ оставленіи имъ арміи въ такое время, но, что „подчиняясь волѣ Государя", онъ „вынужденъ" отбыть на Кавказъ для управленія намѣстничествомъ ...

Какъ самый приказъ этотъ Николая Николаевича, такъ, главнымъ образомъ, редакція его, въ свое время вызвали массу разнорѣчивыхъ толковъ. Нѣкоторыя фразы его приказа, точно зашифрованныя, расшифровывались и въ этомъ видѣ, дѣйствительно, пріобрѣтали какой то новый смыслъ и значеніе.

А такъ какъ ни для кого не было тайной, что авто-

ромъ всѣхъ приказовъ Николая Николаевича былъ ген. Янушкевичъ, то послѣдній вскорѣ впалъ въ немилость и, точно наперекоръ всѣмъ врагамъ, Николай Николаевичъ пригласилъ его своимъ помощникомъ по военной части, вмѣсто генерала Мышлаевскаго.

Вскорѣ ушелъ и помощникъ намѣстника по гражданской части, сенаторъ Петерсонъ, не пожелавшій сотрудничать съ ген. Янушкевичемъ, котораго открыто, и не безъ основаній, называли „загубителемъ многихъ жизней".

По мудрой системѣ ген. Янушкевича, въ бои подъ Варшавой бросались сибирскія части прямо съ эшелонныхъ поѣздовъ, отдѣльными батальонами, полками и даже ротами, противъ колоссальныхъ нѣмецкихъ армій. И въ результатѣ, конечно, всѣ эти части сметались легко ураннымъ огнемъ противника, не поведя ни одной атаки, вмѣсто того, чтобы, сгруппировавъ, какъ это предлагали другіе командиры, всю армію прекрасныхъ сибирскихъ стрѣлковъ, дать одно сраженіе, которое, при наличіи значительно меньшихъ потерь въ людяхъ, могло дать и нѣкоторую важную хотя бы въ стратегическомъ отношеніи пользу.

Эту „систему" ген. Янушкевича тогда еще называли предательской, и „распутинцы" воспользовавшись ею для своей агитаціи противъ Николая Николаевича, увѣряли, что ген. Янушкевичъ умышленно примѣнилъ эту „систему", чтобы облегчить побѣду германцамъ, которая должна была, какъ это и случилось, привести къ самостоятельности Польши...

На этомъ „распутинцы" и базировали свои обвиненія ген. Янушкевича въ „автономныхъ убѣжденіяхъ" въ отношеніи его старой родины Польши, выходцемъ изъ которой онъ былъ, но своимъ взглядамъ, и патріотическимъ чувствамъ не измѣнилъ, несмотря на то, что воспитался, жилъ и дослужился до генеральскихъ чиновъ въ русской арміи и оффиціально хотя и признавалъ Россію своей родиной, но... все же, видимо, родиной „второй".

Съ уходомъ сенатора Петерсона, помощникомъ намѣстника по гражданской части назначенъ былъ гр. Орловъ, близкій родственникъ высланнаго въ свое время заграницу и отравленнаго въ дорогѣ генералъ-адъютанта.

Такимъ образомъ, далекихъ отъ всяческихъ придворныхъ дрязгъ распутинской эпохи — ген. Мышлаевскаго и сен. Петерсона — смѣнили непосредственные участники придворной политики того періода — генер. Янушкевичъ и гр. Орловъ.

О центральной фигурѣ новой кавказской власти — о великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ — и говорить не приходится.

Участвуя еще въ бытность свою верховнымъ главнокомандующимъ въ собраніяхъ гвардейскихъ офицеровъ, зачастую обсуждавшихъ создавшееся, въ связи съ огромнымъ вліяніемъ Григорія Распутина на государственныя дѣла, положеніе, Николай Николаевичъ не разъ высказывалъ свое мнѣніе о возможной въ недалекомъ будущемъ необходимости „повернуть штыки на Петербургъ".

И только послѣ посѣщенія его депутаціей монархистовъ сталъ склоняться къ мнѣнію послѣднихъ, находившихъ, что достаточно „изъять" Распутина, какъ все войдетъ въ нормальную колею.

Въ связи съ такимъ мнѣніемъ Николая Николаевича, высказаннымъ на одномъ изъ совѣщаній, и возникъ среди офицеровъ гвардіи планъ убійства Распутина, выполненіе коего въ свое время было возложено на ротмистра Образцова, какъ извѣстно, ограничившагося нанесеніемъ Распутину пощечины въ загородномъ ресторанѣ „Вилла-Родэ" и вернувшагося послѣ этого немедленно обратно въ полкъ.

Но эта неудача не только ничуть не смутила общество гвардейскихъ офицеровъ, а лишній разъ убѣдила ихъ въ необходимости создать изъ своей среды нѣчто вродѣ спеціальнаго органа, хотя бы въ видѣ особаго комитета, задача котораго заключалась бы исключительно въ исполненіи намѣченнаго рѣшенія.

И, выдѣливъ изъ своей среды небольшую группу, общество гвардейскихъ офицеровъ все же въ концѣ концовъ осуществило этотъ планъ при чрезвычайно исключительныхъ обстоятельствахъ, на чемъ подробно остановлюсь ниже.

Но и Николай Николаевичъ, будучи уже кавказскимъ намѣстникомъ, не слагалъ, однако, оружія въ борьбѣ, какъ противъ всѣхъ, явныхъ и тайныхъ, „распутинцевъ", такъ и противъ всей придворной нѣмецкой партіи, сгруппировавшейся вокругъ Государыни Александры Федоровны.

Имѣя въ управленіи намѣстничества большой штатъ офицеровъ для связи и чиновниковъ для особыхъ порученій, Николай Николаевичъ, наряду съ командировками оффиціальнаго характера, лично отдавалъ командируемымъ чинамъ намѣстничества порученія секретнаго характера, касавшіяся, исключительно, свѣдѣній о ходѣ событій, какъ

на фронтѣ, такъ и въ столицѣ, въ связи съ дѣятельностью Распутина и всей его плеяды поклонниковъ при царскосельскомъ дворцѣ.

Утихшіе было на время толки о заключеніи сепаратнаго мира съ Германіей, съ уходомъ грознаго Николая Николаевича съ поста верховнаго главнокомандующаго, возобновились съ удвоенной энергіей.

Еще ранѣе одно время дошло до того, что въ эту область придворной политики оказался замѣшаннымъ и распутинскій „маклеръ изъ гильдейскихъ купцовъ", услугами котораго рѣшено было воспользоваться въ смыслѣ организаціи свиданія представителей державъ, и онъ уже совсѣмъ было собрался поѣхать въ Стокгольмъ по своимъ якобы, „купеческимъ дѣламъ", какъ это провѣдала военная и жандармская контръ-развѣдки; первая сообщила объ этомъ по прямому проводу въ Ставку, а вторая — своему непосредственному начальнику и шефу, министру внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостову.

И вмѣсто Стокгольма „гильдейскій купецъ" очутился по дорогѣ въ Вятку, куда высланъ былъ въ административномъ порядкѣ на все время войны, но вскорѣ возвращенъ былъ, по настоянію Распутина. А въ исходатайствованной ему тѣмъ же Распутинымъ аудіенціи у Государыни Александры Федоровны, на пріемѣ въ царскосельскомъ дворцѣ, повѣдалъ послѣдней о цѣломъ рядѣ „тайныхъ замысловъ", извѣстныхъ ему изъ одному только ему и доступныхъ „достовѣрныхъ" источниковъ, о готовящемся противъ „Ея Величества Государыни-Императрицы" и „его старчества — Григорія Распутина" заговорѣ, долженствовавшемъ завершиться убійствомъ Распутина и заточеніемъ Государыни въ одинъ изъ дальнихъ монастырей.

Этой аудіенціей Распутинъ имѣлъ въ виду не столько огражденіе Государыни отъ грозящей ей мнѳической опасности, сколько упроченіе своего авторитета и, естественно, усиленія, въ связи съ этимъ, и охраны своей собственной особы...

А попутно съ этимъ представлялась и возможность щегольнуть излюбленнымъ Распутинымъ въ послѣднее время пріемомъ, къ которому онъ часто прибѣгалъ.

— Что жъ! — говорилъ обыкновенно Распутинъ, — пускай убиваютъ! За Царя убьютъ, коли на то имъ воля такая дана...

— Но... меня не будетъ, и... Царя не будетъ, — заявлялъ онъ въ такихъ случаяхъ.

И этимъ онъ вызывалъ къ себѣ вновь исключительное отношеніе, не то жалости, не то поразительнаго вниманія, если не столько за такую его „апостольскую“ готовность умереть за своего любимаго Царя, то, главнымъ образомъ, вслѣдствіе страха передъ его предсказаніемъ.

Почему, именно, его смерть была „смертью за Царя“, и чѣмъ руководился Распутинъ, увѣряя, что „если его не будетъ, то и Царя не будетъ“, — этого никто себѣ, конечно, не уяснялъ.

Но въ такіе дни въ царскосельскомъ дворцѣ наступало подавленное состояніе, разговоры только и вертѣлись вокругъ вопроса о предстоящемъ убійствѣ Распутина, а результатомъ ихъ были — новыя мѣры охраны „старца“.

Да и самъ Распутинъ, поддавшись вліянію всѣхъ такихъ слуховъ, сталъ какъ-то осторожнѣе, прекратилъ свои кутежи по веселымъ мѣстамъ, пересталъ, какъ ранѣе бывало, принимать всяческія приглашенія на вечера въ малознакомые дома, поздно нигдѣ не засиживался и исключенія дѣлалъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда лично вѣрилъ въ отсутствіе какихъ бы то ни было подозрѣній въ смыслѣ полной своей безопасности.

Но и чрезвычайная осторожность не помогла ему.

Быть можетъ и предчувствуя, какъ это видно будетъ ниже, нѣкоторыя для себя непріятности, Распутинъ, однако, не хотѣлъ вѣрить въ свои предчувствія, вѣрнѣе — не могъ въ нихъ повѣрить...

Такъ искусно съорганизовано было все, отъ приглашенія его въ особнякъ гр. Юсупова-Сумарокова-Эльстонъ, до пріѣзда великаго князя Дмитрія Павловича за нимъ въ квартиру его на Гороховую улицу, №64, того самаго Дмитрія Павловича, котораго Распутинъ очень любилъ и основаній не имѣлъ не довѣрять ему, тѣмъ болѣе, что „старецъ“ считалъ себя авторомъ помилованія опальнаго отца его великаго князя Павла Александровича, вернувшагося послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія изъ заграничной ссылки обратно въ Россію, въ Петербургъ, въ объятія единственнаго сына своего Дмитрія Павловича, котораго Распутинъ часто называлъ даже просто „Митенькой“.

И палъ жертвой этой своей довѣрчивости, конечно, не предполагая, что и вел. кн. Дмитрій Павловичъ былъ участникомъ заговора и однимъ изъ „трехъ“, на кого общество гвардейскихъ офицеровъ возложило выполненіе акта убійства Григорія Распутина.

XIX.

Опасаясь, въ виду упорныхъ слуховъ, и, какъ это вскорѣ подтвердилось, — не безъ основаній, за жизнь Григорія Распутина, его „друзья“ стали принимать всевозможныя мѣры къ предотвращенію опасности, обративъ, главнымъ образомъ, серьезное свое вниманіе на охрану личности „старца“.

По ихъ настоянію увеличена была охрана дома, въ которомъ жилъ Распутинъ, а попутно съ этимъ—усиленъ былъ наружный и внутренній надзоръ за самой квартирой его.

Имѣя нѣкоторыя основанія не довѣрять особенно директору департамента полиціи С. П. Бѣлецкому, въ виду обнаружившагося, хотя и косвеннаго, но все же участія его въ составленіи бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовымъ не безъ вѣдома С. П. Бѣлецкаго, какъ это впослѣдствіи выяснилось, плана организаціи убійства Распутина іером. Иліодоромъ, а наряду съ этимъ относясь также недовѣрчиво и къ непосредственному его подчиненному, начальнику петербургскаго охраннаго отдѣленія ген. Н. И. Глобачеву, „распутинцы“ настояли на устраненіи бывшей при „старцѣ“ охраны и на замѣнѣ ея особымъ штатомъ изъ числа царскосельской дворцовой охраны. Начальнику послѣдней предписано было лично съорганизовать охрану, откомандировавъ особый кадръ надежныхъ людей изъ Царскаго Села въ Петербургъ.

Съ тѣхъ поръ охрана квартиры Распутина доведена была до степени, которой могъ бы позавидовать даже покойный министръ фонъ-Плеве, какъ извѣстно, не скупившійся на охрану вообще, особенно на собственную свою охрану.

Уже подъѣзжая къ дому N⁰ 64 по Гороховой улицѣ, въ которомъ жилъ Распутинъ, можно было замѣтить шмыгающихъ взадъ и впередъ по троттуару типичныхъ

чиновъ дворцовой охраны съ бархатными околышами на черныхъ съ кожаными козырьками фуражкахъ.

Не менѣе типичными были и постоянно дежурившій у воротъ старшій дворникъ съ мѣдной бляхой на груди, и „убранный“ медалями швейцаръ дома, не только знавшій большинство распутинскихъ посѣтителей въ лицо, но многихъ даже по титулу или имени и отчеству величавшій, особенно широко распахивая передъ такими посѣтителями двери параднаго подъѣзда. На площадкахъ широкой лѣстницы, по два на каждой, сидѣли сонные чины охраны, зажимая по инерціи правой рукой въ карманѣ свои „парабеллюмы...“ При входѣ же въ самую квартиру, гостей встрѣчалъ бравый лакей, для котораго привычка „ѣсть глазами“ превратилась въ... профессію.

А въ пріемной,—довольно простовато обставленной гостиной комнатѣ, посѣтителей встрѣчалъ „приставленный къ старцу секретарь“, человѣкъ съ военно-полицейской выправкой, котораго штатскій костюмъ, видимо, сильно стѣснялъ, а въ обращеніяхъ съ посѣтителями онъ лаконически отвѣчалъ, какъ бы рапортуя:

— Такъ точно!.. Никакъ нѣтъ!... Не могу знать!...

Послѣдней инстанціей передъ личной аудіенціей у „старца“, — была „дежурная секретарша“, функціи коей исполняли поочередно, преимущественно титулованныя молодыя особы, въ большинствѣ случаевъ юныя дѣвушки, какъ то: дочери баронессы Медемъ, княжны Кутузовы, овдовѣвшая въ первый годъ войны графиня Соллогубъ, графиня Олсуфьева и др.

Но чаще всѣхъ „дежурной“ при Распутинѣ бывала восемнадцатилѣтняя, въ костюмѣ сестры милосердія и съ почти дѣтскимъ лицомъ, княжна Нарышкина, окончившая въ то время только что курсъ въ Смольномъ институтѣ.

Княжна Нарышкина одновременно исполняла и обязанности преподавательницы одной изъ дочерей Распутина, которую готовила для поступленія въ какой-нибудь институтъ.

Эта исторія съ институтомъ тоже одно время была темой скандальной хроники петербургскихъ газетъ.

Вознесшійся до небесъ Распутинъ пожелалъ, чтобы дочь его получила воспитаніе обязательно въ Смольномъ институтѣ, куда, по традиціи, принимались только дѣти высокопоставленныхъ лицъ.

Престарѣлая начальница института княгиня Ливенъ,

категорически отказала въ пріемѣ воспитанницы Распутиной, за что вскорѣ и лишилась своего мѣста, уступивъ его, послѣ двадцатитрехлѣтняго завѣдыванія институтомъ, новой директриссѣ, при которой „воспитанница Распутина“ была, конечно, водворена въ институтъ и не только безъ соблюденія обычныхъ формальностей о представленіи въ канцелярію института всѣхъ необходимыхъ документовъ, но и безъ экзаменовъ, обязательныхъ для всѣхъ безъ исключенія поступающихъ.

Этотъ фактъ имѣлъ мѣсто незадолго до убійства Распутина, а въ день смерти отца дочь Распутина добровольно покинула институтъ и болѣе уже туда не возвращалась.

На поступленіе Распутиной въ Смольный институтъ родители многихъ воспитанницъ его рѣзко реагировали, демонстративно переведя дѣтей своихъ изъ Смольнаго въ другіе институты. Такъ поступили князья Долгорукіе, графиня Нирод, князь Катакази и многія другія семьи, изъ рода въ родъ воспитывавшія дѣтей своихъ исключительно въ Смольномъ институтѣ.

Все это, конечно, мелочь по сравненію съ тѣмъ колоссальнымъ вліяніемъ, какимъ пользовался Распутинъ въ дѣлахъ серьезнаго значенія и въ вопросахъ чисто государственной важности.

Но характеренъ въ данномъ случаѣ самъ по себѣ фактъ удовлетворенія мельчайшихъ капризовъ Распутина. Ибо только капризомъ съ его стороны можно считать такое его требованіе объ обязательномъ опредѣленіи дочери своей именно въ Смольный институтъ, тогда какъ подобныхъ институтовъ въ Петербургѣ имѣлось и безъ него болѣе чѣмъ достаточно.

Но и этотъ капризъ его былъ удовлетворенъ безпрекословно, цѣною нарушенія не только исконныхъ традицій учебнаго заведенія, но и строгихъ по отношенію ко всѣмъ поступающимъ правилъ, которыми пренебрегли въ угоду капризу „старца“...

. . . . . .

И такъ, охрана Распутина была учреждена исключительная.

Для завершенія цикла ея,— „прикомандированъ“ былъ и роскошный автомобиль изъ царскосельскаго гаража, въ которомъ Распутинъ не только по городу разъѣзжалъ, но сталъ ѣздить и въ Царское Село.

Эта чрезвычайная мѣра предосторожности была вызвана недавнимъ крушеніемъ поѣздовъ на линіи царскосельской желѣзной дороги.

Совершенно случайно въ это крушеніе попала и статсъ-дама А. А. Вырубова, которая сильно пострадала отъ крушенія, лишившись, вслѣдствіи необходимости въ ампутаціи, обѣихъ ногъ...

Конечно, и этимъ случаемъ не премииули воспользоваться „распутинцы", увѣряя, что крушеніе это было умышленное, созданное все тѣмъ же „тайнымъ военнымъ союзомъ", задавшимся цѣлью убить „старца" Распутина, который, дѣйствительно, долженъ былъ поѣхать вмѣстѣ съ А. А. Вырубовой, но задержался въ Петербургѣ по какимъ-то важнымъ дѣламъ.

И, чтобы не подвергать опасности жизнь „святого старца", котораго собственное „пророчество" спасло уже однажды отъ крушенія, рѣшено было избавить его отъ необходимости не только ѣздить по желѣзной дорогѣ, но и появляться на царскосельскомъ вокзалѣ, всегда переполненномъ въ то время военными, которыхъ Распутинъ почему-то особенно избѣгалъ и даже какъ-то инстинктивно страшился.

Нежеланіе Распутина появляться на царскосельскомъ вокзалѣ вызвано было не столько ужъ страхомъ, сколько безобидной шуткой со стороны нѣсколькихъ офицеровъ, жертвой которой онъ однажды сдѣлался.

Группа молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, отправлявшаяся на фронтъ, заняла отдѣльный вагонъ у перрона перваго пути, откуда долженъ былъ отойти воинскій поѣздъ. Шумная, будучи немного навеселѣ, офицерская компанія группами бродила по перрону въ ожиданіи отхода поѣзда, когда кто-то вдругъ ссобщилъ, что „старецъ Распутинъ идетъ..."

Едва только Распутинъ приблизился къ группѣ офицеровъ, чтобы, пройдя мимо, свернуть вправо къ готовому уже къ отходу поѣзду съ царской вѣтки, какъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ шутя скомандовалъ:

— Господа офицеры! Смирно!

И молодежь, вытянувшись въ струнку и ставъ во фронтъ, взяла подъ козырекъ...

Распутинъ, блѣдный весь, быстро миновавъ группу молодыхъ офицеровъ и сѣвъ въ вагонъ царскаго поѣзда, отбылъ подъ громкій смѣхъ офицеровъ, долго еще бока

надрывавшихъ надъ остроумной шуткой своего однополчанина, если не ошибаюсь, принца Мюрата.

А въ Царскомъ Селѣ эту безобидную шутку молодыхъ офицеровъ превратили въ... готовившееся членами „тайнаго военнаго союза“ покушеніе на особу старца, покушеніе, неудавшееся только благодаря тому, что на перронѣ въ то время было, будто бы, слишкомъ сильное движеніе...

Все это и привело къ рѣшенію, съ цѣлью предотвращенія всяческой опасности для старца, избавить его отъ необходимости ѣзды по желѣзной дорогѣ и обязательно связанными съ поѣздками непремѣнными посѣщеніями царскосельскаго вокзала, предоставить въ его распоряженіе автомобиль, въ которомъ онъ и сталъ совершать свои поѣздки въ Царское Село.

Тутъ уже охрана „дѣйствовала“ во всю, купаясь въ излюбленныхъ охранниками „пріемахъ...“

Каждая такая поѣздка Распутина обставлялась чрезвычайной таинственностью. О предстоящей поѣздкѣ зналъ только начальникъ охраны Распутина, который лично и сопровождалъ его изъ Петербурга до Царскаго Села и обратно. Самый отъѣздъ также обставлялся всяческими „охранными модуляціями“, которыя „варіировались“ каждый разъ.

Такъ, напримѣръ: вмѣсто прямого сообщенія съ Гороховой улицы на Загородный проспектъ, а оттуда на Забалканскій проспектъ и прямую царскосельскую шоссейную дорогу, вплоть до самаго Царскаго Села, Распутинъ свои путешествія совершалъ кружнымъ, и каждый разъ новымъ, путемъ.

Автомобиль, въ дни его такихъ поѣздокъ стоявшій всегда спиной къ Загородному проспекту, обычно увозилъ „старца“ въ городъ, въ прямомъ направленіи до Морской улицы, откуда только сворачивалъ на Вознесенскій проспектъ, зигзагами по разнымъ улицамъ выбирался на окраину города, а тамъ уже и на шоссе, зачастую минуя Пулково и поселки, добирался до Царскаго Села.

Всѣ эти мѣры предосторожности примѣнялись, конечно, безъ всякой связи съ какой либо опасностью, въ дѣйствительности грозившей тогда Распутину, а являлись просто чрезмѣрнымъ „усердіемъ“ охраны, стремившейся „выслужиться“, какъ предъ „старцемъ“, такъ еще болѣе передъ „высокими особами“, которымъ до того служили

эти же чины дворцовой охраны, откомандированные нынѣ въ распоряженіе и для охраны Распутина.

Съорганизованная, такимъ образомъ, охрана Распутина продолжала неотлучно оставаться при немъ до самаго момента его убійства.

Сопровождая его всюду, куда бы „старецъ“ ни отлучался, и охраняя его даже въ собственной квартирѣ, охрана эта, однако, не послѣдовала за нимъ въ ту самую ночь, когда онъ, отправившись въ особнякъ графа Юсупова-Сумарокова Эльстонъ, оттуда болѣе уже не вернулся.

Такая оплошность охраны была вызвана, конечно, отсутствіемъ какихъ бы то ни было подозрѣній къ явившемуся лично и сопровождавшему Распутина великому князю Дмитрію Павловичу, равно какъ и полнымъ довѣріемъ къ дому гр. Сумарокова-Эльстонъ, куда отправился Распутинъ, — заявивъ домашнимъ, что онъ „скоро вернется“ домой.

Впослѣдствіи всѣ чины придворной царскосельской охраны, прикомандированные къ Распутину, послѣ совершенія убійства, были заподозрѣны въ соучастіи въ преступленіи и, несмотря на полное отсутствіе уликъ противъ нихъ, они все же разслѣдованіемъ признаны были виновными въ неисполненіи точныхъ предписаній и въ несоблюденіи преподанныхъ имъ спеціальныхъ инструкцій, за что и подверглись устраненію, въ видѣ наказанія, изъ штата дворцовой охраны.

. . . . . .

Бывая часто на вечерахъ и вечеринкахъ, спеціально для него устраиваемыхъ въ домахъ у его поклонниковъ, Распутинъ тяготился, однако, великосвѣтскимъ обществомъ, обращавшимся съ нимъ, дѣйствительно, какъ „со святымъ“.

Одно время это общество ему сильно наскучило, и онъ откровенно какъ-то признался:

— Хорошо тамъ, словъ нѣтъ. Но... у цыганъ лучше... веселѣе и... свободнѣе...

— Слово — „свободнѣе“ — имъ какъ то особенно подчеркивалось. Чувствовалось, что необходимость поддерживать въ этомъ великосвѣтскомъ обществѣ престижъ своего „старчества“ главнымъ образомъ и тяготило Распутина.

И онъ обѣдать охотно поэтому, и довольно часто за послѣднее время, бывалъ въ домѣ извѣстной и хорошо знакомой въ петербургскихъ артистическихъ кругахъ,

хотя и диллетантки, но прекрасной исполнительницы цыганскихъ романсовъ, Екатерины Діонисіевны Лѣсенко.

Въ этомъ домѣ я и встрѣтилъ Григорія Распутина. И описаніемъ его пребыванія внѣ великосвѣтскаго общества въ кругу „обыкновенныхъ смертныхъ", гдѣ Распутинъ чувствовалъ себя довольно свободно и, поддаваясь царившему въ этомъ домѣ общему настроенію, становился и самъ обыкновеннымъ „смертнымъ", не имѣя надобности изображать ни „старца", ни тѣмъ болѣе „святого", думается, удастся достигнуть характеристики Распутина, такъ сказать, „въ натуральномъ видѣ".

Жила Е. Д. Лѣсенко очень близко отъ дома, гдѣ жилъ Распутинъ, на слѣдующей отъ Гороховой улицы, и параллельной съ ней, на новой Бородинской улицѣ, въ домѣ мѣщанской управы, одной стороной выходившемъ на набережную Фонтанки.

Часто, видимо, скучая дома, Распутинъ по вечерамъ запросто являлся въ этотъ домъ, предварительно всегда запрашивая по телефону: расположены ли хозяева дома принять его у себя?

И получая всегда отвѣтъ положительный, являлся, просиживая по нѣсколько часовъ кряду, слушая заунывные цыганскіе романсы подъ собственный на гитарѣ аккомпаниментъ хозяйки дома, исполнительницы этихъ романсовъ.

Изрѣдка Екатеринѣ Діонисіевнѣ аккомпанировала на піанино и дочь ея, Лидія Михайловна, учившаяся еще тогда музыкѣ.

Въ домѣ Лѣсенко въ дни такихъ визитовъ Распутина чаще всего посторонніхъ гостей не бывало. Изрѣдка только, случайно, какъ и его визиты, посѣщенія Распутина совпадали съ приходомъ одного-двухъ знакомыхъ этой семьи, чаще всего — подругъ-соученицъ или друзей дочери.

Случилось какъ-то, что простудившая горло и сильно охрипшая Екатерина Діонисіевна не могла доставить Распутину своими романсами удовольствія, и онъ, очень огорченный этимъ обстоятельствомъ, все время упрекалъ ее:

— Лишила меня удовольствія!.. А я то разсчитывалъ!.. Очень ужъ „Ямщика", особенно сегодня, послушать хотѣлось... Родной онъ мнѣ этотъ „Ямщикъ" твой...

И, точно чувствуя непреодолимую потребность въ

этомъ „Ямщикѣ“, Распутинъ, сидя въ мягкомъ креслѣ, призакрывъ глаза, слабенькимъ теноркомъ затянулъ:

— Ямщикъ, не гони лошадей!..

Сидѣвшая за инструментомъ барышня — піанистка подхватила аккомпаниментъ...

Но Распутинъ продолжать пѣнія своего не смогъ, сбиваясь все время съ тона, точно ему аккомпаниментъ мѣшалъ.

Какъ бы желая выручить его изъ неловкаго положенія, всѣ присутствовавшіе, точно угадавъ каждый мысль другого, затянули „Ямщика“, спѣвъ хоромъ довольно стройно всѣ три куплета этого „душещипательнаго“ и моднаго въ то время романса.

Распутинъ все время сидѣлъ и, затаивъ дыханіе, какъ бы уносился въ воспоминаніяхъ куда-то далеко, далеко...

А когда пѣніе прекратилось, онъ глубоко воздохнувши, произнесъ:

— Ладная пѣсня!.. Душу мою выворачиваетъ!.. Нутро подымаетъ!..

И сталъ просить повторить всю пѣсню хоромъ.

Было уже довольно поздно, когда вслѣдъ за прекратившимся пѣніемъ Распутинъ поднялся и, прощаясь со всѣми, благодарилъ за доставленное удовольствіе.

Въ передней, пока Распутинъ одѣвался, было довольно тѣсно, такъ какъ маленькій масштабъ этой комнаты не могъ вмѣстить всѣхъ 8 — 9 человѣкъ, состоявшихъ изъ трехъ хозяевъ дома, Распутина и 3 — 4 посторонихъ.

На лѣстницѣ дома было уже темно, въ виду обычнаго прекращенія освѣщенія лѣстницъ послѣ полуночи, и гостепріимный хозяинъ дома, Алексѣй Ивановичъ Лѣсненко, проводилъ Распутина со свѣчей до самыхъ воротъ.

А тамъ его уже переняли всегда поджидавшіе „старца“ чины охраны, которые и проводили Распутина домой.

Не успѣлъ еще хозяинъ вернуться обратно въ квартиру, а гости — подѣлиться „впечатлѣніями о Распутинѣ“, котораго они впервые встрѣтили въ домѣ, какъ неожиданно раздался телефонный звонокъ.

Оказалось, что Распутинъ, придя къ себѣ въ квартиру, сообщалъ, что „благополучно вернулся домой“...

Когда же гости выразили свое удивленіе по поводу подобнаго извѣщенія о „благополучномъ прибытіи“, то хозяева дома объяснили, что за послѣднее время „это“ вошло у Распутина въ привычку и вызвано обязатель-

нымъ требованіемъ его великосвѣтскихъ поклонниковъ, которые, всякій разъ, когда „старецъ“ уѣзжаетъ отъ нихъ, безпокоясь, несмотря на сильную охрану, за его жизнь, обрываютъ телефонные звонки тогда уже, когда онъ, за дальностью иногда разстоянія, находится еще по пути къ себѣ домой.

И часто, чтобы его не безпокоили напрасно, да и не безпокоились о немъ, онъ, по возвращеніи домой, немедленно извѣщаетъ по телефону о „благополучномъ прибытіи“, и... спокойно отходитъ ко сну...

Опасаясь, видимо, чтобы его не побезпокоили, когда онъ уже будетъ „отходить ко сну“, Распутинъ и на сей разъ поспѣшилъ, по привычкѣ, предупредить тревогу ночного звонка по телефону въ свою квартиру, и самъ первый позвонилъ въ квартиру Лѣсненко.

. . . . . .

Въ этотъ же вечеръ я условился съ хозяйкой дома, что она извѣститъ меня о слѣдующемъ визитѣ Распутина, чтобы предоставить возможность нѣкоторымъ общимъ знакомымъ и друзьямъ нашимъ повидать Распутина въ домашней обстановкѣ, о чемъ послѣдніе неоднократно просили у Е. Д. Лѣсненко.

Чтобы не утруждать ее многочисленными приглашеніями всѣхъ этихъ лицъ, я взялъ на себя эту миссію, уговорившись съ ней заблаговременно сообщить мнѣ о визитѣ Распутина хотя бы по телефону, чтобы я, въ свою очередь, имѣлъ возможность извѣстить всѣхъ тѣхъ, кого рѣшено было пригласить на этотъ разъ.

Но прошло долгое время, и Распутинъ не пріѣзжалъ въ гости въ домъ къ Лѣсненко.

Бесѣдуя какъ-то съ хозяиномъ дома, Алексѣемъ Ивановичемъ Лѣсненко, я заговорилъ на тему о предполагавшемся вечерѣ съ Распутинымъ и сообщилъ ему, что всѣ намѣченные нами сообща лица съ нетерпѣніемъ ждутъ приглашенія, и что нѣкоторые изъ нихъ чуть ли не ежедневно справляются у меня объ этомъ, въ-чаяніи дождаться обѣщаннаго вечера.

Въ разговоръ вмѣшалась хозяйка дома, которая тутъ же заявила, что, не дожидаясь случайнаго визита Распутина, она сама его пригласитъ къ себѣ на ближайшую субботу. И не откладывая въ долгій ящикъ, она тутъ же позвонила по телефону въ квартиру Распутина.

Объявивъ „дежурной секретаршѣ“ свое имя, Екатерина Діонисіевна просила передать Григорію Ефимовичу,

что желаетъ лично съ нимъ говорить и тотъ, несмотря на настоичивыя увѣренія „секретарши“, что „Григорій Ефимовичъ врядъ ли подойдетъ къ телефону“ и просьбу „сообщить ей все для передачи“, едва только Распутину сообщили, что его проситъ къ телефону Екатерина Діонисіевна, немедленно подошелъ къ аппарату.

Называя всѣхъ по имени и на „ты“, Распутинъ давно уже привыкъ къ тому, чтобы съ нимъ говорили только на „вы“ и величали „Григоріемъ Ефимовичемъ“.

Одна, кажется, только Екатерина Діонисіевна съ этимъ никакъ не мирилась и, отчаявшись въ возможности добиться отъ него другого обращенія съ ней, стала и съ нимъ говорить не по обычному, называя его „Гришей“ и на „ты“.

По приглашенію хозяйки дома, я одновременно съ ней подошелъ къ телефонному аппарату и во вторую, добавочную слуховую трубку имѣлъ возможность выслушать весь разговоръ ея съ Распутинымъ.

Упуская предварительный разговоръ ея „съ дежурной“, которая, подойдя къ телефону, точно отрапортовала:

— Квартира Григорія Ефимовича! У телефона дежурная... Нарышкина... Кто говоритъ? — перейду непосредственно къ ея разговору съ Распутинымъ.

Едва только онъ очутился у телефоннаго рупора, какъ оттуда точно посыпалось:

— Это ты, Катя? Здравствуй, милая!.. Здравствуй, Катюша! Чего долго не звонишь?.. Забыла, небось!.. Нехорошо, нехорошо... А я... то...

Но тутъ Екатерина Діонисіевна остановила рѣчистый потокъ Распутина, упрекнувъ его въ томъ, что добиться его къ телефону труднѣе, чѣмъ въ рай попасть, и точно выговаривая ему за „систему“, введенную имъ, и необходимость называть себя дежурной, тутъ же заявила:

— Не хочу очутиться въ общемъ спискѣ обрывающихъ телефонъ дамъ... И тутъ же перешла по существу къ вопросу о приглашеніи его къ себѣ на субботу, заявивъ ему:

— Слушай, Гриша! Ты что въ субботу дѣлаешь? Свободенъ вечеромъ?

— Въ субботу?.. Постой, постой, милая!.. Сегодня вторникъ... Я у преосвященнаго... (митрополитъ Питиримъ). Завтра — середа... имѣю дѣло одно... съ Протопопомъ (министра внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопопова онъ такъ называлъ)...

И, точно роясь въ памяти, пропустивъ четвергъ, заявилъ:

— А въ пятницу я у... царицы... въ Царскомъ, значитъ... Въ субботу, говоришь? Въ субботу могу, могу.

— Это окончательно?.. — перепросила его хозяйка. Не подведешь? А то гости соберутся, а ты не придешь...

— А что? Праздникъ какой у тебя? — спросилъ Распутинъ.

— Да, да, — отвѣтила хозяйка дома и тутъ же случайно добавила: — именины мои въ субботу...

— Полно врать-то, Катя! Именины! Нѣшто Екатерина въ ноябрѣ бываетъ!..

Но хозяйка не растерялась и моментально отвѣтила:

— Ты же знаешь, что я не русская. Я гречанка. А „греческая Екатерина“ всегда въ ноябрѣ...

— Хорошо! — быстро согласился Распутинъ. Буду, обязательно буду...

И прежде чѣмъ закончить разговоръ свой, взялъ съ нея слово, что она ему „пѣсни пѣть будетъ“, особенно „Ямщика“, и „чтобы хоромъ, всѣ значитъ, какъ въ тотъ разъ“ — напомнилъ Распутинъ.

Хозяйка дома обѣщала и „пѣсни“ и „Ямщика“ и „хоромъ“...

Распутинъ, распрощавшись, еще разъ подтвердилъ:

— Ладно, буду... безпремѣнно тогда буду...

И отошелъ отъ телефона.

. . . . . .

XX.

Въ ближайшую субботу въ домѣ Екатерины Діонисіевны собралась масса гостей. Тѣсная квартира изъ трехъ комнатъ врядъ ли вмѣстила бы всѣхъ явившихся, почему изъ первыхъ двухъ комнатъ и вынесена была вся громоздкая мебель въ третью комнату, спальню, а двѣ превращены были: первая — въ столовую, гдѣ стоялъ посерединѣ столъ со стульями, а во второй оставлено было только піанино и по стѣнамъ разставлены были диваны, кресла и стулья для сидѣнія.

Къ девяти часамъ вечера всѣ гости, которыхъ приглашено было до двадцати человѣкъ, были уже въ сборѣ. Наша группа, состоявшая изъ тѣхъ, кого я обязался извѣстить, явилась вся сразу.

Тутъ были: артистъ императорскаго драматическаго театра Н. Н. Ходотовъ, артистъ императорскаго балета А. А. Орловъ, журналистъ Петръ Южный, имитаторъ и разсказчикъ Д. Дольскій, солистъ-скрипачъ шереметевскаго оркестра Лео Гебенъ, артистъ и конферансье Ал. Алексѣевъ, неизмѣнный аккомпаніаторъ Н. Н. Ходотова въ его мелодекламаціяхъ, — піанистъ Евг. Вильбушевичъ и я.

Уже войдя въ узкій и съ высокими постройками дворъ, напоминавшій колодезь, изъ открытыхъ форточекъ, находившейся въ четвертомъ этажѣ квартиры Лѣсненко можно было слышать звуки піанино и сольное женское пѣніе.

Мы были убѣждены, что опоздали, и быстро стали подыматься по высокой и крутой лѣстницѣ.

Постоявъ нѣсколько секундъ у дверей, чтобъ отдышаться отъ быстрой ходьбы по тяжелымъ ступенямъ входной лѣстницы и одновременно съ тѣмъ дождаться отставшихъ отъ насъ и медленно взбиравшихся вверхъ, мы, наконецъ, позвонили.

Одновременно съ нашимъ звонкомъ, точно оборвалась и слышавшаяся все время изъ квартиры музыка.

Когда же двери растворились, то глазамъ нашимъ представилась слѣдующая картина:

— Всѣ гости расположились въ передней и въ смежномъ съ нею длинномъ, узкомъ, ведущемъ въ квартиру корридорѣ. Оказалось, что Распутина еще нѣтъ, и какъ нашъ, такъ и звонки приходившихъ до насъ гостей, вносили одинаковую тревогу въ среду собравшихся.

Многимъ изъ нихъ предстояло впервые удостоиться лицезрѣть „самаго Распутина", и любопытство ихъ настолько заѣдало, что они хотѣли использовать этотъ случай, что называется, по мѣрѣ возможности, полностью, отъ начала и до конца, рѣшивъ поэтому не пропустить ни одного момента отъ появленія его и до ухода, почему и бросались каждый разъ на звонокъ въ переднюю, полагая, что это Распутинъ идетъ.

Среди находившихся уже въ сборѣ гостей преобладали представительницы прекраснаго пола—дамы, барышни, подруги дочери Лѣсненко.

Мужская половина состояла изъ хозяина дома, одного студента, явившагося сопровождать сестру—ученицу консерваторіи, и случайно пріѣхавшаго въ тотъ день изъ Ростова на Дону, откуда родомъ и были Лѣсненко, мѣстнаго купца-армянина.

Ввалившаяся въ домъ группа изъ десятка почти молодыхъ людей, среди которыхъ были „по профессіи своей обязанные быть веселыми", сразу внесла большое оживленіе.

Въ первой комнатѣ былъ сервированъ чай, и едва только насъ, пришедшихъ вмѣстѣ, перевели туда къ чаепитію, какъ постепенно и все общество перешло въ эту комнату.

По предложенію хозяйки дома, всѣ дамы, усердствуя, угощали насъ чаемъ и, точно торопясь исполнить скорѣе возложенную на нихъ хозяйкой дома миссію, чтобы освободиться скорѣе и не пропустить момента появленія Распутина, онѣ быстро наливали намъ одну чашку за другой, дожидаясь съ нетерпѣніемъ окончанія нашего чаепитія.

Мы отпили чай, долго еще шутили надъ нетерпѣливостью нашихъ дамъ, такъ же шутя увѣряли ихъ, что Распутинъ „во хмелю очень опасенъ въ дамскомъ обществѣ" (хотя никто изъ насъ никогда его въ такомъ состояніи еще не видѣлъ, да и вообще никто, кромѣ меня, до того еще съ нимъ нигдѣ не встрѣчался), почему, также шутя, и предлагали имъ предоставить намъ возможность

до его прихода уничтожить часть заготовленныхъ напитковъ и т. д.

А въ другой комнатѣ скрипачъ Гебенъ игралъ подъ сурдинку „менуэтъ Боккерини“, репетируя съ одной изъ барышень фортепіанную партію аккомпанимента.

Было уже позже десяти часовъ вечера, когда въ передней раздался, какъ намъ всѣмъ показалось, рѣзкій звонокъ.

Никто, конечно, не сомнѣвался, что это идетъ, наконецъ Распутинъ, ибо кромѣ него всѣ гости были уже въ сборѣ, да и время для прихода другихъ гостей было уже довольно поздее.

И не ошиблись. Это, дѣйствительно, оказался „самъ“ Григорій Ефимовичъ...

Въ гостиной музыка точно оборвалась. Хозяинъ дома умышленно замедлилъ съ открытіемъ входныхъ дверей, чтобы дать время гостямъ расположиться поудобнѣе въ передней, корридорѣ и въ дверяхъ гостиной комнаты и занять, какъ еще ранѣе условились, „наблюдательные посты“...

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ всѣ были на своихъ мѣстахъ, и А. И. Лѣсненко, открывъ съ шумомъ внутреннія двери, распахнулъ передъ гостемъ и наружную парадную дверь...

Въ прекрасной шубѣ и бобровой шапкѣ, нахлобученной по уши, Распутинъ, въ тотъ моментъ, когда открывалась дверь, стоялъ спиной къ намъ, и только послѣ всѣ замѣтили, что своей, не столько фигурой, сколько широкой шубой, онъ, разговаривая съ ней, закрывалъ одѣтую въ костюмъ сестры милосердія невысокаго роста изящную шатенку, оказавшуюся самой приближенной къ „старцу“ секретаршей, княжной Нарышкиной.

Закрывалъ собой Распутинъ княжну Нарышкину не умышленно, а о чемъ то съ ней, обращаясь непосредственно, тихо бесѣдуя.

Распутинъ привѣтливо поздоровался съ открывавшимъ ему двери хозяиномъ дома А. И. Лѣсненко и, повернувшись къ нему съ протянутой рукой, далъ намъ возможность хорошо разсмотрѣть княжну Нарышкину.

Уже направляясь къ раскрытой двери квартиры, Распутинъ протянулъ Нарышкиной руку и, точно благословляя, перекрестилъ ее, приговаривая:

— Ну, иди съ Богомъ, Леночка! Смотри-же, такъ и

передай... мамѣ... Скажи княгинюшкѣ отъ меня... Такъ-то оно лучше будетъ...

Это было, видимо, продолженіе начатаго до открытія дверей разговора, почему мы и понять ничего не могли изъ этихъ отрывочныхъ фразъ.

А въ то время, когда Распутинъ, закончивъ разговоръ, осѣнилъ Нарышкину крестнымъ знаменіемъ, юная барышня, наклонившись точно для благословенія, обѣими руками взяла руку Распутина и... поцѣловала ее...

На прощанье Распутинъ отечески погладилъ княжну по головѣ и, сдѣлавъ шагъ въ раскрытыя двери, переступилъ порогъ и очутился въ квартирѣ.

— Заждались! — обратился онъ къ хозяину дома.

И какъ бы желая оправдать свой поздній визитъ, не дожидаясь отвѣта на свой вопросъ, продолжалъ:

— Задержали... Гости были... Не то, чтобы гости, а по дѣлу...

Кто то помогъ Распутину снять шубу, а онъ, сбросивъ слишкомъ свободно сидѣвшую на головѣ мѣховую шапку, пальцами замѣняя гребень, расправлялъ блестѣвшіе точно отъ жира волосы на головѣ и разгладилъ бороду.

Пиджака на немъ не было, и, снявши шубу, онъ оказался въ красной шелковой русскаго покроя косовороткѣ, напущенной на черныя брюки въ русскихъ сапогахъ, и повязанной изящнымъ витымъ шнуромъ съ опущенными на одну сторону двумя кистями.

Ни съ кѣмъ не знакомясь, а отдѣлавшись общимъ поклономъ, Распутинъ прошелъ въ столовую, гдѣ поздоровался съ хозяйкой дома и, принявъ, видимо, за чистую монету „греческую Екатерину“, поздравилъ ее съ днемъ ангела, сказавъ при этомъ:

— Вишь, Катерина Діонисова! Сказалъ пріѣду... и пріѣхалъ...

И точно желая сдѣлать ей нѣчто особенно пріятное, подчеркнулъ:

— Только для тебя и сдѣлалъ... Потому, хорошая ты...

Быстро отпивъ поданную ему хозяйкой дома чашку чая и отказавшись отъ предложеннаго печенія, Распутинъ, а за нимъ и всѣ гости, перешли въ смежную комнату, гдѣ скрипачъ Л. Гебенъ, уже открылъ „концертъ“ бравурной мазуркой, вслѣдъ за которой исполнилъ, по просьбѣ усиленно апплодировавшихъ ему гостей, рядъ отдѣльныхъ

музыкальныхъ номеровъ, отъ „Ave Maria“ до „менуэта Боккерини“.

Апплодировалъ каждому номеру и Распутинъ, на котораго особенное, видимо, впечатлѣніе произвела „Ave Maria“, повторенная по его просьбѣ.

Мелодекламація Н. Н. Ходотова не понравилась „старцу“, и когда хозяйка дома, послѣ прочтенія „Каменщика“, спросила, нравится ли ему мелодекламація, Распутинъ отвѣтилъ:

— Хорошо!.. оно можетъ и хорошо, да ужъ больно страшно...

Много хохоталъ Распутинъ надъ передачей разсказчикомъ А. Дольскимъ бытовыхъ сценокъ и сценокъ изъ солдатской жизни.

Въ маленькой, биткомъ набитой гостями, комнатѣ было душно, накурено и жарко. Распутинъ не курилъ и все время закашливался отъ табачнаго дыма.

Чтобы освѣжить эту комнату, гости перешли въ столовую, гдѣ уже сервированъ былъ столъ. Масса разныхъ закусокъ дразнила аппетитъ проголодавшихся гостей, а „баттарея бутылокъ“ привлекла вниманіе мужчинъ, и кто то предложилъ „попробовать по единой“...

Хозяйка запротестовала, ссылаясь на то, что ужинъ еще не совсѣмъ готовъ, гости шумно возражали, увѣряя ее, что дѣло не въ ужинѣ, а въ выпивкѣ...

— Это-то вѣрно! — раздался вдругъ голосъ Распутина: поѣсть всегда можно, а вотъ выпить то важно ко времени...

И всѣ усѣлись за столъ.

Хозяинъ дома налилъ всѣмъ по рюмкѣ, гости чокнулись и выпили.

Передъ однимъ только Распутинымъ рюмка оставалась нетронутой. И только когда гостямъ наливали уже по второй, онъ недовѣрчиво поднесъ свою рюмку къ губамъ и медленно, точно выцѣдивъ, выпилъ ее.

Эта подозрительность Распутина, совершенно незамѣченная большинствомъ гостей, не ускользнула, однако, отъ вниманія хозяйки дома, Екатерины Діонисіевны, и она, точно для успокоенія его, тутъ-же на глазахъ у всѣхъ откупорила новую бутылку и наливъ изъ нея себѣ первую рюмку, выпила ее залпомъ, передавъ всю бутылку Распутину со словами:

— Это тебѣ. Ты эту наливку любишь, вотъ и пей.

А мы другую пить будемъ... Хватитъ... А этой больше нѣтъ...

Распутинъ быстро опустошалъ бутылку съ наливкой уничтожая при этомъ массу закусокъ.

Гости понемногу веселѣли, и настроеніе рѣзко мѣнялось.

Кто то изъ пѣвцовъ затянулъ застольную „Чарочку", а когда всѣ хоромъ запѣли:

„Выпьемъ мы за Гришу,
„Гришу дорогого...

... Распутинъ поднялся изъ за стола, налилъ большую стопку водки и, залпомъ выпивъ ее, обратился къ хозяйкѣ:

— Это за твое здоровье, именинница!

Продолжали пить; гости весело шутили, шумно разговаривая, а Распутинъ былъ уже достаточно пьянъ, когда стали только ужинъ подавать и разливать всѣмъ вино по бокаламъ.

И чѣмъ больше онъ хмѣлѣлъ, тѣмъ больше пилъ, все приговаривая:

— Ой, пьянъ буду! Ой, ой, дѣти — пьянъ буду!..

Исчезла не только недавняя, во время импровизированнаго концерта, серьезность его, но и подозрительность...

Распутинъ пилъ все, что ему наливали: вино красное и бѣлое, портвейнъ и мадеру, а къ концу ужина и пиво.

Ужинъ затянулся часовъ до двухъ ночи. Давно уже всѣ слѣды его исчезли со стола, въ смежной комнатѣ уже пѣли и танцовали дамы, а мужчины, тѣснымъ кольцомъ усѣвшись за столомъ, допивали остатки заготовленныхъ напитковъ.

Хозяинъ дома, Алексѣй Ивановичъ, когда въ дверяхъ столовой появилась его супруга, обращаясь къ гостямъ, умышленно пошутилъ, полунасмѣшливо громко заявивъ:

Въ хорошихъ домахъ сейчасъ кофейку бы подали...

— Сейчасъ будетъ кофе, — заявила хозяйка.

— И съ ликерчикомъ, или коньячкомъ бы подали...

— Ликера нѣтъ, заявила опять хозяйка, а коньячку могу...

Всѣ повеселѣли, точно ожили. Особенно радовался Распутинъ, не переставая похваливать хозяйку:

— Ай, да Катерина!.. Молодецъ, одно слово!.. Люблю у тебя бывать!.. Свойскій ты человѣкъ.

И тутъ же Распутинъ запѣлъ слова изъ „Чарочки“:

„Выпьемъ мы за Катю, Катю дорогую,
„Свѣтъ еще не видѣлъ — милую такую...

Это „соло“ Распутина точно сигналомъ послужило. Немедленно открыли дверь въ смежную комнату, и полились одна за другой пѣсни подъ аккомпаниментъ піанино и скрипки.

Пѣли хоромъ, соло, хозяйка дома спѣла пресловутаго „Ямщика“, еще два-три романса, въ заключеніе затянули хоровую...

Распутинъ сильно оживился и принималъ непосредственное участіе въ хорѣ. А когда въ припѣвѣ какой-то хоровой цыганской пѣсни стали прихлопывать въ ладоши, Распутинъ, заложивши руки за поясъ, неожиданно пустился въ плясъ.

Всѣ разступились... А Распутинъ, все болѣе входя во вкусъ, продолжалъ плясать, однообразно топчась на одномъ мѣстѣ, мелко отбивая тактъ правой ногой, пока его не смѣнилъ балетный артистъ А. А. Орловъ или просто „Саша Орловъ“, какъ его всѣ называли.

Одинъ изъ лучшихъ характерныхъ танцоровъ Императорской сцены, Саша Орловъ въ этотъ вечеръ къ тому же еще, что называется, и въ ударѣ былъ.

Смѣняя одну за другой фигуру за фигурой, онъ вносилъ въ свое исполненіе однообразной по музыкѣ „хоровой“, столько разнообразныхъ нюансовъ и отдѣльныхъ „па“, что не только гости, но и мы, знавшіе издавна Сашу Орлова и не разъ видавшіе его въ такой домашней обстановкѣ, внѣ сцены, были пріятно поражены.

Сидѣвшій же въ углу Распутинъ не успѣлъ еще какъ слѣдуетъ отдышаться отъ своего пляса. Но танцы Орлова заставили его приподняться, и онъ, занявъ мѣсто у піанино, откуда виднѣе было, уставился на Орлова и глазъ не сводилъ съ его ногъ.

А тотъ, словно задѣтый за профессіональное самолюбіе, творилъ чудеса, если не хореографіи, то просто танцовальной техники.

Закончилъ Орловъ свой танецъ уже не подъ мотивъ, а только подъ тихій аккомпаниментъ піанино, выбивая всю мелодію музыки „чечеткой“.

Подъ громъ апплодисментовъ Орловъ финишировалъ...

Но едва только апплодисменты прекратились, какъ Распутинъ попросилъ музыки и снова пошелъ плясать, пытаясь заимствовать нѣкоторыя „па“ и „фигуры“ у Орлова.

Правда, слабо, но кое что Распутинъ все же уловилъ и долго повторялъ схваченное изъ танцевъ Орлова, точно стараясь его получше усвоить.

А окончивъ свое „второе выступленіе“, Распутинъ счелъ своимъ долгомъ похвалить Орлова:

— Хорошо, хорошо танцуешь! А я то тебя и не зналъ! Гдѣ танцуешь?

Этотъ вопросъ почему-то очень обидѣлъ самолюбиваго Сашу Орлова, котораго, дѣйствительно, весь Петербургъ зналъ, и онъ не безъ злобы отвѣтилъ Распутину:

— Гдѣ танцую! Въ театрѣ, Григорій Ефимовичъ! Въ Императорскомъ театрѣ... Вотъ вы бы вмѣсто „Вилла Роде“ пришли хоть разъ искусство посмотрѣть... Я бы вамъ „Иванушку-Дурачка“ показалъ... Вотъ бы ахнули!

Рѣчь шла о коронной роли Орлова „Иванушки-Дурачка“ въ классическомъ русскомъ балетѣ „Конекъ Горбунокъ“.

Но Распутинъ этого не зналъ и оскорбился, предполагая непріятный въ этомъ для себя какой-то смыслъ, или даже намекъ.

Хозяйкѣ дома, однако, удалось растолковать ему дѣйствительный смыслъ сказаннаго Орловымъ, и „старецъ“ успокоился.

Все же на общемъ настроеніи гостей этотъ маленькій инцидентъ отразился, и Орловъ, чтобы загладить свою вину, не столько передъ Распутинымъ, сколько передъ всѣмъ обществомъ гостей, задалъ вдругъ ему вопросъ, указывая на стоящій въ углу небольшой столикъ:

— А вы, Григорій Ефимовичъ, на такомъ столѣ танцовать умѣете?

Распутинъ долго, какъ бы соображая, осматривалъ столъ, а затѣмъ отвѣтилъ:

— Не знаю... Не пробовалъ...

А я умѣю, — похвасталъ Орловъ.

И тутъ — же, выдвинувъ столикъ на средину комнаты, онъ однимъ прыжкомъ очутился на немъ. Заиграла музыка, и Орловъ въ миніатюрѣ продѣлывалъ на столѣ всѣ тѣ фигуры, которыя ранѣе исполнялъ въ большомъ масштабѣ на полу, въ заключеніе спрыгнувъ съ него

подъ музыку и закончивъ послѣдніе нѣсколько тактовъ уже на полу.

Зависти, настоящей, неподдѣльной зависти Распутина — не было предѣловъ. Чувствовалось, что лавры Орлова не даютъ ему спать.

И ничтоже сумняшеся, Распутинъ, пододвинувъ стулъ къ столу, пошатываясь, сталъ на него взбираться.

Видя, что онъ совершенно пьянъ, хозяинъ дома пытался уговорить его оставить „соревнованіе“ до слѣдующаго раза.

Но Распутинъ заупрямился:

— Эка важность! Попробую!.. Авось и не учившись въ балетѣ, станцую!.. У насъ въ деревнѣ всѣ танцуютъ... А танцовать не учатся... Пустяки!..

Съ трудомъ, при помощи двухъ-трехъ мужчинъ, забравшись на столъ, Распутинъ при первомъ же движеніи потерялъ равновѣсіе и чуть было не свалился, если бы его во время не поддержали.

Такъ повторилось два раза, пока онъ нашелъ точку баланса и опоры въ центрѣ стола и умудрился два три „па“ сплясать... Одно неловкое движеніе, и Распутинъ грохнулся со стола на полъ съ такою неожиданностью, что его не успѣли даже подхватить.

Дамы взвизгнули, а мужчины, вмѣсто того, чтобы помочь упавшему стать на ноги, настолько растерялись, что точно въ столбнякѣ застыли.

Распутинъ, видимо, тоже очень растерялся, но на одинъ только моментъ. И быстро придя въ себя, онъ безъ посторонней помощи всталъ и дѣланнымъ бодрымъ голосомъ, обращаясь къ сидѣвшему за піанино, попросилъ:

— Давай дальше... Ничего... Танцовать я гораздъ..

Піанистъ съ ожесточеніемъ нервно ударилъ по клавишамъ, а Распутинъ еще съ большимъ ожесточеніемъ пустился въ плясъ, все время дико прыгая и присѣдая, пристукивая каблуками и сѣменя носками, приговаривая:

— Расходись!.. Люблю танцовать!.. Вотъ такъ, вотъ такъ!

И, обращаясь къ артисту Орлову, сказалъ вдругъ:

— Выходи... на пару. Давай мѣряться, кто дольше...

Но не успѣли Орлова уговорить „принять вызовъ“, какъ Распутинъ грохнулся на диванъ отъ усталости. Кумачевая рубаха, насквозь промокшая, приклеилась на спинѣ къ тѣлу; разстегнувъ воротъ, Распутинъ сталъ вытирать струей лившійся съ него потъ. Испортилась и при-

ческа на головѣ, и выстриженные въ скобку волосы прядями непослушно ниспадали на лобъ, закрывая воспаленные сѣрые съ огонькомъ, хитрые мужицкіе глаза.

Пока Распутинъ, что называется, приходилъ въ себя, Орловъ исполнялъ одинъ изъ лучшихъ номеровъ своего концертнаго репертуара: „Рязанскую кадриль“, въ которомъ, за отсутствіемъ требующейся партнерши-танцовщицы, роль послѣдней исполняль, шаржируя, Д. Дольскій, характерно копируя неизмѣнную партнершу Орлова, артистку императорскаго балета Е. В. Лопухову.

Этимъ и завершилось концертное отдѣленіе вечера, и гости поочередно переходили въ столовую, гдѣ подано было кофе съ обѣщаннымъ коньякомъ и неожиданно появившимся ликеромъ, который, какъ оказалось впослѣдствіи, раздобылъ Распутинъ, отправивъ одного изъ поджидавшихъ его во дворѣ чиновъ охраны не то домой къ себѣ, не то къ кому то изъ своихъ поклонниковъ или просто богатыхъ „кліентовъ“.

Распутинъ пилъ ликеръ стопками, лилъ коньякъ въ горячее кофе и неимовѣрно хмѣлѣлъ. Незамѣтно для всѣхъ онъ удалился въ сосѣднюю комнату, гдѣ, сѣвъ въ мягкое кресло и окруживъ себя нѣсколькими гостями, сталъ имъ свои „сказки разсказывать“.

А за спиной Распутина усѣлся журналистъ Петръ Южный и со свойственной ему постоянной манерой, вошедшей у него въ привычку, заносилъ въ свою толстую и большую записную книжку, чуть ли не стенографически, все, что Распутинъ разсказывалъ.

Эта „сказка“ въ свое время приведена была въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ.

Ничѣмъ не отличаясь отъ шаблонныхъ „распутинскихъ баекъ“, она начиналась по обычному:

— „Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ тридевятомъ государствѣ, жила была царица...“

И длинно разсказывалось о томъ, что у царицы этой душа ангельская была, всѣмъ добра желавшая, но что никто понять и оцѣнить не сумѣлъ этихъ драгоцѣнныхъ качествъ, и чѣмъ больше она людямъ добра дѣлала, тѣмъ болѣе себѣ враговъ наживала... Но... Господь Богъ терпѣніемъ ее надѣлилъ колоссальнымъ... И, вооружившись имъ, она творила добро до тѣхъ поръ, пока люди прозрѣли, поняли ее и... раскаялись.

— И не было у той царицы болѣе враговъ; всѣ ее сразу полюбили и боготворить стали.

— И былъ у той царицы нареченный Господомъ Богомъ мужъ, который „царствомъ ея царствовалъ и народомъ повелѣвалъ, — началъ было Распутинъ вторую часть своей сказки...

Но въ это время вошла хозяйка дома и, обращаясь къ Распутину, сказала:

— Брось молодыхъ дѣвушекъ дурачить. Онѣ получше твоихъ сказки знаютъ... Что имъ очки втираешь. Ихъ этимъ не удивишь, онѣ не графини или княгини какія-нибудь, чтобы, уши развѣсивъ, слушать тебя... Иди лучше выпей, больше пользы будетъ...

И, показавъ на журналиста П. Южнаго, примостившагося въ углу съ записной книжкой въ рукахъ, она добавила:

— Вотъ напишетъ про твои сказки въ газетѣ, не радъ будешь...

Распутинъ нахмурился и, обратившись ко мнѣ, чуть ли не съ мольбой, сталъ просить:

— Не надо, чтобы въ газетахъ... Однѣ непріятности мнѣ отъ нихъ... Я, вѣдь, что... Я такъ, отъ скуки... Просили, ну я и разсказалъ, какъ могъ... Сочинилъ для нихъ...

И, точно оправдываясь въ чемъ-то, умоляюще поглядывалъ на хмураго и всегда серьезнаго Петра Южнаго, котораго даже тотъ вечеръ расшевелить не могъ, и, трезвый въ веселой, даже пьяной компаніи, онъ казался еще серьезнѣе и скучнѣе.

Я подошелъ къ Южному и передалъ ему просьбу Распутина.

Оторвавшись на минуту отъ своей записной книжки, въ которую онъ все время что то такое записывалъ, не то для памяти, не то просто „впечатлѣнія свои“ за весь вечеръ, Петръ Южный заявилъ Распутину:

— Будьте покойны, Григорій Ефимовичъ! Ничего плохого я вамъ не сдѣлаю и о васъ (онъ подчеркнулъ это слово) ничего не напечатаю.

И дѣйствительно, слово свое отчасти сдержалъ... ничего о Распутинѣ лично не написавъ. Эта „сказка“, цѣликомъ появившаяся вскорѣ въ печати, была озаглавлена:

„Сказка для великосвѣтскихъ дамъ и барышень.“

А въ подзаголовкѣ, въ скобкахъ, мы написали:

„Понятна также и особамъ титулованнымъ. Простымъ смертнымъ читать не рекомендуется, все рав-

но ничего не поймутъ. Полезнѣе использовать это время на изученіе китайской грамоты."

Не только близкіе къ редакціи, но и читающая публика вскорѣ разнесли по Петербургу „исторію" этой „сказки" и то, что авторомъ ея является Распутинъ . . .

. . . . . .

Мы просидѣли еще около часа въ квартирѣ Лѣсненко, пока кто-то неожиданно предложилъ поѣхать къ цыганамъ.

Распутинъ, точно обрадовавшись, быстро согласился, а затѣмъ такъ же быстро измѣнилъ свое рѣшеніе и заявилъ, что „долженъ ѣхать домой".

Особенно приставалъ къ Распутину съ этимъ предложеніемъ Н. Н. Ходотовъ. И чѣмъ настойчивѣе было его приглашеніе, тѣмъ упорнѣе отказывался отъ него Распутинъ.

Незамѣтно выйдя во вторую комнату, въ которой свѣта уже не было и которая освѣщалась только падавшей полосой свѣта изъ открытой въ переднюю комнату двери, Распутинъ быстро сталъ одѣваться, намѣреваясь незамѣтно уйти, о чемъ онъ предупредилъ хозяйку.

Когда ему помогали одѣваться, и хозяинъ задалъ вопросъ: почему онъ отказывается отъ поѣздки къ цыганамъ въ Новую Деревню, на домъ къ нимъ, а не въ ресторанъ или шантанъ, Распутинъ заявилъ, указывая на Н. Н. Ходотова:

— Съ нимъ не хочу . . . Плохой человѣкъ . . .

И, указавъ на разрѣзъ рта и на то, что вслѣдствіе удлиненнаго разрѣза, въ углахъ губъ образуется складка, и кажущаяся вслѣдствіе этого большей верхняя губа прикрываетъ нижнюю, меньшую, Распутинъ сказалъ хозяину:

— Берегись такихъ людей . . . Вредные они, лукавые и хитрые . . . Я ихъ знаю . . . Да еще и Николай Николаевичъ . . . (такъ звали Ходотова). Не поѣду съ нимъ . . . Боюсь . . .

И, простившись съ хозяевами дома, Распутинъ вышелъ изъ квартиры.

Въ проводахъ его по лѣстницѣ надобности не было, такъ какъ тутъ же на площадкѣ лѣстницы, едва только открыли дверь, встрепенулся, давно видимо дремавшій, опершись на подоконникъ, „чинъ охраны", который и проводилъ „старца" до автомобиля, стоявшаго у воротъ дома.

Уже свѣтало, когда мы всей группой, какъ и пришли

вечеромъ, вышли изъ гостепріимнаго дома, гдѣ „набрались впечатлѣній“ объ этомъ „россійскомъ сверхчеловѣкѣ“, не только „чудеса“ творившемъ, но вращавшемъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ колесомъ россійской исторіи.

Изъ всѣхъ „впечатлѣній“, однако, самымъ яркимъ было впечатлѣніе о танцахъ Распутина.

Всю дорогу по Бородинской улицѣ и Загородному проспекту Орловъ и Дольскій „имитировали“ Распутина поочередно, обращая на себя вниманіе подметавшихъ улицы дворниковъ, постовыхъ городовыхъ и раннихъ прохожихъ.

А впослѣдствіи эта „имитація“ была „гвоздемъ“ программы Д. Дольскаго и А. Орлова на частныхъ вечерахъ и домашнихъ вечеринкахъ.

Съ тѣхъ поръ я болѣе Распутина не видѣлъ.

Вскорѣ послѣ того вечера уѣхала въ Ростовъ Екатерина Діонисіевна, и Распутинъ пересталъ бывать въ домѣ Лѣсненко. Другихъ же встрѣчъ у меня съ нимъ не было.

А когда изъ Ростова Е. Д. Лѣсненко вернулась, Распутинъ былъ уже убитъ.

XXI.

Лишившись верховнаго главнокомандованія и пребывая намѣстникомъ на Кавказѣ, великій князь Николай Николаевичъ продолжалъ, однако, поддерживать непрерывно связь съ фронтомъ, не столько въ смыслѣ военномъ, сколько въ политическомъ отношеніи, интересуясь всѣмъ происходившимъ въ то время какъ въ Ставкѣ, такъ, главнымъ образомъ, событіями въ Петербургѣ и Царскомъ Селѣ.

А интересоваться было чѣмъ. Въ исторіи войны наступалъ одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ, тотъ самый моментъ, когда русская армія оказалась вдругъ совершенно небоеспособной, даже почти анемичной, импотентной не только для наступленій, въ которыхъ тогда чувствовалась непреодолимая потребность, но физически неспособная даже къ самой слабой оборонѣ и защитѣ отчаянно невыгодныхъ въ стратегическомъ отношеніи занимаемыхъ ею въ то время позицій.

Причинъ тому было, конечно, много, а главная изъ нихъ — начавшееся въ командномъ составѣ арміи разложеніе, разложеніе, постепенно докатившееся и непосредственно въ армію. Точно злой рокъ, событія, одно другого неудачнѣе, по пятамъ преслѣдовали всѣ военныя начинанія арміи, и всѣ предпринимавшіеся шаги, весьма удачные порою по замысламъ, разбивались о нѣчто невидимое, но становившееся опаснымъ и зловѣщимъ.

Бои въ Августовскихъ лѣсахъ, паденіе Ковно, Ивангорода, страшные бои подъ Двинскомъ и на Рижскомъ фронтѣ, овладѣваніе нѣмцами одной за другой — лучшими и укрѣпленнѣйшими позиціями, считавшимися въ военныхъ кругахъ неприступными твердынями, — все это, очень вліяя на психологію военныхъ руководителей, заставляло вмѣстѣ съ тѣмъ и сильно задумываться надъ конечнымъ итогомъ всѣхъ этихъ грозныхъ предвѣстниковъ.

Одинъ за другимъ въ Ставкѣ вырабатывались всевозможные планы обороны наличныхъ позицій и защиты территоріи отъ дальнѣйшихъ вторженій австро-германской арміи.

Но всѣ такіе планы оказывались безрезультатными и разбивались о контръ-планы противника.

Это былъ періодъ такъ называемыхъ „каменныхъ мѣшковъ“ и классическихъ „тупиковъ“, предпринятыхъ арміями нѣмецкаго генерала Макензена, отъ которыхъ русская армія понесла неисчислимый уронъ.

Страшная сама по себѣ система, „мѣшковъ и тупиковъ“ усугублялась еще тѣмъ, что русская армія точно умышленно шла въ разставляемыя ген. Макензеномъ сѣти, шла, будто нарочито опредѣленно подталкиваемая невѣдомой рукой . . .

Впослѣдствіи только выяснилось, что нѣмецкій штабъ получалъ аккуратно копіи плановъ наступленій, вырабатываемыхъ въ Ставкѣ, и, естественно, противопоставлялъ имъ свои контръ-планы.

Какъ это ни странно, но первымъ объ этомъ предательствѣ, исходящемъ изъ нѣдръ самой Ставки, конечно, ибо Ставка руководила всѣми такими операціями, узналъ, находившійся вдали уже отъ нея, великій князь Николай Николаевичъ и предупредилъ объ этомъ нѣкоторыхъ близкихъ ему представителей штаба верховнаго главнокомандующаго и военнаго совѣта Ставки.

А тѣ, чтобы провѣрить это, прибѣгли къ исключительной мѣрѣ, давшей, однако, печальные и прискорбные, но положительные результаты.

Такъ—напримѣръ: составивъ однажды планъ наступленія на небольшомъ участкѣ Двинско-Рижскаго фронта и выработавъ въ засѣданіи штаба верховнаго главнокомандующаго подробныя подготовительныя детали передвиженія предназначенныхъ для этой операціи частей войскъ, военный совѣтъ, осуществивъ выработанный планъ соотвѣтствующимъ приказомъ о предстоящемъ наступленіи, въ ту же ночь рѣзко измѣнилъ его, отдавъ секретное распоряженіе о дислокаціи этихъ войскъ и сконцентрированіи ихъ въ совершенно новомъ, обратномъ направленіи.

Результатъ получился неожиданный: нѣмецкая армія всю свою энергію направила на сконцентрированіе своихъ отрядовъ въ томъ именно участкѣ, въ которомъ предполагалось, согласно составленному въ штабѣ Ставки плану, наступленіе русскихъ отрядовъ. Не предполагая столь

быстраго и неожиданнаго тайнаго измѣненія плана, нѣмецкое командованіе не только не укрѣпляло лѣвой части тридцатипятиверстнаго фронта, но, не ожидая въ томъ направленіи наступленія, совершенно оголило ее . . .

Эта операція нѣмцами была замѣчена уже поздно, и русскіе отряды, послѣ краткаго боя, безъ особеннаго труда и съ весьма незначительными потерями, заняли знаменитые нѣмецкіе окопы — квартиры, съ мебелью, зеркалами и усовершенствованными техническими приспособленіями, тѣ самые окопы, въ которыхъ нѣмецкая армія провела лѣто 1916 года и готовилась къ зимѣ 1916—1917 г.г.

Эта исторія убѣдила нѣкоторыхъ членовъ военнаго совѣта въ основательности предположеній Николая Николаевича, что въ самой Ставкѣ имѣются, если не открытые германскіе агенты, то тайные приверженцы „германской оріентаціи“, и не иначе какъ изъ числа представителей такъ называемой „придворной нѣмецкой партіи“.

Цѣлый рядъ мелкихъ, но имѣющихъ колоссальное принципіальное значеніе, фактовъ періодически только подтверждали существовавшія по началу подозрѣнія, усугублявшіяся нескрывавшимися уже въ то время Государыней Александрой Федоровной „нѣмецкими симпатіями“, выразившимися въ открытомъ покровительствѣ взятыхъ въ плѣнъ и распредѣленныхъ по концентраціоннымъ лагерямъ германскихъ воиновъ.

Всѣмъ памятны еще, вѣроятно, объѣзды Александрой Федоровной лагерныхъ госпиталей и ея распоряженія о распредѣленіи германскимъ военноплѣннымъ предметовъ первой необходимости и бѣлья изъ запасовъ складовъ Комитета ея имени.

Въ обществѣ, въ связи съ этими фактами, тогда раздавался глухой ропотъ по адресу Государыни. И не безъ основаній: весь Комитетъ, носившій названіе „Комитета помощи пострадавшимъ воинамъ“, состоялъ только подъ почетнымъ покровительствомъ Государыни Александры Федоровны. Но средства его, равно какъ и колоссальные запасы имущества, созданы были взносами частныхъ лицъ, всяческими сборами добровольныхъ пожертвованій, спектаклями, балами и модными тогда всюду „американскими аукціонами“, давшими Комитету львиную долю его значительныхъ средствъ.

Юридически, конечно, высокая покровительница не только не имѣла права единоличнаго распоряженія средствами Комитета, тѣмъ болѣе такого распоряженія, со-

вершенно не соотвѣтствовавшаго ни прямому назначенію этого учрежденія, ни тѣмъ болѣе, желаніямъ жертвователей, вносившихъ свою посильную и надо отдать имъ справедливость, — довольно щедрую лепту на облегченіе участи пострадавшихъ воиновъ, конечно, русской арміи, но отнюдь ни въ коемъ случаѣ — воиновъ арміи германской...

Помнится, чтобы лишить „высокую покровительницу“ Комитета возможности распоряжаться по своему всѣмъ имуществомъ богатыхъ складовъ его и имѣвшимися въ кассѣ милліонными средствами въ наличности, Комитетъ спѣшно роздалъ значительную часть имущества „Шереметьевскимъ отрядамъ“, оперировавшимъ непосредственно на фронтѣ, а наличные капиталы постановилъ распредѣлить питательнымъ пунктамъ Ольгинскаго и Татьянинскаго Комитетовъ, имени великихъ княженъ, сѣтью охватившихъ весь фронтъ и ближайшій къ нему тылъ.

Всѣ такія мѣры не прекратили, однако, открытаго покровительствованія германскимъ плѣннымъ со стороны Россійской Государыни. И когда одно изъ очередныхъ ея такихъ распоряженій оказалось невыполнимымъ, за отсутствіемъ уже у Комитета средствъ на закупку разныхъ необходимыхъ для германскихъ солдатъ предметовъ обихода, то Александра Федоровна распорядилась произвести всѣ такіе расходы изъ своихъ личныхъ средствъ.

Распутинъ же не только принималъ ближайшее участіе во всѣхъ такихъ дѣлахъ Государыни, но, открыто поощряя подобную ея дѣятельность, часто даже прибѣгалъ къ увѣщеваніямъ Государя, доказывая ему неосновательность его недовольства Государыней за открытое ея покровительство вражескимъ плѣннымъ.

И дѣйствовалъ Распутинъ, конечно, какъ всегда — „своей божественностью“, базируя доводы свои на цитатахъ изъ „великихъ святыхъ“ и всевозможныхъ изреченіяхъ ему одному только извѣстныхъ пророковъ и „божескихъ посланцевъ“ (любимый распутинскій терминъ).

— Всѣ люди братья, — говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ... И ежели человѣкъ угоденъ Богу быть желаетъ — творить долженъ одно только добро... За это ему и въ царствіи небесномъ уготовано подобающее мѣсто будетъ... Всѣ мы грѣшны Господу и должны милость его чѣмъ нибудь да заслужить...

И тутъ уже пускался въ дебри разсужденій на „божественныя темы“, постепенно переходя къ излюбленной

имъ темѣ о врагахъ, становящихся друзьями, если ихъ сердце тронуть проявленіемъ по отношенію къ нимъ доступной смертнымъ милости. И такъ „добирался“ до разговоровъ на больную тогда тему о политическомъ положеніи страны въ связи съ войной, незамѣтно переходя и къ заключеніи сепаратнаго мира съ Германіей...

Былъ періодъ, когда фронтъ точно конвульсивно дрогнулъ... И не столько отъ ряда мелкихъ и крупныхъ пораженій, сколько отъ страшныхъ исходившихъ изъ Царскаго Села слуховъ о томъ, что тамъ, въ связи съ создавшимся трагическимъ положеніемъ арміи и полной инертностью союзниковъ къ интересамъ Россіи, не безъ основаній опасавшихся неожиданныхъ со стороны Россіи эксцессовъ, рѣшено было... открыть нѣмцамъ фронтъ...

Эти ужасные слухи повергли высшее военное командованіе въ тяжелое уныніе.

Измученная, изстрадавшаяся, голодная и полураздѣтая русская армія, давно уже терпѣвшая пораженіе за пораженіемъ, безъ единаго радостнаго дня побѣды, представляла собою къ тому времени уже не дисциплинированную вооруженную армію, а слабо вооруженный народъ, сперва пополнявшій, а затѣмъ постепенно и совсѣмъ заполнившій кадровую армію призывами запасныхъ всѣхъ законныхъ и даже незаконныхъ уже сроковъ.

Такая армія не могла уже удовлетворить механической потребности въ пушечномъ мясѣ. Крестьяне и интеллигенты, рабочіе и городскіе жители, либеральные и „разсуждающіе“, все это смѣшалось въ общую массу той свободолюбивой „россійской обывательщины“, у которой, по образному опредѣленію чеховскаго героя, „идеи въ головѣ имѣются“...

Къ тому же, видимо опасаясь мира, союзники стали отправлять въ Россію цѣлыми группами солдатъ изъ образовавшихся въ первый періодъ войны заграницей „иностранныхъ легіоновъ“, изъ числа не только захваченныхъ тамъ случайно войной, но и русскихъ студентовъ, эмигрантовъ и всѣхъ тѣхъ, для которыхъ Россія, какъ родина, могла быть только предметомъ неосуществимой мечты.

Въ пылу энтузіазма вступая въ легіоны, русскіе эмигранты, конечно, лелѣяли мечту о возможности этимъ путемъ вернуться на родину.

И вотъ, мечты осуществлены... Они всѣ почти на родинѣ, и, какъ солдаты, — въ родной русской арміи.

Нечего, конечно, и говорить о томъ, что вернувшіеся эмигранты-легіонеры ничѣмъ не походили на коренныхъ русскихъ солдатъ и рѣзко выдѣлялись изъ общей массы не только своей культурностью, но и тѣмъ, чисто европейскимъ духомъ, которымъ они пропитались за время своего эмигрантства. Одновременно съ этимъ вдали отъ Россіи, пребывая въ рядахъ союзной арміи, они знали о Россіи все то, что для солдатъ русскихъ было terra incognita.

Въ арміи начались „разговоры". Заграничные земляки разсказывали, бородатые „ополченцы" слушали и на усъ мотали, а затѣмъ уже и сами пускались немного „въ обсужденія", а съ ними и въ... разсужденія...

А „разсуждающая" армія — не только не есть уже армія воюющая, но для этой цѣли абсолютно даже не пригодная... Ея боеспособность обратно пропорціональна разсужденіямъ...

И случилось то неизбѣжное, передъ которымъ безсильны строгости дисциплины, и чего никакими репрессивными даже мѣрами искоренить уже нельзя, ибо этимъ заражена была поголовно вся армія, энтузіазмъ коей давно остылъ, и на смѣну тому настроенію, которое ранѣе опредѣлялось сообщеніями съ фронта, что:

— „Солдаты рвутся въ бой"...

вся армія, какъ одинъ человѣкъ, стала:

— „Рваться съ фронта домой"...

Никакія увѣщеванія, приказы, строгія угрозы, отдачи подъ судъ, публикованіе списковъ дезертировъ, — ничто не устрашало измученныхъ и изстрадавшихся солдатъ, массами тайкомъ покидавшихъ фронтъ и отправлявшихся если не домой, то въ мѣста чужія, но подальше отъ фронта, отъ призрака смерти, отъ холода и голода и всѣхъ тѣхъ лишеній, съ которыми тѣсно связана была жизнь русской арміи въ послѣдній періодъ войны.

Колоссальное, и я бы сказалъ — чисто психологическое и рѣшающее значеніе въ смыслѣ пропаганды разложенія арміи имѣли проникшіе въ самую гущу арміи слухи о томъ, что „Царица и Распутинъ" рѣшили миръ съ нѣмцами заключить, а такъ какъ Царь на миръ не идетъ, то тѣ же — Распутинъ и Царица, рѣшили нѣмцамъ фронтъ открыть и всю армію русскую въ плѣнъ отдать.

Абсурдныя по формѣ, въ которую претворились докатившіеся до арміи циркулировавшіе слухи о предполагае-

момъ „открытіи фронта“, возымѣли свое дѣйствіе, и, безъ всякой нарочитости и умышленности, совершенно отсутствовавшая еще въ то время какая бы то ни была организованная пропаганда на этой почвѣ создавалась самой арміей, и, какъ всегда, собственное творчество воспринималось съ удивительной быстротой, усваиваясь съ поразительной легкостью.

Начавъ „разсуждать“, армія перестала „воевать“ — или вѣрнѣе, переставъ „воевать“, начала „разсуждать“.

Кто близко въ тѣ времена соприкасался съ арміей, тому знакомы и памятны еще, вѣроятно, всѣ эти разсужденія:

— Что-жъ! — говорили солдаты, мы кровь свою проливать будемъ, а они (это — „они“ — чаще всего было абсолютно неопредѣленное) миръ заключать будутъ!..

— Миръ, оно бы ничего! — говорили другіе... По домамъ бы тогда можно. Да, сказываютъ, фронтъ откроютъ и нѣмцамъ въ плѣнъ отдадутъ... годиковъ 15 у нихъ поработаешь...

— У нѣмца работа, что твоя каторга! — раздавался иногда неожиданный голосъ... Я вотъ у нихъ въ плѣну мѣсяцъ пробылъ, такъ чуть руки на себя не наложилъ... И бѣжать то нелегко, да и страшно; поймаютъ — разстрѣлъ... Все же бѣжалъ. Пусть, думалъ я... растрѣляютъ... Все одно долго такой жизни не выдержать.

И по слушателямъ точно электрическій токъ проходилъ...

Мысленно, видимо, они всѣ считали себя, если не въ плѣну уже, то наканунѣ плѣненія, и другъ отъ друга тайкомъ готовились заранѣе „къ побѣгу“ изъ грозившаго имъ мнимаго плѣна и, пока еще можно было, спасались отъ него... дезертирствомъ изъ арміи.

Одно время такое дезертирство приняло столь угрожающіе размѣры, что, помимо угрозъ, пришлось прибѣгнуть къ срочнымъ репрессивнымъ мѣрамъ наблюденія за арміей, вплоть до установленія на желѣзнодорожныхъ станціяхъ контрольныхъ заградительныхъ отрядовъ для воспрепятствованія повальнаго бѣгства солдатъ изъ арміи и насильственнаго возвращенія ихъ обратно въ свои части.

Командный же составъ арміи все это прекрасно зналъ и еще того лучше понималъ, ибо и самъ былъ уже во власти той же солдатской психологіи, только развѣ лишь высшаго разряда, отдавая себѣ, не въ примѣръ арміи, болѣе точный отчетъ во всемъ, творившемся вокругъ нихъ.

Къ тому же, тѣ слухи, которыми питалась тогда армія, были слухами второй категоріи, вышедшими изъ нѣдръ офицерскаго, командnаго состава, куда они попадали непосредственно, если не изъ Царскаго Села, то изъ Ставки верховнаго главнокомандующаго. Въ гущу арміи эти слухи попадали уже въ изобиліи „сдобренные" солдатской, чисто народной формой и значительно измѣненные фантастическими отсебятинами.

Не мудрено поэтому, что, въ связи съ пріѣздомъ въ то время въ Ставку министра внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопопова, среди военныхъ началось глухое недовольство, постепенно принимавшее все болѣе и болѣе реальную форму. Съ именемъ А. Д. Протопопова неразрывно связаны были первоначальные переговоры о сепаратномъ мирѣ съ Германіей, переговоры, происходившіе съ германскимъ посланникомъ фонъ-Люціусомъ въ Стокгольмѣ.

Объ этихъ переговорахъ армія знала всѣ подробности еще до опубликованія ихъ съ трибуны Государственной Думы, и, какъ это ни странно, не изъ отечественныхъ газетъ, которыя въ армію проникали довольно слабо и были такой же рѣдкостью, какъ аммуниція или продовольствіе, а изъ иностранной печати, преимущественно германской, и на русскомъ языкѣ, которая приносилась не только часто прибѣгавшими изъ германскаго плѣна солдатами, но и чьей то услужливой рукой доставлявшаяся одно время періодически и непосредственно въ наши окопы.

И въ то время, когда офицерство, предполагая, что пріѣздъ А. Д. Протопопова въ Ставку верховнаго главнокомандующаго только связанъ съ вопросомъ о сепаратномъ мирѣ съ Германіей, и высказывало свое по этому поводу недовольство, вся армія считала, что вопросъ о мирѣ — вопросъ уже рѣшенный, и министръ А. Д. Протопоповъ въ Ставку только затѣмъ и пріѣзжалъ, чтобы „подпись" Царя на мирномъ договорѣ заполучить.

И, какъ это ни странно, едва только А. Д. Протопоповъ пріѣхалъ въ Ставку, какъ всѣ рѣшили, что не иначе какъ по вопросу о сепаратномъ мирѣ, настолько его имя съ этимъ вопросомъ въ ту пору было связано.

А заговорившіи о сепаратномъ мирѣ, обязательно заговорили и о Распутинѣ, котораго считали чуть ли не авторомъ этой идеи и главнымъ иниціаторомъ переговоровъ.

И неожиданно по всему фронту разнесся слухъ, что миръ съ Германіей подписанъ, а въ видѣ подтвержденія

ссылались на то, что въ Ставку верховнаго главнокомандующаго, чтобы Царя уговорить и подпись его и согласіе на этотъ миръ получить, пріѣзжали:... Григорій Распутинъ и министръ А. Д. Протопоповъ.

Фактически, конечно, все это было не такъ. Въ Ставку пріѣзжалъ тогда А. Д. Протопоповъ безъ Распутина, но въ сопровожденіи неизвѣстнаго лица, въ которомъ тогда предполагали устроителя перваго свиданія А. Д. Протопопова съ фонъ-Люціусомъ въ Стокгольмѣ, директора нефтепромышленнаго общества — Макса Гуревича, который съ момента перваго свиданія періодически и все время поддерживалъ связь между Стокгольмомъ и Петербургомъ и на сей, кстати — послѣдній разъ, явился съ совершенно новыми и значительно болѣе льготными условіями мира для Россіи.

Но камнемъ преткновенія для заключенія мира была все та же Польша, безъ которой всякія условія мира считались въ Царскомъ Селѣ абсолютно непріемлемыми, и никакія другія компенсаціи, взамѣнъ Польши, не признавались и въ соображеніе не принимались.

Такъ и вернулся ни съ чѣмъ Максъ Гуревичъ въ Стокгольмъ, если не считать обнадеживаній его Распутинымъ и А. Д. Протопоповымъ, что скоро „все образуется“, что запугиваемый грозными призраками начавшагося разложенія въ арміи Николай II долженъ будетъ уступить, вынужденъ будетъ сдаться...

А эта „сдача“ сулила Распутину не только новый домъ въ селѣ Покровскомъ, который онъ успѣлъ, несмотря на дороговизну строительныхъ во время войны матеріаловъ, отстроить, и даже не только собственный домъ — особнякъ въ столицѣ, о которомъ онъ все время вслухъ мечталъ, а кисельные, поистинѣ, берега.

Эти мечты его, видимо, имѣли подъ собой почву. Недаромъ въ Петербургѣ, въ связи со слухами о предстоящемъ сепаратномъ мирѣ, острили, что высокая ставка контрибуціи, обуславливаемая Германіей, является слѣдствіемъ включенія въ нее расходовъ по оплатѣ гонорара „старцу“ Распутину.

И доля правды, по всей вѣроятности, въ этомъ была, ибо больно рьяно ужъ этотъ „новоявленный пророкъ“ распинался за сепаратный миръ, распинался послѣ того, какъ очень недавно до того былъ не только противъ мира съ Германіей, но даже „сны покорительные“ видѣлъ и

Николаю II „управлять иноземнымъ государствомъ“ сулилъ и „пророчилъ“.

Отказавшись отъ своихъ „пророчествъ“, Распутинъ сталъ „мечтать“ о мирѣ, сулившемъ ему, видимо, больше благъ, нежели первыя побѣдныя его предсказанія.

Но... мечтамъ его осуществиться не довелось, такъ какъ убійствомъ его былъ положенъ конецъ не только этимъ мечтамъ, но и вопросу о сепаратномъ мирѣ вообще.

Быть можетъ, если бы выстрѣлы въ особнякѣ графа Сумарокова-Эльстонъ не положили конецъ „дѣятельности“ Распутина, онъ все же довелъ бы свое дѣло до желаннаго конца.

Въ этомъ болѣе чѣмъ убѣждены были тѣ, по приговору коихъ Распутинъ и палъ отъ выстрѣловъ графа Ф. Сумарокова-Эльстонъ и В. М. Пуришкевича. Этимъ и объясняется, по всей вѣроятности, главнымъ образомъ, та поспѣшность, съ которой рѣшено и приведено было въ исполненіе убійство Распутина, не безъ нѣкоторыхъ основаній обнадежившаго Макса Гуревича, а черезъ него и германское правительство, что „скоро все образуется“.

А тѣ, кто все время терпѣливо наблюдали за дѣятельностью всей „придворной нѣмецкой партіи“, въ вопросѣ о сепаратномъ мирѣ, возглавляемой Распутинымъ, только въ тотъ моментъ поняли, что медлить далѣе нельзя, что опасность близка и „всякое промедленіе смерти подобно“...

Вотъ чѣмъ и объясняется столь неожиданное и въ то время, когда этого менѣе всего опасался не только самъ „старецъ“, но и его приверженцы, убійство Распутина, главное значеніе коего было не столько въ самомъ фактѣ убійства, сколько въ страхѣ передъ опасеніями военнаго переворота, а съ нимъ и переворота придворнаго.

Послѣднее усматривалось въ соучастіи въ убійствѣ Распутина, и великаго князя Дмитрія Павловича, котораго придворная камарилья сразу объявила притязателемъ, въ случаѣ переворота, на россійскій престолъ.

Но страхи эти были напрасны. Убійствомъ Распутина имѣлось въ виду исключительно положить конецъ разговорамъ о заключеніи сепаратнаго мира, а попутно, конечно, избавить Дворъ, а съ нимъ и всю страну, отъ вреднаго и пагубнаго вліянія его и на ходъ всей государственной жизни.

Ниже, при описаніи событій, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ убійство Распутина, я коснусь всѣхъ

деталей плана какъ самого убійства Распутина, такъ и намѣченныхъ вслѣдъ за этимъ отдѣльныхъ деталей и дальнѣйшихъ шаговъ, коими имѣлось въ виду „ликвидировать“ не одного только Распутина, а всю такъ называемую „распутиніаду“, вѣрнѣе — всѣхъ тѣхъ, усердіемъ коихъ и создалась вся эта печальной памяти „распутинская эпоха“.

Смѣло задуманный и еще того смѣлѣе составленный, этотъ планъ чисто государственнаго значенія, однако, далѣе убійства Распутина ни въ чемъ другомъ не проявился, ибо „реорганизаторы государственнаго строя“, какъ называла себя группа гвардейскихъ офицеровъ — авторовъ этого плана, обсудивъ положеніе, въ которомъ очутилась въ то время вся страна, опасались своими выступленіями создать почву для революціи и, находя такого рода выступленія въ тотъ моментъ непатріотичными и даже опасными, временно рѣшили воздержаться съ приведеніемъ намѣченнаго плана въ исполненіе.

Но неизбѣжное случилось, и дни февральской революціи, нахлынувшіе, какъ грозная волна, оказались уже ничѣмъ непредотвратимыми, и разлившееся по всей необъятной странѣ народное движеніе никто и ничто остановить уже не могли.

Да это и невозможно было.

XXII.

Въ своей брошюрѣ объ убійствѣ Григорія Распутина участникъ этого убійства и даже одинъ изъ главныхъ физическихъ исполнителей самого акта убійства, В. М. Пуришкевичъ останавливается исключительно на подробностяхъ самаго убійства, описывая чисто техническую часть, его сопровождавшую, и совершенно опуская самое интересное, т. е. предшествовавшія убійству событія.

Правда, брошюра В. М. Пуришкевича написана была еще тогда, когда по нѣкоторымъ соображеніямъ опредѣленнаго характера признавалось преждевременнымъ или даже несвоевременнымъ разглашать данныя, составлявшія тайну извѣстной организаціи, къ тому же — организаціи конспиративной.

Кромѣ того, отдѣльныя детали, съ убійствомъ сопряженныя, касались непосредственно находившихся тогда еще въ живыхъ бывшихъ престоловладѣтелей: Государя Николая II и Государыни Александры Федоровны. И не этично поэтому, съ точки зрѣнія В. М. Пуришкевича, было опубликовать дискредитирующія весь царствующій домъ данныя въ тотъ моментъ, когда и безъ того достаточно дискредитированная царская семья, отреченная въ то время уже отъ престола, хотя и находилась еще въ царскосельскомъ дворцѣ, но уже во дворцѣ-тюрьмѣ, окруженномъ не обычной придворной охраной, а охраной военной, изъ числа присягнувшаго уже временному правительству петербургскаго гарнизона.

Нынѣ же все это успѣло уже превратиться въ факты историческіе. И, какъ таковые, думается, не для чего и не отъ кого продолжать скрывать ихъ, тѣмъ болѣе, что, какъ частица тѣхъ многогранныхъ событій, изъ коихъ составилась исторія государства россійскаго за время войны и „распутинской эпохи“,— эти детали имѣютъ весьма важное психологическое, хотя бы, значеніе въ смыслѣ характеристики того положенія, при которомъ убѣжденные мо-

нархисты и по своему — истинные патріоты, силою создавшихся обстоятельствъ вынуждены были прибѣгнуть къ исключительнымъ, не только ничего общаго ни съ монархизмомъ, ни съ патріотизмомъ не имѣвшими, мѣрамъ, но явно имъ противорѣчившимъ.

Въ бытность свою верховнымъ главнокомандующимъ, великій князь Николай Николаевичъ не былъ сторонникомъ создавшейся тогда среди офицерства идеи о необходимости убійства Распутина. И когда ему, по возвращеніи ротмистра Образцова, доложили о случаѣ на „Вилла-Родэ“ и посвятили его въ тайну командировки послѣдняго въ Петербургъ, сообщивъ, что ротмистръ Образцовъ, по извѣстнымъ соображеніямъ, не привелъ въ исполненіе задуманнаго акта убійства, ограничившись лишь нанесеніемъ Распутину пощечины, Николай Николаевичъ сказалъ:

— Такъ то оно и лучше!.. На такую гадину и пагроновъ жалко. Да и гвардейскаго мундира марать не стоитъ...

И тутъ же, при обсужденіи наболѣвшаго вопроса о Распутинѣ, Николай Николаевичъ добавилъ.

— Выпороть бы его... всенародно, на Марсовомъ полѣ, да и такъ выпороть, чтобы изъ него „всю святость вышибить“.

Когда же Николаю Николаевичу пытались доказать, что Распутина необходимо „ликвидировать“, что только съ изъятіемъ его „изъ обращенія“ прекратится вакханалія вокругъ пресловутаго тогда вопроса о сепаратномъ мирѣ съ Германіей, онъ долго оспаривалъ это мнѣніе и постепенно, точно склоняясь къ необходимости въ этомъ убійствѣ, безнадежно заключилъ:

— Одного Распутина мало... Перевѣшать надо всѣхъ распутинцевъ. А ихъ очень много...

И, точно мысля вслухъ, случайно обронилъ фразу:

— Къ тому же среди нихъ есть и „такіе“, которыхъ „пока еще“ вѣшать нельзя...

Окружавшіе тогда Николая Николаевича прекрасно понимали, кого онъ подразумѣваетъ подъ „такими“, которыхъ „пока еще“ вѣшать нельзя...

Всѣ знали о той глубокой ненависти, которую онъ питалъ къ Государынѣ Александрѣ Федоровнѣ, и его намекъ на то, что только „пока еще“ вѣшать нельзя, былъ истолкованъ, какъ случайно вырвавшаяся затаенная мысль о задуманномъ имъ „переворотѣ“.

Подобныя подозрѣнія имѣли уже мѣсто и были вызваны въ свое время угрозой Николая Николаевича „повернуть штыки на Петербургъ“, угрозой, сопровождавшейся и всяческими, вплоть до ареста многихъ придворныхъ, послѣдствіями.

Въ связи съ этимъ тогда еще много говорили на тему о томъ, чѣмъ могло бы кончиться приведеніе подобной угрозы въ исполненіе, и опредѣленно пришли къ заключенію, что Государыня Александра Федоровна, какъ центральная фигура, вокругъ которой группировалась „партія сепаратнаго мира“ во главѣ съ Распутинымъ, неминуемо должна пасть первой жертвой переворота.

Обаяніе царской власти тогда еще было такъ велико, что даже одна только мысль объ убійствѣ Государыни представлялась невозможной, почему и рѣшили, что при переворотѣ она въ худшемъ случаѣ только подвергнется заточенію, если не въ монастырѣ, большимъ поклонникомъ которыхъ Николай Николаевичъ никогда не былъ, то въ Петропавловской крѣпости.

Но съ оставленіемъ Николаемъ Николаевичемъ поста верховнаго главнокомандующаго гвардія, не только лишилась сильной его поддержки въ отношеніи предпринятія „антираспутинскихъ мѣръ“, но очутилась передъ новымъ положеніемъ, въ Ставкѣ создавшемся.

Вслѣдъ за устраненіемъ ген. Янушкевича, бывшаго начальникомъ штаба верховнаго главнокомандующаго при Николаѣ Николаевичѣ, постепенно измѣнилась и вся физіономія штаба, персонально реорганизованная и точно умышленно съ такимъ предвзятымъ разсчетомъ, что общество гвардейскихъ офицеровъ лишилось всѣхъ своихъ представителей въ штабѣ, входившихъ въ ту самую тайную офицерскую организацію, которая замышляла военный переворотъ и первымъ актомъ его намѣтила убійство Распутина, какъ главнаго виновника всего того, противъ чего рѣшено было всѣми мѣрами, вплоть до военнаго переворота, бороться въ цѣляхъ недопущенія заключенія позорнаго для Россіи сепаратнаго мира на непріемлемыхъ условіяхъ, Германіей предложенныхъ.

Создавшееся такимъ образомъ положеніе вынуждало къ исключительной конспираціи. И общество офицеровъ, опасаясь раскрытія своихъ тайнъ, которыя, несмотря ни на какія мѣры, все же періодически становились достояніемъ тѣхъ, отъ коихъ они главнымъ образомъ и скрывались, рѣшило по образцу нелегальныхъ въ то время револю-

ціонныхъ организацій, избрать изъ своей среды исполнительный комитетъ въ составѣ трехъ, пользовавшихся авторитетомъ и большимъ среди офицеровъ довѣріемъ, лицъ.

Этому исполнительному комитету предоставлено было дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи и по собственному своему усмотрѣнію, не отчитываясь передъ офицерской организаціей.

Первоначально въ исполнительный комитетъ входили: великій князь Борисъ Владимировичъ, князь Багратіонъ-Мухранскій и генералъ Яковлевъ.

Но вскорѣ ген. Яковлевъ былъ точно умышленно назначенъ въ штабъ Кавказской арміи, оперировавшей на турецкомъ фронтѣ, а князь Багратіонъ-Мухранскій къ тому времени заболѣлъ острой формой маляріи.

Очутившись передъ необходимостью въ составленіи новаго исполнительнаго комитета, общество офицеровъ учло и постоянное пребываніе великаго князя Бориса Владимировича на фронтѣ, почему и реконструировало весь комитетъ на совершенно новыхъ началахъ.

Такъ, вмѣсто Бориса Владимировича, въ комитетъ избранъ былъ другой великій князь — Дмитрій Павловичъ, который не только былъ свободенъ отъ военныхъ обязанностей, но по слабости здоровья своего чаще пребывалъ въ тылу, живя почти все время въ Петербургѣ.

Вторымъ членомъ исполнительнаго комитета избранъ былъ графъ Феликсъ Юсуповъ-Сумароковъ-Эльстонъ.

Третьимъ и послѣднимъ членомъ комитета, по настоянію гр. Сумарокова-Эльстонъ, былъ избранъ членъ Государственной Думы В. М. Пуришкевичъ, человѣкъ энергичный, политическій и общественный дѣятель, ненавидѣвшій Распутина и „всю распутиніаду“ всѣми фибрами своей души.

Къ тому же участіе В. М. Пуришкевича въ этой организаціи должно было, по мнѣнію гр. Сумарокова - Эльстонъ, придать всей организаціи и общественно-политическое значеніе, а не чисто военный характеръ, каковой она до того носила.

Послѣднее было весьма важно и въ отношеніи конечнаго результата того грандіознаго и чисто государственнаго значенія плана, который былъ въ свое время намѣченъ и детально разработанъ.

Убійство Распутина было только однимъ изъ пунктовъ этого плана и какъ бы пунктомъ интродукціоннымъ, къ тому же и далеко не кореннымъ. Этимъ актомъ имѣ-

лось въ виду только „сигнализировать“ вступленіе на путь борьбы съ нежелательными явленіями придворной политики, въ корнѣ порицаемой, а потому и нуждавшейся не только въ реорганизаціи, но и въ реставраціи, опредѣленно планомъ общества офицеровъ предусмотрѣнныхъ.

Изъ всѣхъ намѣченныхъ этой организаціей этаповъ, убійство Распутина было первымъ этапомъ.

За нимъ слѣдовалъ второй — арестъ всей „придворной нѣмецкой партіи“ съ преданіемъ членовъ ея военно-полевому суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ.

Пунктъ третій — предусматривалъ смѣну кабинета министровъ, съ преданіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, главнымъ образомъ: премьера Б. С. Штюрмера и министра внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопопова, тому же суду и съ тѣмъ же обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ.

Попутно съ министрами имѣлось въ виду захватить одновременно и всѣхъ сообщниковъ ихъ, всѣхъ распутинскихъ „маклеровъ“ и „гофъ-маклеровъ“, а также многочисленныхъ посредниковъ въ области переговоровъ о сепаратномъ мирѣ, во главѣ съ „дипломатомъ изъ нефтепромышленниковъ“ Максомъ Гуревичемъ.

Въ примѣчаніяхъ къ пунктамъ, предусматривавшимъ эти аресты и перечислявшимъ поименно всѣхъ подлежащихъ заарестованію лицъ, значился и митрополитъ петербургскій преосвященный Питиримъ, въ отношеніи котораго была сдѣлана, однако, оговорка, что арестъ его долженъ быть произведенъ „въ зависимости отъ обстоятельствъ“...

Но кардинальными пунктами этого плана, на основаніи которыхъ онъ и носилъ названіе „плана переворота“, были выработанныя по отношенію къ царствующему дому мѣры. Вся эта объемистая, къ тому же и финальная часть плана возглавлялась однимъ пунктомъ о Государынѣ Александрѣ Федоровнѣ, а всѣ остальные пункты и многочисленныя примѣчанія къ нимъ находились уже въ прямомъ съ этимъ кардинальнымъ пунктомъ соотвѣтствіи и какъ необходимыя и вытекавшія изъ него слѣдствія.

Такъ, чтобы лишить ее возможности „вредно вліять на воспитаніе и психологію наслѣдника престола россійскаго Алексѣя“, Государыню Александру Федоровну рѣшено было заточить въ монастырь или въ одну изъ крѣпостей, въ зависимости отъ признанія цѣлесообразности той или иной по обстоятельствамъ мѣры, лишивъ ее общенія съ наслѣдникомъ и всѣми членами царствующаго дома.

Предвидя возможный со стороны Государя протестъ противъ заточенія или заключенія Александры Федоровны, рѣшено было въ этомъ случаѣ сначала прибѣгнуть къ увѣщеванію его и доказательствамъ неизбѣжности этой мѣры, хотя бы только на время войны и впредь до окончанія ея. Въ случаѣ же несогласія его и съ этими доводами, предусматривалось предложить ему отказаться отъ престола въ пользу Наслѣдника съ назначеніемъ временнаго, до совершеннолѣтія его, регентства, каковыя обязанности предполагалось предоставить вдовствующей Императрицѣ Маріи Федоровнѣ.

При обсужденіи кандидатуры регента рѣшено было предвзято остановиться именно на кандидатурѣ Маріи Федоровны съ опредѣленной цѣлью: чтобы не вызвать упрековъ въ умышленномъ созданіи переворота изъ одного только желанія водворить на престолъ кого либо изъ тайныхъ претендентовъ, каковыхъ въ то время, кстати сказать, было довольно много.

Поэтому то послѣ обсужденія и рѣшено было снять съ очереди кандидатуры не только прямого престолонаслѣдника Михаила Александровича, но и выставлявшіяся въ то время кандидатуры Павла Александровича (брата Александра III) и единственнаго сына его, популярнаго не только въ арміи, но и въ обществѣ, великаго князя Дмитрія Павловича.

Опасаясь на случай переворота возможныхъ эксцессовъ какъ въ странѣ, такъ и въ арміи, и имѣя нѣкоторыя основанія полагать, что опредѣленная часть арміи, руководимая своими военачальниками, можетъ, изъ желанія сыграть историческую въ переворотѣ роль, объявить себя „вѣрной престолу“ и тѣмъ самымъ создать серьезныя въ дѣлѣ осложненія, предусмотрѣна была намѣченной программой активныхъ дѣйствій и военная, на случай переворота, диктатура. При этомъ единогласно будущимъ военнымъ диктаторомъ избирался великій князь Николай Николаевичъ, въ принятіи коимъ таковой обязанности на себя настолько не сомнѣвались, что нашли лишнимъ даже запросить его по этому поводу.

Конечно, все это было только формально. Оффиціально какъ бы ничего не знавшій о ходѣ подобныхъ событій въ средѣ фронтового офицерства Николай Николаевичъ неоффиціально посвященъ былъ, однако, во всѣ детали ихъ. И, не опротестовывая своего избранія, не только отъ него не отказывался, но исподволь даже и гото-

вился понемного къ предстоявшей ему новой роли военнаго диктатора Россіи.

Правда, весьма осторожно, но все же довольно замѣтно, Николай Николаевичъ цѣлымъ рядомъ ничѣмъ тогда еще не вызываемыхъ дѣйствій своихъ обратилъ вниманіе на нѣкоторую спѣшность свою въ обезпеченіи заранѣе разныхъ и совсѣмъ не спѣшныхъ вопросовъ, касавшихся, якобы, только кавказскаго намѣстничества.

Особенное же вниманіе обратило на себя неожиданное рѣшеніе Николая Николаевича, создать изъ числа туземнаго кавказскаго населенія новые, по типу существовавшей уже дикой дивизіи, отряды особаго назначенія, на организацію коихъ намѣстничествомъ отпускались колоссальныя суммы по утверждаемымъ лично намѣстникомъ ассигновкамъ безъ всякаго отказа.

Къ тому времени помощника намѣстника по военной части ген. Мышлаевскаго успѣлъ уже смѣнить бывшій при Николаѣ Николаевичѣ начальникомъ штаба верховнаго главнокомандующаго ген. Янушкевичъ, а помощникъ намѣстника по гражданской части, сенаторъ Петерсонъ вынужденъ былъ выйти въ отставку послѣ цѣлаго ряда интригъ со стороны ген. Янушкевича, пытавшагося воспользоваться суммами гражданскаго фонда намѣстничества, которыя по закону не могли быть отпущены на нужды военнаго отдѣла, къ каковой и относилась организація и формированіе отрядовъ особаго назначенія.

На этой почвѣ и произошелъ конфликтъ съ сенаторомъ Петерсономъ, и до того искавшимъ случая избавиться отъ сотрудничества съ ген. Янушкевичемъ, котораго опредѣленно называли „загубителемъ сибирской арміи“ и даже недвусмысленно, — опредѣленнымъ руссофобомъ, тонко проводившимъ все время свою германофильскую, основанную на возрожденіи Польши, политику.

Съ уходомъ же сенатора Петерсона и занятіемъ его поста гр. Орловымъ, формированіе отрядовъ особаго назначенія проводилось энергично и въ усиленномъ темпѣ.

И трудно поэтому, конечно, было скрывать не только самый фактъ формированія этихъ отрядовъ, но и предназначеніе таковыхъ, что особенно тщательно скрывалось. Но и не опредѣляя точной роли ихъ, многіе, въ томъ числѣ и главнымъ образомъ, сенаторъ Петерсонъ, прекрасно понимали, что въ тайникахъ кавказскаго намѣстничества зарождается и подготовляется нѣчто чрезвычайно важное, а по той лихорадочной поспѣшности, съ ко-

торой производилось самое формированіе отрядовъ — и скорое событіе, надъ которымъ сколько ни ломали головы — разгадать его не могли.

Одни утверждали, что отряды эти формируются на случай возстанія на Кавказѣ съ цѣлью отдѣленія этой окраины отъ Россіи и отложенія ея въ самостоятельное, по примѣру Польши, государство, и на этотъ случай формируемые отряды должны быть выставлены въ противовѣсъ и для подавленія возстанія.

Довольно распространеннымъ было мнѣніе и циркулировавшіе одно время слухи о желаніи Николая Николаевича, оскорбленнаго устраненіемъ отъ верховнаго главнокомандованія, объявить себя „кавказскимъ самодержцемъ", отдѣливши край въ самостоятельную монархію...

Такъ или иначе, но въ формированіи этихъ отрядовъ усматривали приготовленія къ какому то „перевороту" и, инстинктивно воспріявъ это, не могли только предугадать въ точности формы будущихъ предстоявшихъ, вскорѣ какъ полагали, событій.

Въ точности же никто, конечно, не могъ опредѣлить, да и не опредѣлилъ, будущей роли отрядовъ особаго назначенія, которымъ въ дѣйствительности предназначалась роль военной части, долженствовавшей поддержать предстоявшую въ Россіи военную диктатуру и, главнымъ образомъ, — своего организатора и шефа, будущаго военнаго диктатора, великаго князя Николая Николаевича, именемъ котораго и названы были эти отряды.

Пока шли всѣ такія предварительныя къ будущей диктатурѣ приготовленія, совершенно обособленно и, дѣйствительно въ строжайшей тайнѣ, „исполнительный комитетъ", въ лицѣ великаго князя Дмитрія Павловича, графа Сумарокова-Эльстонъ и депутата В. М. Пуришкевича, усиленно готовился къ возложенной на него „высокопатріотической миссіи" — къ убійству Григорія Распутина.

Въ сущности говоря, всѣмъ этимъ „дѣломъ" завѣдывалъ одинъ только В. М. Пуришкевичъ, обставляя его такой таинственностью, что даже коллеги его по исполнительному комитету не посвящались во всѣ детали задуманнаго имъ плана убійства Распутина, всецѣло довѣряясь ему во всемъ.

Оставивъ на время свою дѣятельность по завѣдыванію питательными пунктами на фронтѣ, В. М. Пуришкевичъ выѣхалъ, по обыкновенію, на своемъ автомобилѣ въ Петербургъ, взявъ шоффером личнаго друга своего, ра-

ботавшаго въ одномъ изъ организованныхъ В. М. Пуришкевичемъ на фронтѣ передвижныхъ лазаретовъ, — доктора Лозоверта.

Автомобиль В. М. Пуришкевича былъ защитнаго военнаго цвѣта, и докторъ Лозовертъ, по прибытіи въ Петербургъ, съ перваго же дня лично занялся окраской его въ черный цвѣтъ, работая надъ этимъ, не покладая рукъ, круглыя сутки.

Когда окраска автомобиля была готова, и В. М. Пуришкевичъ намѣревался приступить уже къ приведенію въ исполненіе выработаннаго имъ единолично непосредственнаго плана самаго убійства, то имъ былъ вызванъ телеграммой гр. Сумароковъ-Эльстонъ.

Оставаясь вѣрнымъ строгой конспираціи, В. М. Пуришкевичъ и телеграмму отправилъ не отъ своего имени, а отъ имени супруги графа Сумарокова-Эльстонъ, которой, между прочимъ, въ то время и въ Петербургѣ не было.

Отсутствіе графини тоже было предусмотрѣно В. М. Пуришкевичемъ, по совѣту котораго графъ Сумароковъ-Эльстонъ сообщилъ ей заранѣе, что намѣревается провести праздники у себя въ имѣніи, куда и просилъ ее заблаговременно выѣхать.

И едва только графъ Сумароковъ-Эльстонъ, получивъ условленную телеграмму съ вызовомъ В. Пуришкевича, прибылъ въ Петербургъ, какъ въ тотъ же день приступлено было къ приведенію въ исполненіе сложнаго плана убійства Распутина . . .

. . . . . .

Было около шести часовъ вечера, когда гр. Сумароковъ-Эльстонъ лично позвонилъ въ квартиру Распутина.

Вмѣсто дежурной секретарши почему то къ телефону подошла младшая дочь Распутина, сообщившая гр. Сумарокову, что Распутина дома нѣтъ, и что „если графу очень нужно“, то она можетъ узнать, гдѣ онъ, и извѣстить его объ этомъ по телефону.

— Сообщите мнѣ, гдѣ Григорій Ефимовичъ, и я самъ его оттуда вызову! — предложилъ гр. Сумароковъ-Эльстонъ.

Дочь Распутина отошла отъ телефона, и не прошло и нѣсколькихъ секундъ, какъ ее смѣнила „дежурная“, княжна Нарышкина.

Будучи лично знакома съ гр. Сумароковымъ, княжна Нарышкина ему подъ строжайшимъ секретомъ сообщила,

что „Григорій Ефимовичъ уѣхалъ по чрезвычайно важному дѣлу къ митрополиту Питириму“ въ Александро-Невскую Лавру, намекнувъ, насколько возможно было по телефону, что „это важное дѣло“ касается происшедшей въ Царскомъ Селѣ „исторіи“, о которой гр. Сумароковъ-Эльстонъ зналъ уже тогда всѣ подробности, и которая касалась происшедшаго между Государемъ и Государыней серьезнаго конфликта на почвѣ требованія послѣдней принятія со стороны Государя экстренныхъ, для предотвращенія заточенія ея въ монастырь, мѣръ противъ иниціатора этого заточенія, великаго князя Николая Николаевича и всѣхъ его сообщниковъ.

Затихшіе было одно время такіе слухи въ тотъ періодъ усиленно опять муссировались въ придворныхъ кругахъ и вызваны были, вѣроятно, происходившимъ на Кавказѣ формированіемъ Николаемъ Николаевичемъ отрядовъ особаго назначенія.

Государыню Александру Федоровну увѣрили въ томъ, что главная и единственная цѣль формированія этихъ отрядовъ — ея арестъ и заточеніе въ монастырь, съ цѣлью изолировать наслѣдника Алексѣя отъ ея вліянія . . .

Нервная Государыня въ ужасъ приходила не столько отъ предстоящаго ареста, сколько отъ грозившей ей разлуки съ любимымъ сыномъ. И въ припадкѣ изступленія грозила „руки на себя наложить“.

Возможность приведенія Николаемъ Николаевичемъ своей давнишней угрозы въ исполненіе считалась настолько вѣроятной, что Государыня, опасаясь внезапнаго ареста, ни на минуту не разставалась съ наслѣдникомъ, открыто заявляя, что только смерть разлучитъ ее съ любимымъ сыномъ.

На этой почвѣ она заболѣла острымъ нервнымъ разстройствомъ и въ сильной формѣ начала страдать маніей преслѣдованія, и до того періодически ее ранѣе посѣщавшей.

По ея требованію, съ фронта былъ вызванъ Государь, и между ними состоялось объясненіе, повлекшее за собой и тотъ самый конфликтъ, о которомъ „дежурная секретарша“ Распутина, княжна Нарышкина и сообщила гр. Сумарокову-Эльстонъ, какъ о „чрезвычайно важномъ дѣлѣ“, въ связи съ „исторіей“ въ Царскомъ Селѣ, по какому дѣлу, молъ, Распутинъ и поѣхалъ на экстренное совѣщаніе въ митрополичьи покои преосвященнаго Питирима.

Нѣкоторыя „подробности“ этой „исторіи“ тогда еще сдѣлались достояніемъ общества. Всѣ знали, и въ Петер-

бургѣ довольно открыто говорили о томъ, что Государыня, требуя ликвидаціи предпринимаемаго великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ ареста и заточенія ея въ монастырь, настаивала передъ Государемъ на устраненіи Николая Николаевича отъ намѣстничества и ареста его впредь до окончанія войны. Когда же Государь, доказывая абсолютную недопустимость подобнаго скандала, высказалъ и нѣкоторыя опасенія въ смыслѣ возможности военнаго, въ связи съ этимъ, возстанія, Александра Федоровна отказалась отъ первоначальнаго своего требованія, предложивъ замѣнить арестъ высылкой Николая Николаевича заграницу.

Но Государь и на это не соглашался.

Во время этого объясненія, съ Государыней приключился острый нервный припадокъ, и, какъ это всегда бывало, у нея отнялись ноги, и она потеряла способность передвигаться безъ посторонней помощи. Спустя нѣкоторое время, Александра Федоровна, сидя уже въ обычномъ своемъ передвижномъ креслѣ, заявила Государю, что, не желая подвергать себя насильственному аресту и заточенію, а съ ними и разлукѣ съ наслѣдникомъ, она рѣшила покинуть Россію и вмѣстѣ съ наслѣдникомъ уѣхать ... заграницу.

При этомъ, она довольно недвусмысленно намекнула на то, что отправится сначала въ одно изъ нейтральныхъ скандинавскихъ государствъ, а оттуда ... и къ роднымъ пенатамъ, въ герцогство Гессенское, куда не вѣсть какъ далеко, да и пробраться — не особенно трудно ей будетъ...

Это рѣшеніе, по самому характеру своему, да еще при угрозѣ забрать съ собой наслѣдника престола россійскаго, и повлекли за собой ту самую „исторію“ и тотъ „конфликтъ“, въ связи съ коимъ Распутинъ и отправился на экстренное совѣщаніе къ митрополиту Питириму, куда, какъ впослѣдствіи выяснилось, прибыла и больная, послѣ ампутаціи ногъ, статсъ-дама А. А. Вырубова, бывшій премьеръ министръ Б. С. Штюрмеръ и личный другъ Государя, контръ-адмиралъ Ниловъ.

Послѣдній, собственно, былъ приглашенъ на это совѣщаніе съ опредѣленной цѣлью, чтобы повліять черезъ него на Государя въ смыслѣ измѣненія послѣднимъ своего рѣшенія уѣхать на фронтъ съ наслѣдникомъ и достиженія, взамѣнъ этого, согласія Государя остаться въ Царскомъ Селѣ, чтобы, своимъ присутствіемъ не только успокоительно дѣйствовать на разнервничавшуюся и больную

Государыню, но и предотвратить всякое покушеніе на лишеніе ее свободы. Одно пребываніе Государя въ Царскомъ Селѣ считалось тогда достаточной уже гарантіей въ этомъ отношеніи.

Подробности этого „послѣдняго историческаго“ тайнаго совѣщанія, каковыя до того въ покояхъ митрополита Питирима происходили довольно часто, такъ и остались тайной участниковъ его, равно какъ и вынесенныя на этомъ совѣщаніи рѣшенія, которыя уже не приведены были въ исполненіе, такъ какъ въ ту же ночь, вернувшись съ совѣщанія домой, Распутинъ былъ увезенъ въ особнякъ графа Сумарокова-Эльстонъ, гдѣ по заранѣе обдуманному плану, послѣ того какъ его не удалось отравить, былъ убитъ шестью выстрѣлами изъ револьверовъ.

Убійство Распутина произошло при слѣдующей обстановкѣ:

Безпрестанно звоня по телефону въ квартиру Распутина и не дождавшись его возвращенія домой, графъ Сумароковъ-Эльстонъ, позвонивъ въ послѣдній разъ около десяти часовъ вечера, просилъ „дежурную“ передать Григорію Ефимовичу, что, независимо отъ времени возвращенія его домой, графиня (Сумарокова-Эльстонъ) проситъ Григорія Ефимовича заѣхать къ ней по весьма важному дѣлу...

Въ особнякѣ графа Сумарокова-Эльстонъ тѣмъ временемъ весь „исполнительный комитетъ“ пребывалъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи, если не внезапнаго пріѣзда Распутина, то хотя бы телефоннаго его извѣщенія.

Было уже около полуночи, когда „комитетъ“, не дождавшись ни Распутина, ни телефоннаго звонка его, рѣшилъ въ своемъ стремленіи во что бы то ни стало сегодня осуществить намѣченное ими убійство Распутина, измѣнить первоначальное свое рѣшеніе о необходимости дожидаться его пріѣзда.

По предложенію В. М. Пуришкевича рѣшено было, чтобы великій князь Дмитрій Павловичъ лично отправился за Распутинымъ, оставаясь ждать въ квартирѣ „старца“ его возвращенія, послѣ чего и доставить его обязательно сегодня же въ особнякъ гр. Сумарокова-Эльстонъ.

Немедленно докторъ Лозовертъ, въ шоферскомъ одѣяніи, завелъ перекрашенный и выглядѣвшій новенькимъ автомобиль и быстро помчался, увозя съ собой вел. кн. Дмитрія Павловича къ Распутину.

Едва только автомобиль остановился у д. № 64 по

Гороховой улицѣ, какъ швейцаръ-охранникъ, на вопросъ Дмитрія Павловича, дома ли Григорій Ефимовичъ, неожиданно отвѣтилъ:

— Такъ точно, Ваше Императорское Высочество! Сейчасъ только изволили прибыть...

Дмитрій Павловичъ быстро поднялся по ступенькамъ лѣстницы, гдѣ по сигнальному звонку швейцара нашелъ уже дверь квартиры Распутина открытой, а въ дверяхъ, ведущихъ изъ гостиной въ переднюю—и самого Распутина, встревоженнаго, видимо, такимъ позднимъ появленіемъ великаго князя.

Волненіе и пребываніе весь вечеръ въ приподнятомъ нервномъ состояніи, вѣроятно, отражались на лицѣ Дмитрія Павловича. И это не ускользнуло отъ внимательнаго взгляда Распутина, который, не успѣвши еще поздороваться съ нимъ, взволнованно спросилъ:

— Что случилось? Въ чемъ дѣло?

Великій князь Дмитрій Павловичъ поспѣшилъ успокоить „старца“, заявивъ тутъ же, что плохо себя чувствуетъ сегодня, и что блѣдный цвѣтъ лица его объясняется сильной мигренью въ теченіи всего того дня.

И тутъ же, узнавъ о томъ, что его предположенія ошибочны, и что въ Царскомъ Селѣ все благополучно, Распутинъ далъ Дмитрію Павловичу какихъ то „бадмаевскихъ капель“, которыя по его увѣренію всякую боль „какъ рукой снимаютъ“, а затѣмъ началъ разсказывать ему о происходившемъ въ тотъ вечеръ совѣщаніи у митрополита Питирима по вопросу о необходимости примиренія Государя съ Александрой Федоровной...

Но Дмитрій Павловичъ не далъ ему договорить и, повторяя свое предложеніе поѣхать съ нимъ къ графу Сумарокову-Эльстонъ, гдѣ много собралось гостей, когда Распутинъ сталъ категорически отъ поѣздки отказываться, ссылаясь на усталость, отсутствіе настроенія и необходимость „раненько утромъ въ Царское Село отправиться“, неожиданно заявилъ ему:

— Графиня по этому, именно, поводу и имѣетъ съ вами весьма важный разговоръ...

Графиня Сумарокова-Эльстонъ, Ирина Михайловна, урожденная великая княжна, дочь великаго князя Михаила Александровича, родного дяди Николая II, была въ большомъ почетѣ въ придворныхъ кругахъ и, несмотря на полное ея игнорированіе какъ придворныхъ сферъ, такъ и „политики“, въ нихъ послѣднее время процвѣтавшей, поль-

зовалась большимъ уваженіемъ и исключительнымъ къ себѣ вниманіемъ хотя бы изъ за несмѣтныхъ богатствъ, владѣтельницей коихъ она была не только по мужу — графу Сумарокову-Эльстонъ, но и по доставшемуся ей, какъ единственной дочери, состоянію отъ отца.

Распутинъ былъ въ курсѣ отношеній придворныхъ сферъ къ Иринѣ Михайловнѣ и, все время усиленно отказываясь подъ разными предлогами отъ этого ночного визита, когда узналъ, что графиня Ирина Михайловна имѣетъ „важный разговоръ“ съ нимъ на тему „о царскосельскихъ событіяхъ“, неожиданно измѣнилъ свое рѣшеніе, заявивъ тутъ же Дмитрію Павловичу:

— Для графини только и ѣду... Да и тебѣ отказать не хочу... Знаю, вѣдь, навѣрное обѣщался безпремѣнно доставить... Подводить тебя не хочу...

И заявивъ въ присутствіи охраны домашнимъ, что онъ „скоро вернется“, Распутинъ вмѣстѣ съ Дмитріемъ Павловичемъ сѣли въ поджидавшій ихъ у подъѣзда перекрашенный автомобиль В. Пуришкевича. Ни одинъ изъ агентовъ охраны даже не выразилъ желанія отправиться вмѣстѣ съ Распутинымъ, считая это лишнимъ при наличіи великаго князя Дмитрія Павловича.

Великій князь „приказалъ“ шоферу, доктору Лозоверту, ѣхать на Мойку и тотъ, мастерски управляя машиной, понесся по Гороховой улицѣ, свернулъ на Казанскую улицу, откуда Новымъ переулкомъ выѣхалъ къ Синему мосту на Маріинскую площадь и, миновавъ Маріинскій Дворецъ, быстро подкатилъ къ особняку гр. Сумарокова-Эльстонъ, находившемуся на набережной рѣки Мойки, неподалеку отъ угла Вознесенскаго проспекта.

Войдя въ освѣщенный подъѣздъ особняка, Распутинъ какъ бы удивился царившей тамъ тишинѣ и не преминулъ, подымаясь уже по широкой мраморной лѣстницѣ, подѣлиться своимъ удивленіемъ съ великимъ княземъ.

Растерявшійся было Дмитрій Павловичъ сталъ что то неопредѣленное отвѣчать, высказавъ предположеніе, что гости, видимо, успѣли уже разъѣхаться...

— Оно и лучше, — заявилъ Распутинъ... Съ княгиней побесѣдую и... домой...

И заручившись обѣщаніемъ Дмитрія Павловича въ томъ, что тотъ его и обратно на своей машинѣ отвезетъ, далъ подскочившему лакею снять съ себя шубу, и приведя свой туалетъ примитивнымъ способомъ въ порядокъ, расчесавъ пальцами прическу и бороду, сдѣлалъ шагъ и очу-

тился по ту сторону раскрытыхъ услужливымъ лакеемъ дверей въ графскіе аппартаменты.

Изъ этой первой, пріемной комнаты, дверь вела въ просторный кабинетъ графа Сумарокова-Эльстонъ, гдѣ въ ожиданіи появленія Распутина, кромѣ графа, былъ только еще В. Пуришкевичъ.

Издавна зная, что въ лицѣ В. Пуришкевича онъ имѣетъ одного изъ самыхъ непримиримыхъ враговъ, и считая его однимъ изъ единомышленниковъ великаго князя Николая Николаевича, Распутинъ сразу заподозрилъ неладное.

Но... ретироваться было поздно, да и неудобно какъ то, и онъ, поздоровавшись съ графомъ и Пуришкевичемъ, робко какъ-то проговорилъ, точно въ оправданіе своего поздняго визита:

— Графинюшка видѣть меня пожелала!.. Побесѣдовать о чемъ то имѣетъ... Вотъ я и пріѣхалъ!..

— Да... Графиня желала поговорить... Но не дождавшись ушла къ себѣ, — отвѣтилъ заранѣе подготовленный къ тому, графъ Сумароковъ-Эльстонъ

А Пуришкевичъ, тщетно силясь скрыть свое волненіе, заявилъ Распутину:

— Графиня спать ушла и поручила намъ (при этомъ онъ указалъ на себя и на графа) переговорить съ вами...

Графъ Сумароковъ-Эльстонъ предложилъ перейти въ его рабочій кабинетъ, находившійся въ первомъ этажѣ особняка.

Повернувшись, чтобы направиться къ выходу, Распутинъ обнаружилъ исчезновеніе великаго князя Дмитрія Павловича и, замѣтно волнуясь, задалъ вдругъ графу Сумарокову-Эльстонъ вопросъ:

— А гдѣ же Его Высочество!

Графъ не нашелся отвѣтить, но Пуришкевичъ быстро выручилъ его изъ неловкаго положенія, высказавъ предположеніе, что онъ, вѣроятно, уже въ томъ самомъ рабочемъ кабинетѣ графа, куда они втроемъ тогда направлялись.

Но и въ кабинетѣ Дмитрія Павловича тоже не было.

Въ сторонѣ, передъ большимъ кожанымъ диваномъ, стоялъ небольшой столъ съ разставленными на немъ винами, фруктами и печеніями.

Всѣ трое усѣлись вокругъ стола, и Пуришкевичъ, наливъ вина, предложилъ Распутину выпить „передъ серьезнымъ разговоромъ“.

— А вы пить будете? — задалъ неожиданный вопросъ Распутинъ.

— Я никогда не пью, мнѣ запрещено, — рѣзко отвѣтилъ В. Пуришкевичъ... А вы всегда пьете, такъ и пейте...

— Одинъ пить не буду!..— также рѣзко и категорически заявилъ вдругъ Распутинъ.

— Тогда печенье отвѣдайте, Григорій Ефимовичъ! — предложилъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ.

Распутинъ долго разсматривалъ красиво разложенные въ вазахъ свѣжіе слоеные пончки и „пти-фуръ“ и, точно что то обдумывая, послѣ краткой паузы, заявилъ какъ-то нерѣшительно.

— Н-нѣтъ...И ѣсть не буду... Не хочу...

Наступило длительное молчаніе, которое первымъ нарушилъ В. М. Пуришкевичъ.

Вставъ изъ за стола, и точно готовясь къ произнесенію рѣчи, В. М. Пуришкевичъ взялся за спинку стула, на которомъ до того сидѣлъ, и, обратившись къ Распутину, началъ:

— Вотъ что, Григорій Ефимовичъ! Я привыкъ всегда и все дѣлать открыто. Поэтому, долженъ вамъ заявить, что я особенно радъ, что вы отказались и отъ вина, и отъ печеній, которыми вы бы, безъ сомнѣнія, отравились, ибо въ нихъ имѣется достаточная и для лошади доза яда. Но это и лучше. Теперь мы поговоримъ съ вами въ открытую. Думаю, вы меня поймете.

И переведя отъ волненія духъ, В. М. Пуришкевичъ, продолжалъ:

— Такъ вотъ, слушайте: Россія наканунѣ гибели... И въ этомъ виноваты вы...

Распутинъ хотѣлъ что то возразить, но Пуришкевичъ, волнуясь, чуть ли не крича, остановилъ его:

— Я привыкъ чтобы меня слушали, когда я говорю

— Вы одинъ виноваты въ этомъ... Вы внесли разложеніе не только въ общественные и правительственный круги, но опозорили всю династію, весь царствующіе домъ...

— О п о з о р и л и и о п о г а н и л и, точно отчеканивая произнесъ В. М. Пуришкевичъ.

— Благодаря вамъ и вашему поведенію, въ народѣ появились легенды о близости не только Государыни Александры Федоровны съ вами, но опозорены и юныя, великія княжны... На весь міръ оскандалена вся царская семья...

— Прикрывая свой развратъ какой то „половой святостью“, вы держите весь Дворъ въ какомъ то религіозномъ страхѣ и внушая Царю, что „безъ васъ и его не будетъ“, вы эксплуатируете эту его больную вѣру въ васъ, разжигая ее всячески.

— Я не стану, продолжалъ Пуришкевичъ, приводить вамъ здѣсь всего того, что составило бы мой обвинительный противъ васъ актъ. Я не готовился къ этому, да и лишнее оно. Думается мнѣ, что „мы другъ друга поняли“, во всякомъ случаѣ — вы меня, навѣрное, хорошо поняли... Я говорю, на понятномъ вамъ языкѣ... Отрицать этого не можете. А возражать мнѣ — у васъ врядъ ли найдется чѣмъ.

— Впрочемъ, закончилъ В. М. Пуришкевичъ, готовъ васъ выслушать.

И окончивъ свою рѣчь, онъ жестомъ обратился въ сторону Распутина, точно предоставляя ему слово.

Но Распутинъ, блѣдный, съ выпученными глазами, молча, неподвижно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, а Пуришкевичъ тѣмъ временемъ прошелся отъ стола къ двери и обратно по кабинету.

Затѣмъ, остановившись на прежнемъ мѣстѣ, онъ вопросительно взглянулъ на Распутина.

Но тотъ, какъ былъ, такъ и оставался въ своей неподвижности, видимо, даже и не намѣреваясь отвѣчать Пуришкевичу.

Пуришкевичъ выждалъ нѣсколько, затѣмъ снова обратился къ Распутину:

— Вы молчите! Значитъ, согласны со мной, что Россію погубили вы, что опозорили и опоганили ее! Чѣмъ же, по вашему, все это должно завершиться?

Распутинъ вздыхалъ, силясь, видимо, что то отвѣтить, но не находя, вѣроятно, словъ, продолжалъ безмолствовать.

Тѣмъ временемъ В. М. Пуришкевичъ, подойдя ближе къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ на диванѣ Распутинъ, почти вплотную, точно готовясь по секрету что-либо сообщить, волнуясь, заявилъ ему:

— Неужели вы не видите, что должны... исчезнуть? Вы не имѣете права больше существовать... Довольно! Этому надо положить конецъ!.. Вы должны умереть!..

И, доставъ изъ кармана револьверъ, В. М. Пуришкевичъ протянулъ его Распутину со словами:

— Вотъ вамъ!.. Стрѣляйтесь!.. Самоубійствомъ кон-

чайте!.. Явите мужество, если дѣйствительно любите монарха и... Россію... Немедленно застрѣлитесь!.. — повторилъ В. Пуришкевичъ.

При этихъ словахъ Распутинъ, быстро сорвавшись съ мѣста, сталъ пятиться въ ближайшій къ дверямъ уголъ и, все время крестясь, приговаривалъ:

— Господь съ вами! Что вы, что вы! Царица небесная, спаси и помилуй!

Но В. М. Пуришкевичъ неотступно преслѣдовалъ его, повторяя свое требованіе, пока Распутинъ въ отчаяніи не закричалъ:

— Спасите!.. Люди!.. Спасите!..Убить хотятъ!..Убійцы!...

— Мерзавецъ! — прошипѣлъ взбѣшенный В. М. Пуришкевичъ. Не смѣть кричать, а то я тебя, какъ собаку, убью... На мѣстѣ уложу...

И протягивая Распутину въ послѣдній разъ револьверъ, В. Пуришкевичъ повторилъ:

— Стрѣляйся лучше самъ...

— Не буду!.. — почти завопилъ онъ. Не... буду! — уже чуть ли не прокричалъ Распутинъ.

Но въ это время раздался выстрѣлъ.

Распутинъ точно ошалѣлъ и, не обращая вниманія на то, что В. М. Пуришкевичъ съ револьверомъ въ рукахъ преграждалъ ему дорогу, а у самыхъ дверей, безмолвно и тоже вооруженный револьверомъ, стоялъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ, съ такой быстротой бросился къ двери, что не ожидавшіе подобной рѣшительности — В. Пуришкевичъ и графъ Сумароковъ-Эльстонъ — точно опѣшили...

Когда же они оба бросились догонять Распутина, то тотъ уже успѣлъ миновать нижнее фойэ дома и находился почти у самыхъ дверей, ведущихъ во дворъ громаднаго особняка.

Съ криками: Не уйдешь!.. Какъ собаку, убью!.. и т. п. В. М. Пуришкевичъ, стрѣляя на ходу, а за нимъ и графъ Сумароковъ-Эльстонъ, догоняли Распутина мимо всей лѣстницы, а когда тотъ успѣлъ выскочить во дворъ, то и туда за нимъ, выпуская одинъ за другимъ смертельные изъ револьверовъ заряды въ бѣжавшаго инстинктивно по направленію къ воротамъ Распутина.

Испуганный стрѣльбой и бѣготней большой датскій догъ графа все время съ лаемъ гнался за Распутинымъ, преграждая дорогу, мѣшая ему убѣгать, пока случайная

пуля не ранила собаку и она, поднявъ отчаянный вой, прекратила свое преслѣдованіе Распутина.

Еще одинъ моментъ, и Распутинъ очутился бы уже на улицѣ. Но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ чья-то мѣтко направленная и попавшая въ затылокъ пуля свалила Распутина и онъ, упавъ въ изнеможеніи, тяжело стоналъ. Инстинктивно продолжая искать спасенія, Распутинъ тяжело уже раненый, истекая кровью, напрягалъ послѣднія усилія, пытаясь ползкомъ добраться до воротъ. Но силы быстро его оставляли, и онъ, растянувшись, лежалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, оставивъ по всему пути слѣдъ крови и обильную лужу ея тамъ, гдѣ онъ застылъ въ неподвижности.

Графъ Сумароковъ-Эльстонъ вмѣстѣ съ докторомъ Лозовертомъ оказывали первую помощь раненому догу, а В. М. Пуришкевичъ тѣмъ временемъ былъ занятъ болѣе важными приготовленіями въ связи съ необходимостью удаленія трупа убитаго Распутина.

Доставъ въ гардеробной шубу Распутина, В. М. Пуришкевичъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Дмитріемъ Павловичемъ и освободившимся къ тому времени графомъ Сумароковымъ-Эльстонъ, уложили трупъ Распутина въ разостланную на землѣ шубу и, завернувъ въ нее все тѣло его, перевили поверхъ нѣсколько разъ тонкой веревкой.

По разсказу В. М. Пуришкевича въ опубликованной имъ объ убійствѣ брошюрѣ, Распутинъ въ то время еще обнаруживалъ признаки жизни, слабо корчась въ послѣднихъ предсмертныхъ судорогахъ.

Докторъ Лозовертъ констатировалъ наличность біенія жизненнаго пульса, что являло собой признаки продолжающейся еще сердечной дѣятельности, но въ такой слабой степени, которая предвѣщаетъ близкое наступленіе смерти.

Завернувъ дышавшаго еще полуубитаго Распутина въ его собственную шубу и положивъ внутрь свертка тяжелый кусокъ валявшейся тутъ же во дворѣ части мраморной ступени, всѣ участники убійства общими усиліями водворили эту тяжелую поклажу въ стоявшій уже наготовѣ у самыхъ воротъ внутри дома, автомобиль В. Пуришкевича.

Все уже было готово къ отъѣзду, когда неожиданно явился швейцаръ и таинственно заявилъ, что постовой городовой очень интересуется причиной раздававшихся во дворѣ особняка револьверныхъ выстрѣловъ...

В. М. Пуришкевичъ, пригласивъ съ собой великаго князя Дмитрія Павловича, вышелъ на парадный подъѣздъ.

При ихъ появленіи стоявшій у подъѣзда городовой, весь вытянувшись въ струнку и взявъ подъ козырекъ, привѣтствовалъ Дмитрія Павловича:

— Здравія желаю, Ваше Императорское Высочество!

— Какъ фамилія? — обратился В. Пуришкевичъ къ городовому.

— Иванцовъ, Казанской части, Ваше Превосходительство! — отрапортовалъ постовой.

— Иванцовъ, говоришь, — почему то повторилъ его фамилію В. М. Пуришкевичъ, и тутъ же послѣдовалъ вопросъ:

— А ты Царя своего любишь? Отвѣчай!

— Такъ точно, — Ваше Превосходительство!

— Такъ вотъ, Иванцовъ! Его злѣйшаго врага убили... Понялъ?

— Такъ точно! Понялъ, Ваше Превосходительство!

— Ну, такъ вотъ!.. и все, что случилось...

И точно довольные благополучнымъ исходомъ переговоровъ съ постовымъ городовымъ Иванцовымъ, В. М. Пуришкевичъ и Дмитрій Павловичъ вернулись къ поджидавшимъ ихъ уже давно въ автомобилѣ „съ грузомъ“ — гр. Сумарокову-Эльстонъ и доктору Лозоверту.

Усѣвшись всѣ четверо въ автомобиль: — В. М. Пуришкевичъ съ графомъ Сумароковымъ-Эльстонъ во внутрь, гдѣ находился „страшный грузъ“, а великій князь Дмитрій Павловичъ — рядомъ съ занявшимъ мѣсто за рулемъ, докторомъ Лозовертомъ, они выѣхали въ раскрытыя дворецкимъ Бубновымъ ворота на набережную, миновали мостикъ у казармъ гвардейскаго экипажа и, переѣхавъ Николаевскій мостъ, мчались по Васильевскому острову на Тучковъ мостъ, Большой Проспектъ Петербургской стороны, откуда зигзагами добрались до Песочной набережной, остановившись на мостикѣ черезъ Малую Невку, у единственнаго въ томъ мѣстѣ дома, принадлежавшаго „убѣжищу престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей“ имени Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества.

Простоявъ нѣсколько минутъ на мосту и убѣдившись въ томъ, что никого вокругъ нѣтъ, они быстро сняли съ автомобиля перевязанный въ шубу трупъ Распутина и, столкнувъ его по периламъ моста, бросили въ воду.

Всѣ сидѣли уже въ автомобилѣ, когда В. М. Пуриш-

кевичъ продолжалъ еще наблюдать за медленнымъ погруженіемъ трупа въ мутную воду притока Невы.

И только убѣдившись, видимо, въ томъ, что „грузъ“ хорошо пошелъ ко дну, В. М. Пуришкевичъ сѣлъ въ автомобиль, въ которомъ всѣ размѣстились по прежнему.

По предложенію В. М. Пуришкевича, рѣшено было не возвращаться той дорогой, которой пріѣхали, а переѣхавъ Малую Невку, выѣхать другой стороной на Каменноостровскій проспектъ.

Было уже около четырехъ часовъ ночи, когда весь забрызганный грязью черный автомобиль В. М. Пуришкевича съ четырьмя сѣдоками, не зная хорошо мѣстности „Острововъ“, исколесивъ аллеи Елагинскаго острова, очутился на „Стрѣлкѣ“, и выѣхавъ оттуда, знакомой уже дорогой, миновалъ липкую грязь застроеннаго дачами Каменнаго Острова и очутился на Строгановской набережной, ведущей къ Каменноостровскому проспекту.

Здѣсь, уже по хорошо знакомому пути, они выѣхали въ городъ, направившись обратно къ особняку графа Сумарокова-Эльстонъ.

На посту тотъ же городовой Иванцовъ съ подметавшимъ улицу дежурнымъ дворникомъ бесѣдовали, видимо, о ночномъ „происшествіи“, а въ особнякѣ тоже необычайное въ такой ранній часъ оживленіе было.

Разбуженная прислуга, сонно бродя по фойэ, занята была тщательной, подъ наблюденіемъ дворецкаго Бубнова, уборкой фойэ и смываніемъ кровяныхъ пятенъ съ бѣлой, ведушей во дворъ, лѣстницы. А во дворѣ предупредительно и тщательно подметенные слѣды крови посыпаны были всюду свѣжимъ желтымъ пескомъ, длинный слѣдъ котораго, точно дорожка, велъ сначала по лѣстницѣ, а затѣмъ уже до самаго надворнаго флигеля, гдѣ помѣщались службы и многочисленная прислуга графскаго особняка.

Этотъ длинный кровяной слѣдъ оставилъ за собой раненый догъ, когда онъ, подстрѣленный предназначавшейся для Распутина пулей, убѣгалъ по двору во флигель.

В. М. Пуришкевичъ, въѣхавъ въ автомобилѣ во дворъ, видимо, изъ предосторожности, распорядился, чтобы весь дворъ посыпали пескомъ однообразно, такъ какъ зіявшія желтыя песчаныя пятна рѣзко выдѣлялись на черномъ фонѣ двора.

А вернувшись во внутреннія помѣщенія, В. Пуриш-

кевичъ распорядился объ уничтоженіи ядовитыхъ печеній и отравленнаго вина.

Докторъ Лозовертъ въ первый разъ за все время принялъ непосредственное участіе въ состоявшемся совѣщаніи „исполнительнаго комитета“ и, при обсужденіи вопроса о дальнѣйшемъ поведеніи, внесъ предложеніе немедленно заявить министру юстиціи о состоявшемся убійствѣ Распутина.

Предложеніе доктора Лозоверта было принято единогласно, и тутъ же рѣшено было по телефону сообщить министру юстиціи А. А. Макарову о предстоящемъ визитѣ къ нему всѣхъ трехъ участниковъ убійства.

Вызовъ министра по телефону, разспросы курьера его, нерѣшительность послѣдняго и явное нежеланіе курьера безпокоить министра на разсвѣтѣ, — все это отняло массу времени.

Былъ уже шестой часъ, когда курьера, наконецъ, удалось убѣдить, что дѣло это не терпитъ отлагательства, и что Его Высочество великій князь Дмитрій Павловичъ долженъ немедленно переговорить съ министромъ.

Нѣсколько минутъ, пока министръ юстиціи А. А. Макаровъ очутился у телефона, нетерпѣливо ожидавшимъ этого момента, казались вѣчностью.

Когда же, наконецъ, у аппарата раздался голосъ министра юстиціи, В. М. Пуришкевичъ заявилъ:

— У телефона членъ Государственной Думы Пуришкевичъ, Владиміръ Митрофановичъ. Простите, Ваше Высокопревосходительство, за безпокойство въ такой неурочный часъ... Случилось событіе большой государственной важности, о которомъ по телефону неудобно распространяться... Разрѣшите намъ: мнѣ, Его Высочеству великому князю Дмитрію Павловичу и его сіятельству графу Феликсу Сумарокову-Эльстонъ — князю Юсупову немедленно заѣхать къ вамъ и лично обо всемъ разсказать...

— А въ чемъ же дѣло? — взволнованно спросилъ министръ А. А. Макаровъ.

— Я повторяю вамъ,—дѣло государственной важности и не терпящее отлагательства, — сильно нервничая и волнуясь, заявилъ В. М. Пуришкевичъ.

И какъ бы опасаясь отказа въ пріемѣ, великій князь Дмитрій Павловичъ, взявъ телефонную трубку изъ рукъ В. Пуришкевича, заявилъ министру юстиціи, что онъ настойчиво проситъ принять всѣхъ немедленно.

Эта просьба, видимо, возымѣла свое дѣйствіе, и министръ заявилъ, что ждетъ ихъ у себя на квартирѣ, на Итальянской улицѣ.

Сѣвъ въ тотъ же, управляемый докторомъ Лозовертомъ, автомобиль, всѣ трое быстро помчались на пріемъ къ министру юстиціи, который ожидалъ ихъ у себя въ кабинетѣ.

В. М. Пуришкевичъ, отъ имени всѣхъ трехъ участниковъ убійства, заявилъ министру А. А. Макарову вкратцѣ

— Ваше Высокопревосходительство! Побуждаемые чувствомъ любви къ своему монарху и долгомъ патріотизма передъ своей родиной, мы всѣ трое, сообща, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, убили извѣстнаго вамъ мерзавца и подлеца Григорія Распутина...

Министръ юстиціи А. А. Макаровъ точно опѣшилъ отъ неожиданности и почему то задалъ вдругъ такой вопросъ:

— То есть, какъ это убили?

— Очень просто! — отвѣтилъ В. М. Пуришкевичъ... Убили и трупъ его уничтожили... Кончено... Распутина больше нѣтъ...

И обратившись уже оффиціально къ министру, В. М. Пуришкевичъ продолжалъ:

— Доводя объ этомъ до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства, какъ министра юстиціи и генералъ-прокурора правительствующаго сената, осмѣливаюсь просить васъ, въ виду того, что у каждаго изъ насъ имѣются общественныя обязанности, требующія нашего присутствія, не подвергать насъ лишенію свободы, а отпустить подъ честнымъ словомъ въ явкѣ по первому вашему требованію или требованію соотвѣтствующихъ властей...

Министръ А. А. Макаровъ, видимо, до того растерялся, что не нашелся сразу и отвѣтить.

Интересуясь, однако, всѣмъ происшедшимъ и точно не допуская возможности убійства Распутина, онъ отрывочными вопросами старался выяснить нѣкоторыя обстоятельства, убійство сопровождавшія. Но удовлетворить въ деликатной формѣ высказанное требованіе министра о томъ, гдѣ произошло убійство, кто именно, изъ сидѣвшихъ передъ нимъ трехъ лицъ убилъ Распутина, и гдѣ трупъ убитаго — всѣ трое уклонились, заявивъ только о самомъ фактѣ.

А. А. Макаровъ не счелъ, однако, возможнымъ освободить явившихся и, сославшись на нежеланіе нарушить

законы, которые для того и писаны, чтобы они исполнялись, тѣмъ болѣе — главою вѣдомства юстиціи, заявилъ, что ни въ коемъ случаѣ не можетъ освободить ихъ и обязанъ подвергнуть всѣхъ трехъ... домашнему аресту.

В. М. Пуришкевичъ за всѣхъ согласился на домашній арестъ и тутъ же, быстро набросавъ, по предложенію министра юстиціи, заявленіе о совершенномъ убійствѣ „крестьянина села Покровскаго, Тобольской губерніи, Григорія Новыхъ", первымъ расписался подъ этимъ заявленіемъ, затѣмъ подписи свои сдѣлали уже и великій князь Дмитрій Павловичъ, подписавшійся просто „Дмитрій Романовъ", и графъ Сумароковъ-Эльстонъ-Юсуповъ, стоя набросавшій обычную свою подпись: „Феликсъ Юсуповъ".

Составленное В. М. Пуришкевичемъ заявленіе гласило:

Его Высокопревосходительству,
Господину Министру Юстиціи Россійской Имперіи.

Заявленіе.

„Настоящимъ нижеподписавшіеся: членъ Государственной Думы, Владиміръ Митрофановичъ Пуришкевичъ, Его Высочество великій князь Дмитрій Павловичъ Романовъ и князь Феликсъ Юсуповъ-графъ-Сумароковъ-Эльстонъ доводятъ до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства, что въ ночь на 17 декабря 1916 года въ Петербургѣ, по взаимному между собой сговору и всѣ сообща, убили крестьянина села Покровскаго, Тобольской губерніи, Григорія Ефимовича Новыхъ".

Министръ Юстиціи А. А. Макаровъ, прочитавъ подписанное всѣми тремя указанными въ немъ лицами заявленіе, положилъ резолюцію:

„Впредь до особаго распоряженія, подвергнуть указанныхъ въ семъ лицъ домашнему аресту, съ отобраніемъ отъ нихъ подписки о невыѣздѣ изъ Петербурга".

И, подписавши эту свою резолюцію, министръ юстиціи собственноручно приписалъ:

„О состоявшемся постановленіи объявлено"... — послѣ чего предложилъ всѣмъ снова расписаться.

Едва только всѣ эти формальности были выполнены, какъ всѣ трое очутились на улицѣ и, сѣвъ въ автомобиль, умчались обратно въ штабъ-квартиру „исполнительнаго комитета", въ особнякъ графа Сумарокова-Эльстонъ.

Обсудивъ создавшееся въ связи съ посѣщеніемъ ми-

нистра юстиціи положеніе, „исполнительный комитетъ“ пришелъ къ заключенію, что оставаться въ столицѣ, гдѣ отсутствуетъ сильная поддержка, и гдѣ возможны всякіе неожиданные эксцессы — не безопасно.

А потому и рѣшено было разъѣхаться изъ Петербурга, причемъ В. М. Пуришкевичу — обратно на фронтъ, графу Сумарокову-Эльстонъ—въ имѣніе, гдѣ его ожидала супруга.

И только одному Дмитрію Павловичу рѣшено было оставаться въ столицѣ.

Это рѣшеніе имѣло опредѣленное и заранѣе предусмотрѣнное значеніе, являя собой какъ-бы второй этапъ выработаннаго обществомъ гвардейскихъ офицеровъ плана.

Оставленіемъ Дмитрія Павловича въ столицѣ имѣлось въ виду вызвать, какъ ожидалось, по несомнѣнному настоянію Царицы, арестъ его. А это бы дало поводъ къ осуществленію дальнѣйшихъ пунктовъ обширнаго „плана переворота“, вплоть до похода на Петербургъ, сначала подъ видомъ освобожденія великаго князя Дмитрія Павловича изъ заключенія, а затѣмъ уже этотъ „походъ“ разросся бы въ тотъ, именно, задуманный „переворотъ“, планъ коего предусматривалъ всѣ постепенные и многочисленные его этапы.

И великій князь Дмитрій Павловичъ, во исполненіе точнаго постановленія исполнительнаго комитета, остался въ Петербургѣ.

Графъ Сумароковъ-Эльстонъ первымъ поѣздомъ въ то же утро уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе, а В. М. Пуришкевичъ, не заѣзжая даже на квартиру, сообщилъ домашнимъ по телефону о своемъ отъѣздѣ и спѣшно на автомобилѣ выѣхалъ на фронтъ.

. . . . . .

XXIII.

Петербургскимъ обывателямъ памятно еще, вѣроятно, то утро, въ ночь на которое въ особнякѣ гр. Юсупова-Сумарокова-Эльстонъ былъ убитъ Григорій Распутинъ. Да и весь день 17 декабря 1916 года, какъ и послѣдующіе за нимъ два дня, были исключительными въ жизни россійской столицы.

И если столица проснулась не отъ шума, который былъ поднятъ въ связи съ убійствомъ Григорія Распутина, то послѣдующіе дни пребывала въ атмосферѣ этого событія, питаясь всевозможными слухами на этой почвѣ и легендами, вокругъ убійства создававшимися, такъ какъ къ тому времени съ печати не снятъ былъ еще запретъ касаться имени „старца".

И только на второй день этотъ запретъ самовольно нарушила одна изъ вечернихъ столичныхъ газетъ, помѣстившая телефонное якобы сообщеніе своего корреспондента изъ Москвы о томъ, что „прибывшее, будто-бы, туда (въ Москву) лицо, заслуживающее абсолютное довѣріе, сообщаетъ, что „въ Петербургѣ убитъ Григорій Распутинъ".

Вслѣдъ за этимъ, не обратившимъ на себя вниманія тогдашней цензуры сообщеніемъ, прекрасно иллюстрирующимъ, однако, положеніе печати въ то время, во всей петербургской прессѣ стали появляться, сначала робкія, а затѣмъ и все болѣе и болѣе подробныя сообщенія объ убійствѣ.

Условія того времени не позволяли, однако, касаться многихъ деталей убійства, розысковъ трупа, нахожденія его и, главное — перевезенія тѣла Григорія Распутина и похоронъ его въ оградѣ царскосельскаго парка, на громадной полянѣ вблизи царскаго дворца и противъ фронтона его оконъ, лицевой стороной обращеннаго какъ разъ на эту поляну.

Всѣхъ этихъ подробностей не коснулся и В. М. Пуришкевичъ въ своей брошюрѣ: „Убійство Григорія Рас-

путина", не коснулся, быть можетъ, изъ соображеній чисто даже этическаго характера или изъ нежеланія подчеркнуть этими подробностями всю безсмысленность и главное — безцѣльность убійства Распутина, смерть коего не только не подѣйствовала отрезвляюще на царскую семью, но еще болѣе усугубила „святость старца", въ которую тамъ вѣрили, ни на іоту не умаливъ его значенія даже тогда, когда вмѣсто живого Распутина въ гробу лежалъ изрѣшетенный пулями трупъ его, извлеченный только къ вечеру второго дня изъ воды Малой Невки.

. . . . . .

Безпокойство по поводу исчезновенія Распутина первыми обнаружили чины охраны личности „старца".

Было уже около шести часовъ утра, когда проснувшійся швейцаръ дома N 64 по Гороховой улицѣ, въ которомъ жилъ Распутинъ, обратилъ вниманіе дежурившихъ на лѣстницѣ двухъ чиновъ дворцовой охраны, что „старца" до сего времени еще нѣтъ. Послѣдніе почему то предполагали, что онъ давно вернулся. Но швейцаръ категорически утверждалъ, что парадныхъ дверей не открывалъ и что, ожидая каждую минуту звонка, онъ всю ночь проспалъ, не раздѣваясь.

Чтобы разрѣшить сомнѣнія и происшедшій между швейцаромъ и другими двумя чинами охраны споръ, которымъ задѣвалось „профессіональное самолюбіе охранниковъ", позвонили въ квартиру. Явившійся на звонокъ лакей-охранникъ тоже озадаченъ былъ этимъ и на заданный вопросъ о томъ, вернулся ли уже Распутинъ, рѣшительно отвѣтить не могъ, почему и отправился убѣдиться въ этомъ по нѣкоторымъ вещественнымъ признакамъ.

Въ передней, на вѣшалкѣ, шубы Распутина не оказалось, и лакей отправился во внутреннія комнаты, полагая, что она брошена гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, какъ это иногда бывало, когда „святой старецъ" возвращался въ состояніи, не дававшемъ ему возможности долго на ногахъ оставаться . . .

Когда же всѣ эти поиски не увѣнчались успѣхомъ, то рѣшено было и въ „опочивальню" старца заглянуть. . .

Къ радости торжествовавшаго швейцара правда оказалась на его сторонѣ: Распутина дома не было, слѣдовательно, дежурившіе на лѣстницѣ его коллеги-охранники потерпѣли фіаско.

Отъ шума и спора охраны, затѣянной въ передней комнатѣ квартиры, проснулись домашніе Распутина. Млад-

шая дочь, Варвара, сообщила по телефону М. Е. Головиной и княжнѣ Нарышкиной, послѣдняя позвонила въ особнякъ гр. Сумарокова-Эльстонъ, зная, что онъ туда уѣхалъ наканунѣ, по приглашенію графини, на балъ...

Но каково-же было удивленіе Нарышкиной, когда оттуда на всѣ ея разспросы отвѣтили, что „никакого бала не было вчера, и что самой графини даже въ городѣ болѣе двухъ недѣль уже какъ нѣтъ“...

— Но я лично съ графомъ вчера бесѣдовала по этому поводу по телефону! — заявила княжна Нарышкина.

— Вчера? — удивленно переспросилъ отрекомендовавшійся по телефону личнымъ секретаремъ графа...—Это невозможно! Я покинулъ канцелярію въ четыре часа дня, графа не было; не нашелъ я его и сегодня, явившись на службу, по обыкновенію, рано утромъ...

Озадаченная всѣмъ этимъ, княжна Нарышкина поспѣшно отправилась на квартиру Распутина. Ея волненіе, въ связи съ недавнимъ разговоромъ по телефону съ секретаремъ графа Сумарокова-Эльстонъ, только усугублялось.

Заволновалась и охрана, сообщившая о случаѣ своему непосредственному начальству, послѣднее — въ свою очередь, директору департамента полиціи А. Т. Васильеву, тотъ министру внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопопову, затѣмъ узналъ объ этомъ предсѣдатель совѣта министровъ сен. Треповъ, а еще черезъ полъ часа и весь „оффиціальный“ Петербургъ.

И только около девяти часовъ утра къ премьеръ-министру на пріемъ съ докладомъ явился министръ юстиціи А. А. Макаровъ, посвятившій его въ тайны ночного происшествія и документально убѣдившій его въ убійствѣ Распутина.

Но премьеръ не только вѣрить, даже слышать объ этомъ не хотѣлъ.

— Не вѣрю! Это ловкая продѣлка. Они его гдѣ нибудь заперли... Они его н е м о г л и убить...

И тутъ же премьеръ-министръ распорядился объ арестѣ В. М. Пуришкевича и гр. Сумарокова-Эльстонъ, категорически, однако, запретивъ „безпокоить“ великаго князя Дмитрія Павловича, который, по его убѣжденію, былъ втянутъ въ это дѣло только лишь какъ „ширма“, за которую, по его мнѣнію, В. М. Пуришкевичъ и гр. Сумароковъ-Эльстонъ предполагали укрываться...

Съ того момента скрывать „исторію исчезновенія Распутина“ было уже немыслимо...

И вѣсть эта съ молніеносной быстротой облетѣла всю столицу. Жадная на всевозможнаго рода сенсаціи, публика обильно уснащала всѣ эти слухи самымн невѣроятными фантастическими отсебятинами, и столица весь этотъ день только и жила слухами, догадками и предположеніями, строившимися на цѣломъ рядѣ исключительныхъ явленій, исходившихъ изъ дѣйствительно, что называется, на ноги поставленной всей столичной наружной, внутренней, гласной, тайной, жандармской и охранной полиціи.

Тѣмъ временемъ объ этомъ дано было знать въ Царское Село, гдѣ даже осторожное о случаѣ сообщеніе произвело страшное впечатлѣніе.

Государыня Александра Федоровна, забывъ о своемъ конфликтѣ съ Государемъ, едва только узнала „объ исчезновеніи" Григорія Распутина, несмотря на категорическое заявленіе А. Д. Протопопва, что „онъ его изъ подъ земли найдетъ" и обязательно „сегодня-же", точно предчувствіемъ угадавъ, истерически рыдая, все время повторяла:

— Убили,... убили его!.. Мерзавцы! Убійцы! Повѣсить ихъ!..

А къ полудню премьеръ министръ былъ уже съ личнымъ докладомъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ подробно ознакомилъ всю царскую семью съ деталями всего дѣла, представивъ сдѣланное въ то утро министру юстиціи А. А. Макарову заявленіе участниковъ убійства, на которомъ была и резолюція, подвергавшая всѣхъ трехъ участниковъ убійства, заявившихъ лично объ убійствѣ, домашнему аресту.

Александра Федоровна, до нельзя возмущенная этой, по ея мнѣнію, болѣе чѣмъ странной мѣрой пресѣченія по отношенію къ убійцамъ „святого человѣка", какъ она тогда назвала Распутина, стуча кулакомъ по периламъ кресла, въ которомъ она сидѣла, все время кричала:

— Арестовать ихъ немедленно!.. Убійцы не могутъ быть на свободѣ... Онъ (министръ юстиціи А. А. Макаровъ) тоже участвовалъ въ убійствѣ... Я съ нимъ (съ Макаровымъ) поговорю... Онъ главный виновникъ... убійства...

Непрерывно заработалъ телефонъ съ Петербургомъ. Мин. внутр. дѣлъ А. Д. Протопоповъ отдавалъ срочныя приказанія властямъ объ арестѣ В. М. Пуришкевича, графа Ф. Сумарокова-Эльстонъ и всѣхъ лицъ, участіе коихъ въ убійствѣ, хотя бы и косвенное, будетъ заподозрѣно.

По требованію Государыни въ Царское Село былъ вызванъ спѣшно и министръ юстиціи А. А. Макаровъ, а

руководство арестами и наблюденіе за всѣмъ ходомъ этого дѣла возложено было на генерала для порученій при Мин. Внутр. дѣлъ П. К. Попова.

Министръ юстиціи А. А. Макаровъ прибылъ въ Царское Село только къ вечеру и съ весьма неутѣшительными свѣдѣніями: осуществить приказъ объ арестѣ оказалось невозможнымъ, такъ какъ и В. М. Пуришкевичъ, и гр. Сумароковъ-Эльстонъ, согласно дознанію, выбыли изъ Петербурга, неизвѣстно куда, еще на разсвѣтѣ. Правда, по всѣмъ линіямъ петербургскаго желѣзнодорожнаго узла даны были срочныя о задержаніи ихъ телеграммы, но свѣдѣній никакихъ еще получено не было.

Тѣмъ временемъ, фактъ убійства Распутина началъ подтверждаться. Такъ, городовые Власюкъ и Иванцовъ показали, что въ эту ночь во дворѣ особняка происходила какая то стрѣльба, подробно разсказавъ о своемъ разговорѣ съ В. М. Пуришкевичемъ, въ присутствіи великаго князя Дмитрія Павловича, и сообщивъ о выѣздѣ автомобиля со двора, указали, какъ лицъ, выѣзжавшихъ ночью въ автомобилѣ, такъ и направленіе, въ которомъ автомобиль уѣхалъ.

Немедленно произведенъ былъ опросъ постовыхъ городовыхъ по всему пути слѣдованія автомобиля, но добраться точно до мѣста конечнаго пункта его — все же не удавалось.

Но тутъ помогъ случай: въ убѣжищѣ для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей находился старикъ-артистъ Струйскій. Страдая безсонницей, онъ ночи просиживалъ у окна своей палаты, и въ ту ночь былъ случайно свидѣтелемъ, какъ „какіе то неизвѣстные“ подъѣхали на автомобилѣ и „что то въ воду бросили“.

Когда же въ городѣ поднялся шумъ вокругъ убійства, и къ вечеру слухи, смѣняя одинъ другой, какъ на экранѣ, уловили исторію съ автомобилемъ, на которомъ выѣхали, по показаніямъ городовыхъ Власюка, Ефимова и Иванцова, участники убійства изъ особняка, то престарѣлый актеръ Струйскій, сопоставивъ эти слухи съ обратившимъ на себя его вниманіе автомобилемъ на мосту въ ту ночь у убѣжища, заявилъ объ этомъ смотрителю убѣжища, а тотъ и полиціи.

Время близилось уже къ вечеру, когда въ убѣжище для престарѣлыхъ артистовъ наѣхала цѣлая рать прокуратуры, жандармеріи и полиціи съ вынырнувшимъ откуда-то неожиданно знаменитымъ ген. Курловымъ во главѣ.

Сумбурное дознаніе, при которомъ рьяный охранникъ ген. Курловъ велъ себя болѣе чѣмъ возмутительно по отношенію къ напуганнымъ и безъ того, дряхлымъ обитателямъ убѣжища, которымъ онъ грозилъ „всяческими карами“, чтобы, якобы заставить ихъ дать правильныя показанія, закончилось поздно вечеромъ.

По распоряженію ген. Курлова, не только мостъ, но и убѣжище Театральнаго Общества оцѣплено было полиціей.

Въ ту же ночь къ мѣсту, гдѣ по указаніямъ артиста Струйскаго „что-то въ воду бросили“, прибыли два катера, нѣсколько лодокъ и десять водолазовъ со спасательной станціи петербургской рѣчной полиціи. Въ теченіе всей ночи происходили розыски трупа Распутина въ водѣ. Особая команда рѣчной полиціи съ рыбаками запускала нѣсколько разъ неводы, изслѣдовала баграми всю площадь и берега по теченію до слѣдующаго моста, но розыски эти не дали результатовъ.

Нѣсколько разъ водолазы опускались на дно, и по ихъ увѣреніямъ „никакихъ предметовъ“ въ рѣкѣ не оказывалось.

Ген. Курловъ все время неотлучно пребывалъ на катерѣ и утромъ только лично доложилъ министру внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопопову о безрезультатности поисковъ, высказавъ предположеніе, что „убійцы, вѣроятно, увезли съ собой Распутинана автомобилѣ и должно быть держатъ гдѣ нибудь въ заключеніи.“

Тѣмъ временемъ поиски продолжались, и къ четыремъ часамъ дня одинъ изъ водолазовъ наткнулся на днѣ на „что то мягкое“ и, быстро подавъ сигналъ, былъ поднятъ вверхъ, гдѣ и сообщилъ объ обнаруженіи имъ на днѣ у самаго моста, какого то „мягкаго предмета“.

Немедленно съ подъѣхавшаго къ тому мѣсту катера опустили всю команду водолазовъ съ крюками и петлями на дно рѣки, и черезъ нѣсколько минутъ на катеръ поднятъ былъ завернутый въ собственную шубу и туго перевязанный веревками трупъ Распутина.

По распоряженію прокуратуры вызванъ былъ для составленія медицинскаго акта полицейскій врачъ Тувимъ, въ присутствіи коего и развязали „странный узелъ“.

Въ немъ и оказался Григорій Распутинъ.

Медицинскимъ осмотромъ установлено было: шесть огнестрѣльныхъ ранъ, нанесенныхъ револьверными выстрѣлами. Изъ нихъ — одна рана навылетъ у правой ло-

патки съ выходомъ въ междуреберной области, двѣ раны въ лѣвую руку и въ область лѣваго плеча, двѣ въ разныхъ мѣстахъ спины выше пояса и одна рана, въ правой части, въ области между правымъ ухомъ и начинающейся областью скулы. Эта послѣдняя рана, по опредѣленію врача, и должна была повлечь за собой смерть, такъ какъ ею повреждены были всѣ мускульные нервы позвоночно-мозговой области.

Вслѣдъ за медицинскимъ протоколомъ осмотра извлеченнаго изъ воды трупа Распутина, судебно слѣдственныя и полицейскія власти произвели въ присутствіи понятыхъ и свое дознаніе, и ген. Курловъ, удаливъ лишнихъ свидѣтелей, оставилъ только необходимую полицейскую охрану.

По телефону изъ убѣжища онъ отдалъ распоряженіе о прибытіи грузового изъ автомобильной роты автомобиля съ четыремя „надежными“ и хорошо вооруженными солдатами, а самъ тѣмъ временемъ приказалъ сколотить изъ досокъ, взятыхъ во дворѣ убѣжища, большой и просторный ящикъ, въ который и былъ уложенъ, обратно въ шубу же завернутый трупъ Распутина. Къ этому времени подоспѣлъ и грузовикъ автомобильной роты.

Ген. Курловъ осмотрѣлъ своимъ „опытнымъ окомъ“ пріѣхавшихъ четырехъ солдатъ автомобильной роты и, обращаясь, главнымъ образомъ, къ одному изъ нихъ, внушавшему ему, видимо, нѣкоторыя, въ смыслѣ надежности, подозрѣнія, заявилъ имъ всѣмъ дословно слѣдующее:

— Объявляю вамъ, если кто либо узнаетъ о томъ, что сейчасъ будетъ сдѣлано, если даже начальство ваше узнаетъ, куда мы отвеземъ этотъ ящикъ, то вы всѣ четверо будете отданы подъ судъ... Подъ военно-полевой судъ!.. — закончилъ ген. Курловъ угрожающе.

Солдаты стояли, точно вкопанные, молча, пока ген. Курловъ не обратился къ нимъ снова:

— Поняли?

— Такъ точно, Ваше Превосходительство! — отчеканили по военному солдаты, и отчетливѣе всѣхъ — тотъ самый солдатъ, котораго ген. Курловъ все время, точно изучая, особенно тщательно разсматривалъ.

И надо отдать справедливость бдительному охранному оку ген. Курлова: онъ не ошибся, разсматривая, почему то даже съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ, одного изъ солдатъ. Впослѣдствіи этотъ самый солдатъ, бывшій студентъ Пирамидовъ, и разсказалъ всѣ тѣ подробности, которыя подъ страхомъ военно-полевого суда приказано было хранить

въ строгой тайнѣ. Но то было уже во время революціи, когда по распоряженію Временнаго Правительства особая слѣдственная комиссія занялась дѣломъ, какъ о самомъ Распутинѣ и его вліяніи на государственную жизнь страны, такъ и объ убійствѣ его и всѣхъ сопровождавшихъ это убійство обстоятельствахъ.

Тогда уже угроза ген. Курлова о преданіи военно-полевому суду, конечно, не страшна была, да и самъ ген. Курловъ находился уже не у дѣлъ.

Итакъ, объявивъ солдатамъ о необходимости въ соблюденіи строгой тайны, ген. Курловъ распорядился установить стоявшій уже наготовѣ ящикъ съ трупомъ на грузовой автомобиль.

Отдавая полиціи всяческія никчемныя распоряженія, ген. Курловъ, точно умышленно, мѣшкалъ и только когда достаточно стемнѣло снялъ съ одного изъ солдатъ старую шинель и, кое какъ надѣвъ ее поверхъ своей, приказалъ тронуться въ путь.

Занявъ самъ мѣсто рядомъ съ шоффером, онъ разсадилъ оставшихся трехъ солдатъ на ящикѣ, установленномъ вглубь платформы грузовика, самъ диктуя путь, по которому надлежало ѣхать.

Умышленно объѣзжая центральныя столичныя улицы, грузовикъ кружнымъ путемъ добрался до раіона Нарвскихъ воротъ, миновалъ ихъ и очутился у маленькой часовни, гдѣ „ящикъ“ сняли поджидавшіе уже ген. Курлова „свои люди“, которыхъ онъ, привѣтствуя, спросилъ:

— Давно ли здѣсь, ребята?

— Такъ точно, давно; съ наступленіемъ темноты, какъ приказали... Ваше Превосходительство!

Повторивъ еще разъ солдатамъ автомобильной роты свою угрозу, ген. Курловъ далъ имъ всѣмъ „два рубля на водку“, и приказалъ ѣхать въ гаражъ.

А въ часовнѣ трупъ быстро вынули изъ сколоченнаго простого ящика, раздѣли, омыли, и, одѣвъ въ полное новое одѣяніе, уложили въ роскошный глазетовый гробъ, привинтили крышку и, хорошо покрывъ его, установили на прибывшій изъ Царскосельскаго придворнаго гаража автомобиль и поздно ночью перевезли въ Царское Село, гдѣ установили въ дворцовой церкви.

На слѣдующій день только къ полудню состоялись и похороны Распутина.

Въ теченіе всей ночи и утра слѣдующаго дня дѣлались спѣшныя приготовленія къ торжественному, и вмѣстѣ

съ тѣмъ и печальному для царской семьи, погребенію тѣла убитаго „святого старца“.

Похороны эти были довольно малолюдныя. Кромѣ царской семьи въ полномъ составѣ, присутствовало всего нѣсколько лицъ изъ придворной свиты, бывшій премьеръ Б. С. Штюрмеръ и министръ внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопоповъ.

Обрядъ похоронъ совершалъ митрополитъ петербургскій Питиримъ въ сослуженіи епископа Варнавы, того самаго Варнавы, который незадолго до этого объявленъ былъ Синодомъ „епископомъ-самозванцемъ“.

Вернувшись съ похоронъ во дворецъ, Государыня Александра Федоровна потребовала отъ Государя немедленнаго подписанія Высочайшаго акта о преданіи военно-полевому суду всѣхъ трехъ участниковъ убійства Распутина.

— Повѣсить ихъ! — кричала она въ изступленіи. За что, за что, они его убили? Лучше бы меня убили, — вырвалось у нея, когда стоявшіе тутъ же Б. С. Штюрмеръ, ген. Воейковъ, А. Д. Протопоповъ и др., пытаясь, успокоить Царицу, увѣряли ее, что убійцы понесутъ соотвѣтствующее наказаніе.

Но Царица не успокаивалась...

Зная по опыту, чѣмъ можно сломить упрямство Николая II и вынудить его дѣйствовать въ духѣ ея желаній, она и на сей разъ прибѣгла къ этому испытанному способу, заявивъ, что оставленіе убійства Распутина безнаказаннымъ можетъ повлечь за собой печальныя послѣдствія.

— Они и тебя убьютъ, — искренне волновалась Александра Федоровна... и меня убьютъ, и Алексѣя убьютъ... Имъ нуженъ... престолъ... Это мечта Павла... (Павла Александровича). Онъ отомститъ тебѣ за многолѣтнюю ссылку... Своего сына (Дмитрія Павловича) на престолъ водворитъ...

И несмотря на всю невѣроятность подобныхъ предположеній, этотъ бредъ больной и нервной Государыни повліялъ на Николая II, и онъ тутъ же подписалъ актъ, коимъ министру юстиціи предписывалось: В. М. Пуришкевича, гр. Сумарокова-Эльстонъ и другихъ слѣдствіемъ обнаруженныхъ участниковъ убійства Распутина — предать законной отвѣтственности по всей строгости, предусмотрѣнной соотвѣтствующими статьями уголовнаго кодекса, а великаго князя Дмитрія Павловича за соучастіе

въ этомъ убійствѣ, выслать въ Персію, прикомандировавъ его къ оперировавшему въ этомъ районѣ во время войны русскому отряду...

И тутъ же, по настоянію Государыни, подписаны были указы: первый — о назначеніи министромъ юстиціи сенатора, бывшаго первоприсутствующаго Перваго Департамента Сената, Н. А. Добровольскаго и — второй — объ увольненіи въ отставку нынѣшняго министра юстиціи А. А. Макарова.

Въ связи съ царскимъ приказомъ о ссылкѣ великаго князя Дмитрія Павловича въ Персію, начался невѣроятный скандалъ. Противъ такой мѣры возстали всѣ великіе князья, указавшіе Государю, что ссылка эта, для больного и безъ того Дмитрія Павловича, равносильна обреченію его на смерть, что онъ не вынесетъ климата Персіи и т. д.

Но Николай II былъ непреклоненъ и на всѣ доводы и ходатайства за измѣненіе мѣры наказанія въ отношеніи великаго князя Дмитрія Павловича только и отвѣчалъ:

— Никому не дано права лишать другого жизни...

— Кромѣ „помазанника божьяго...“ иронически и со злобой закончилъ царскую фразу великій князь Павелъ Александровичъ...

И уже на ходу, оставляя кабинетъ Государя, онъ добавилъ:

— Тысячами подписывавшаго смертные за свое царствованіе приговоры...

— Убрать его! — закричалъ Царь, когда Павелъ Александровичъ былъ уже по ту сторону двери...

А уйдя изъ кабинета и царскосельскаго дворца, вел. кн. Павелъ Александровичъ болѣе туда уже никогда не возвращался, даже тогда, когда, вслѣдъ за отреченіемъ Николая II, во дворцѣ собрались всѣ находившіеся въ Петербургѣ и прибывшіе съ фронта великіе князья.

На слѣдующій день новый министръ Н. А. Добровольскій былъ принятъ въ аудіенціи въ Царскомъ Селѣ, во время которой Государыня Александра Федоровна повторила свое требованіе о строжайшемъ разслѣдованіи дѣла объ убійствѣ Григорія Распутина и объ обязательномъ преданіи виновныхъ уголовному суду.

Слѣдствіе, конечно, было снаряжено, и довольно тщательное. Но результатовъ оно не имѣло, да и имѣть не могло, ибо по всему пути его слѣдственныя власти наталкивались на всевозможныя препятствія и, главнымъ образомъ, на полную невозможность допросить главныхъ ви-

новниковъ и участниковъ убійства, В. М. Пуришкевича гр. Сумарокова-Эльстонъ и, наконецъ, великаго князя Дмитрія Павловича, вынужденнаго, во исполненіе Высочайшаго Указа, выбыть уже къ тому времени въ Персію.

Такъ и тянулась эта „слѣдственная буффонада", для работъ коей министромъ юстиціи Н. А. Добровольскимъ создана была особая при министерствѣ юстиціи комиссія, въ составъ которой входили прокуроръ, слѣдователи, чины уголовной полиціи, тайные агенты, и общее руководство работъ коихъ возглавлялось главою вѣдомства юстиціи, новымъ министромъ Н. А. Добровольскимъ.

Сумѣвъ въ свое время утвердить нефтяную заявку безъ наличія нефти за миѳическимъ владѣльцемъ Нахимовымъ, бывшій первоприсутствующій Сената Н. А. Добровольскій не рѣшился, однако, на составленіе обвинительнаго акта безъ наличія обвиняемыхъ, и тѣмъ болѣе — утвердить подобный обвинительный актъ.

А безъ таковой формальности при всемъ его желаніи и загладить старые грѣхи, и выслужиться передъ Государыней Александрой Федоровной и вообще передъ Царскимъ Селомъ — поставивъ на судъ дѣло объ убійствѣ Григорія Распутина—ни въ коемъ случаѣ невозможно было.

Да и будь подобная возможность, Н. А. Добровольскій довольно неохотно довелъ бы это дѣло до суда, ибо оно грозило ему, какъ министру юстиціи, небывалымъ скандаломъ и грандіозными для царской семьи непріятными осложненіями.

Такъ, подсудимые: В. М. Пуришкевичъ и гр. Сумароковъ-Эльстонъ, безъ сомнѣнія, придали бы этому процессу не столько политическій, сколько скандальный характеръ. Пользуясь положеніемъ обвиняемыхъ, они, несомнѣнно, вызвали бы рядъ такихъ свидѣтелей, какъ Николай Николаевичъ и всѣ его единомышленники, потребовали бы привлеченія къ дѣлу и великаго князя Дмитрія Павловича, который, надо было полагать, и самъ заявилъ бы о своемъ желаніи занять скамью подсудимыхъ рядомъ со своими коллегами по „исполнительному комитету", существованіе коего обнаружилось во время слѣдствія совершенно случайно.

Въ связи съ обнаруженіемъ „исполнительнаго комитета", выяснились и нѣкоторыя, на первыхъ порахъ хотя слабыя, контуры существовавшей гдѣ то въ нѣдрахъ фронта тайной военной организаціи, въ составъ которой, какъ

доподлинно стало извѣстно, входили и участники убійства Григорія Распутина.

Самое существованіе какой-то „тайной организаціи", въ отношеніи которой безсильна была даже и всесильная тогда россійская, щегловитовскихъ временъ и убѣжденій, юстиція, хотя бы по одному тому, что къ ней непримѣнимы были излюбленные тогда ярлыки, какъ „тайное сообщество", „подпольная организація", и т. п. наименованія, примѣнявшіяся исключительно къ организаціямъ революціоннымъ, но никакъ не такимъ, въ которыхъ членами „исполнительнаго комитета" состояли бы великіе князья, подобно Дмитрію Павловичу.

На докладѣ по этому поводу Николай II, выслушавъ сообщеніе Н. А. Добровольскаго, воскликнулъ:

— Что это?.. Декабристы!..

— Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество! — отвѣтилъ министръ юстиціи Н. А. Добровольскій. Эта организація ничего общаго съ идеями декабристовъ не имѣетъ...

И, какъ бы желая точнѣе квалифицировать юридически эту организацію, Н. А. Добровольскій сказалъ:

— Это... патріоты-милитаристы!..

Что этимъ хотѣлъ сказать Н. А. Добровольскій — такъ и осталось его тайной.

Но Николая II это, видимо, сильно обезпокоило.

Въ бесѣдѣ съ министромъ юстиціи онъ настойчиво и категорически потребовалъ немедленно произвести самое строгое разслѣдованіе объ этой „тайной организаціи" и о результатахъ сообщить ему для принятія репрессивныхъ противъ всѣхъ членовъ этого „сообщества" мѣръ.

Аудіенція министра юстиціи уже приходила къ концу, когда на порогѣ царскаго кабинета появилась Александра Федоровна, которая, на основаніи имѣвшихся у нея „достовѣрныхъ данныхъ", заявила, что „тайная организація" — это общество гвардейскихъ офицеровъ, возглавляемое великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ...

Оказалось, что Александра Федоровна въ курсѣ всѣхъ плановъ офицерскаго общества и подробностей готовившагося „переворота".

Николай II молча слушалъ, пока Государыня излагала свои „достовѣрныя данныя" о тайной организаціи, называя имена главныхъ вдохновителей и руководителей „комитета заговора", каковыми по ея свѣдѣніямъ являлись почти всѣ, кромѣ Кирилла Владиміровича, великіе князья:

Владимировичи, Константиновичи, Павелъ Александровичъ, Дмитрій Павловичъ и цѣлый рядъ генераловъ и офицеровъ преимущественно гвардейскихъ полковъ, сгруппировавшіеся вокругъ Николая Николаевича.

Подавленный, видимо, этими ужасными подробностями, Николай II, замѣтно волнуясь, нѣкоторое время какъ бы въ себя не могъ прійти.

И только когда министръ Н. А. Добровольскій, чувствуя что аудіенція окончена, сталъ собираться, Царь точно очнувшись, сказалъ ему:

— Это надо немедленно разслѣдовать... Сегодня же...

Александра Федоровна преобразилась. Вставъ изъ за стола, у котораго она сидѣла, и вытянувшись во весь свой колоссальный ростъ, она, стуча рукой по столу, возбужденно повторяла:

— Арестовать!.. Всѣхъ ихъ арестовать!.. Немедленно!.. Сію же минуту!..

Большихъ усилій стоило доказать ей, что ея требованіе не только невыполнимо, но и рискованно именно въ смыслѣ опасности возникновенія на этой почвѣ того самаго „переворота", котораго она такъ страшится и который этими мѣрами стремится, якобы, предотвратить.

Къ тому же и самый арестъ участниковъ заговора — военныхъ чиновъ, не говоря уже о великихъ князьяхъ, сопряженъ съ колоссальными трудностями и исключительными формальностями, такъ какъ военные чины могутъ быть арестованы только по распоряженію военнаго министра, а для ареста великихъ князей требуется исключительно царская санкція.

Съ уходомъ Н. А. Добровольскаго, въ царскій кабинетъ приглашенъ былъ дворцовый комендантъ ген. Воейковъ.

Изъ бесѣды съ нимъ выяснилось, что и онъ, какъ и Александра Федоровна, посвященъ въ планы офицерской организаціи и предпринимаемаго послѣдней „переворота".

Выслушавъ сообщенія ген. Воейкова по этому поводу, Николай II неожиданно обратился къ нему съ вопросомъ:

— Вы допускаете возможность подобнаго переворота?

— Вполнѣ!.. — даже не задумываясь, отвѣтилъ ген. Воейковъ. И вслѣдъ за тѣмъ, добавилъ:

— Если на то пойдетъ армія...

. . . . . .

Наступило гробовое молчаніе... Александра Федоровна, молча все время сидѣвшая, вдругъ прослезилась. Царь всталъ изъ за стола и, нервно шагая по кабинету, тяжело вздыхалъ... И, точно силясь разрѣшить не дававшія ему покоя сомнѣнія, онъ нѣсколько разъ вслухъ повторилъ, какъ бы въ отчаяніи:

— Что дѣлать?.. Что дѣлать?..

— Открыть фронтъ!.. неожиданно, но рѣшительно заявила Александра Федоровна...

Такое предложеніе впервые, видимо, услышанное, страшно поразило Николая II.

Остановившись посерединѣ кабинета, онъ точно застылъ въ своей позѣ, вопросительно уставившись на ген. Воейкова, какъ бы ожидая отъ него отвѣта на охватившія его сомнѣнія:

— Ген. Воейковъ, уловивъ этотъ взглядъ Царя, какъ бы въ подтвержденіе, заявилъ:

— Единственное средство... Ничѣмъ другимъ положенія не спасти...

— Но... — добавилъ онъ, — какъ это сдѣлать?

И вслѣдъ затѣмъ началось детальное обсужденіе этого вопроса, причемъ Царь внимательно слушалъ пространныя разсужденія Александры Федоровны, разсужденія, изъ коихъ явствовало, что она далеко не впервые дебатируетъ этотъ вопросъ.

По плану Александры Федоровны, открытію фронта, которое предполагалось въ рижско-двинскомъ районѣ, должны были предшествовать переговоры съ Германіей, которая, заранѣе обусловивъ всѣ пункты этого „полумирнаго-полувоеннаго договора", должна была предпринять и соотвѣтствующія къ тому приготовленія.

Сущность же плана сводилась къ тому, чтобы, оттянувъ русскія войска съ этого фронта на другой, дать возможность германской арміи пройти рижско-двинскій пунктъ, перевалить малоукрѣпленный Псковскій районъ и очутиться подъ стѣнами Петербурга.

Конечно, осуществленіе такого „адскаго" плана требовало со стороны Россіи цѣлаго ряда провокаціонныхъ по отношенію къ союзникамъ шаговъ.

Александра Федоровна, вполнѣ сознавая опасное положеніе, создаваемое въ связи съ предпринятіемъ подобнаго рѣшенія, въ отвѣтъ на заданый ей Царемъ вопросъ, не задумываясь, точно заранѣе уже приготовившись къ тому, заявила:

— Да, да. Это рискованно . . . и даже опасно . . . Но еще опаснѣе очутиться во власти переворота . . .

И тутъ же стала доказывать, что только такимъ образомъ возможно спасти положеніе, т. е. сохранить престолъ, власть, и водворить въ странѣ порядокъ.

По мнѣнію Государыни, которое имѣло подъ собой нѣкоторую почву, (ибо незадолго до того изъ Стокгольма пріѣзжали въ Петербургъ „мирные делегаты") германское правительство, въ цѣляхъ прекращенія войны съ Россіей, готово было на всевозможныя уступки не только въ смыслѣ контрибуціи, но и гарантировало водвореніе порядка въ Россіи и предотвращеніе „безпорядковъ", которые, по словамъ Александры Федоровны, неминуемы были даже и внѣ всякой зависимости отъ результатовъ войны и предотвратимы могли быть только ею предложеннымъ путемъ.

Ген. Воейковъ вполнѣ поддерживалъ мнѣніе Государыни, подчеркнувъ лишь свое сомнѣніе, чтобы „съ открытіемъ фронта прекратилась война", какъ это увѣряла Александра Федоровна, и была бы возможность демобилизовать разложившуюся и ненадежную армію . . .

— Необходимо все заранѣе предвидѣть, — сказалъ ген. Воейковъ. Германское правительство, жаждущее мира съ Россіей, конечно, имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, избавиться отъ опаснаго противника . . . Но, думается, цѣль у Германіи — еще и другая: раздавить Францію, заставить капитулировать и Англію . . . А для этого понадобятся и русскія силы.

— Правда, это вопросъ будущаго и, быть можетъ, даже далекаго будущаго . . . И какъ бы тщательно онъ не былъ оговоренъ въ договорѣ, Россіи въ концѣ концовъ придется выступить совмѣстно съ Германіей и противъ Франціи, и противъ Англіи . . . Никакіе договоры не могутъ предусмотрѣть событій, которыя грозятъ развернуться съ выходомъ Россіи изъ состоянія войны съ Германіей.

— Вѣдь самый фактъ заключенія мирнаго договора съ Германіей — есть одновременно и нарушеніе договора съ союзниками. А нарушеніе договора съ союзниками одновременно является и объявленіемъ имъ же войны. И безъ требованія Германіи, а естественными и вытекающими изъ заключеннаго съ нею мирнаго договора обстоятельствами, Россія очутится въ состояніи войны съ Франціей, Англіей и вообще всѣми, входящими въ составъ Антанты, государствами, изъ коихъ нѣкоторыя граничатъ съ

Россіей, непосредственно соприкасаясь съ ней, и самый выходъ Россіи изъ состава Антанты повлечетъ за собой необходимость въ обезпеченіи государственныхъ границъ, къ коимъ Антанта, безъ сомнѣнія, двинетъ свои войска...

— Все это лежитъ внѣ договора съ Германіей, — заявилъ ген. Воейковъ, рельефно доказавъ, что прекращеніе войны съ Германіей далеко не есть прекращеніе войны вообще и могущее дать возможность демобилизовать армію — въ частности.

— Договоръ этотъ, — заключилъ ген. Воейковъ, — предусматривая съ одной стороны прекращеніе войны съ Германіей, Австріей, Турціей и Болгаріей, одновременно знаменуетъ собой и начало цѣлаго ряда новыхъ войнъ, въ первую очередь съ Румыніей и Сербіей, затѣмъ съ Италіей, Франціей и Англіей...

И, самъ того не замѣчая, ген. Воейковъ своимъ пространнымъ изложеніемъ грядущей конъюнктуры умалилъ не только значеніе но, и смыслъ первоначальнаго своего заявленія о необходимости открыть нѣмцамъ фронтъ, когда, категорически подтверждая мнѣніе Государыни, заявилъ, что это „единственное средство“, и что „ничѣмъ другимъ положеніе не спасти“...

Царь, внимательно выслушавъ соображенія ген. Воейкова, на это именно разногласіе и обратилъ свое вниманіе, резюмируя его слѣдующимъ образомъ:

— Итакъ, значитъ, надо заключить миръ, чтобы объявить войну!.. Въ чемъ же выгоды мира и смыслъ его, когда надо опять сначала воевать начинать? Да еще съ бывшими союзниками, которые не только всѣ наши слабыя стороны знаютъ, но и тайны...

Ген. Воейковъ растерянно молчалъ, однимъ видомъ своимъ готовый согласиться съ мнѣніемъ Царя, когда Александра Федоровна неожиданно вдругъ заявила:

— Изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее...

— Такъ ли это! — отвѣтилъ Николай II... Не подлежитъ, вѣдь, сомнѣнію, что Германія сильно истощена войной. Австрія еще того болѣе... Что же касается Франціи, то она все время выѣзжала на чужихъ спинахъ, а Англія въ войну по настоящему еще и не вступала...

Мы истощены, ослаблены физически и... морально. А что, если Антанта, очутившись передъ грозной опасностью войны и съ Россіей, сдѣлаетъ послѣднія и отчаян-

ныя усилія, вовлечетъ Америку и Японію!.. Тогда что произойдетъ?

. . . . . .

Неизвѣстно, какъ долго тянулась бы эта бесѣда, о которой впослѣдствіи ген. Воейковъ отозвался, какъ о самой „интересной“ бесѣдѣ изъ всѣхъ происходившихъ у него бесѣдъ съ Царемъ.

Но неожиданно въ Царское Село по прямому проводу получено было сообщеніе изъ Ставки, что германскія войска, прикрывая наступленіе на правомъ флангѣ западнаго фронта, прорвали часть фронта на лѣвомъ флангѣ, создавъ въ дѣйствовавшей въ этомъ районѣ арміи невѣроятную панику.

Ген. Воейкову поручено было переговорить со Ставкой и получить подробныя свѣдѣнія обо всемъ происшедшемъ и происходящемъ на фронтѣ.

А Александра Федоровна использовала это печальное сообщеніе съ фронта, чтобы подчеркнуть убѣдительность своего мнѣнія о необходимости открыть фронтъ, заявивъ:

— Если такъ будетъ продолжаться, то скоро и безъ договора фронтъ откроется... Что тогда будетъ?

И не дожидаясь отвѣта на свой вопросъ, быстро вышла изъ кабинета Государя, оставивъ послѣдняго съ ген. Воейковымъ наединѣ.

Вскорѣ сталъ уходить и ген. Воейковъ, которому уже вдогонку Царь крикнулъ:

— Передайте, что я завтра пріѣду въ Ставку...

Но изъ сосѣдней комнаты послышался голосъ Александры Федоровны, которая заявила:

— Не завтра, а послѣзавтра... Завтра панихида...

. . . . . .

На слѣдующій день въ дворцовой церкви царскосельскаго дворца состоялась панихида „по усопшемъ рабѣ Божьемъ Григоріѣ“, на которой присутствовали: Царь, наслѣдникъ, двѣ младшія княжны: Марія и Анастасія, ген. Воейковъ, контръ-адмиралъ Ниловъ и новая фрейлина Ея Величества, княжна Нарышкина, бывшая ранѣе „личной секретаршей“ Григорія Распутина.

По окончаніи панихиды, Александра Федоровна, въ сопровожденіи дворцоваго коменданта ген. Воейкова, отправилась съ наслѣдникомъ Алексѣемъ на могилу „старца“ Распутина, гдѣ простояла нѣсколько минутъ у возвышавшагося надъ могилой земляного холма, одной рукой

крѣпко зажавъ руку стоявшаго рядомъ съ ней наслѣдника, а другой — вытирая катившіяся по ея блѣдному и больному лицу крупныя слезы. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Вернувшись во дворецъ, Александра Федоровна почувствовала себя дурно и слегла. Къ вечеру съ ней приключился сильный припадокъ, вслѣдствіе чего поѣздка Государя въ Ставку была отложена на нѣсколько дней.

XXIV.

Періодъ времени между убійствомъ Григорія Распутина и февральской, 1917 года, революціей, — сопровождался цѣлымъ рядомъ событій въ Царскомъ Селѣ, событій исключительно на почвѣ отсутствія Распутина, внезапное убійство коего лишило царскую семью той, если можно такъ выразиться, суевѣрно-мистической поддержки, въ которой, въ силу уже простой привычки, чувствовалась тамъ прямая потребность.

Государыня Александра Федоровна, на почвѣ нервнаго разстройства и всяческихъ страховъ за свою и всѣхъ близкихъ судьбу, заболѣла маніей преслѣдованія въ столь острой формѣ, что понадобилось серьезное вмѣшательство профессоровъ-медиковъ.

Въ разгарѣ леченія, по требованію Александры Федоровны, экстренно былъ вызванъ съ фронта Государь, спеціально за тѣмъ, чтобы отслужить панихиду по „убіенномъ“ Распутинѣ.

Въ Ставкѣ въ то время происходило совѣщаніе съ представителями союзныхъ державъ по вопросу о цѣломъ рядѣ новыхъ наступленій.

Царь былъ очень недоволенъ этимъ экстреннымъ вызовомъ въ такой моментъ, и на этой почвѣ между нимъ и Александрой Федоровной произошло крупное объясненіе.

Государыня, однако, настояла на своемъ, доказывая Царю, что эта панихида принесетъ ей исцѣленіе...

Такое убѣжденіе появилось у нея въ связи съ частыми явленіями ей Распутина во снѣ.

Царь, уступая вѣрѣ Государыни въ исцѣленіе, остался въ Царскомъ Селѣ, гдѣ на второй день и отслужена была панихида по Распутинѣ.

Но исцѣленіе не наступало... Правда, Александра Федоровна увѣряла окружающихъ, что ей „гораздо лучше“,

что прекратились кошмарные сны, что сонъ ея сталъ продолжительнѣе и спокойнѣе.

Утверждая все это, не только сама больная, но и окружающіе, точно умышленно упускали изъ виду продолжительное леченіе Государыни всевозможными способами гидропатіи, холодными окутываніями, пріемомъ внутрь всяческихъ бромистыхъ препаратовъ и обильно поглощаемыя ею снотворныя лѣкарства.

А когда больная оправилась настолько, что стала ходить безъ посторонней помощи, ей посовѣтовали отправиться на могилу „старца", чтобы лично испросить полное исцѣленіе...

Вотъ тутъ то и начались тѣ „посмертныя чудеса" Григорія Распутина, которыя привели къ тому, что Распутина вскорѣ чуть ли не къ лику святыхъ причислили...

Уже послѣ перваго посѣщенія могилы, Государыня, по ея словамъ, почувствовала себя лучше. Постепенно исчезали грозные симптомы болѣзни, появился нормальный сонъ, стали проходить явленія маніи преслѣдованія... Словомъ, Распутинъ изъ загробной жизни щедрой рукой слалъ исцѣленіе...

Разговорамъ на эту тему, конечно, не было конца, а въ связи съ ними и панихиды стали чаще служить по Распутину, а тотъ продолжалъ „чудеса творить" изъ потусторонней жизни...

Въ существованіе загробной жизни Александра Федоровна не могла не вѣрить, ибо даже святой отецъ Питиримъ, митрополитъ петербургскій, послѣ одной изъ такихъ панихидъ, ей это чуть ли не реально доказалъ приведеніемъ цѣлаго ряда „фактовъ" изъ области открытія святыхъ мощей и вплоть до того, что какой-то изъ святыхъ, возставъ изъ гроба, повелъ войска въ бой и, побѣдоносно закончивъ сраженіе, невидимо вернулся въ лоно гробницы, гдѣ его потомъ и нашли въ прострѣленномъ одѣяніи...

Все это, конечно, и привело къ тому, что и Распутинъ былъ причисленъ къ лику святыхъ и даже мученниковъ, ибо скончался онъ мученической смертью, и Государыня, по совѣту своихъ приближенныхъ, всячески поддерживавшихъ въ ней эту вѣру, рѣшила построить, въ память Григорія Распутина, монастырь его имени.

Идея сооруженія монастыря была одобрена и Николаемъ II, почему то протестовавшимъ только противъ бу-

дущаго названія монастыря, которое должна была носить эта „святая обитель“...

Государыня находила, что монастырь долженъ называться просто „Распутинскій“, а Царь съ этимъ не соглашался, предлагая назвать его „Григорьевскимъ“, на что Государыня резонно замѣтила, что „Григоріевъ“ много, и что это не обезсмертитъ его имени, а Распутинъ — одинъ, и слава о немъ должна и будетъ жить вѣчно...

Въ разговоръ вмѣшался контръ-адмиралъ Ниловъ, который предложилъ назвать будущій монастырь „Царскосельскимъ“. Эта идея очень понравилась Государынѣ, которая, не уступая, однако, въ своемъ рѣшеніи, остановилась на комбинированномъ названіи, присоединивъ къ своему и предложенное контръ-адмираломъ Ниловымъ.

Получилось, такимъ образомъ, названіе:

— „Царскосельскій распутинскій монастырь...“

Это тѣмъ болѣе было важно, такъ какъ предполагалось соорудить обитель и на родинѣ Распутина, въ Тобольской губерніи, близъ села Покровскаго, въ отличіе отъ какового, названіе этого монастыря „царскосельскимъ“ — и должно было точно опредѣлять его мѣстонахожденіе.

Порѣшивъ окончательно съ вопросомъ о названіи будущаго монастыря, Александра Федоровна съ лихорадочной поспѣшностью взялась за осуществленіе этой своей идеи.

По ея распоряженію вся огромная площадь свободной вокругъ могилы Распутина земли была окружена рвомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы могила оставалась въ центрѣ, гдѣ по плану предполагалось построить большую церковь. Вокругъ этой будущей монастырской церкви должны были быть сооружены каменныя зданія въ два этажа со всѣми необходимыми для посѣтителей-богомольцевъ удобствами, покои для настоятельницы монастыря, кельи и всевозможныя службы.

Фасадъ монастыря долженъ былъ быть обращенъ къ царскосельскому дворцу лицевой стороной и глухой стѣной къ Петербургу.

И въ этомъ, какъ и во всѣхъ мелочахъ продуманнаго плана будущаго „распутинскаго монастыря“, была своя идея; этимъ имѣлось въ виду символизировать отношенія покойнаго и къ обитателямъ царскосельскаго дворца, и къ Петербургу. Къ первымъ Распутинъ расположенъ и преданъ имъ былъ всей душой, а къ Петербургу, который его не только „не цѣнилъ“, но который являлся источникомъ столькихъ для него непріятностей, завершив-

шихся убійствомъ его, „Распутинскій монастырь“ долженъ былъ быть обращенъ... спиной...

По странному и случайному, конечно, стеченію обстоятельствъ, Распутинъ и похороненъ былъ, какъ это впослѣдствіи оказалось, приблизительно въ такой же позѣ, т. е. лицомъ обращенный къ царскосельскому дворцу, такъ что Петербургъ приходился ему въ изголовьи.

Стремясь создать исключительную по архитектурѣ и подобающую „святому имени Распутина“ обитель, Александра Федоровна поручила А. А. Вырубовой заботы по выработкѣ плана постройки будущаго монастыря.

Архитекторъ Звѣревъ въ теченіе короткаго времени нѣсколько проектовъ изготовилъ. Но всѣ они не соотвѣтствовали ни требованіямъ, ни вкусу Александры Федоровны. Главнымъ образомъ не удовлетворяли Государыню проекты монастырской церкви, которая, по ея мнѣнію, должна была символизировать не только смыслъ, но и значеніе монастыря имени Распутина и чѣмъ-нибудь оригинальнымъ выявить психологію обители, построенной въ память мученической кончины Распутина, пострадавшаго за безграничную любовь къ царствующему дому, любовь, присущую только такому какъ онъ исключительному „Богомъ на землю посланному пророку“ въ образѣ человѣка...

По предложенію митополита Питирима, изъ архивовъ Александро-Невской лавры извлечены были всевозможные рисунки и старые лубки древнихъ обителей, и архитектору Звѣреву предстояла задача соединить „глубокую идею“ монастыря съ простотой древней архитектуры.

Зародившаяся во время панихиды въ сороковой день кончины Распутина идея сооруженія монастыря почти въ такой же срокъ была уже близка къ осуществленію. Конечно, только въ смыслѣ изготовленія проекта будущей основы монастыря, — церкви, къ постройкѣ коей предполагалась приступить въ ту же весну, обнесши предварительно всю площадь будущаго монастыря высокимъ досчатымъ заборомъ.

Но далѣе проектовъ дѣло постройки распутинскаго монастыря не пошло...

Наступавшая весна принесла съ собой 27-ое февраля 1917 года, россійскую революцію, ранѣе опредѣленнаго срока начала закладки монастырской церкви, которая должна была состояться 21-го марта, въ день рожденія

Григорія Вилкина, по паспорту Григорія Новыхъ, а по прозвищу — Распутина...

. . . . . .

Въ то время какъ убитый и покоившійся уже во гробѣ Григорій Распутинъ продолжалъ служить объектомъ безпрерывныхъ заботъ со стороны не только всей царской семьи, но и группы придворныхъ, объ оставшейся послѣ его смерти семьѣ всѣ точно забыли.

Жена Распутина съ двумя дочерьми, опасаясь оставаться въ прежней квартирѣ, на Гороховой улицѣ, № 64, переѣхала въ квартиру нѣкоего Долгово-Сабурова, на Коломенскую улицу, д. № 9.

На первыхъ порахъ семью Распутина посѣщали нѣкоторые изъ бывшихъ друзей убитаго; неотлучно находились при нихъ и бывшія „секретарши“, княжна Нарышкина, М. Е. Головина и др.

Когда же вслѣдъ за прекращеніемъ появленія свѣдѣній о самомъ Распутинѣ, въ петербургской прессѣ стали появляться свѣдѣнія о мѣстопребываніи „исчезнувшей съ горизонта“ семьи убитаго „старца“, послѣдняя вынуждена была покинуть свою квартиру на Коломенской улицѣ и переѣхать въ пригородную дачную мѣстность „Озерки“, находящуюся по линіи финляндской желѣзной дороги, въ получасовомъ разстояніи отъ Петербурга.

Изъ опасенія раскрытія тайнаго мѣстопребыванія семьи Распутина, къ нимъ на дачу никто не ѣздилъ. Изъ тѣхъ же соображеній не появлялась туда и княжна Нарышкина.

Вскорѣ о нихъ и совсѣмъ забыли. И даже юный поручикъ одного изъ запасныхъ полковъ, долго и усиленно добивавшійся руки старшей дочери Распутина, незадолго до убійства отца оффиціально объявленный женихомъ ея, замѣтно сталъ остывать къ прежней „выгодной“, а нынѣ ставшей абсолютно „не интересной“ для него невѣсты, пока, подъ предлогомъ необходимости отбытія на фронтъ, окончательно не порвалъ съ сулившимъ ему „столько будущихъ благъ прошлымъ“ и прекратилъ даже посѣщеніе семьи Распутина.

Средствъ къ жизни у семьи Распутина, послѣ его убійства, почти никакихъ не было. Жена Распутина, правда, увѣряла, что у Григорія Ефимовича были „гдѣ-то“ припрятаны деньги, что „кому-то“ онъ каждый разъ давалъ большія суммы, чтобы тотъ въ банкъ ихъ относилъ

на свое имя, такъ какъ Распутину на собственное имя неудобно было имѣть банковскаго текущаго счета.

Но гдѣ эти деньги были, и кому Распутинъ довѣрилъ ихъ вносить въ банкъ — этого такъ и не удалось выяснить.

Увѣряли, что деньги Распутина вносилъ на свое имя въ банкъ тотъ самый его „маклеръ изъ гильдейскихъ купцовъ", котораго въ столицѣ, вѣроятно, поэтому и прозвали „личнымъ секретаремъ" Распутина, ибо ничѣмъ другимъ проявить своего „личнаго секретарства" онъ, за безграмотностью, въ состояніи не былъ.

Говорили также, что много денегъ отдавалъ Распутинъ на храненіе предсѣдателю совѣта министровъ Б. С. Штюрмеру, и что большое количество драгоцѣнностей хранилось имъ у митрополита петербургскаго Питирима.

Но какъ бы то ни было, оставшаяся безъ всякихъ средствъ семья не только ничего этого не получила, но и никакой поддержкой со стороны бывшихъ „горячихъ поклонниковъ" Распутина не пользовалась.

Всѣми заброшенныя, забытыя и никому, конечно, ненужныя, жена и дѣти „всемогущаго и всесильнаго старца" пребывали почти въ критическомъ положеніи, доѣдая оставшіяся отъ продажи квартирнаго имущества крохи.

Единственнымъ посѣтителемъ семьи Распутина оставался тотъ самый хроникеръ столичной вечерней газеты, который когда-то „случайно" оказался въ селѣ Покровскомъ во время пресловутаго покушенія на жизнь Григорія Распутина.

И, какъ въ то время, щедрой рукой разсылая телеграммы „съ подробностями" о покушеніи, такъ онъ теперь писалъ отъ имени семьи Распутина письма высокопоставленнымъ лицамъ и даже Государынѣ Александрѣ Федоровнѣ, переданное ей черезъ А. А. Вырубову.

Въ результатѣ этой письменной бомбардировки, семьѣ Распутина была обѣщана пожизненная пенсія изъ фонда кабинета Его Величества. А пока — ей выдано было единовременное пособіе въ нѣсколько тысячъ рублей на переѣздъ въ село Покровское.

Помимо этого, въ салонѣ графини Игнатьевой собрана была среди членовъ кружка крупная сумма, которая и была передана семьѣ Распутина, и 14 февраля 1917 года вся семья, въ сопровожденіи все того же хроникера, въ предоставленномъ имъ всѣмъ купэ служебнаго вагона,

выѣхала изъ Петербурга въ село Покровское, Тобольской губерніи.

А 27-го февраля того же года началась революція.

. . . . . .

Съ тѣхъ поръ никакихъ подробностей не только о семьѣ Григорія Распутина, но и добровольномъ провожатомъ ея, хроникерѣ вечерней газеты, не имѣется.

Помнится, въ дни революціи, когда въ связи съ сожженіемъ вырытаго изъ могилы трупа Распутина заговорили о его семьѣ, Временное Правительство запрашивало тобольскія власти объ участи, оставшихся послѣ смерти Распутина, жены и двухъ дочерей. Результаты этого запроса мнѣ неизвѣстны.

Во время же большевистскаго переворота, въ октябрѣ того же года, въ Петербургѣ упорно циркулировали слухи о томъ, что семья Распутина, отчаявшись въ возможности пребывать въ родномъ селѣ Покровскомъ и опасаясь гнѣва со стороны многочисленныхъ враговъ убитаго Распутина, которыхъ онъ своими по отношенію къ нимъ дѣйствіями возстановилъ въ свое время противъ себя, вынуждена была покинуть село Покровское и переѣхать на жительство въ Тобольскъ.

Но вскорѣ и тамъ жизнь оказалась невозможной. Мѣстныя газеты стали будить въ памяти читающей публики былыя „дѣла“ пробравшагося въ „придворные пророки“ Григорія Распутина, постепенно дойдя и до обвиненія его въ обрушившихся на всю Россію бѣдствіяхъ.

Попутно въ одной газетѣ появилось сообщеніе о томъ, что Распутинъ за свои хлопоты по заключенію сепаратнаго съ Германіей мира получилъ милліонную мзду золотомъ.

Мѣстныя власти произвели обыскъ у Распутиныхъ и, арестовавъ семью, подвергли ее допросу, послѣ котораго ихъ вскорѣ, правда, и освободили.

Въ тотъ же день семья Распутиныхъ, спѣшно собравшись, выѣхала изъ Тобольска, и съ тѣхъ поръ никакихъ свѣдѣній болѣе о нихъ не имѣется.

И только осенью 1921 г. въ заграничной русской прессѣ стали появляться сообщенія, что семья Распутина, нашедшая себѣ одно время пріютъ въ колчаковскомъ районѣ, переѣхала въ Европу. Вскорѣ, дѣйствительно, старшая дочь Распутина, Матрена Григорьевна, по мужу — Соловьева, поселилась въ Баденѣ, вблизи Вѣны.

XXV.

Съ „ликвидаціей“ самого Распутина, не ликвидирована была, однако, самая „распутиніада“, пышнымъ цвѣтомъ распустившаяся въ теченіи своего почти восьмилѣтняго полоненія царствующаго дома и придворныхъ сферъ.

Наступалъ періодъ „посмертной распутиніады“... И кто знаетъ — въ какую форму могло бы вылиться предстоящее „вознесеніе во святые“ убитаго Распутина, если бы силою стихійныхъ обстоятельствъ революціи этому страшному явленію не было бы положено конца!

Едва только затихла трехдневная перестрѣлка на улицахъ Петербурга, и полки одинъ, за другимъ, колоннами выстроившись передъ зданіемъ Таврическаго Дворца, присягнули Временному Правительству, какъ вспомнили о Распутинѣ.

Случилось это какъ то неожиданно, въ тотъ самый день, когда присягать Временному Правительству явился царскосельскій гарнизонъ, на обязанность коего возложена была охрана Царскаго Села и царскосельскаго дворца съ членами царствующаго дома и всѣми, бывшими въ моментъ переворота въ Царскомъ Селѣ, членами императорской фамиліи.

Въ ту же ночь въ Таврическій дворецъ поступила оффиціальная телефонограмма, извѣщавшая представителей новой власти, что солдаты царскосельскаго гарнизона на общемъ гарнизонномъ собраніи постановили: удалить съ территоріи Царскаго Села трупъ похороненнаго тамъ недавно Григорія Распутина.

Временное Правительство категорически запретило, впредь до особаго рѣшенія по этому вопросу, предпринимать какіе либо шаги въ отношеніи трупа Распутина, и въ ту же ночь въ Царское Село командированъ былъ отрядъ автомобильнаго броневого дивизіона изъ пяти броневыхъ машинъ съ пулеметами, съ нарядомъ солдатъ-броневиковъ, подъ начальствомъ поручика Сафонова для охра-

ны могилы. Командированному отряду поручено было охранять могилу Распутина впредь до особаго распоряженія, долженствовавшаго послѣдовать на слѣдующее же утро, послѣ совмѣстнаго засѣданія Временнаго Правительства съ представителями совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ.

Передававшій это распоряженіе Временнаго Правительства секретарь военнаго отдѣла при Таврическомъ Дворцѣ А. Войтинскій, предупреждалъ начальника отряда, что категорически воспрещается пускать въ ходъ огонь съ броневыхъ машинъ, и всѣми мѣрами необходимо добиваться мирнаго улаженія начавшагося, какъ дополнительно сообщали изъ Царскаго Села, конфликта на этой почвѣ въ самой средѣ царскосельскаго гарнизона.

. . . . . .

Прибывшему на разсвѣтѣ въ Царское Село отряду автомобильнаго броневого дивизіона ничего не оставалось предпринимать, ибо то, что ему надлежало предотвратить — было уже непредотвратимо...

На грузовомъ автомобилѣ, принадлежавшемъ расквартированной въ Царскомъ Селѣ батареѣ тяжелой артиллеріи, стоялъ уже вырытый изъ могилы гробъ съ останками Григорія Распутина. Взводъ солдатъ мѣстнаго гарнизона бережно охранялъ нагруженный гробомъ автомобиль, а неподалеку отъ мѣста, гдѣ стоялъ грузовикъ, другая партія солдатъ заканчивала засыпку землей и щебнемъ могилы, изъ которой извлеченъ былъ гробъ, ногами утрамбовывая свѣже разрытую землю и сравнивая ее съ окружающей площадью земли.

Начальникъ броневого отряда, поручикъ Сафоновъ, переговоривъ съ находившимся тутъ же штабсъ-капитаномъ 171 пѣхотнаго запаснаго полка Кузнецовымъ, посвященъ былъ послѣднимъ во всѣ происшедшія наканунѣ событія, о которыхъ въ Петербургѣ получены были свѣдѣнія, какъ о начавшемся бунтѣ въ царскосельскомъ гарнизонѣ:

— Ротные, полковые и батальонные выборные гарнизона явились въ мѣстный совѣтъ солдатскихъ депутатовъ съ заявленіемъ отъ имени всего гарнизона, что послѣдній, взявъ на себя охрану Царскосельскаго Дворца и обитателей его, категорически отказывается „охранять“ могилу Григорія Распутина, находящуюся въ зонѣ расположенія Дворца... Царскосельскій совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, указавъ на абсурдность подобныхъ заявленій, въ своемъ

обращеніи къ делегатамъ гарнизона, желая доказать нелѣпость этого постановленія солдатъ, заявилъ между прочимъ:

— Намъ поручено охранять Царскосельскій Дворецъ... Не наша же въ томъ вина, что на территоріи Дворца имѣется могила Григорія Распутина! Не вырывать же намъ мертвеца, чтобы перенести могилу въ другое мѣсто!

— А почему бы и не вырыть Распутина! — раздался голосъ въ толпѣ делегатовъ...

За нимъ — второй, болѣе смѣлый, третій и такъ далѣе, пока не послѣдовало и категорическое заявленіе:

— Выроемъ! Вырыть, обязательно вырыть!.. Перенести могилу въ поле, за городскую черту...

— Много чести Распутину! — заявилъ вдругъ одинъ изъ делегатовъ. И тутъ же добавилъ:

— Вырыть и собакамъ на съѣдѣнье выбросить!..

На этой то почвѣ и началось разногласіе между совѣтомъ солдатскихъ депутатовъ и гарнизономъ. Немедлено созванъ былъ митингъ всего гарнизона, на которомъ выступавшіе ораторы изъ числа членовъ совѣта солдатскихъ депутатовъ успѣха не имѣли... Гарнизонное собраніе вынесло резолюцію:

— „Вырыть изъ могилы гробъ съ останками Распутина, о чемъ сообщить петербургскому совѣту солдатскихъ депутатовъ для дальнѣйшаго распоряженія".

Царскосельскому совѣту солдатскихъ депутатовъ большихъ усилій стоило добиться и этой резолюціи, первоначальная редакція коей предусматривала просто удаленіе трупа Распутина изъ могилы и гроба и оставленіе его въ открытомъ полѣ или сожженіе гроба съ трупомъ на военной площадкѣ въ Царскомъ Селѣ.

. . . . . .

Подчиняясь распоряженію Временнаго Правительства, отрядъ автомобильнаго броневого дивизіона оставался до полудня въ Царскомъ Селѣ, пока шелъ митингъ царскосельскаго гарнизона, на которомъ обсуждался вопросъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ въ отношеніи вырытаго изъ могилы гроба съ трупомъ Григорія Распутина.

Мирный по началу характеръ митинга, на которомъ дѣловитымъ образомъ обсуждался единственный этотъ вопросъ — о трупѣ Распутина — принялъ неожиданно бурный характеръ, когда на трибуну взошелъ солдатъ Елинъ, выборный одной изъ войсковыхъ частей, а впослѣд-

ствіи комиссаръ по управленію всѣми броневыми силами совѣтской федеративной республики.

Въ одной рукѣ у него было миніатюрныхъ размѣровъ, въ сафьяновомъ красномъ переплетѣ Евангеліе, а въ другой, которой онъ потрясалъ въ воздухѣ, — небольшой старинный деревянный образокъ съ бантомъ изъ шелковой ленты.

Въ своей рѣчи по поводу этихъ двухъ, имѣвшихся у него въ рукахъ „вещественныхъ доказательствъ", Елинъ коснулся, главнымъ образомъ, пагубнаго вліянія Распутина на россійскую политику и, разсказавъ слушателямъ-солдатамъ два-три анекдотическихъ факта изъ области вліянія Распутина на Царя и въ болѣе чѣмъ откровенной формѣ — объ отношеніяхъ бывшей Царицы Александры Федоровны къ Распутину и даже царскихъ дочерей — великихъ княженъ, въ качествѣ реальнаго доказательства, подтверждавшаго, будто-бы, существовавшія легенды въ этой области, сослался на находившійся у него въ рукѣ образокъ, который былъ вынутъ изъ вырытаго изъ могилы гроба Распутина.

На оборотной сторонѣ образка было начертано;

Вся эта надпись, обрамленная со всѣхъ четырехъ сторонъ, имѣла по бокамъ и въ заголовкѣ пять крестовъ, т. е. столько же, сколько и именъ было проставлено въ рамкѣ.

А въ самомъ концѣ оборотной стороны образка начертано было мелкими буквами:

„и Алексѣй".

. . . . . .

Ораторъ еще продолжалъ свою обличительную по адресу царскосельскихъ (тогда еще) узниковъ и Распутина рѣчь, пока образокъ, переходя изъ рукъ въ руки, разсматривался всѣми присутствовавшими на митингѣ въ манежѣ солдатами.

Стройность и порядокъ митинга были уже нарушены, и, вмѣсто принятыхъ обычно въ ту пору письменныхъ резолюцій, толпа гудѣла, шумѣла и каждый разъ новыя „мѣры" предлагала, пока кто то предложилъ:

— Отправить гробъ и вещественныя доказательства въ распоряженіе петербургскаго совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ...

Это предложеніе было принято единогласно, и тутъ же избрана была комиссія для сопровожденія „подарка" въ Петербургъ.

Протестовать противъ этого постановленія было не только безполезно, но и не безопасно.

Царскосельскій совѣтъ солдатскихъ депутатовъ немедленно сообщилъ обо всемъ въ Петербургъ.

Въ свою очередь снесся съ Временнымъ Правительствомъ и начальникъ отряда автомобильнаго броневого дивизіона, поручикъ Сафоновъ.

Тотъ же А. Войтинскій, передававшій наканунѣ этому отряду распоряженіе Временнаго Правительства, на сей разъ уже отъ имени военнаго отдѣла сообщалъ начальнику броневого отряда:

— Необходимо воспрепятствовать перевезенію гроба съ Распутинымъ въ Петербургъ.

— Дайте директивы, какъ воспрепятствовать? — возмущался поручикъ Сафоновъ.

— Всѣми мѣрами! — отвѣчалъ А. Войтинскій.

— Какими же мѣрами? — вопрошалъ поручикъ Сафоновъ.

— Только не репрессивными... — отвѣчалъ Петербургъ.

— У меня на пяти машинахъ 24 человѣка, пробовалъ возражать поручикъ Сафоновъ, а грузовикъ съ гробомъ охраняетъ отрядъ изъ 150 человѣкъ съ винтовками. Кромѣ того, весь гарнизонъ за эту резолюцію, снаряжается уже дополнительная охрана изъ нѣсколькихъ десятковъ солдатъ, которые должны сопровождать трупъ въ Петербургъ, и грузовики готовы уже къ отбытію...

— Я могу, закончилъ поручикъ Сафоновъ, преградить имъ дорогу. А что, если дойдетъ до вооруженной стычки?

— Боже упаси! — раздался въ телефонѣ новый, вмѣсто Войтинскаго, голосъ.

Этотъ же голосъ продолжалъ:

— Отъ имени совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, я приказываю вамъ воспрепятствовать перевозкѣ гроба въ Петербургъ. Это можетъ вызвать нежелательные эксцессы и уличное столкновеніе... Но, категорически запрещаю пускать въ ходъ огонь съ броневыхъ машинъ...

Возмущенный поручикъ Сафоновъ долго кричалъ еще въ телефонъ, что слагаетъ съ себя отвѣтственность за вторженіе грузовика съ гробомъ въ Петербургъ, доказывалъ, что страсти солдатскія слишкомъ разгорѣлись, что „уговорить“ ихъ немыслимо и, какъ единственную мѣру, съ своей стороны предложилъ дать нѣсколько залповъ изъ броневыхъ машинъ въ воздухъ, разогнать солдатъ отъ грузовика и овладѣвъ имъ, доставить грузовикъ, подъ надежной охраной царскосельскаго совѣта и броневыхъ машинъ, куда Временное Правительство прикажетъ.

Но тотъ же голосъ вдругъ заявилъ:

— Отъ имени военнаго отдѣла совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ я требую точнаго исполненія моего приказа... И разговоръ оборвался...

Поручикъ Сафоновъ сообщилъ обо всемъ командиру автомобильнаго дивизіона полковнику Антоновскому въ Петербургъ, чуть ли не со слезами на глазахъ передавая дословно только что происходившій у него разговоръ съ Таврическимъ Дворцомъ, откуда съ одной стороны „приказываютъ воспрепятствовать“ во что бы то ни стало, а съ другой „приказываютъ“: ни одного выстрѣла изъ броневыхъ машинъ...

Два, одинъ другой исключающіе, приказа.

Привыкшему къ извѣстной дисциплинѣ офицеру ясно было, что неисполненіе приказа грозитъ опредѣленными послѣдствіями.

А какъ исполнить такіе разнорѣчивые приказы?

„Воспрепятствовать“ проѣзду грузовика, охраняемаго вооруженными солдатами, — мирнымъ путемъ было немыслимо. Къ тому же царскосельскій гарнизонъ, предвидя подобное препятствіе со стороны прибывшаго изъ Петербурга броневого отряда, открыто заявлялъ о выступленіи всего гарнизона противъ пяти броневыхъ машинъ, угрожая, въ случаѣ надобности, пустить въ ходъ и имѣвшуюся артиллерію, расквартированную въ Царскомъ Селѣ.

Не останавливаясь, однако, и передъ такой угрозой, поручикъ Сафоновъ изложилъ командиру свой планъ, предложенный ранѣе по телефону и военному отдѣлу:

— Овладѣть грузовикомъ съ гробомъ въ пути, гдѣ никакія угрозы не страшны, и доставить его въ указанное Временнымъ Правительствомъ мѣсто, хотя бы на кладбище Ново-Дѣвичьяго монастыря, находящагося на окраинѣ Петербурга, при въѣздѣ изъ Царскаго Села. Но для этого надо было пустить въ ходъ пулеметы съ броневыхъ машинъ, хотя бы для устрашенія и обращенія въ бѣгство сопровождавшихъ грузовикъ солдатъ.

А пускать въ ходъ огонь съ броневыхъ машинъ — приказомъ воспрещалось...

Положеніе создавалось, болѣе чѣмъ нелѣпое. И командиръ автомобильнаго броневого дивизіона, полковникъ Антоновскій, выслушавъ поручика Сафонова, заявилъ:

— Такіе нелѣпые приказы военнаго отдѣла пусть имъ же и выполняются... Подъ мою отвѣтственность возвращайтесь немедленно съ отрядомъ въ Петербургъ и изложите все это въ письменномъ на мое имя рапортѣ.

Поручикъ Сафоновъ вздохнулъ свободно.

Скомандовавъ отряду „строиться къ машинамъ“, онъ готовился уже къ выѣзду со двора царскосельскаго совѣта солдатскихъ депутатовъ, гдѣ стоялъ броневой отрядъ, когда неожиданно его вновь вызвали къ телефону.

Заведенные броневики пыхтѣли уже у оконъ дома, въ которомъ помѣщался „совѣтъ“, своимъ шумомъ мѣшая разговору по телефону.

У аппарата снова оказался А. Войтинскій, который „полюбопытствовалъ“ узнать, какъ поручикъ Сафоновъ вышелъ изъ столь затруднительнаго положенія.

А когда послѣдній посвятилъ его въ подробности своего разговора съ командиромъ дивизіона, полковникомъ Антоновскимъ, то А. Войтинскій растерянным голосомъ спросилъ:

— Какъ же это будетъ? Необходимо воспрепятствовать этой демонстраціи! Могутъ произойти нежелательныя осложненія... Временное Правительство очень обезпокоено всѣмъ этимъ...

Поручикъ Сафоновъ, между прочимъ, задалъ А. Войтинскому, въ ироническомъ тонѣ, вопросъ:

— А развѣ вы не слышали, какъ мнѣ приказано было „воспрепятствовать“ и одновременно строжайше приказывалось „не пускать въ ходъ пулеметовъ“ ни при какихъ обстоятельствахъ, даже если начнутъ обстрѣливать броневой отрядъ.

— Слышалъ, слышалъ! — заявилъ А. Войтинскій. А я на вашемъ мѣстѣ не обращалъ бы вниманія на вторую часть приказа... Имѣйте въ виду, что приказъ о воспрепятствованіи исходитъ отъ Временнаго Правительства, а дополнительное распоряженіе принадлежитъ совѣту солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ...

— Кого же мнѣ слушаться? — улыбаясь спросилъ поручикъ Сафоновъ.

Наступила небольшая пауза. По шуму, слышавшемуся въ аппаратѣ, надо было предполагать, что кто то вошелъ въ комнату, откуда Войтинскій говорилъ по телефону, и только когда за ушедшимъ хлопнула дверь, Войтинскій, приложивъ руку къ телефонному рупору, почти прошепталъ:

— Конечно, Временное Правительство! Это въ вашихъ интересахъ...

Поручикъ Сафоновъ разнервничался и категорически заявилъ, что послѣ распоряженія своего непосредственнаго начальника, командира броневого дивизіона, полковника Антоновскаго, онъ ничьихъ приказовъ исполнять не будетъ и возвращается съ отрядомъ въ Петербургъ.

Но Войтиискій, умоляя, уговаривалъ его остаться ждать въ Царскомъ Селѣ не болѣе получаса, пока онъ снесется съ командиромъ дивизіона, и тотъ измѣнитъ свое первоначальное распоряженіе...

Поручикъ Сафоновъ, провѣривъ свои часы съ часами Войтинскаго, заявилъ ему, что, не считая возможнымъ ослушаться своего командира, онъ только въ силу исключительныхъ въ данномъ случаѣ обстоятельствъ соглашается на его предложеніе, съ разсчетомъ, что наверстаетъ часть потеряннаго времени въ пути до Петербурга, и ни одной минуты болѣе получаса въ Царскомъ Селѣ не останется.

Но томительное получасовое ожиданіе телефоннаго

сообщенія изъ Петербурга миновало, и отрядъ, выѣхавъ изъ Царскаго Села, быстро по шоссе помчался въ Петербургъ. Всѣ пять броневыхъ машинъ отправились въ Михайловскій манежъ, а поручикъ Сафоновъ на легковомъ автомобилѣ отряда поѣхалъ въ штабъ броневого дивизіона, помѣщавшійся въ д. N 100, по Невскому проспекту

. . . . . .

Не прошло и часа съ момента прибытія отряда въ Михайловскій манежъ, и люди продолжали еще заканчивать уборку машинъ и сдачу магнето начальнику Михайловскаго манежа, капитану Келлеру, какъ изъ штаба дивизіона послѣдовало распоряженіе:

— Снарядить два броневика и немедленно выѣхать на Выборгское шоссе между станціями „Ланская“ и „Шувалово“ для охраны порядка...

Нѣсколько минутъ, пока броневики выѣзжали изъ своихъ стоянокъ на середину манежа, капитанъ Келлеръ переговаривался по телефону со штабомъ, и уже въ пути солдаты узнали, что въ указанномъ мѣстѣ сжигаютъ гробъ съ трупомъ Григорія Распутина, и на обязанности броневиковъ — охранять порядокъ и грознымъ видомъ своимъ остановить хлынувшую туда толпу столичныхъ обывателей.

Броневики приближались уже къ назначенному имъ для охраны мѣсту, когда сзади показались грузовики съ вооруженнымъ винтовками взводомъ Волынскаго полка, а за нимъ прискакалъ и конный отрядъ Своднаго гвардейскаго полка.

Густой дымъ, широкимъ столбомъ подымавшійся въ облака, сигнализировалъ мѣсто происшествія.

Замедливъ немного ходъ, мѣрно подкатили броневики, за ними подоспѣли „волынцы“ и легкой трусцой подъѣхалъ отрядъ своднаго полка. Немного поодаль на шоссе, въ „полной боевой готовности“ размѣщена была пожарная команда Выборгской части.

Изъ стоявшихъ толпой вокругъ дымнаго столба кучки солдатъ, навстрѣчу, подъѣхавшимъ броневикамъ, выступилъ отрекомендовавшійся предсѣдателемъ полкового комитета, солдатъ Локотниковъ, не безъ нѣкотораго предубѣжденія освѣдомлявшійся: зачѣмъ прибыли броневики?

Капитанъ Келлеръ объяснилъ, что пріѣздъ броневиковъ является слѣдствіемъ распоряженія объ охранѣ означенной мѣстности; такое же распоряженіе имѣлось и у другихъ, прибывшихъ вслѣдъ за броневиками отрядовъ.

Руководившій, какъ оказалось, по распоряженію царскосельскаго гарнизона, ритуаломъ сожженія трупа Распутина предсѣдатель полкового комитета Локотниковъ предложилъ капитану Келлеру распредѣлить прибывшіе отряды по своему усмотрѣнію.

Охвативъ большую квадратную площадь поля, капитанъ Келлеръ разставилъ броневыя машины съ двухъ сторонъ шоссе, по направленію къ Петрограду и Шувалову, съ двухъ другихъ сторонъ квадрата — конные отряды, а въ свободныхъ промежуткахъ — пѣшіе патрули „волынцевъ".

Очистивъ отъ собравшейся толпы столичныхъ обывателей всю эту площадь, отряды оттѣснили ихъ далеко отъ мѣста костра, который изъ дымнаго постепенно превращался въ огненный столбъ.

Вокругъ костра, по мѣрѣ исчезновенія дыма, рельефно стали выдѣляться кучи сучьевъ и длинныхъ дровяныхъ полѣньевъ, которыя съ усиліями поднимались съ двухъ концовъ солдатами и въ клѣтку складывались на разгоравшійся костеръ.

А когда раздуваемый вѣтромъ костеръ принялъ грандіозные размѣры, и огненные языки заставляли стоявшихъ вокругъ костра солдатъ постепенно отступать все дальше и дальше, Локотниковъ распорядился ... бросить гробъ въ огонь ...

Солдаты долго „приспособлялись", чтобы поудобнѣе устроиться, пока постепенно утихло и пламя. Тогда только, уставивъ гробъ на два длинныхъ полѣна, солдаты, стороной обходя огонь, постепенно надвигали гробъ на костеръ, пока онъ не попалъ на самую середину его и потонулъ въ пламени. Огненные языки быстро охватили черный глазетовый гробъ, поверхъ и съ боковъ котораго положено было изрядное количество свѣжихъ дровъ.

Нѣсколько часовъ длился процессъ сожженія гроба съ Распутинымъ, закончившійся уже почти вечеромъ, когда болѣе дровъ уже не оказалось.

Доставъ отъ пожарной команды длинные желѣзные багры, солдаты расковыривали костеръ до тѣхъ поръ, пока вмѣсто него образовалась гора пепла.

Изслѣдовавъ потухшій костеръ и убѣдившись, что „все сожжено до тла", солдатъ Локотниковъ распорядился залить изъ пожарнаго брандсбоя костеръ и обгорѣвшіе вокругъ него мѣста, затѣмъ солдаты лопатами разрыли

землю, перекопавъ большую площадь костра и прилегавшій къ нему лугъ съ обгорѣвшей травой.

Охрана стала собираться уже покинуть это мѣсто, когда Локотниковъ, ставъ на грузовикъ, откуда недавно былъ снятъ гробъ съ трупомъ Распутина, произнесъ митинговую рѣчь на тему о Григоріѣ Распутинѣ, изъ которой многіе, между прочимъ, впервые узнали, что трупъ Распутина сожженъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно возвышался особнякъ „тибетскаго знахаря“ Бадмаева, друга и соратника „старца“, тотъ самый особнякъ, который сожженъ былъ до тла послѣ того, какъ въ немъ нашли укрывавшагося въ первые дни революціи у Бадмаева, министра внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопопова.

. . . . . .

По окончаніи митинга разъѣхались съ Выборгскаго шоссе солдаты царскосельскаго гарнизона и отряды, прибывшіе для несенія охраны.

А сдерживаемая все время цѣпью охраны, жадная до всяческихъ „зрѣлищъ“ толпа, волной хлынула къ мѣсту, гдѣ недавно яркимъ пламенемъ пылалъ костеръ, на которомъ сожженъ былъ гробъ съ трупомъ пресловутаго Григорія Распутина.

Когда же на слѣдующій день въ газетахъ появились подробности этого „происшествія“, столичные обыватели цѣлыми толпами хлынули къ указанному мѣсту, осмотрѣть, любопытства ради, хотя бы только обуглившуюся землю и обгорѣвшую вокругъ траву. Другихъ слѣдовъ на этомъ мѣстѣ никакихъ не было.

Дня три не прекращалось это „паломничество“, пока въ печати не появились снимки „мѣста сожженія Распутина“, на которыхъ изображалось не столько самое мѣсто, фотографіей абсолютно не опредѣлявшееся, сколько толпы народа, его посѣщавшія.

Но прошло нѣкоторое время, и „интересъ злободневности“ къ этому происшествію пропалъ.

Его смѣнили событія „революціонной важности“ — прибытіе „вождей революціи“ изъ заграничной эмиграціи. И та же толпа, недавно посѣщавшая мѣсто сожженія Распутина, хлынула на Финляндскій вокзалъ, куда чуть ли не ежедневно прибывали встрѣчаемые депутаціями и оркестрами музыки эмигранты въ „запломбированныхъ“ и „распломбированныхъ“ вагонахъ.

И о Григоріѣ Распутинѣ забыли, какъ вскорѣ и о всей эпохѣ „распутиніады . . .“

XXVI.

Съ момента исторіи съ разрытіемъ могилы Григорія Распутина и удаленія гроба его съ территоріи Царскосельскаго Дворца, для всѣхъ находившихся на положеніи узниковъ, членовъ бывшаго царствующаго дома, – наступили сумеречные дни.

Царскосельскіе узники бережно охранялись военными караулами, сопровождавшими ихъ всюду по окруженному желѣзной изгородью царскосельскому дворцу, неотлучно неся непосредственную личную охрану каждаго изъ узниковъ въ отдѣльности, слѣдя за каждымъ ихъ шагомъ, не оставляя бдительнаго надзора и въ ночные часы, когда караулы размѣщались внутри и снаружи дворца, у оконъ и дверей каждой въ отдѣльности комнаты.

Царскосельскіе узники и прогулки свои по парку совершали не иначе, какъ въ сопровожденіи караульныхъ, а Николай II подъ конвоемъ ходилъ въ паркъ на огородную работу, къ которой онъ одно время, отъ бездѣлья, сильно пристрастился.

Въ моментъ, когда солдаты царскосельскаго гарнизона, послѣ шумнаго митинга и резолюціи, на немъ принятой, стали разрывать могилу Распутина, никого изъ членовъ царской семьи въ паркѣ не было.

Но дежурный по охранѣ дворца, поручикъ Киселевъ, игравшій какую-то странную, чтобы не сказать болѣе, роль въ дни своего участія въ охранѣ бывшихъ царей, поспѣшилъ сообщить Николаю II объ учиняемомъ солдатами „кощунствѣ“ надъ могилой Распутина.

Царь былъ въ отчаяніи. Еще болѣе сильное впечатлѣніе произвело сообщеніе пор. Киселева на Александру Федоровну.

Видя такое сочувственное къ себѣ отношеніе со стороны пор. Киселева, Александра Федоровна, какъ показали впослѣдствіи несшіе въ то время караулъ солдаты, стала просить его принять мѣры къ предотвращенію гро-

зившаго трупу Распутина надруганія, воспрепятствовавъ и вырытію гроба изъ могилы.

— Ради Бога, — умоляюще обратилась Александра Федоровна къ пор. Киселеву, — примите мѣры . . . Это былъ святой человѣкъ . . . Богъ н а с ъ накажетъ за этакое кощунство . . . М ы погибнемъ . . . Спасите н а с ъ . . .

Состояніе, въ которомъ находилась Александра Федоровна, было поистинѣ ужасное, а еще того ужаснѣе — нервныя подергиванія лица и всего тѣла ея во время разговора съ пор. Киселевымъ, завершившагося сильнымъ истерическимъ припадкомъ.

Все это, видимо, такъ подѣйствовало на пор. Киселева, что онъ немедленно отправился къ тому мѣсту, гдѣ группа солдатъ кирками и лопатами разрывала могилу.

Намѣреваясь остановить начатую послѣдними работу, онъ сначала пытался доказать солдатамъ „кощунственность“ ихъ дѣйствій, пытаясь воздѣйствовать на нихъ и ужаснымъ впечатлѣніемъ, которое самый актъ этотъ произвелъ на Николая II и Александру Федоровну.

Находясь, видимо, всецѣло подъ впечатлѣніемъ тяжелой сцены, свидѣтелемъ которой онъ сейчасъ только былъ во дворцѣ, пор. Киселевъ, когда всѣ личные его доводы противъ вырытія трупа Распутина были уже исчерпаны, пустился на послѣднее средство, указавъ солдатамъ на антирелигіозность ихъ поступка . . .

Узнавъ о томъ, что вырытіе гроба Распутина изъ могилы является слѣдствіемъ постановленія выборныхъ отъ гарнизона, пор. Киселевъ немедленно отправился въ мѣстный совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, гдѣ узналъ подробности, предшествовавшія этой исторіи, и безсиліе, сказавшееся въ борьбѣ совѣта съ гарнизономъ.

Такъ и вернулся пор. Киселевъ во дворецъ, безсильный выполнить данное имъ недавно Николаю II и Александрѣ Федоровнѣ обѣщаніе предотвратить тогда еще только грозившую могилѣ Распутина опасность.

Возвращенія пор. Киселева во дворецъ ожидали съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ. А самое появленіе его съ столь неудачнымъ результатомъ,—удручающе подѣйствовало на обитателей дворца.

Въ чаяніи добиться положительныхъ результатовъ въ смыслѣ предотвращенія все еще возившихся надъ разрытіемъ могилы солдатъ, пор. Киселевъ сообщилъ о случаѣ по телефону въ Таврическій Дворецъ, сначала въ совѣтъ

солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, а затѣмъ и Временному Правительству.

Результатомъ этихъ его переговоровъ съ Временнымъ Правительствомъ и явился вызовъ А. Войтинскимъ царскосельскаго совѣта и начальника броневого отряда пор. Сафонова и настойчивое предложеніе его „всѣми мѣрами“ предотвратить перевезеніе трупа Распутина въ Петербургъ. О предотвращеніи вырытія самого гроба тогда уже и говорить не приходилось, такъ какъ эта часть резолюціи гарнизонныхъ выборныхъ была уже непредотвратима, и гробъ возвышался уже на грузовомъ автомобилѣ.

Предотвращеніемъ же перевезенія его въ Петербургъ имѣлась въ виду возможность вторичнаго погребенія Распутина, если не на прежнемъ мѣстѣ, то во всякомъ случаѣ въ районѣ Царскаго Села.

Но... всѣ планы разбились о настойчивость солдатъ царскосельскаго гарнизона, волѣ коихъ и Временное Правительство, и совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ — безсильны были что либо противопоставить.

И свершилось то, что задумано и рѣшено было солдатами царскосельскаго гарнизона, свершилось не только помимо желанія властей тогдашнихъ, но и противъ явнаго ихъ желанія и даже при настойчивомъ ихъ запрещеніи, исходившемъ, главнымъ образомъ, изъ опасеній возможныхъ эксцессовъ на этой почвѣ.

Когда же „петербургскій совѣтъ“ на заявленіе делегатовъ царскосельскаго гарнизона, явившихся сообщить о перевезеніи трупа Распутина въ Петербургъ и испросить дальнѣйшихъ „директивъ“ по этому поводу, заявилъ, что это дѣло считаетъ неподвластнымъ себѣ, и, въ виду проявленнаго гарнизономъ ослушанія и явно выраженнаго неуваженія его къ органу „совѣта“, снимаетъ съ себя всю отвѣтственность, то делегаты встрѣтили грузовикъ съ гробомъ при въѣздѣ въ Петербургъ и направили его на Выборгское шоссе, гдѣ и произошло сожженіе трупа.

. . . . . .

Подробности исторіи съ трупомъ Григорія Распутина, конечно, не скрывались отъ царскосельскихъ узниковъ, которымъ вскорѣ стали извѣстны всѣ детали сожженія гроба на Выборгскомъ шоссе, и не только изъ подробныхъ газетныхъ описаній, но и лично отъ участниковъ самаго акта сожженія, вернувшихся изъ Петербурга солдатъ царскосельскаго гарнизона, попадавшихъ въ очередные караулы по охранѣ дворца.

Съ того момента, успокоившаяся было отъ пережитаго въ связи съ отреченіемъ Николая II отъ престола Александра Федоровна впала въ состояніе анеміи, потерявъ способность не только передвигаться, но лишилась и дара рѣчи. Такое состояніе ея, продолжавшееся три дня, смѣнилось острой формой меланхоліи.

Обычно сопровождаемая различными осложненіями, болѣзнь ея на сей разъ осложнилась параличемъ конечностей, въ виду чего въ теченіе нѣсколькихъ дней Александра Федоровна лишена была даже возможности ѣсть, и ее приходилось кормить, такъ какъ она не въ состояніи была удержать въ рукахъ не только ложки, вилки или ножа, но и салфетки, ибо паралично-подагрическія явленія сказались въ одеревененіи пальцевъ рукъ и невозможности пригнуть пальцевъ къ ладони.

Тяжелая сама по себѣ, болѣзнь сопровождалась еще и нервными припадками, выражавшимися въ періодическихъ приступахъ истеріи.

Вскорѣ, однако, всѣ эти явленія прошли, смѣнившись новой формой: Александра Федоровна, цѣлыми днями просиживая въ своемъ креслѣ, тихо плакала, на всѣ вопросы окружающихъ отвѣчая только подергиваніемъ плечъ. И чѣмъ больше вниманія оказывалось ей, тѣмъ сильнѣе становился плачъ, принимая истерическій характеръ.

Подобные припадки смѣнялись вновь тихими и безмолвными рыданіями.

А на смѣну этимъ болѣзнямъ наступилъ періодъ страданій „маніей преслѣдованія“ и въ формѣ столь острой, доселѣ еще никогда не проявлявшейся, что Александра Федоровна, какъ казалось окружающимъ, порою положительно разсудокъ теряла.

Припоминая часто всяческія пророчества и предсказанія Григорія Распутина, она въ этотъ-то періодъ придавала имъ какое то особое значеніе и иное толкованіе... Каждый шорохъ, стукъ, шумъ подъѣзжавшаго ко дворцу или даже только проѣзжавшаго мимо него автомобиля пугалъ ее. А хожденіе караульныхъ солдатъ по аппартаментамъ дворца, особенно во время смѣны караула, — просто ее приводило въ состояніе ужаса, нерѣдко доводя до конвульсивныхъ припадковъ и нервной лихорадки.

— Господь насъ накажетъ за Распутина! — часто повторяла она, увѣряя окружающихъ, что видѣніе его все время періодически является ей въ самомъ ужасномъ видѣ...

А однажды ночью весь дворецъ всполошился отъ неистовыхъ криковъ, послышавшихся изъ спальной комнаты царей.

Оказалось, что Александра Федоровна кричала отъ сильнаго испуга во снѣ. Когда же она очнулась и успокоилась отъ перваго впечатлѣнія ночного кошмара, то разсказала, какъ о самомъ снѣ, такъ и о явившемся ей во снѣ Распутинѣ.

— Все тѣло его было въ страшныхъ ранахъ, бороды и волосъ на головѣ не было... Еле передвигаясь, такъ какъ обожженныя пятки мѣшали ему ходить, Распутинъ, приблизившись къ Александрѣ Федоровнѣ, тихо, по ея словамъ, прошепталъ ей:

— Бѣгите всѣ отсюда... Какъ можно скорѣе... А не то — вотъ ваша участь.

И онъ указалъ на свои раны, разсказавъ подробно, какъ „люди его сжечь хотѣли на кострѣ“, но едва только обгорѣли доски закрытаго и плотно завинченнаго гроба, какъ „ангелъ небесный спустился и въ облакахъ дыма незамѣтно унесъ его съ собой“...

Не успѣлъ, по словамъ Александры Федоровны, явившійся съ того свѣта раненый Распутинъ закончить своего разсказа, какъ въ сосѣдней комнатѣ послышался шорохъ...

— Распутинъ умолкъ, насторожился и долго прислушивался... А затѣмъ быстро проговорилъ:

— Идутъ!.. Бѣжимъ!.. Бѣжимъ скорѣе... а не то— плохо будетъ... Сжигать будутъ... на кострахъ... всѣхъ...

Александра Федоровна уже рѣшила бѣжать, но силы ее вдругъ настолько оставили, что она не въ состояніи была даже подняться со своего мѣста. Раненый Распутинъ пытался было помочь ей, но раны на рукахъ, ногахъ, лицѣ и головѣ, да и на всемъ тѣлѣ, ему очень мѣшали, ибо отъ одного прикосновенія къ нимъ онъ сильно страдалъ...

— Все уже было готово къ побѣгу... Александра Федоровна, поддерживаемая Распутинымъ уже направлялась къ двери, когда вдругъ вся комната оказалась охваченной яркимъ пламенемъ...

— Погибли!..— вскрикнулъ Распутинъ и исчезъ въ густомъ и ѣдкомъ дымѣ, перемежавшемся съ яркимъ пламенемъ разгоравшагося пожарища, которое охватило ее всю, стало жечь, и она ощущала всѣ явленія заживо сжигаемаго человѣка, крича отъ нестерпимой боли, въ каковомъ состояніи... неожиданно и проснулась...

Весь этотъ, поистинѣ кошмарный сонъ, такъ повліялъ на Александру Федоровну, что она снова и на сей разъ серьезно заболѣла разстройствомъ нервовъ, граничившимъ съ психической ненормальностью. Болѣзнь эта сопровождалась страшной слабостью всего организма и полнѣйшей апатіей ко всему, вплоть до ѣды, отъ которой она все время такъ упорно отказывалась, что ее приходилось насильно кормить.

И снова забытый, казалось, Григорій Распутинъ завладѣлъ больнымъ мозгомъ Александры Федоровны, отъ которой инстинктивно все это воспринималось и другими членами бывшей царской семьи.

Не было Распутина. Но память о немъ была жива, — вѣрнѣе, — ожила послѣ пресловутаго кошмарнаго сна Александры Федоровны. А ожившая память стала точно живой распутинской тѣнью, которая, какъ увѣровали царскосельскіе узники, бродила по царскимъ покоямъ, шепотомъ говорила, предупреждала объ опасности, давала совѣты и т. д.

Немудрено поэтому, что всѣ члены бывшей царской семьи находились тогда въ ужасномъ, наэлектризованномъ состояніи, пребывая денно и нощно въ какомъ то страхѣ, жути подобномъ.

И сами того не замѣчая, они разжигали въ себѣ это психически ненормальное явленіе. Особенно усердствовала Александра Федоровна, которая увѣряла, что стоитъ ей глаза закрыть, какъ передъ ней выростаетъ во весь ростъ, точно живой, въ ужасномъ состояніи, израненный Григорій Распутинъ.

Истолковывая на всяческіе лады, какъ ужасный кошмарный огненный сонъ свой, такъ и періодическіе свои сны и ночныя видѣнія, Александра Федоровна каждый разъ дѣлала все новыя и новыя предсказанія.

Вспомнила она, конечно, и о пресловутой распутинской фразѣ, сказанной имъ незадолго до своего убійства, Николаю II, что:

„Меня не будетъ, и тебя не будетъ“...

и дѣлала изъ нея всяческіе выводы, вплоть до скорой смерти Николая II.

А его неожиданное появленіе ночью, стремленіе увести Александру Федоровну, чтобы „спасти ее“, — тоже истолковано было, какъ предстоящая и ей смерть, отъ которой Распутинъ хотѣлъ ее избавить, но... неудачно.

Все это, конечно, имѣло опредѣленные результаты: обитатели царскосельскаго дворца бродили по своимъ аппартаментамъ, какъ приговоренные къ казни, съ замираніемъ сердца слѣдя за каждымъ движеніемъ всюду ихъ сопровождавшихъ солдатъ, опасаясь и готовые каждую минуту къ тому, что вотъ-вотъ кто-то ворвется во дворецъ, ихъ схватятъ, перевяжутъ и... бросятъ въ пылающій костеръ...

И замѣтьте: обязательно въ костеръ, какъ предсказалъ это Распутинъ... И отнюдь не изъ загробной жизни, не умершій и сожженный Распутинъ, а живой, ангелами спасенный изъ пламени и унесенный изъ костра, едва только обгорѣлъ гробъ, въ которомъ онъ вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ покоился въ могилѣ...

И унесенъ, конечно, никуда болѣе, какъ... на небо.

Вѣдь въ представленіи всей царской семьи, особенно въ представленіи Александры Федоровны, Григорій Распутинъ былъ не просто обыкновенный смертный, не крестьянинъ Григорій Новыхъ изъ села Покровскаго, Тобольской губерніи, и не сынъ переселенца ямщика Евфимія Вилкина, а... ниспосланный Богомъ на землю, въ образѣ человѣка, пророкъ, святой, если не просто „ангелъ небесный", то никакъ ужъ не ниже ранга „божьяго человѣка".

И какъ ранѣе, при жизни Распутина, въ каждомъ его словѣ искали какой-то таинственный смыслъ, искали и... находили, такъ и теперь — всѣмъ этимъ „видѣніямъ", „снамъ" и „явленіямъ" придавали соотвѣтствовавшее царившему во дворцѣ среди членовъ бывшей царской семьи толкованіе, усматривая во всемъ этомъ снова всѣ тѣ же „распутинскія чудеса", которыми онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ подчинялъ себѣ волю Царя и Царицы, постепенно и поработивъ ихъ окончательно.

Больному воображенію царскосельскихъ узниковъ мерещились такіе ужасы, имъ предстоявшіе, что положительно приходится удивляться, какъ они на этой почвѣ все же сохранили душевное равновѣсіе и не впали всѣ въ то ужасное, психически почти ненормальное состояніе, въ которомъ пребывала періодически Александра Федоровна.

— „Если бы Распутина не было, его пришлось бы выдумать"...

А когда его, дѣйствительно, не стало, то стали о н е м ъ выдумывать.

Такъ, Александра Федоровна настойчиво увѣряла, что Распутинъ, сказавъ однажды Николаю II:

— „Меня не будетъ, и царя не будетъ“, — прибавилъ еще:

— „Безъ меня и до четвертыхъ поминокъ*) не дотянуть...

Конечно, не сомнѣваясь въ этомъ „добавленіи“, о которомъ Александра Федоровна вспомнила почему то только въ тяжелые дни своего „узничества“, послѣ отреченія Николая II отъ престола, стали подсчитывать, и оказалось, что и это предсказаніе его, какъ и другія, ранѣе имъ напророченныя, сбылось съ ... „поразительной“ точностью:

Григорій Распутинъ убитъ былъ въ ночь съ 16 на 17 декабря, а отреченіе Николая II отъ престола послѣдовало 28 февраля, т. е. на семьдесятъ четвертый съ момента убійства Распутина день.

Правда, на сей разъ его пророчество сбылось не совсѣмъ то пунктуально, но въ угоду выдумкѣ Государыни Александры Федоровны противъ такой не совсѣмъ строгой точности никто не спорилъ.

Но какъ бы тамъ ни было — „пророчества“ Распутина, пусть и съ сильной „натяжкой“ и умышленной нарочитостью, давно уже для царской семьи ставшія „истинами“ всего ихъ настоящаго и будущаго, со смертью Распутина и съ переходомъ царской семьи на положеніе „бывшей царской семьи“, во всемъ сбывались для увѣровавшихъ въ эти пророчества Царей, съ ... поразительной точностью.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Пройдутъ годы, и я вѣрю, настанетъ время, когда исторія „дома Романовыхъ“ найдетъ своего безпристрастнаго изслѣдователя.

Тогда, думается, дана будетъ и безпристрастная оцѣнка царствованія послѣдняго, дореволюціоннаго, монарха россійскаго, Николая II РОМАНОВА, равно какъ и послѣдней Государыни Александры Федоровны, которой въ исторіи

*) Поминки обычно бываютъ три раза: на девятый, двадцатый и сороковой дни по смерти, и только по исключительнымъ покойникамъ — четвертыя, на восьмидесятый день.

царствованія Николая II удѣлено будетъ далеко не послѣднее мѣсто...

Съ ея именемъ неразрывно связана и вся дореволюціонная „распутинская эпоха“, подъ каковымъ названіемъ она и должна войти въ исторію послѣднихъ лѣтъ царствованія Николая II.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Такъ созидалась, росла, крѣпла и утвердилась, не прекращаясь и послѣ смерти Григорія Распутина, отнынѣ историческая „распутиніада“.

ВѢНА,
1921 г.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ читать
9	6 сверху	А. Таганцевъ	Н. Таганцевъ.
28	13 снизу	Б. М. Пуришкевичу	В. М. Пуришкевичу
37	13 снизу	теиы	темы
52	10 сверху	Ливкова	Живкова
75	14 снизу	Логвиновъ	Логвинскій
87	5-6 „	Сѣрихина	Сѣрикова
111	6 „	О. Миклосъ	С. Миклосъ
160	8 „	ихъ	имъ

царствованія Николая II удѣлено будетъ далеко не послѣднее мѣсто...

Съ ея именемъ неразрывно связана и вся дореволюціонная „распутинская эпоха“, подъ каковымъ названіемъ она и должна войти въ исторію послѣднихъ лѣтъ царствованія Николая II.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Такъ созидалась, росла, крѣпла и утвердилась, не прекращаясь и послѣ смерти Григорія Распутина, отнынѣ историческая „распутиніада“.

ПРАГА 192
АКЦ. ОБЩ. «СЛАВЯНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТ

BOSTON PUBLIC LIBRARY
3 9999 06561 071 7